КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ИЮЛЬ-АВГУСТЪ

1900 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I

I. ЗАПИСКИ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВА О КАЗАНЩИНѢ 1855 года . . . . . 1—50

II. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ВЪ ЛУБЕНСКОМЪ УѢЗДѢ, ПОЛТАВСКОЙ ГУБ. *(Окончаніе)* **В. Милорадовича.** . . 51—65

III. ВТОРАЯ КІЕВСКАЯ ГИМНАЗІЯ (1852—1861). *(Окончаніе)* **М. Чалаго** . . . . . 66—88

IV. СТАРЕ И НОВЕ. Оповидання. *(Окончаніе)*. **В. Левенко.** 89—141

V. МОИ ВОСПОМИНАНІЯ. Прот. **Андрея Лебединцева.** 142—210

VI. НОВАЯ БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ НАХОДКА. **К. Харламповича** . . . . . 211—224

VII. ПАЛІИ. **Б. Гринченка** . . . . . 225—234

VIII. ПО ПОВОДУ НАШИХЪ НЕОЛИТИЧЕСКИХЪ НАХОДОКЪ СЪ ЦЕРАМИКОЙ ДО-МИКЕНСКАГО ТИПА. **Ѳ. Волкова.** 235—245

ОТДѢЛЪ II

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Истребленіе еврейскихъ безцензурныхъ книгъ и судебное преслѣдованіе евреевъ за ихъ утайку. **О. Л.**; б) Могила гетмана Дорошенка. **В. Краснова**; в) На могилѣ Е. П. Гребенки. **Н. Стороженка**; г) Чудотворная икона Божіей Матери въ селѣ Ржавцѣ, Прилукскаго у., Полт. г. **Н. Стороженка**; д) Засѣданіе музыкально-этнографической коммиссіи въ Москвѣ. **А. Г. Хатъ-а**; е) Мелочи изъ архивовъ юго западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ**; ж) Въ Лебединскомъ «будынкѣ» Г. П. Галагана **В. Василенка.** . . . . . 1—24

Текущія извѣстія . . . . . 24—30

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Юбилейный сборникъ въ честь Всеволода Ѳедоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. **В. Д.**; б) Иванъ Левицькый. Повисти и оповидання Т. II Старосвитськи батюшки та матушки. **Л. Ч.**; в) «Отчетъ благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1899 г.» **В. Д.**; г) Обзоръ журналовъ текущаго года; д) Извѣстія ...овыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 31—58

Археологическая лѣтопись . . . . 59—76

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** Листъ 3-й и 4-й . 33—48

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 14 іюня 1900 года.

Записки протоіерея Петра Гавриловича Лебединцева о „козащинѣ“ 1855 года.

Записки эти составлены мною по черновой рукописи, не приведенной въ систему, карандашемъ написанной мелкимъ шрифтомъ, большей частію на полулистахъ. Судя по тому, что въ нихъ есть указаніе на воспоминанія о крестьянскихъ волненіяхъ священника А. Ковальскаго, редактированныя самимъ Петромъ Гавриловичемъ [1]), можно сказать, что писаны эти записки никакъ не раньше 1882 г.

Время истребляетъ памятники и затемняетъ преданія; въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ и донесеніяхъ часто бываетъ неполнота и недостатокъ истины по многимъ причинамъ. Эту погрѣшительную сторону ихъ исправляютъ такіе правдивые самовидцы событій, какимъ былъ покойный Петръ Гавриловичъ, проникнутый глубокой любовію къ простому народу и ни въ чемъ никогда, до послѣдней минуты своей земной жизни, не измѣнившій принципу правдивости, которымъ освѣщена вся его жизнь на различныхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Неопредѣленныя выраженія манифеста 14 декабря 1854 г., прочитаннаго священниками въ церквахъ, естественно, могли возбудить въ простомъ народѣ толки о козачествѣ, память о которомъ еще жила въ немъ, въ особенности по сю сторону

[1]) См. Кіев. Стар. 1882 г. № 1 и 2.

Днѣпра въ Кіевской Украинѣ, гдѣ барщина въ общепринятыхъ русскихъ формахъ утвердилась не далѣе 50 лѣтъ до крестьянскихъ волненій 1855 г. Толкованія діакономъ с. Федюковки, таращанскаго у., Слотвинскимъ отысканнаго имъ воззванія св. Синода по случаю милиціи 1805 г., гдѣ нарисована такая идилія: „по окончаніи войны ополченцы возвратятся въ свои домы и будутъ наслаждаться миромъ въ кругу домашнихъ и спокойствіемъ"—отвѣчали несокрушимымъ желаніямъ простого народа вырваться изъ-подъ угнетающей власти помѣщиковъ. Не разумны были и дѣйствія полиціи по аресту Слотвинскаго,—удалить его можно было простымъ требованіемъ благочиннаго или существовавшаго тогда духовнаго правленія. Кромѣ опубликованныхъ свѣдѣній о крестьянскихъ волненіяхъ въ 1855 г. С. С. Громеки, воспоминаній священниковъ Сикорскаго и Ковальскаго, имѣется въ послѣднее время изданная въ 1890 г. брошюра М. Н. Ясинскаго, въ которой попадаются нѣкоторыя маленькія неточности, напр., вмѣсто с. Черкасъ, откуда пошли крестьянскія волненія, поставлено с. Поправка; вмѣсто с. Шкаровки, гдѣ была произведена первая экзекуція—с. Быковая Гребля. Дополненіемъ къ нимъ можетъ и служить прилагаемая записка Петра Гавриловича Лебединцева.

Священникъ Іоаннъ Гордіевскій.

Во время памятной войны крымской 1853—56 годовъ состоялъ я законоучителемъ Бѣлоцерковской гимназіи и благочиннымъ мѣстныхъ церквей. Въ концѣ генваря 1855 г. обнародованъ по церквамъ, въ числѣ прочихъ, Высочайшій манифестъ отъ 14 декабря 1854 г., въ которомъ высказана надежда, что въ случаѣ надобности, всѣ вѣрноподданные станутъ на защиту отечества съ жезломъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ. Недѣли двѣ спустя по прочтеніи этого манифеста, учителя гимназіи, во время большой перемѣны, расхваливали напечатанную въ только что полученномъ 42-мъ номерѣ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1854 г. статью священника с. Черкасъ васильковскаго у., Михаила Вышинскаго, въ которой сообща-

лось, что прихожане его, выслушавъ въ церкви Высочайшій манифестъ, по окончаніи литургіи просили сего священника вторично прочитать его на церковномъ погостѣ, и когда ихъ желаніе было удовлетворено, сказали: „пиши, отче, куда слѣдуетъ, что мы готовы... Мы не забулы ще, якъ наши диды и прадиды минялы ляхивъ на баранивъ". Объ этомъ священникъ письменно тогда-же довелъ до свѣдѣнія генералъ-губернатора Васильчикова. Не смотря на бьющій въ этихъ словахъ патріотизмъ, увлекшій г.г. учителей, я замѣтилъ, что корреспонденціи этой нельзя вполнѣ одобрить: она можетъ вызвать нежеланныя послѣдствія. Къ несчастію, это замѣчаніе мое было пророчествомъ. Нѣсколько дней спустя мѣстный становой приставъ Геращеневскій, въ раіонъ котораго входило с. Черкасъ передавалъ мнѣ, что въ проѣздъ его черезъ Черкасъ, крестьяне, подойдя къ нему, говорили: „что намъ дѣлать, ваше благородіе? Кажуть, що батюшка запысавъ насъ въ козаки, а мы того не хочемо." —Что вы, Николай Васильевичъ, отвѣтили?—спросилъ я пристава.—Ничего, я пошутилъ только надъ ними, сказавши: „ну, и будете козаками". Не похвалилъ я пристава за шутку надъ недоразумѣніемъ поселянъ, пожалѣлъ и о томъ, что Губернскія Вѣдомости попали въ руки легкомысленнаго писаря, вздумавшаго также для шутки выдавать печатное заявленіе священника за запись крестьянъ въ козаки. Февраля 18, во вторникъ 1 недѣли В. поста, исправникъ васильковскаго уѣзда Шулькевичъ пригласилъ уже меня въ становую квартиру разъяснить тремъ крестьянамъ с. Фурсовъ, арестованнымъ при становой квартирѣ, смыслъ словъ Высочайшаго манифеста: „съ жезломъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ", неправильно понятыхъ ими и также неправильно перетолкованныхъ своими односельцами. Въ числѣ арестованныхъ былъ кузнецъ, который на Масляной 6 февраля предложилъ своимъ односельцамъ, не теряя времени, готовиться на защиту отечества, а для сего заказывать ему приготовленіе ратыщъ, т. е. копій, которыми всѣ они должны вооружиться по примѣру козаковъ. Простодушные поселяне, повѣривъ рѣчистому кузнецу, стали нести въ кузницу куски

желѣза изъ домашняго запаса и не пошли на барщину. При дознаніи оказалось, что слухъ о призывѣ въ козачество проникъ въ с. Фурсы изъ с. Черкасъ, отстоящихъ отъ Фурсъ въ 6 верстахъ. Крестьяне с. Фурсовъ еще 6 февраля—въ заговѣнье, выслушавъ Высочайшій манифестъ 14 декабря, безъ всякаго повода со стороны приходского своего священника, просили его повторить имъ чтеніе этого манифеста и прочитать инвентарныя правила, а 7 февраля, въ понедѣльникъ, по настоянію кузнеца, не пошли на господскую работу. Мною сдѣлано разъясненіе, возможно доступное пониманію простого поселянина; арестованные отпущены на свободу, а затѣмъ односельцы ихъ обратились къ исполненію своихъ повинностей, и никакихъ печальныхъ послѣдствій отъ недоразумѣнія крестьянъ не послѣдовало въ с. Фурсахъ. Тѣмъ не менѣе, недѣли три спустя, васильковскій исправникъ, проживавшій часто въ м. Бѣлой Церкви по дѣламъ службы, сообщилъ мнѣ, что толки о козачествѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ о прекращеніи крестьянскихъ повинностей къ помѣщикамъ идутъ въ с. Черкасахъ и сосѣднихъ съ нимъ селахъ васильковскаго у., при чемъ выражалъ сожалѣніе о нерѣшительныхъ мѣрахъ г. Генералъ-Губернатора, предписывающаго однѣ мѣры словеснаго вразумленія, которыя оказываются уже безсильными. На 5 недѣлѣ В. поста посѣтилъ меня проѣздомъ чрезъ Бѣлую Церковь въ г. Таращу членъ Кіевской д. консисторіи протоіерей Маціовичъ, командированный митрополитомъ Филаретомъ въ таращанскій уѣздъ для содѣйствія полиціи къ арестованію заштатнаго діакона Слотвинскаго, составившаго въ с. Бесѣдкѣ списки крестьянъ, желающихъ быть козаками. Онъ ѣхалъ туда въ большомъ страхѣ, гдѣ полиція оказалась не только безсильной, но даже потерпѣвшей пораженіе.

Въ концѣ 6 недѣли и въ первые дни страстной стали ходить въ Бѣлой Церкви слухи, что волненія крестьянъ ширятся и что въ Бѣлую Церковь являются крестьяне окрестныхъ селъ для покупки гербовой бумаги, на которой пишутся реестры козаковъ. Полиція сообщила и о томъ, что крестьяне

принуждаютъ священниковъ писать или только подписывать таковые списки, а при несогласіи прибѣгаютъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ. 21 марта, въ понедѣльникъ, въ 11 часовъ вечера явился ко мнѣ мѣстный становой приставъ Н. В. Геращеневскій съ извѣстіемъ, что въ с. Шкаровкѣ, въ 6 верстахъ отъ Бѣлой Церкви, прихожане по окончаніи вечерни воскреснаго дня, собравшись въ числѣ до 300 человѣкъ, заперли священника Александровскаго въ церкви и уже второй день держатъ его тамъ, упрашивая и убѣждая привести ихъ къ присягѣ, прочитать скрываемый будто священниками указъ о томъ, что всѣ они должны быть вольными козаками, и подписать имъ такую бумагу, что они готовы служить Государю, будучи убѣждены, что неполучившіе такой бумаги отъ приходского своего священника до праздника Благовѣщенія останутся навсегда крѣпостными. Сообщая это, приставъ просилъ меня оказать ему содѣйствіе къ вразумленію сихъ крестьянъ, отправившись тотчасъ вмѣстѣ съ нимъ въ с. Шкаровку. Хотя дѣятельность внѣ м. Бѣлой Церкви не составляла прямой обязанности моей службы, но желаніе пособить заключенному въ церкви собрату и отчасти лично убѣдиться въ крестьянскихъ недоразумѣніяхъ извѣстныхъ мнѣ доселѣ болѣе по слуху, превозмогли надъ опасеніями самому подвергнуться участи сельскихъ приходскихъ священниковъ, и я рѣшился ѣхать въ Шкаровку съ приставомъ, не смотря на темноту ночи. Шкаровка лежитъ на правомъ берегу рѣки Роси, на уступѣ горы. Когда, слѣдуя изъ Бѣлой Церкви, мы достигли вершины этой горы, Шкаровка была въ совершенной тьмѣ; лишь въ окнѣ одного дома мелькалъ огонекъ,—это былъ домъ священника. Прибывши туда, мы нашли дворъ и домъ священника наполненными народомъ, исключительно мужчинами; пробравшись кое-какъ сквозь сѣни, во 2-ой комнатѣ мы увидѣли почтеннаго о. Стефана Александровскаго стоящимъ среди крестьянъ на колѣняхъ съ Евангеліемъ въ рукахъ, которое читалъ онъ и изъяснялъ, чтобы отвлечь ихъ отъ засѣвшей имъ въ голову мысли о козачествѣ и вольности. Здѣсь-же въ Евангеліе вложенъ былъ и Высочайшій манифестъ

покойнаго Государя Николая I отъ 14 декабря 1854 г. О. Стефанъ разсказывалъ намъ, что 21 марта, по окончаніи повечерія, прихожане не выпустили его изъ церкви, требуя, чтобы онъ привелъ ихъ къ присягѣ и прочиталъ скрываемый священниками указъ о томъ, что они должны быть уже вольными козаками. Отказавши въ томъ, чего не имѣлъ и чего не могъ исполнить, онъ, войдя въ алтарь, началъ читать Евангеліе, лежавшее на престолѣ. Народъ съ крикомъ требовалъ, чтобы онъ вышелъ изъ алтаря, а нѣкоторые вызывались насильно вытащить его на средину церкви. Простоявши въ такомъ положеніи предъ св престоломъ около 3 часовъ и видя, что волненіе народа въ храмѣ не уменьшается, онъ предложилъ идти въ домъ; толпа дозволила это, послѣдовала за нимъ, продолжая всю ночь и слѣдующій день свои требованія, не выходя изъ двора и осыпая священника, послѣ просьбъ, грубыми словами, ругательствами, угрозами и неистовымъ крикомъ. Смѣнивъ старика, я съ приставомъ попеременно часа два разъяснялъ имъ смыслъ словъ манифеста, неосновательность заявленій о козачествѣ, неумѣстность прекращать обязательныя отношенія къ помѣщикамъ, незаконность притязаній къ священникамъ. Ничего не помогло, ничему не вѣрили. Главной основой ихъ заблужденія служили доставляемыя гонцами извѣстія объ успѣхѣ домогательствъ у другихъ священниковъ, — извѣстія, за рѣдкими исключеніями, ложныя. При этомъ мое замѣчаніе о ихъ невѣжествѣ чуть не вызвало бурю толпы, закричавшей: „то оце громада дурна? то оце такъ!“ Едва успокоилъ я задѣтое ихъ самолюбіе. Изъ бесѣды съ крестьянами я узналъ, что 1) они не хотятъ работать барщины и платить податей, подъ предлогомъ готовности служить Богу и Государю, и хотятъ быть вольными козаками въ надеждѣ, что имъ будутъ даны земли; 2) что къ сему увлекаютъ ихъ ложные слухи и примѣры с. Черкасъ, Керданъ и Федюковки, священники которыхъ, по ихъ словамъ, получили будто крестъ и звѣзду за приведеніе прихожанъ своихъ къ присягѣ; 3) побужденіемъ рѣшиться идти въ козачество послужили притѣсненія со стороны помѣщичьихъ экономій,

обремененіе ихъ разными повинностями, бѣдность и неудовлетвореніе ихъ жалобъ, а недовѣріе къ священникамъ происходитъ отъ того, что священники не принимаютъ ихъ жалобъ, тогда какъ при введеніи инвентарныхъ правилъ объявлено было въ церквахъ гражданскими чиновниками, что крестьяне должны обращаться къ священнику въ случаѣ недоразумѣній или излишнихъ требованій со стороны помѣщика, а потому полагаютъ, что священники подкуплены помѣщиками. Не предвидя конца, мы рѣшились возвратиться домой. Къ счастію, препятствій къ сему не оказалось; не препятствовали крестьяне и священнику проводить насъ изъ дому въ дворъ до экипажа. Прощаясь съ нимъ здѣсь, я тихо далъ ему совѣтъ при первой возможности уйти въ Бѣлую Церковь. Возвратились мы въ Бѣлую Церковь въ 4 часа утра. 22 марта, въ 12 часовъ дня, встрѣтился я у станового пристава съ священникомъ с. Черкасъ Михаиломъ Вышинскимъ, который, показывая разорванную пазуху своей рубахи, заявилъ, что крестьяне с. Черкасъ, д. Поправки и Быковой Гребли—его прихожане—7 дней и ночей не выпуская его изъ двора и дома, съ угрозами и ругательствами требовали записать ихъ въ козаки и, такъ какъ онъ не соглашался исполнить ихъ требованіе, то утромъ 21 марта ворвались въ спальню, стащили съ кровати, разорвавъ при семъ рубаху на немъ, вытащили на дворъ и, всячески терзая, повторяли то-же требованіе. Убоявшись явной опасности, онъ рѣшился на поданномъ ему листѣ гербовой бумаги написать, въ видѣ прошенія Генералъ-Губернатору, заявленіе, что всѣ они желаютъ поступить въ военную службу. Взявши отъ него таковую бумагу, они пошли искать писаря, который переписалъ бы ихъ всѣхъ на такомъ-же листѣ, о чемъ онъ, священникъ Вышинскій, счелъ долгомъ своимъ заявить приставу и благочинному. Къ сожалѣнію, это былъ тотъ самый священникъ, который помѣстилъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ статью, возбудившую первые толки о козачествѣ. Тогда-же отъ пристава мнѣ стало извѣстно, что уже до 17 селъ, окружающихъ Бѣлую Церковь, отказались отъ повиновенія своимъ владѣльцамъ и

вездѣ почти проявляютъ насильственныя дѣйствія надъ священниками, подобныя происходившимъ въ Шкаровкѣ и Черкасѣ. Того-же 22 марта, во вторникъ, явился ко мнѣ въ 10 часовъ вечера священникъ с. Шкаровки Александровскій, бѣжавшій сюда пѣшкомъ, и разсказалъ, что по отъѣздѣ моемъ и пристава, онъ затворился въ своей спальнѣ, но крестьяне, выломавъ дверь, ворвались туда и, занявъ весь домъ, не дали ему покоя до дня; утромъ онъ приказалъ пономарю звонить къ заутренѣ и хотѣлъ идти въ церковь, но крестьяне не пустили его изъ дома, говоря: „не нужно намъ утрени, нужно дѣло дѣлать“, и отняли церковные ключи отъ пономаря. Когда-же онъ, прочитавши въ присутствіи ихъ утреннія молитвы и акафистъ великомученицѣ Варварѣ, сталъ на колѣняхъ читать Евангеліе, то они, отнявши изъ рукъ его св. книгу, схватили за руки и вытащили на дворъ, толкая ногами, при-чемъ изорвали на немъ кафтанъ. Среди двора, потомъ, повторили свои требованія, угрожая мучить три дня, т. е. до В. четверга, который считался у нихъ послѣднимъ срокомъ для записки въ козаки, и, наконецъ, взять съ собою въ Кіевъ въ Палату, если онъ не исполнитъ ихъ требованія. При этомъ говорили: „ты не хочешь привести насъ къ присягѣ Царю, а если-бы велѣно было присягать полякамъ, то сейчасъ и самъ присягнулъ-бы, и насъ привелъ-бы къ присягѣ“. Измученный двухъ-суточными страданіями и угрожаемый новыми и бо́льшими, въ полдень священникъ Александровскій попросилъ дозволенія послать своего пономаря въ сосѣднее село Кожанку, чтобы дознать, какую бумагу далъ своимъ прихожанамъ кожанскій священникъ Дьячковъ, на примѣръ котораго ему указывали. Священникъ Дьячковъ чрезъ того-же пономаря прислалъ отвѣтъ, что онъ, чтобы только отвязаться отъ настойчивыхъ требованій взволновавшихся крестьянъ своего прихода, на данной ему бумагѣ написалъ: „с. Кожанки крестьяне такіе-то“ (изъ коихъ поименованы только два лица) и въ концѣ подписался—„с. Кожанки священникъ Димитрій Дьячковъ“. О. Стефанъ сказалъ, что такую бумагу и онъ можетъ написать. Слова эти были приняты съ необычайною радостію тотчасъ

поднесли листъ гербовой бумаги, священникъ записалъ на этой бумагѣ фамиліи нѣсколькихъ прихожанъ, а въ концѣ подписался самъ и вручилъ бумагу. Принявъ эту грамоту съ большою благодарностью, крестьяне сказали, что найдутъ писаря, который перепишетъ ихъ всѣхъ. Послѣ этого толпа съ радостью двинулась къ двору заштатнаго пономаря, чтобы провѣрить написанное на бумагѣ. Но какъ дѣло было уже въ сумеркахъ, то старикъ дьячекъ извинился, что, потерявъ свои очки, онъ не можетъ прочитать принесенной бумаги, но что онъ вѣритъ о. Стефану. Успокоенные отвѣтомъ дьячка крестьяне разошлись по домамъ, оставивъ домъ священника, у котораго сочли долгомъ попросить извиненія за всѣ безпокойства и огорченія, пообѣщавъ утромъ прислать женщинъ для мытья половъ, загрязненныхъ толпой въ теченіе сутокъ. По наступленіи ночи, о. Стефанъ, послѣдовавъ моему совѣту, тихонько пробрался садомъ въ огородъ, а оттуда чрезъ пролегавшій лѣсокъ на поле и проселочными путями со страхомъ направился въ Бѣлую Церковь ко мнѣ. Я охотно далъ пріютъ почтенному страдальцу. 23 марта я послалъ митрополиту съ эстафетомъ рапортъ о насиліяхъ, дѣлаемыхъ священникамъ въ приходахъ васильковскаго у., смежныхъ съ Бѣлой Церковью. Рапортъ этотъ, сообщенный митрополитомъ Филаретомъ въ копіи Генералъ-Губернатору, побудилъ его, какъ увидимъ ниже, принять болѣе рѣшительныя мѣры къ успокоенію волновавшихся сельскихъ обществъ. Утромъ 23 марта прихожане с. Шкаровки, явившись къ дьячку, сильно взволновались, узнавъ, что въ бумагѣ, написанной о. Стефаномъ, нѣтъ ничего ни о козачествѣ, ни о волѣ. Тотчасъ кинулись въ дворъ священника, но его не было; не вѣрили словамъ его семейства и прислуги, кинулись дѣлать обыскъ: искали въ домѣ, въ дворѣ, въ садку, пересмотрѣли всѣ кусты въ сосѣднемъ лѣску, но священника не открыли. Долго охали, что священникъ „спаскудывъ“, т. е. испортилъ, гербовую бумагу, что теперь уже пропала громада; разбрелись кто куда, но не посмѣли разыскивать въ Бѣлой Церкви. Четвергъ и пятницу, въ которую приходился тогда праздникъ Благовѣщенія, я провелъ вмѣстѣ съ о. Стефа-

номъ и съ нимъ служилъ въ моей церкви. Къ вечеру пятка получилъ я изъ г. Василькова пакетъ отъ возвращавшагося изъ Таращи члена консисторіи, протоіерея Маціовича, въ которомъ онъ, препровождая мнѣ врученный ему жандармомъ на пути пакетъ на имя находящагося въ таращанскомъ уѣздѣ полковника Аѳанасьева и предписаніе митрополита Филарета вручить этотъ пакетъ Аѳанасьеву и исполнить прописанное въ немъ, возлагаетъ на меня эту обязанность по причинѣ своей болѣзни, препятствующей ему возвратиться въ Таращу. Маціовичъ выѣхалъ изъ Таращи 20 марта, далѣе Таращи и не проѣхалъ и ограничился вызовомъ въ Таращу священниковъ С—го, Вышинскаго, Лисинскаго и Мельниковскаго, которыхъ отправилъ въ Кіевъ. Туда-же подъ конвоемъ разсыльнаго отправленъ діаконъ Слотвинскій. Какъ ни казалось неблаговременнымъ и опаснымъ возложенное на меня порученіе, но я считалъ долгомъ его исполнить, и утромъ раннимъ, зайдя въ церковь помолиться у гроба Спасителя, отправился въ Таращу на экономическихъ лошадяхъ, которыхъ имѣли перемѣнить на полъ-пути въ с. Троцкомъ.

Здѣсь я прерву свой разсказъ, чтобы изложить по оффиціальнымъ даннымъ начало и развитіе надоразумѣній между крестьянами Кіевской губерніи.

Зерно недоразумѣній брошено было, безъ сомнѣнія, статьей, напечатанной въ 42 № Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, разсылавшихся тогда во всѣ волости на счетъ земскихъ суммъ. Мѣстная полиція, какъ упомянуто выше, не придала первымъ толкамъ о козачествѣ особенной важности, не позаботилась остановить ихъ при первоначальномъ развитіи. Время и люди раздули искру пламени. Въ недоразумѣніи долго еще оставались не одни крестьяне, но и уѣздная полиція; не меньше недоумѣвало и само губернское начальство, опасаясь, какъ-бы не оскорбить патріотическаго чувства, которымъ окрашивались заявленія крестьянъ о готовности служить Богу и Государю, когда вскорѣ за симъ полученъ былъ манифестъ о кончинѣ императора Николая Павловича и вступленіи на престолъ императора Александра Николаевича. Недоразумѣнія эти

еще болѣе усилились приведеніемъ къ присягѣ на вѣрность подданства крестьянъ въ с. Керданахъ таращанскаго у., допущенныхъ также по недоразумѣнію, вопреки существовавшаго тогда закона (по манифесту 25 ноября 1741 г.), по которому присягу эту могли выполнить только лица свободныхъ сословій. Заявленія о готовности служить Богу и Государю и толки изъ васильковскаго у. скоро появились и въ таращанскомъ и развились здѣсь еще быстрѣе, чѣмъ въ васильковскомъ. Возникши въ Федюковкѣ, оттуда къ 8 марта появились уже въ Бесѣдкѣ, Веселомъ Кутѣ, Ситковцѣ, Косяковкѣ, Ставишовкѣ, В. Волнянкѣ, Городищахъ, Ставищахъ, Улашевкѣ, Баштечкѣ, Тиновкѣ, Керданахъ, Гейсихѣ, Любчей, Лѣсовичахъ и Степкѣ. Изъ Керданъ и Степка волненіе перешло въ села васильковскаго у.—Саварку, Синяву, Ольшаницу, Островъ, Житнія Горы и Венцеловку; отъ 19 марта охватило села звенигородскаго у.—Долгую Греблю, м. Боярку, Вотылевку, Каменный Бродъ, Погибняки, Виноградъ; отъ 20 марта—с. Шубовку кіевскаго у.; отъ 14 и 20 марта села Каневскаго у.—Баранье Поле, Дыбинцы, Исайки, Яцюки, Караиши, Кидановку, Медвинъ, затѣмъ Таганчу и м. Корсунъ съ округомъ; отъ 23 и 24 марта—села уманскаго у.: Вороное, Красный Кутъ, Побойну и Поповку, гдѣ въ послѣднемъ селѣ крестьяне остригли уже волосы по солдатски; отъ 22 и 27 марта—въ м. Кагарлыкъ и с. Шубовку кіевскаго уѣзда. Липовецкій исправникъ, призвавъ роту 6 рез. баталіона Бѣльскаго полка, строго наказалъ крестьянъ, и это подѣйствовало на крестьянъ селъ кіевскаго у.: Ставовъ, Гороховатки, Яновки и деревень Бендюговки и Казимировки, и даже на васильковскій уѣздъ. Отъ 27 марта волненіе охватило села сквирскаго у.: Логвинъ, Березину, Бѣлѣевку, Пархомовку и деревни Михайловку и Пазіевку.

Отъ 13 февр. 1855 г. таращанскій исправникъ Паліенко доносилъ Генералъ-Губернатору, что по прочтеніи манифеста 14 декабря 1854 г. въ таращанскомъ уѣздѣ всѣ крестьяне радушно изъявляютъ готовность стать въ ряды на защиту отечества, а въ с. Федюковкѣ 112 душъ просили своего священника

Павла Вышинскаго довести до свѣдѣнія начальства о своей таковой-же готовности. Отъ 19 февр. онъ доносилъ, что все благополучно, кромѣ того, что священникъ Веселаго Кута Лисинскій читалъ 42 № Губернскихъ Вѣдомостей 12 февр. вечеромъ, въ гостяхъ у крестьянина Щербанюка, и желалъ взять подписку о готовности ихъ, но они отказались. Священникъ с. Керданъ Сыминскій, собравъ чрезъ сотскаго прихожанъ, привелъ ихъ къ присягѣ на вѣрность подданства 3 марта, въ 8 часовъ утра, послѣ чего они просили записать ихъ въ козаки, но исправникъ, прибывши съ разсыльными, заставилъ разойтись (рапортъ 4 марта). Отъ 3 марта Паліенко доносилъ Генералъ-Губернатору, что священники с. Федюковки и Веселаго Кута составили списки, а крестьяне думаютъ, что, записавшись въ козаки, уже будутъ свободны отъ помѣщиковъ,—что производитъ волненія. Отъ 8 марта онъ рапортовалъ, что въ с. Ставишовкѣ священникъ Стрѣлецкій читалъ манифестъ 14 декабря и въ церкви, и въ домѣ, обѣщая похвалу прихожанамъ за ихъ готовность; въ с. Лѣсовичахъ домогались, чтобы священникъ привелъ ихъ къ присягѣ въ козаки, а послѣ отказа, ходили въ Таращу къ протоіерею, во время ярмарки, и просили записать ихъ въ козаки. Отъ 17 марта 1855 г. Паліенко доносилъ ему-же, что крестьяне с. Бесѣдки обращались къ своему приходскому священнику Лукѣ Тучапскому съ просьбою, чтобы онъ записалъ ихъ въ козаки, а когда священникъ отказалъ въ томъ, то они, вызвавъ къ себѣ діакона с. Федюковки Слотвинскаго, состоящаго на дьячковской вакансіи, и собравшись въ домѣ крестьянина Кирилла Вохилька, переписали всѣхъ лицъ обоего пола на бумагу, провозглашая свободу. Мѣстный становой приставъ, узнавши о семъ и желая объясниться съ Слотвинскимъ, пригласилъ его къ себѣ на квартиру, но крестьяне вытолкали посланныхъ за нимъ полицейскихъ служителей, а 40 изъ нихъ, вооружившись кольями, въ два ряда, окружили Слотвинскаго и такимъ порядкомъ проводили его чрезъ сосѣднее село въ Федюковку и такимъ-же порядкомъ возвратились въ с. Бесѣдку,—что вызвало надежду свободы и у сосѣднихъ селъ, а на по-

мѣщиковъ навело страхъ, такъ какъ изъ крестьянъ одни неаккуратно являются на работу, а другіе вовсе не являются. По полученіи свѣдѣнія о семъ, онъ, Паліенко, съ разсыльными и полицейскими служителями 16 марта отправился въ с. Федюковку и, успокоивъ волненіе, убѣждалъ повиноваться помѣщикамъ по прежнему, а 17 марта отправился въ с. Бесѣдку съ становымъ приставомъ Жолткевичемъ, гдѣ распорядился собрать крестьянъ, не отрабатывающихъ барщины, каковыхъ было собрано 12 человѣкъ чрезъ полицейскихъ служителей и разсыльныхъ; но когда они приведены были уже къ экономическому двору, то выскочившая изъ домовъ толпа крестьянъ съ длинными кольями отбила тѣхъ крестьянъ, причинивши при этомъ побои разсыльнымъ, полицейскимъ служителямъ и понятымъ. Затѣмъ толпа стала умножаться. Не имѣя средствъ воздержать буйство крестьянъ, исправникъ принужденъ былъ уѣхать изъ с. Бесѣдки, при чемъ толпа повторяла: „уже время настало“. Донося о семъ и о томъ, что онъ, вмѣстѣ съ протоіереемъ Пахаловичемъ, взялъ діакона Слотвинскаго въ Таращу, исправникъ присовокупилъ, что не признаетъ возможнымъ возстановить спокойствіе иначе, какъ воруженною рукою.

Считаю нужнымъ сдѣлать поясненіе относительно волненій въ с. Федюковкѣ и Бесѣдкѣ. Чѣмъ отдаленнѣе молва, тѣмъ она болѣе имѣетъ вѣроятія для простого народа,—и тѣмъ опаснѣе, чѣмъ болѣе трудно тотчасъ провѣрить ее. Такъ случилось съ молвою о козачествѣ, когда она изъ с. Черкасъ занесена была въ с. Федюковку, отстоящее отъ перваго на 50 верстъ. Молву эту въ извращенномъ видѣ перенесъ пономарь с. Федюковки, возвращавшійся изъ Кіева; на пути онъ имѣлъ ночлегъ у священника с. Черкасъ; здѣсь отъ слугъ или крестьянъ онъ слыхалъ толкъ о томъ, что священникъ записалъ своихъ прихожанъ въ козаки; прибывши въ Федюковку, онъ сообщилъ эту новость частнымъ образомъ, вѣроятно, нѣкоторымъ изъ крестьянъ. Молва явилась уже съ прибавленіемъ, что крестьяне села Черкасъ, записанные въ козаки, будутъ уже затѣмъ вольны, т. е. свободны отъ помѣщиковъ. Такая интересная новость

быстро разнеслась по всему приходу,—не зналъ ее только приходскій священникъ Вышинскій, родной братъ священника с. Черкасъ, и потому очень удивился, когда явились къ нему въ большомъ количествѣ прихожане, заявляя, что желаютъ всѣ ополчиться за отечество противъ враговъ, и прося записать ихъ въ козаки. Священникъ, видя въ этомъ только одну хорошую сторону, т. е. проявленіе патріотизма, и съ другой стороны желая отпустить ихъ отъ себя, взялъ листъ и написалъ имена и фамиліи нѣсколькихъ изъ нихъ. Прихожане удалились изъ двора священническаго и, по обычаю, зашли въ корчму потолковать; тамъ былъ обычный посѣтитель корчмы, состоявшій въ запрещеніи богослуженія и на дьячковской должности діаконъ Слотвинскій; онъ предложилъ свои услуги записать прочихъ, незаписанныхъ священникомъ, за уплату съ каждаго козака по $2^1/_2$ к. серебромъ, и обѣщая всѣмъ записавшимся надежду на свободу. Желаніе свободы влекло къ запискѣ не только возрастныхъ, но и дѣтей; ихъ приносили къ Слотвинскому матери. Вѣсть объ этомъ желанномъ записчикѣ достигла скоро въ Бесѣдку, отстоящую отъ Федюковки въ 12 верстахъ; по приглашенію депутаціи, присланной отъ крестьянъ с. Бесѣдки, Слотвинскій, въ сопутствіи многихъ крестьянъ, отправился пѣшкомъ въ Бесѣдку и тамъ продолжалъ довольно выгодное для него ремесло записчика, и въ подтвержденіе мыслей о свободѣ прочиталъ крестьянамъ воззваніе св. Синода по случаю милиціи 1805 года. Копію стариннаго этого рукописнаго воззванія онъ продалъ крестьянамъ с. Бесѣдки за 10 р. серебромъ, а на сохраненіе принялъ крестьянинъ тамошній Шереметъ. Слотвинскій при этомъ наказалъ крѣпко хранить эту бумагу и не выдавать, а если набѣгутъ паны, то прогнать ихъ дрючками. Приставъ, увѣдомленный священникомъ, что Слотвинскій записываетъ его прихожанъ въ козаки, хотѣлъ арестовать Слотвинскаго и взять въ становую квартиру, но Слотвинскій попросилъ о защитѣ; тогда крестьяне не только не выдали дьячка, но и нанесли словами оскорбленія приставу и священнику, затѣмъ перешли съ Слотвинскимъ въ корчму Малюванку, находящуюся отъ села въ 3

верстахъ. Приставъ, взявъ 20 человѣкъ у помѣщика с. Федюковки Узембла, хотѣлъ взять Слотвинскаго силою, но крестьяне не выдали и обругали пристава, проводили всей толпой въ Федюковку, гдѣ окружили квартиру дьячка въ видѣ стражи, а помѣщикъ со страха выѣхалъ въ Таращу. Приставу давали подъ носъ дули и говорили, что съ наступленіемъ Благовѣщенія и Пасхи Богъ избавитъ ихъ отъ панщины и отъ „чижиковъ“ (полиціи). Уѣздный стряпчій, донося о семъ князю, сообщилъ и то, что крестьяне с. Улашовки домогались привода къ присягѣ сначала у своего приходского священника, потомъ у священника с. Керданъ, а наконецъ ходили въ Таращу—къ протоіерею, но, получивъ отказъ, стали говорить, что священники подкуплены панами.

Отъ 19 марта таращанскій исправникъ доносилъ Генералъ-Губернатору, что послѣ посѣщенія имъ с. Тиновки, благочинный, онъ-же приходскій священникъ, Романовскій пригласилъ къ себѣ ночью крестьянъ для взятія подписки по примѣру другихъ и давалъ имъ какія-то наставленія, что священникъ с. Баштечки Саввинъ, по наставленію благочиннаго, тоже ночью пригласилъ крестьянъ къ себѣ для подписки, чрезъ что крестьяне стали оказывать неповиновеніе полицейскимъ служителямъ, приставу и владѣльцу; крестьяне с. Бесѣдки, продолжая буйство и вооружившись косами, серпами и другими домашними орудіями, толпою окружили домъ приходского священника Тучапскаго и неизвѣстно съ какою цѣлію находятся тамъ. По совѣщанію съ прибывшимъ въ Таращу членомъ Консисторіи, протоіереемъ Маціовичемъ, и благочиннымъ, признано необходимымъ вызвать въ Кіевъ, кромѣ священниковъ с. Федюковки и Веселаго Кута, священниковъ селъ Ставишевки, Гейсихи, Косяковки, Городищъ, Баштечки, Антоновки, Керданъ, Любичей и благочиннаго с. Тиновки для пресѣченія возмущенія между крестьянами (это неисполнено); въ заключеніе исправникъ просилъ прислать военную команду.

Въ нѣкоторыхъ смежныхъ съ Кіевомъ уѣздахъ въ началѣ 1855 г. разнеслась молва, будто священники получили каждый

по особо запечатанному пакету, а нѣкоторые помѣщики римско-католическаго исповѣданія находили связь между полученіемъ священниками пакетовъ и молвою между крестьянами селъ Паланочки и Мошурова, уманскаго уѣзда, что въ Пасху будетъ рѣзня, присовокупляя, будто священникамъ поставлено въ обязанность полученные ими пакеты вскрыть въ день Пасхи. Обстоятельство это объяснилось полученнымъ въ г. Умани отношеніемъ коммиссіи по описанію губерній Кіевскаго Учебнаго Округа отъ 25 февр. за № 48 съ препровожденіемъ пакетовъ для разсылки священникамъ. Уманскій исправникъ Бедрицкій въ то-же время, 11 марта 1855 г., доносилъ Генералъ-Губернатору, что жена священника с. Паланочки, Бѣлецкая, разсказывала на крестинахъ у крестьянина, что въ Пасху будетъ рѣзня, хотя мужъ удерживалъ ее отъ сего. Священникъ Бѣлецкій, вытребованный по сему случаю сначала въ уманское д. правленіе, а потомъ и къ митрополиту Филарету, отвергъ обвиненіе своей жены и потребовалъ формальнаго слѣдствія. Пугала мѣстную полицію и картина, изображающая уманскую рѣзню 1768 г., оказавшаяся въ с. Мошуровѣ у однодворца Ивана Сулимы, доставшаяся ему отъ родственника штабъ-ротмистра Николая Сосны-Поганскаго. Толки эти распространялись между тѣмъ и преувеличивались поляками, которые трусливы, какъ зайцы и любятъ прилгать; полиція-же уѣздная служила только эхомъ этихъ сплетней, направленныхъ преимущественно противъ православнаго духовенства, какъ это было и въ 1790 году. Особеннымъ побужденіемъ травить священниковъ служило и то, что въ 1831 г. православные священники содѣйствовали открытію мятежныхъ польскихъ шаекъ. Также липовецкій исправникъ готовъ былъ винить священниковъ м. Плискова и с. с. Нападовки и Яблоновицы въ распространеніи между крестьянами слуховъ объ истребленіи поляковъ, но липовецкій протоіерей Шаббатовичъ, по дознанію, разъяснилъ, что эти обвиненія идутъ отъ поляковъ по поводу разосланныхъ таинственныхъ пакетовъ о собраніи статистическихъ свѣдѣній. Уманскій исправникъ отъ 19 марта доносилъ князю, что крестьяне с. Долгой

Гребли въ числѣ до 50 человѣкъ явились въ м. Боярку къ приходскому священнику и домогались записать ихъ въ козаки, а по отказѣ священника бродили толпою вмѣстѣ съ боярскими крестьянами. Подобное замѣшательство обнаружилось и въ селахъ Вотылевкѣ, Каменномъ Бродѣ и Виноградѣ, звенигородскаго у. Того-же домогались и отъ самого исправника въ с. Вотылевкѣ, а поводомъ къ сему были толки, возбужденные діакономъ Слотвинскимъ между крестьянами, будто настоящій манифестъ еще скрывается и не объявленъ, и что, поставивъ одного козака отъ 10 хатъ на полномъ своемъ содержаніи, они будутъ свободны отъ барщины.

Каневскій исправникъ отъ 20 марта доносилъ Генералъ-Губернатору, что крестьяне селъ Дыбинецъ, Яцуковъ, Киановки и Карапишей домогались у священниковъ записать ихъ въ козаки, при чемъ отъ священника с. Карапишей требовали прочитать имъ указъ, а когда онъ не согласился, то угрожали разореніемъ дома и нанесли грубости. Вѣсти объ указѣ идутъ изъ Бесѣдки и Федюковки, таращанскаго у., гдѣ яко-бы священники получили наперсные кресты. Сначала въ с. Красногородкѣ, а потомъ въ м. Медвинѣ и д. Гутѣ говорили о козачествѣ и увѣрены, что отъ нихъ скрываютъ какой-то указъ, прибавляя, что „если-бы ничего не было, то попы не читали-бы". Первоначально въ с. Красногородкѣ священникъ Евфимій Шмигельскій списывалъ крестьянъ 12 и 13 марта, потомъ 13 марта крестьяне первой половины м. Медвина, собравшись въ церковь, просили священника Левицкаго, чтобы онъ записалъ ихъ въ козаки. Левицкій сначала не соглашался, но, по настоянію крестьянъ, приказалъ дьячку своему Пожарскому записать ихъ, каковая записка продолжалась до полуночи, а крестьяне другой части Медвина, за отказомъ священника Богорскаго, пригласили отставного канцеляриста Луку Берловскаго написать имъ просьбу. Крестьяне с. Дмитренокъ и д. Гуты обратились къ своему священнику Пясецкому, который, похваливъ ихъ намѣреніе, повелъ въ церковь, отслужилъ тамъ молебствіе и бла-

гословилъ крестьянину Ѳаддею Сологубу переписать ихъ въ козаки.

Васильковскій исправникъ отъ 15 марта доносилъ Генералъ-Губернатору, что появились толки о призывѣ всѣхъ на службу, что изъ васильковскаго у. ходили уже въ Керданы и возвратились въ убѣжденіи, что нужно записаться въ козаки въ этомъ мѣсяцѣ, иначе останутся мужиками, что потому въ селахъ Саваркѣ, Синявѣ, Островѣ, д. Быковой Греблѣ и въ селѣ Ольшаницѣ крестьяне требовали, чтобы священники привели ихъ къ присягѣ и записали въ козаки; за отказъ роптали, а священникъ с. Саварки, чтобы отдѣлаться, переписалъ всѣхъ, что Саварцы и Ольшанцы вразумились, а Синявцы одно твердятъ: „желаемъ служить Богу и Государю; надоѣло намъ работать“; что Островцы возбуждены дьячкомъ Костецкимъ, а Быковая Гребля—дворовымъ человѣкомъ Адріаномъ Карменскимъ. Благочинный Ромаскевичъ доносилъ митрополиту, что толпа крестьянъ с. Кожанокъ не дала приходскому священнику служить въ Вербное воскресеніе, 20 марта, требуя, чтобы онъ привелъ ихъ къ присягѣ, написалъ имъ прошенія въ козаки и подписалъ ихъ; священника с. Ольшаницы Радзіевскаго крестьяне возили въ с. Черкасъ для удостовѣренія, что этотъ священникъ уже написалъ своимъ прошеніе. Радзіевскій, по возвращеніи домой, вынужденъ былъ написать такое прошеніе съ подписью прихожанъ, а въ Ольшаницу привозили священника изъ с. Пилипчей и также заставили написать прошеніе.

Отъ 19 марта звенигородскій исправникъ доносилъ князю, что съ 12 по 19 марта все обстояло въ уѣздѣ спокойно и что принесеніе вѣрно-подданической присяги совершалось въ порядкѣ. Отъ 19 марта звенигородскій стряпчій въ донесеніи своемъ князю прописалъ, что половинную часть д. Долгой Гребли составляютъ однодворцы (болѣе 200 душъ), но ни одинъ изъ нихъ не записался въ козаки, и что крестьяне Виноградскаго имѣнія графа Брандцкаго, смежнаго съ его-же таращанскимъ имѣніемъ, съ давнихъ временъ пользовались достаточнымъ количествомъ земли, но когда эти имѣнія: села Вотылевка, Бояр-

ка, Долгая Гребля, Босовка, Шубовы-Ставы, Погибнякъ и другія—до 5-ти тысячъ душъ звенигородскаго у., отданы въ арендное владѣніе разныхъ дворянъ, то въ 1854 г. сдѣлано новое измѣненіе полей и во многихъ мѣстахъ общественныя пастбищныя мѣста (выгоны) заняты подъ экономическую запашку; и что общее убѣжденіе крестьянъ, что всѣ должны записываться до Благовѣщенія, имѣющаго быть въ страстную Пятницу.

Отъ 27 марта кіевскій исправникъ доносилъ князю, что онъ привелъ крестьянъ кіевскаго у. въ надлежащее повиновеніе. Крестьяне Кагарлыка, Шубовки, Липовца при вразумленіи ихъ священниками оказывали сопротивленіе, но когда онъ, призвавъ 18 роту 6 резервнаго баталіона Бѣлевскаго егерскаго полка, строго ихъ наказалъ, то, услышавъ сіе, крестьяне с. Ставовъ, Гороховатки, д. Бендюговки, Яновки и Казимировки, по прибытіи моемъ съ ротой, просили прощенія, главнѣйшіе-же зачинщики скрылись. Это подѣйствовало и на крестьянъ васильковскаго уѣзда.

Теперь приведу распоряженія Генералъ-Губернатора, князя Васильчикова, изъ которыхъ видѣнъ его взглядъ на крестьянскія волненія. Циркулярно князь предписалъ всѣмъ исправникамъ Юго-Западнаго края: 1) не допускать дѣйствій, которыя могли-бы охладить чувства православнаго народа, возбуждаемыя Высочайшими манифестами, или ослабить исполненіе лежащихъ на нихъ обязанностей къ комѣцикамъ и собственному хозяйству; дѣйствовать спокойно, кротко, безъ шуму, вразумляя крестьянъ; 2) пріобрѣтать довѣріе крестьянъ совершенное, чтобы можно было руководить ихъ волею по указаніямъ начальства; 3) останавливать всякое недоразумѣніе по поводу воззванія св. Синода о государственномъ ополченіи, которымъ жители призываются на защиту церкви и отечества; 4) дѣйствовать съ крайнею осторожностью, отнюдь не дозволяя крайнихъ мѣръ. Отъ 8 марта князь сдѣлалъ нотацію таращанскому исправнику, что онъ 1) получивъ распоряженіе о присягѣ, не вошелъ въ соглашеніе съ духовенствомъ; 2) дѣйствовалъ въ Керданахъ съ разсыльными; 3) принялъ какія-то мѣры, когда все было благо-

получно—вообще надѣлалъ шуму, вообразивъ какое-то волненіе и нарушеніе порядка. Онъ-же отъ 8 марта просилъ митрополита—предписать, чтобы священники не вдавались ни въ какія толкованія манифестовъ, ограничиваясь буквальнымъ прочтеніемъ ихъ въ церквахъ, а если-бы крестьяне обращались къ священникамъ съ просьбами объ ополченіяхъ или выражали готовность стать на защиту отечества, то не входя толкованія и разсужденія съ ними, немедленно сообщали-бы мѣстному начальству, причетникамъ-же воспретить всякія самомалѣйшія объясненія съ крестьянами о манифестахъ (№ 1727). Онъ-же, отъ 12 марта, далъ знать таращанскому исправнику, что мѣры, имъ принятыя, не имѣютъ основанія; что онъ не знаетъ крестьянъ, предваряя, что будетъ удаленъ отъ должности, если будетъ поступать такъ неблагоразумно (№ 1759). Онъ-же, отъ 8 марта на донесеніе таращанскаго стряпчаго о томъ, что умы крестьянъ взволнованы и что можно ожидать худыхъ послѣдствій, и что мѣры противъ сего не принимаются, положилъ резолюцію: „написать ему, что никакихъ безпорядковъ нѣтъ и чтобы онъ занимался своимъ дѣломъ“. Отъ 17 марта, въ виду напечатаннаго воззванія св. Синода, князь просилъ митрополита, чтобы 1) священники и причетники не вдавались ни въ какія разсужденія съ крестьянами о семъ воззваніи; 2) вразумляли-бы крестьянъ, что они должны заниматься обычными работами владѣльцамъ и себѣ, а если потребуетъ Царь на защиту церкви и отечества и объ этомъ объявитъ имъ начальство, то чтобы тѣ, которые призваны будутъ, исполнили свой долгъ; чтобы о каждомъ случаѣ недоразумѣній доносили священники полицейскому начальству и не составляли-бы никакихъ списковъ крестьянъ, которые болѣе всего подаютъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Отъ 24 марта, за № 2126, замѣтивъ таращанскому исправнику, что онъ подъ вліяніемъ разсказовъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ напрасно видитъ преступную цѣль въ происходящихъ между крестьянами недоразумѣніяхъ и напрасно собираетъ въ нѣкоторыя села команды, князь выставилъ ему на видъ, что преступной здѣсь цѣли никакой не видно изъ до-

несеній прочихъ исправниковъ, а видно только заблужденіе, будто имъ слѣдуетъ записаться въ козаки потому, что Царь призываетъ ихъ ополчиться. Вѣроятно крестьяне вмѣстѣ съ тѣмъ думаютъ, что, записавшись въ козаки, они будутъ свободны отъ господскихъ работъ. Заблужденія эти поселены первоначально неосторожными дѣйствіями нѣкоторыхъ священниковъ, утверждены разсказами дьячковъ, которые молвою и передаются изъ села въ село. Изъ нѣкоторыхъ донесеній князю будто видно, что крестьяне, послав просьбу, успокаивались и продолжали заниматься работами, что и можетъ указывать, что между ними не было вредныхъ и преступныхъ замысловъ. Изъ нѣкоторыхъ селъ, продолжаетъ князь, крестьяне являлись ко мнѣ съ просьбами, въ которыхъ я видѣлъ съ ихъ стороны заблужденіе, но вразумленные мною лично, крестьяне успокаивались и, кажется, съ полнымъ сознаніемъ своей ошибки. Употребленіе воинской силы и вразумленіе крестьянъ наказаніями несомнѣнно слѣдовало-бы допустить тогда, если-бы крестьяне, не слушая вразумленій, оказали сопротивленіе властямъ или явное ослушаніе. Поэтому князь внушаетъ исправнику стараться прежде всего употребить всѣ мѣры вразумленія заблуждающихся. Почти то-же самое предписано и Кіевск. исправнику. Отъ 17 марта князь предписалъ васильковскому исправнику: діакона Костецкаго арестовать, дворового Карменскаго освободить, но надзирать; Синявцевъ вразумить, жалобы крестьянъ на экономію разобрать. Подполковнику Аѳанасьеву, командированному 19 марта, князь предписалъ отправиться въ таращанскій уѣздъ и поступить тамъ слѣдующимъ образомъ: 1) отправиться въ с. Бесѣдку и, собравъ почетнѣйшихъ прихожанъ, прочитать имъ Высочайшій манифестъ и вразумить, что они отнюдь не призываются покидать свои дома, семьи, хозяйство и работы, но должны спокойно заниматься своими работами и исполнять повинности владѣльцу, предписанныя инвентаремъ; что никакихъ козаковъ нѣтъ и не будетъ и что тѣ списки, которые были составлены, ничего не значатъ, а что когда Царь позоветъ на службу изъ Кіевской губерніи крестьянъ для за-

щиты св. вѣры и отечества, и тогда пойдутъ не всѣ, а столько изъ нихъ, сколько прикажетъ Царь, и объ этомъ объявитъ имъ начальство и помѣщики, которыхъ должны слушать". Потомъ требовать отъ нихъ объявленія зачинщиковъ изъ нихъ, нанесшихъ грубости приставу, и изслѣдовать вообще этотъ случай; обнаружить виновныхъ и взять подъ арестъ. Въ предписаніи Аѳанасьеву и совѣтнику Губернскаго Правленія Янкуліо отъ 23 марта, послѣ донесенія объ успокоеніи крестьянъ таращанскаго уѣзда, князь писалъ: „Донесеніе ваше удовлетворило мои ожиданія: посылая Васъ, я былъ увѣренъ, что Вы остановите недоразумѣніе силою вразумленія, не прибѣгая къ крайнимъ мѣрамъ, которыхъ я всегда желалъ-бы избѣжать потому, что заблужденія крестьянъ въ извѣстной мѣрѣ имѣли въ основѣ ихъ преданность Государю. Прошу дѣйствовать такъ-же и въ каневскомъ уѣздѣ, всегда имѣя въ виду мои мысли, которыя выражены въ предписаніи и переданы лично предъ отъѣздомъ изъ Кіева, именно—не охлаждать проявившихся чувствъ преданности крестьянъ Государю и открыть тѣхъ, кои подстрекаютъ крестьянъ и утверждаютъ ихъ въ заблужденіи". Въ заключеніе князь совѣтуетъ дѣйствовать съ осторожностью, хладнокровно, но и съ энергіею.

Но князю самому вскорѣ пришлось убѣдиться по пріему ходоковъ съ прошеніями и списками, что дѣлаемыя имъ вразумленія содѣйствуютъ не къ успокоенію, а къ усиленію волненій. Нѣкоторые изъ ходоковъ отъ крестьянъ были препровождены княземъ въ Лавру, гдѣ въ соборной церки намѣстникъ Лавры, архимандритъ Іоаннъ, читалъ имъ манифестъ 14 декабря и разъяснялъ его смыслъ; митрополитъ Филаретъ, сообщая о семъ князю, присовокупилъ, что волненія крестьянъ происходятъ сколько отъ непониманія смысла манифестовъ, столько-же и отъ незаконнаго отягощенія ихъ непомѣрными работами отъ управляющихъ и экономовъ, при слабомъ надзорѣ полиціи объ исполненіи Высочайше утвержденныхъ положеній касательно быта крестьянъ здѣшняго края. Возвращавшіеся изъ Кіева ходоки, умышленно извращая слова князя, внушали своимъ односельцамъ то,

чего хотѣли. Получивши донесеніе объ этомъ, князь распорядился уже всѣхъ являвшихся съ списками препровождать въ полицію, которая къ вразумленію словесному присоединила сѣченіе розгами. Исправникъ кіевскаго у. Волковъ устроилъ пикеты на главныхъ путяхъ къ Кіеву, ловилъ народъ, разгонялъ всѣхъ ходоковъ, направлявшихся къ Кіеву, у которыхъ оказывались прошенія о козачествѣ или списки козаковъ. Мѣра эта оказалась болѣе вразумительною, чѣмъ бесѣды князя на языкѣ мало понятномъ мѣстнымъ крестьянамъ. Князь рѣшился не ограничиваться донесеніями исправниковъ, а дѣйствовать и на мѣстѣ чрезъ довѣренныхъ лицъ. Сначала проѣхалъ чрезъ каневскій и васильковскій уѣзды кіевскій губернаторъ Кривцовъ, но онъ видѣлся только съ полиціей. Возвратившись, онъ отъ 18 марта донесъ князю, что въ настоящее время все вниманіе крестьянъ васильковскаго и каневскаго уѣздовъ обращено на дѣйствія гражданскаго и духовнаго начальства относительно священниковъ таращанскаго уѣзда, селъ Веселаго Кута и Федюковки.

21 марта Аѳанасьевъ и Янкуліо, прежде чѣмъ пуститься въ Бесѣдку, потолкались на таращанской ярмаркѣ, чтобы повѣрить слухи о степени волненія крестьянъ, но ничего новаго не узнали, а крестьянъ с. Бесѣдки не нашли на ярмаркѣ за отдаленностью. 23 марта князь, сообщая начальнику корпуса жандармовъ Бѣлоусову о волненіи крестьянъ въ с. Черкасѣ и Озерной, гдѣ крестьяне дозволили себѣ сдѣлать оскорбленіе приходскому священнику, о чемъ свидѣтельствовалъ лично явившійся графъ Браницкій, поручилъ ему отправиться прежде всего въ с. Черкасъ и, сдѣлавши дознаніе, подвергнуть виновныхъ аресту и даже наказанію въ примѣръ другимъ; потомъ, по вразумленіи крестьянъ с. Черкасъ и Озерной, объѣхать другія села, гдѣ происходили волненія; священникамъ предложилъ, чтобы они отнюдь не составляли никакихъ списковъ. Въ распоряженіе Бѣлоусова дается рота саперъ (рота эта сводная въ числѣ 255 человѣкъ, а именно: 20 унтеръ-офицеровъ, 230 рядовыхъ, 4 музыканта и 1 цирюльникъ, преимущественно изъ лю-

дей старослужащихъ, подъ командою поручика Саковича при одномъ подпоручикѣ), квартирующая въ м. Фастовѣ, которая 25 марта передвинется въ Бѣлую Церковь, гдѣ будетъ ожидать его распоряженій. Передвиженіе это дѣлается съ тою цѣлію, чтобы, во 1-хъ, успокоить встревоженные умы преувеличенными разсказами о недоразумѣніяхъ крестьянъ, и во 2-хъ—употребить эту роту, по усмотрѣнію генерала, тамъ, гдѣ недоразумѣнія крестьянъ, паче чаянія, приняли-бы широкіе размѣры, хотя весьма желательно ограничиться однимъ расквартированіемъ сей роты въ одной какой-либо мѣстности. Два крестьянина с. Черкасъ, явившіеся къ князю съ списковъ, отправлены въ Васильковъ, а оттуда въ распоряженіе Бѣлоусова. Въ то-же время рота, квартирующая въ Ольшанкѣ, чрезъ Красное, Янковку, Ракитну (65 верстъ) двинута въ Таращу. Передвинутая въ Таращу рота отдавалась въ распоряженіе Аѳанасьева съ тѣмъ, чтобы расквартировать ее въ с. Бесѣдкѣ или въ другомъ мѣстѣ, и только въ крайнемъ случаѣ, если-бы крестьяне выказали явное ослушаніе и упорство, прибѣгнуть къ силѣ роты для взысканія розгами болѣе виновныхъ. При этомъ предписывалось обратить вниманіе на дѣйствіе исправника Паліенка и пристава Жолткевича, которые, повидимому, усилили волненіе въ Бесѣдкѣ своими неблагоразумными распоряженіями. Генералъ Бѣлоусовъ 26 марта, въ великую субботу, прибывъ въ с. Шкаровку съ ротой солдатъ, утромъ, немедленно подвергъ наказанію розгами до 50 крестьянъ, болѣе виновныхъ въ волненіи и насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ священника, приказавъ имъ отправиться въ Бѣлую Церковь и просить его возвратиться для служенія, что они и сдѣлали. Изъ Шкаровки онъ передвинулъ роту въ д. Быковую Греблю, смежную съ с. Черкасъ, но, находя неприличнымъ производить экзекуціи въ вечеръ наканунѣ Пасхи, ограничился арестованіемъ болѣе виновныхъ и расположился здѣсь дать ротѣ праздновать первый день Пасхи. Но въ праздникъ толпа крестьянъ сначала обращалась къ генералу съ просьбами освободить арестованныхъ, а потомъ, въ то время какъ одни просили у квартиры генерала, другіе въ большой

массѣ, около 600 человѣкъ, собравшись у воротъ ротнаго двора, гдѣ были арестованные, бросились на караульныхъ солдатъ, при чемъ одинъ штыкъ переломленъ, а три согнуто. Въ это время баталіонный командиръ, находившійся съ ротами, велѣлъ сдѣлать нѣсколько вѣстрѣловъ, которыми 5 крестьянъ убито, а 4 ранены. Происшествіе это произвело сильное впечатлѣніе какъ на мѣстныхъ крестьянъ, такъ и на сосѣднихъ. Всѣ присмирѣли и изъявили покорность. Отъ 24 марта князь, препровождая генералу Бѣлоусову въ копіи полученное отъ митрополита донесеніе мое о буйствѣ, допущенномъ крестьянами села Шкаровки и с. Черкасъ противъ приходскихъ священниковъ, предлагалъ дознать о семъ, открыть зачинщиковъ и подвергнуть строгому наказанію въ примѣръ другимъ.

Отъ 23 марта изъ с. Красиловки Аѳанасьевъ и Янкуліо донесли князю, что крестьяне с. Бесѣдки, послѣ долгихъ и усиленныхъ увѣщаній, приведены къ раскаянію и что здѣсь отобранъ наконецъ рукописный указъ св. Синода 1806 г. объ ополченіи, данный крестьянамъ діакономъ Слотвинскимъ, который послужилъ поводомъ къ толкамъ, что мѣстныя власти скрываютъ отъ крестьянъ такой указъ, по которому они должны получить свободу. Равнымъ образомъ успокоены крестьяне с. Керданъ, Жидовской Гребли, Веселаго Кута, Великой Березянки, Федюковки, Охматова, Баштечки, Красиловки, и сдѣлано внушеніе крестьянамъ с. Станишовки, Лукьяновки, Стенка, Луки, Антоновки, деревни Кисловки и д. Нагорной, гдѣ писались списки. На пути въ с. Плоскомъ Аѳанасьевъ и Янкуліо съ исправникомъ были на выносѣ плащаницы и бесѣдовали съ крестьянами, собранными изъ 5 окружныхъ селъ. Паліенко-же доносилъ князю, что, прибывъ 23 марта въ с. Бесѣдку, Аѳанасьевъ и Янкуліо застали 85 человѣкъ крестьянъ, собранныхъ по его распоряженію у приходской церкви, и по разъясненіи имъ смысла царскаго призыва, они объясняли свою невиновность опасеніемъ взысканія, что они только защищали себя, когда разсыльнымъ велѣно ихъ бить, а по отъѣздѣ исправника, хотя били въ набатъ и поставили караулы, но не вооружались; при

этомъ главный зачинщикъ, Ѳедоръ Шереметъ, сказалъ грубость Аѳанасьеву, за что взятъ подъ арестъ, а потомъ чистосердечно раскаялся; что причиной ихъ буйства не приставъ, а діаконъ Слотвинскій, вручившій имъ указъ св. Синода и переписавшій ихъ, при чемъ говорилъ: „хлопци, нате вамъ оцю бумагу, та глядить—никому не поддавайтесь, вона выведе васъ на добро"; а когда Аѳанасьевъ пожертвовалъ на ихъ церковь 10 р., то они, по долгомъ запирательствѣ, рѣшились выдать указъ, и одинъ изъ нихъ, отправившись домой, представилъ тотъ указъ. Затѣмъ просили прощенія, говоря, что намъ стыдно, что послушались такого дурня и сопротивлялись начальству. Окончивъ сіе, всѣ пошли въ церковь, выслушали молебствіе и отпустили крестьянъ, взявъ подписку въ ихъ раскаяніи, засвидѣтельствованную приходскимъ священникомъ. Къ этому донесенію Паліенка добавлю. Съ рукописнымъ указомъ 1806 г., даннымъ Слотвинскимъ, крестьяне с. Бесѣдки приходили къ священнику своему Тучапскому; священникъ разъяснялъ имъ, что этотъ указъ теперь ни къ чему не служитъ, но крестьяне не только не повѣрили, но вышли даже съ насмѣшками. По требованію Аѳанасьева Шереметъ на лошади сбѣгалъ домой и привезъ этотъ указъ, который называли уже „выводнымъ листомъ". Когда Аѳанасьевъ и Янкуліо разъяснили, что этотъ указъ ничего не значитъ, то толпа стала произносить ругательства на Слотвинскаго, помутившаго ихъ, удивляясь, какъ они повѣрили дьячку, который говорилъ, что кто не запишется въ козаки, тотъ останется вѣчно крѣпостнымъ, панскимъ, его будутъ пятновать (клеймить) и, хотя бы онъ былъ отецъ, его отдѣлятъ отъ дѣтей записанныхъ; дѣти будутъ проклинать его, и если онъ умретъ, кости его будутъ выброшены изъ гроба, и много т. п. При этомъ обнаружено, что исправникъ съ приставомъ прибыли въ Бесѣдку, имѣя при себѣ разсыльныхъ и козаковъ Молодецкаго до 76 человѣкъ, между ними до 50 человѣкъ пѣшей шляхты, одѣтой въ бѣлые зипуны съ зелеными поясами и въ сѣрыхъ барашковыхъ шапкахъ, вооруженной дубинами и отчасти пиками. Остановясь въ фольваркѣ, исправникъ послалъ команду собі-

рать громаду къ себѣ. Это было въ четвергъ послѣ обѣда. Въ этотъ день часть народа была на работѣ—барщинѣ, а часть на ярмаркѣ въ м. Жашковѣ. Прибывши въ село, команда эта кричала, въ крестьянскихъ домахъ била окна, ломала двери, вообще неистовствовала до того, что не на шутку перепугала всѣхъ женщинъ и дѣтей, которыя почти всѣ разбѣжались. Посланные верховые и пѣшіе начали созывать, но какъ крестьяне собирались медленно, то приставъ съ пригорка крикнулъ: „гони ихъ скорѣе“; тогда козаки и разсыльные, гоня толпу, задрались, и крестьяне, схвативъ колья, прогнали козаковъ, а розги разнесли. Тогда исправникъ и приставъ поспѣшили уѣхать, не принявъ посланной депутаціи изъ 4 человѣкъ. Команда, потерпѣвшая полное пораженіе, оставила побѣдителямъ нѣсколько лошадей, сѣделъ, ногаекъ и одну саблю, доставшуюся въ видѣ трофея Шеремету. Послѣ того крестьяне, предполагая, что исправникъ пріѣдетъ къ нимъ еще съ большей силою, поставили себя въ возможность всячески защищаться и условились собираться по звуку колокола. Аѳанасьевъ, Янкуліо и исправникъ, имѣя при себѣ только двухъ жандармовъ, не встрѣтили никакого препятствія къ аресту Шеремета. По выслушаніи въ церкви молебна, Аѳанасьевъ далъ на свѣчи 10 р. Молва о томъ, что въ Бесѣдкѣ есть „настоящій“ указъ, котораго еще не читали, разнеслась съ быстротою въ смежные уѣзды. Удаленный отъ должности главно-управляющимъ экономъ Невѣровскій, насмѣхаясь въ с. Попружной надъ записями въ козаки, сказалъ: „записывайтесь скорѣе, а то будетъ поздно“. Узнавъ, что однодворецъ Красуцкій записываетъ по 3 коп. съ души, Невѣровскій еще сказалъ: „на що вы такъ дорого платите? у насъ возьмутъ и по два гроша, идить писаться“.

26 марта я прибылъ въ Таращу около полудня въ квартиру подполковника Аѳанасьева и Янкуліо и послѣ обѣда тотчасъ приглашенъ отправиться съ исправникомъ Паліенко въ Кошевату, гдѣ, по донесенію помѣщика Молодецкаго, угрожала якобы опасность самому владѣльцу отъ волненія крестьянъ. Молодецкій заявлялъ, что крестьяне его имѣютъ заговоръ противъ

дворянъ и, не заставши исправника въ Таращѣ, обращался къ артилерійскому генералу Майделю о защитѣ. Исправникъ донесъ, будто въ Кошеватой было собрано 60 человѣкъ изъ самой Кошеватой, 15 изъ Кисловки, 20 изъ Закутинецъ, и 20 изъ Степка, но ихъ всѣхъ было 20. Мы помѣстились въ домѣ священника Хоржевскаго и потолковали съ созванными туда крестьянами, которые оказались въ весьма спокойномъ настроеніи и заявили, что у нихъ никакого волненія нѣтъ и не предполагается. Исправникъ въ донесеніи своемъ о семъ князю сообщалъ, что оффиціалисты сами сочиняютъ нелѣпую молву. Къ вечеру мы возвратились обратно въ Таращу—это была великая суббота. Отслуживъ затѣмъ пасхальную заутреню и обѣдню въ таращанскомъ соборѣ и разговѣвшись на разсвѣтѣ, Аѳанасьевъ, Янкуліо и я, при двухъ жандармахъ, отправились чрезъ Кошевату и Баранье Поле въ м. Медвинъ, каневскаго уѣзда.

Аѳанасьевъ и Янкуліо, послѣ успѣховъ своихъ въ с. Бесѣдкѣ, писали отъ 25 марта князю, что рота саперъ, направленная изъ Ольшанки въ г. Таращу, имъ не нужна, что все обойдется безъ воинской помощи здѣсь и въ каневскомъ уѣздѣ, гдѣ не слышно, чтобы исправники дѣйствовали съ козаками. Но если-бъ и тамъ было, какъ въ Бесѣдкѣ, то достанетъ насъ и двухъ жандармовъ справиться съ народомъ, если только встрѣтимъ вѣру ихъ къ намъ въ лицѣ Вашего сіятельства и если не измѣнитъ кому либо изъ насъ здоровье. Отъ 28 марта князь предписалъ командиру 2 саперной бригады передвинуть въ Бѣлую Церковь еще одну роту саперъ изъ Мотовиловки чрезъ Гребенки.

Въ м. Медвинъ прибыли Аѳанасьевъ, Янкуліо и я въ первый день Пасхи, 27 марта, передъ вечерней, и остановились въ домѣ священника Левицкаго, котораго не оказалось дома, такъ какъ онъ потребованъ къ митрополиту въ Кіевъ. Распорядившись звонить къ вечернѣ, я служилъ вечерню самъ и послѣ вечерни съ амвона вразумлялъ крестьянъ и увѣщевалъ бросить нелѣпыя внушенія. По выходѣ изъ церкви, о томъ-же говорили

имъ Аѳанасьевъ и Янкуліо. Они изъявляли покорность начальству и просили ходатайствовать о возвращеніи ихъ священника, согласившагося по ихъ просьбѣ написать списки. Тѣ-же увѣщанія, съ одной стороны, и просьбы—съ другой, повторялись и на другой день послѣ литургіи. Сюда, по вызову Аѳанасьева, утромъ являлись крестьяне с. Красногородки, Гуты, Софіевки, Дмитренокъ, Яцюковъ и Исаекъ. Около 11 часовъ мы отправились даже въ м. Богуславъ, предполагая, собравъ здѣсь свѣдѣнія, посѣтить нѣкоторыя мѣстности каневскаго и кіевскаго уѣздовъ.

Между тѣмъ отъ 3 апрѣля кіевскій исправникъ доносилъ князю, что 22 марта крестьяне м. Кагарлыка, въ числѣ до 200 человѣкъ, вторглись въ домъ священника, начали ломать двери, дерзко крича: „громадьска хата, вольно намъ что угодно дѣлать". На вопросъ священника, что имъ нужно, отвѣчали съ дерзостію въ одинъ голосъ: „три года утаивается вами указъ объ отпускѣ насъ въ вольные козаки, читай намъ его сейчасъ-же и по прочтеніи записывай всѣхъ насъ съ дѣтьми въ козаки". Будучи удивленъ такимъ страннымъ требованіемъ и дерзостью, священникъ Комашко старался вразумить прихожанъ всѣми возможными средствами, но они не переставали кричать на него съ яростію: „у тебя нѣтъ такого указа, почему-же въ имѣніяхъ Браницкаго и въ другихъ селахъ священники прочитали указъ, когда громада порядкомъ пристала къ нимъ, и записали въ козаки",—о чемъ имъ стало извѣстно на бывшей кагарлыцкой ярмаркѣ. Затѣмъ, не пустили священника въ церковь для священнослуженія, говоря: „мы не на шагъ не отпустимъ тебя и готовы рѣшиться на все, потому что срокъ намъ кончится къ Благовѣщенію, и если къ этому дню не кончимъ нашего дѣла, то всѣ тогда погибли". Священникъ хотѣлъ пономаремъ послать записку къ становому приставу, но пономаря не пустили, угрожая убить пономаря, если понесетъ записку.

Прибывшій изъ Житнихъ Ставовъ приставъ не засталъ уже ни толпы, ни священника въ его дворѣ, ибо священникъ отправился къ командиру 18-ой роты Бѣлевскаго полка, капитану

Лопатину, а толпа послѣдовала за нимъ, удерживая за концы рясы. Толпа не слушала увѣщаній ни пристава, ни Лопатина, и хотя по неоднократному требованію командира выступила изъ ротнаго двора, но расположилась вокругъ сего двора и отступила не раньше, какъ увидѣвъ, что солдаты собираются къ ротному двору въ боевой аммуниціи для усиленія караула при цейхаузѣ, въ которомъ находилось 200 ружей и 20 пудовъ пороху въ патронахъ. Къ вечеру крестьяне пошли толпою къ другому священнику Стояновскому съ тѣми-же требованіями и пріемами и ушли отъ него только ночью. На другой день явился въ Кагарлыкъ исправникъ, но крестьяне по требованію не явились къ его квартирѣ, говоря: „незачѣмъ ходить къ исправнику". Исправникъ отправился къ нимъ самъ; но всѣ его увѣщанія и вразумленія были тщетны; одинъ отвѣтилъ: „що буде людямъ, то и намъ; годи панамъ робыть". Исправникъ хотѣлъ арестовать болѣе дерзкаго изъ нихъ, Стефана Базяка, но тотъ крикнулъ: громада, за мною! Ротой Бѣлевскаго полка—прикладами Базякъ отбитъ и строго наказанъ, съ 17-ю другихъ. Тогда крестьяне, упавъ на колѣни, обѣщали слушаться и вѣчно повиноваться властямъ. То-же съ 17-ой ротой Бѣлевскаго полка повторено въ с. Шубовкѣ, Липовцѣ, Гороховаткѣ и Биндюговкѣ, чѣмъ возстановлено къ 27 марта спокойствіе въ кіевскомъ уѣздѣ. 30 марта княземъ получено донесеніе отъ сквирскаго исправника Гогоцкаго отъ 29 марта, что крестьяне с. Логвина и д. Михайловки находятся въ прежнемъ упорствѣ, и никакія убѣжденія на нихъ не дѣйствуютъ. Дерзость ихъ достигла до того, что, окруживъ священника въ церкви цѣлымъ обществомъ, держатъ его тамъ подъ карауломъ въ колокольнѣ, не давая ему ни ѣсть, ни пить, ни одѣться въ теплую одежду; браня и грозя, принуждаютъ привесть ихъ къ присягѣ на Евангеліи и крестѣ на службу Богу и государю и на вольность, и составить имъ потомъ списки. 29 марта утромъ взбунтовались крестьяне с. Березной помѣщика Бальтазара Подгорскаго и, задержавъ благочиннаго, священника Сикорскаго, по окончаніи литургіи, держатъ его голоднымъ и безъ теплаго одѣянія, не

обращая вниманія на болѣзненное состояніе, толкаютъ, ругаютъ и грозятъ уморить голодною смертію, если не приведетъ ихъ къ присягѣ на Евангеліи и крестѣ и не сдѣлаетъ имъ списка. Убѣжденія и угрозы пристава ничего не подѣйствовали. Священники с. Логвина и Березны находятся въ опасности, а исправнику крестьяне сказали: „пусть прійдетъ цѣлый отрядъ солдатъ хоть и съ пушками,—они съ тѣмъ-же духомъ встрѣтятъ ихъ и не выпустятъ священниковъ до тѣхъ поръ, пока они не удовлетворятъ ихъ желанія“. Подобное сопротивленіе, хотя и въ меньшемъ видѣ, произошло уже въ смежномъ селѣ Сквиркѣ и оказалось въ с. Бѣліевкѣ, Тартанѣ, Пархомовкѣ и д. Тадіевкѣ. Исправникъ, не находя возможнымъ всего описать, заключилъ, что дѣло принимаетъ большіе размѣры и что безъ воинской команды не возможно прекратить безпорядковъ.

По полученіи этого донесенія, князь—во 1-хъ) 30 марта предписалъ Аѳанасьеву и Янкуліо, намѣревавшимся изъ Богуслава ѣхать въ с. Потокъ и Козинъ каневскаго уѣзда, поспѣшить въ сквирскій уѣздъ—въ с. Логвинъ и Березну для успокоенія и вразумленія крестьянъ, а если это не удастся, то, по соглашенію съ генераломъ Бѣлоусовымъ, употребить двѣ роты саперъ, а также и ту, которая была отправлена въ Таращу, чтобы пресѣчь безпорядки въ самомъ началѣ и не дать имъ распространиться; во 2-хъ) 31 марта далъ предложеніе и. д. губернатора Веселкину принять на себя общее руководство всѣми дѣйствіями къ возстановленію порядка между крестьянами кіевской губерніи и, удостовѣрившись въ успокоеніи крестьянъ васильковскаго уѣзда, вмѣстѣ съ Бѣлоусовымъ принять мѣры къ успокоенію крестьянъ сквирскаго у., и передалъ ему въ распоряженіе состоящаго при генералъ-губернаторѣ капитана Громеку.

Аѳанасьевъ и Янкуліо изъ Богуслава слѣдовали въ село Юхны, крестьяне котораго не захотѣли явиться къ нимъ въ Богуславъ, а оттуда въ с. Карапиши. Въ Юхнахъ крестьяне, по выслушаніи указа объ ополченіи, повинились въ своемъ заблужденіи, а въ Карапишахъ сначала твердили только „и мы всѣ готовы“, а затѣмъ изъ указа 29 генваря о государствен-

номъ ополченіи поняли, что не всѣмъ велѣно итти на войну, а по 23 съ 1000 душъ, и что ратники призываются только на время войны, а затѣмъ возвратятся въ первобытное состояніе. Въ Карапишахъ и Зеленькахъ крестьяне домогались указа о козачествѣ, соединенномъ съ вольностію. Священникъ Грушецкій убѣдилъ своихъ прихожанъ, что нѣтъ такого указа, а крестьяне 2-ой половины с. Карапишей, подстрекаемые дьячкомъ Филотовичемъ, не повѣрили своему священнику Гавріилу Яворскому. Дьячекъ этотъ арестованъ и отправленъ нами въ каневскую тюрьму для страха прочимъ. Въ с. Зеленькахъ крестьяне домогались указа, вытащили священника Черняховскаго изъ кладовой, куда онъ спрятался, и нанесли оскорбленіе дѣйствіемъ его женѣ. Здѣсь также сдѣлано внушеніе жителямъ с. Чаекъ, Мисайловки, Кидановки, Дешекъ, Яхновъ, Роскопаной и Пустовойтъ. Въ Зеленькахъ крестьяне жаловались на экономію графовъ Браницкихъ, въ особенности на перемѣну крестьянскихъ полей и ихъ уменьшеніе въ прошедшемъ году. Изъ Зеленекъ поѣхали 31 марта въ с. Потокъ и Степанцы, гдѣ крестьяне нанесли дерзости священнику за непрочтеніе имъ указа о козачествѣ. 1 апрѣля Аѳанасьевъ и К° прибыли въ м. Козинъ, гдѣ сдѣланы увѣщанія мѣстнымъ жителямъ и также селъ Масловки и Емчихи; изъ Козина прибыли въ Богуславъ, чтобы ѣхать въ Хировку и Николаевку, гдѣ показались недоразумѣнія крестьянъ. Но по прибытіи въ Богуславъ, получено донесеніе отъ исправника Охримовича, что крестьяне имъ вразумлены и успокоены, а отъ и. д. начальника губерніи получено предписаніе отъ 1 апрѣля слѣдовать въ с. Березну сквирскаго уѣзда.

1 апрѣля въ 6 часовъ утра Веселкинъ съ Громекою прибыли изъ Кіева чрезъ Бѣлую Церковь въ д. Быковую Греблю. Подъѣзжая здѣсь къ квартирѣ генерала Бѣлоусова, они нашли обѣ роты саперъ выведенными—одна изъ нихъ стояла предъ воротами, ведущими къ экономическому дому, подъ ружьемъ, съ баталіоннымъ и ротнымъ командирами, а другая въ томъ-же порядкѣ на дворѣ и окружала до 300 человѣкъ крестьянъ Быковой Гребли и малаго числа другихъ селъ; расположенная

же у воротъ наблюдала за крестьянами, подходившими большими массами изъ разныхъ окрестныхъ селеній, а въ то-же время на дворѣ происходило наказаніе главныхъ виновниковъ и зачинщиковъ неповиновенія и тѣхъ, которые съ упорствомъ не принимали никакихъ убѣжденій, отказывались отъ повиновенія и исполненія работъ. Въ ту самую минуту, когда Веселкинъ изъ экипажа пошелъ къ генералу Бѣлоусову, а Громека подошелъ къ толпѣ, собравшейся въ 600—700 человѣкъ, послышался выстрѣлъ изъ нѣсколькихъ ружей, и оказалось слѣдующее: толпа съ крикомъ бросилась спасать крестьянъ Быковой Гребли, подвергшихся наказанію, схватилась за ружья, погнула 3 штыка, а одинъ переломила, и вынудила тѣмъ баталіоннаго командира сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, а такъ какъ они послѣдовали почти въ упоръ ружья, то убито на мѣстѣ 5 человѣкъ и ранено 4. Послѣ этого толпа бѣжала за селеніе и до часа по полудни не возвращалась,—а крестьяне Быковой Гребли изъявили совершенную покорность, назвавъ нѣкоторыхъ подстрекателей. Отдавъ подъ арестъ зачинщиковъ и подстрекателей, числомъ 7 человѣкъ, Веселкинъ съ Бѣлоусовымъ и Громекою употребили два часа времени, стараясь внушить крестьянамъ ихъ обязанности и разсѣять недоумѣнія. Между тѣмъ съ другой стороны села собиралась новая толпа крестьянъ до 300 человѣкъ изъ с. Ольшанки и Сорокотягъ, изъявляя неповиновеніе, но когда узнали о покорности Быковскихъ крестьянъ и о происшествіи, то, послѣ наказанія 3 изъ с. Ольшанки и 3 изъ Сорокотягъ, и сами изъявили покорность. Затѣмъ Быковскіе арестованные отправлены въ Бѣлую Церковь, туда-же направлены и раненные, а убитые преданы землѣ. Впослѣдствіи дознано, что крестьяне изъ сосѣднихъ селъ созваны были въ ночь съ 31 марта на 1 апрѣля чрезъ верховыхъ, посланныхъ Быковскими крестьянами. Шли въ Быковую Греблю еще толпы изъ с. Бирюковъ, Пугачовки, Острова и Кожанки, находились уже въ сосѣднемъ селѣ Черкасѣ, но узнавъ, что въ Быковой Греблѣ стрѣляютъ, разошлись по домамъ,—затѣмъ прислали депутацію и изъявили покорность крестьяне с. Пплипчей,

Черкасъ, Шкаровки, Кожанки, Бакаловъ и Езерной. Прибывши затѣмъ въ с. Яблуновку, 3 апрѣля, Веселкинъ не нашелъ крестьянъ въ домахъ, такъ какъ они отправились въ ближайшій лѣсъ для совѣщаній, но обѣщая возвратиться съ покорностію. Но отъ 2 апрѣля и Веселкинъ писалъ князю, что настроеніе крестьянъ вообще неудовлетворительно, особенно въ той мѣстности, гдѣ дѣйствуетъ генералъ Бѣлоусовъ. Того-же 3 апрѣля капитанъ Громека съ одной ротой командированъ Веселкинымъ въ с. Трушки. По прибытіи 3 апр. въ с. Трушки, онъ засталъ въ церковной оградѣ толпу болѣе 1000 человѣкъ изъ с. Трушекъ, Матюшей и Шамраевки съ бабами; толпа вручила прошеніе. Всѣ убѣжденія Громеки въ теченіе часу и указаніе на примѣръ въ Быковой Греблѣ нисколько не вразумили крестьянъ; у нихъ одинъ отвѣтъ: „всѣ здѣсь ляжемъ до одного, но служить ляхамъ болѣе не будемъ и барщины не хотимъ, хочемъ принадлежать царю". Жены и даже молодыя женщины оказались едва-ли не азартнѣе мужчинъ, говоря, что принимаемъ на себя первыя пули. Крестьяне не хотѣли ни разставаться съ женами, ни расходиться по домамъ, возвращая съ побоями тѣхъ, которые хотѣли уйти. Не вѣрили и тому, что Громека присланъ отъ генералъ-губернатора. Масса народа дѣлала невозможнымъ окружить ихъ въ одну шеренгу. Потому, расположивъ роту предъ домомъ священника, Громека послалъ донесеніе Веселкину въ Яблуновку, объявивъ и народу, что будетъ ожидать отвѣта отъ губернатора. Веселкинъ прибылъ въ Трушки на другой день, 4 апрѣля, утромъ съ 2 ротами, которыя вступили съ барабаннымъ боемъ. Толпа въ страхѣ разбѣжалась, осталось [illegible] болѣе 500 человѣкъ и 50 женщинъ. Толпа окружена, женщины оттащены назадъ при ихъ неистовомъ крикѣ, зачинщики и буяны, замѣченные Громекою, вызваны впередъ и наказаны розгами. Всѣ раскаялись и просили прощенія, кромѣ крестьянина Кочерги, который и послѣ наказанія остался упрямымъ, а потому отправленъ въ Васильковскую тюрьму.

Веселкинъ и Бѣлоусовъ изъ васильковскаго уѣзда съ 3 ротами саперъ передвинулись въ с Березну, сквирскаго уѣзда, извѣстясь, что крестьяне этого села нѣсколько дней съ угрозами тщетно домогаются отъ своего приходского священника объявленія указа о вольности. Въ с. Березной они застали толпу крестьянъ этого села и сосѣднихъ до 3 тысячъ, которые всѣ были съ толстыми палками въ рукахъ. Убѣжденія и вразумленія начальствующихъ не подѣйствовали на крестьянъ: толпа продолжала съ крикомъ объявлять, что до тѣхъ поръ не покорятся и не выдадутъ священниковъ, пока послѣдніе не объявятъ указа о козачествѣ и освобожденіи отъ господскихъ работъ. Въ то время, когда начальствующіе послѣ сего обдумывали, какія еще принять мѣры для вразумленія крестьянъ, раздался звонъ колокола съ церковной колокольни, и толпа съ крикомъ направилась къ воинской командѣ; въ эту минуту первые ряды двухъ ротъ по предварительному приказу сдѣлали нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ на воздухъ съ тою цѣлію, чтобы подѣйствовать на крестьянъ страхомъ, но толпа отвѣчала крикомъ, съ которымъ бросила въ колонны имѣвшіяся въ рукахъ палки. Когда затѣмъ выстрѣлили заднія колонны, толпа на мгновеніе остановилась, и часть ея отхлынула, но скоро съ неистовствомъ вновь ринулась на фронтъ. Произведенный по вторичной командѣ залпъ изъ ружей и натискъ солдатъ обратилъ толпу въ бѣгство. Нижнимъ чинамъ при этомъ не причинено никакого вреда, только у одного ружья сломанъ прикладъ. Но изъ крестьянъ 20 убито и 40 ранено. Большая часть толпы успѣла бѣжать; остановленные до 600 человѣкъ крестьяне села Березной открыли мѣста, гдѣ укрыты священники этого и сосѣднихъ селъ—Березны Василій Сикорскій, с. Пустоваровки Софроній Погорецкій, с. Логвина Григорій Сикорскій и с. Антонова—Алексѣй Сикорскій, которые освобождены; болѣе виновные и упорные наказаны.

Аѳанасьевъ, Якуліо и я, получивши распоряженіе слѣдовать въ с. Березну, отправились туда по правому берегу Роси чрезъ с. Ольшанку, но за разливомъ рѣки Роси не могли пе-

переправиться въ Березну и часовъ въ 9 вечера остановились въ с. Логвинѣ, гдѣ узнали, что въ тотъ-же день собравшіеся въ Березну крестьяне окрестныхъ селъ и с. Логвина разсѣяны выстрѣлами войскъ, и Логвинскіе только-что прибѣжали туда изъ Березной, переправясь вплавь и лодками чрезъ рѣку. Изъ двора священника, къ которому мы подъѣхали, выбѣжала вся семья въ слезахъ и страхѣ, прося принять ихъ подъ свою защиту и ночевать въ ихъ домѣ, такъ какъ ожесточенные крестьяне могутъ, напавши на нихъ—однѣхъ женщинъ и дѣтей, перебить. Мы охотно согласились, ибо въ дождь на измученныхъ лошадяхъ нельзя было слѣдовать даже куда-либо, хотя жутко было и намъ на такомъ ночлегѣ. Аѳанасьевъ, прежде храбрый, начиналъ робѣть; онъ и Янкуліо также не мало обезпокоены были моей прогулкой въ одну изъ крестьянскихъ хатъ, гдѣ находился раненный въ с. Березнѣ. Въ этой хатѣ я засталъ плакавшихъ женщинъ и раненнаго въ руку крестьянина, поговорилъ и сколько могъ утѣшилъ его и другихъ, разъяснивши ихъ заблужденіе, приведшее къ такой бѣдѣ. Заночевали мы въ большой комнатѣ на сѣнѣ, поставивши у двери жандармовъ; Аѳанасьевъ легъ, взявши по пистолету въ обѣ руки. Не имѣя права употреблять оружіе, я легъ безоружнымъ и заснулъ глубокимъ сномъ, проснувшись лишь на разсвѣтѣ. Утромъ, въ 8 часовъ явились крестьяне с. Логвина; потолковавши съ ними о ихъ заблужденіи, мы отправились обратно въ Бѣлую Церковь, а оттуда въ с. Трушки, гдѣ застали капитана Громеку, Бѣлоусова и Веселкина на ночлегѣ, по усмиреніи Трушевцевъ. Весь вечеръ Громека потѣшалъ насъ разсказами... Въ это-же время студентъ кіевскаго университета, сынъ арендатора въ с. Волянкѣ, таращанскаго уѣзда, Р—ь, прибывши на праздникъ Пасхи къ своему отцу, сказалъ въ полѣ одному крестьянину, что онъ можетъ ихъ сдѣлать вольными, если они послушаютъ его, и предложилъ собраться въ концѣ села, въ пустой избѣ, обѣщая прочитать бумагу. Туда въ ночь на 28 марта собралось 35 человѣкъ; туда явился и молодой Р—ь. Угостивши крестьянъ водкою и поцѣловавши крестъ, сложенный изъ пальцевъ

руки, онъ сталъ читать имъ бумагу, присланную яко-бы изъ Франціи, сказавъ, что французы и англичане сожалѣютъ о томъ, что ихъ здѣсь мучатъ. Прочитавъ нѣсколько строкъ, Р—ь сталъ говорить объ угнетеніи ихъ царемъ, описывалъ черными красками ихъ положеніе и возбуждалъ къ поголовному возстанію, сказавъ, будто 40 студентовъ послано къ крестьянамъ, и 46 селъ уже готовы, а чрезъ мѣсяцъ друзья крестьянъ—Англичане и Французы—придутъ подать имъ руку помощи; тогда не будетъ пановъ, а всѣ будутъ равны; затѣмъ дочиталъ воззваніе до конца. Въ это время одинъ изъ крестьянъ, подойдя близко, схватилъ Р—я за обѣ руки и разогнулъ пальцы его руки, въ которой сжата была бумага, отнялъ отъ него воззваніе, которое оказалось рукописнымъ на польскомъ языкѣ. Крестьяне доставили это воззваніе священнику, а священникъ, прочитавъ, передалъ приставу. Р—ь бѣжалъ и скрывался по лѣсамъ, но вскорѣ былъ схваченъ и посаженъ въ крѣпость; студенты вытребованы всѣ въ Университетъ, а полиціи велѣно дознать о ихъ поведеніи во время отпуска.

По распоряженію губернатора намъ нужно было докончить объѣздъ каневскаго уѣзда; потому изъ с. Трушекъ мы чрезъ Бѣлую Церковь, Таращу и Богуславъ прослѣдовали въ с. Яновку. Здѣсь 7 апрѣля отъ только-что прибывшаго изъ м. Таганчи благочиннаго Николая Дашкевича узнали мы, что въ Таганчѣ и окрестныхъ съ нею селахъ сильное волненіе. Не смотря однако на предостереженіе о. Николая, что туда и ѣхать опасно и что по дорогамъ разставлены крестьянскіе пикеты, мы рѣшились и въ вечернее время поспѣшить туда. Въ сумерки уже въѣхали мы въ Таганчу; на встрѣчу намъ черезъ плотину, по пути отъ церкви, направлялась къ намъ на площадь большая толпа, только-что выпустившая изъ церкви своего приходскаго священника Андрея Антоновскаго, содержавшагося тамъ около 3 сутокъ подъ карауломъ. Они 4 апрѣля вечеромъ вытребовали священника въ церковь съ тѣмъ, чтобы онъ прочиталъ имъ указъ о вольности; продержавъ священника до 10 часовъ утра, едва освободили его послѣ разныхъ оскорбленій,

брани и дерзостей. На другой день крестьяне сосѣднихъ селъ, прибывъ въ Таганчу, принесли съ собою захваченныя изъ Мартыновской церкви инвентарныя правила, называя ихъ царскимъ указомъ о вольности. Тогда такія-же правила вытребованы отъ таганскаго священника. Съ этими правилами и подобранными въ церквахъ другими указами бродятъ изъ села въ село, водя пѣшихъ священниковъ и дѣлая имъ всяческія оскорбленія. Въ Таганчу стали являться за свѣдѣніями гонцы отъ крестьянъ и изъ черкасскаго уѣзда, и барщина брошена вездѣ, кромѣ богуславскаго имѣнія. Также пріостановлены работы въ сахарныхъ заводахъ и на суконныхъ фабрикахъ. Чтобы послать донесеніе князю, каневскій исправникъ Охримовичъ долженъ былъ изъ Таганчи пробираться 30 верстъ къ Богуславу, такъ какъ крестьяне задерживали разсыльныхъ. Объявивъ, что теперь позднее время, Аѳанасьевъ велѣлъ крестьянамъ явиться къ нимъ утромъ, такъ какъ мы ночуемъ въ Таганчѣ. Приглашеніе въ помѣщичій домъ А. Ос. Понятовскаго мы отклонили, а остановились для ночлега въ трактирѣ—на той-же площади. Здѣсь Аѳанасьевъ сдѣлалъ еще распоряженіе, чтобы на другой день изъ 7 селъ таганскаго имѣнія явилось въ Таганчу по 10 человѣкъ. Хотя Аѳанасьевъ вызывалъ подобнымъ образомъ въ одинъ пунктъ изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ селъ и въ таращанскомъ и въ каневскомъ уѣздахъ, но здѣсь такое распоряженіе оказалось крупной ошибкой, усилившей волненіе и безпорядки. Дѣло въ томъ, что волненіе было не въ одномъ таганчскомъ округѣ, но захватило и корсунское имѣніе князя Лопухина по р. Рось; крестьяне вездѣ тормошили священниковъ, требуя предъявить указъ объ освобожденіи крестьянъ отъ помѣщиковъ, искали его съ помощію сельскихъ грамотѣевъ въ домахъ священниковъ, въ церквахъ, заглядывая и подъ св. престолы; въ воображеніи своемъ сочинили, что указъ этотъ написанъ золотыми литерами, что на немъ крестъ, дорога и золотыя китицы (кисти) по угламъ. Никакія увѣренія и клятвы священниковъ не могли разувѣрить, что такого указа нѣтъ и не было. Бѣдствія священниковъ въ семъ случаѣ точно описаны б. благочиннымъ

Антоніемъ Ковальскимъ въ запискѣ, помѣщенной въ „Кіевской Старинѣ". И вотъ въ самый разгаръ этого волненія объявляется, что въ Таганчу прибыли генералы или полковники объявить волю и что громады на утро должны явиться туда. Дѣйствительно, утромъ, съ 6 часовъ, стали появляться одна за другой громады сосѣднихъ съ корсунскимъ имѣніемъ селъ, именно—с. Полствина, Мартыновки, Даріевки, Голяковъ, Мельниковъ, Ключниковъ, Беркозовки, Гарбузина, Сотниковъ и Кищинецъ, съ приходскими священниками впереди, приведенными пѣшкомъ, и расположились на площади, предъ трактиромъ, въ которомъ мы остановились. Кромѣ мѣстнаго священника м. Таганчи, здѣсь были благочинные Дашкевичъ и Ковальскій, священники с. Полствина В. Акимовичъ, с. Выграева Загродскій, с. Гарбузина Кудревичъ. Зрѣлище представлялось любопытное и внушительное. Сначала не робѣя, мы трое выходили на площадь потолковать то съ той, то съ другой громадой, но ничто не помогало; едва вѣрили и тому, что мы уполномочены генералъ-губернаторомъ и митрополитомъ. Крестьянинъ м. Таганчи, пожилой и повидимому болѣе вліятельный, говорилъ вслухъ, что бояться нечего, войска нѣтъ ни здѣсь въ кіевской губерніи, ни въ полтавской, гдѣ онъ былъ недавно, что оно все теперь въ Крыму—на войнѣ. Другой, почтенный по виду и добродушный, послѣ моихъ увѣщаній, наклонившись тихо сказалъ мнѣ: „Батюшка, мы и сами добре знаемъ, шо такого указа нема, колы-жъ намъ хочется, щобъ винъ бувъ". Возвратясь около 10 часовъ для отдыха въ квартиру, мы замѣтили, что въ другой половинѣ трактира помѣстилось нѣсколько крестьянъ, которые отличались особенною дерзостію въ отвѣтахъ на площади и даже отгоняли отъ насъ палками народъ, чтобы онъ не слушалъ нашихъ увѣщаній. Управляющій-же имѣніемъ Понятовскаго Беренсъ, прожившій въ Таганчѣ болѣе полустолѣтія, явившись къ намъ, сообщилъ, что крестьяне сговариваются арестовать насъ, и потому совѣтовалъ уѣхать отсюда. Положеніе было критическое. Чтобы видомъ робости не поощрить толпу, рѣшились мы попытаться выѣхать не тайкомъ, а въ виду всей

массы. Возвративши въ домъ помѣщика чай, который на большомъ подносѣ несенъ былъ для насъ по площади въ трактиръ, мы сѣли въ экипажи свои у лицевого подъѣзда, имѣя при себѣ по жандарму; лошади тронулись рысью; на крикъ—раздайся! толпа разступилась, и мы, раскланиваясь съ крестьянами, обнаживши свои головы, шибко выѣхали съ площади на корсунскую дорогу. Пикеты изъ нѣсколькихъ крестьянъ, стоявшіе при выѣздѣ изъ м. Таганчи, въ лѣсу и за лѣсомъ на полѣ, не осмѣлились насъ остановить, и чрезъ два часа мы были въ м. Корсунѣ. Насколько вожаками была перетолкована цѣль нашего прибытія въ Корсунь, достаточно показала встрѣченная нами въ Таганчскомъ лѣсу группа молодыхъ рекрутъ изъ крестьянъ, направлявшаяся въ Таганчу. На вопросъ нашъ: зачѣмъ идутъ въ Таганчу, они отвѣчали—„а якже, тамъ кажуть, пріихалы паны одъ губернатора и одъ митрополита дилыть поля; то може и намъ выдилять по якій десятыни“. Исправникъ былъ задержанъ въ Таганчѣ и отпущенъ утромъ. По прибытіи нашемъ въ становую квартиру, явился туда и свѣтлѣйшій князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ для совѣщанія о мѣрахъ, какіе слѣдуетъ предпринять для успокоенія взволнованныхъ крестьянъ и для общественной безопасности. Еще изъ Таганчи Аѳанасьевъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы 4 роты Бѣлевскаго Егерскаго полка, назначенныя въ каневскій уѣздъ, слѣдовали въ м. Таганчу. Теперь рѣшено поскорѣе, хотя-бы на подводахъ, придвинуть одну или двѣ роты, вмѣсто Таганчи, въ Корсунь, а губернатору съ увѣдомленіемъ о семъ писано о необходимости его личнаго прибытія сюда въ виду возможной надобности прибѣгнуть къ употребленію воинской силы. И. д. губернатора, бывшій въ это время въ уманскомъ уѣздѣ, отнесся къ начальнику резервной легкой кавалерійской дивизіи князю Багратіону Имеретинскому о командированіи въ Корсунь нѣсколькихъ эскадроновъ сей дивизіи. Престарѣлый Аѳанасьевъ совершенно упалъ духомъ и на другой день послалъ князю Васильчикову просьбу объ отпускѣ въ Кіевъ по причинѣ сильно разстроеннаго состоянія здоровья, при которомъ онъ не можетъ содѣй-

ствовать и. д. губернатора, тѣмъ болѣе, что толпа теперь уже ничему не вѣритъ, добиваясь только скрываемаго отъ нея указа. Это было въ пятницу. На другой день, въ субботу, до вечера мы, остановясь въ Корсунѣ, выжидали свѣдѣній о положеніи окольныхъ крестьянъ и прибытія войскъ. Свѣдѣнія о крестьянахъ были неутѣшительны, такъ какъ прибѣжавшіе отъ нихъ въ м. Корсунь священники, число ихъ было до 13, сообщили, что можно ожидать всего худого и помѣщикамъ, и священникамъ, бросившимъ свои семейства въ большомъ страхѣ. Собираясь служить литургію въ наступавшее воскресеніе—10 апрѣля, вечеромъ я перешелъ изъ становой квартиры въ сосѣдній домъ священника Тимоѳея Стрижевскаго и очутился въ большомъ обществѣ сельскаго священства, передававшаго скорбную повѣсть о броженіи крестьянъ и претерпѣнныхъ отъ нихъ страданіяхъ. Въ это время явился къ намъ священникъ с. Сытниковъ Иванъ Чернодубравскій, едва державшійся на ногахъ и почти безъ голоса, въ сопутствіи своей жены и дѣтей. Онъ дополнилъ повѣсть разсказомъ объ испытанномъ на себѣ. Прихожане, возвратившись съ нимъ пѣшкомъ изъ м. Таганчи, не давали ему покою всю предыдущую ночь съ пятницы на субботу, требуя указа, а утромъ, выведши изъ двора, всячески издѣвались, угрожая его жизни, наконецъ начали его босого водить по колючему растенію, растущему въ изобиліи по сельскимъ улицамъ. Въ это время мимо Сытниковъ слѣдовала въ Корсунь рота Бѣлевскаго полка. Командиръ роты; желая ускорить движеніе роты, послалъ ефрейторовъ потребовать подводъ изъ сего села. Посланные нашли подлѣ церкви толпу крестьянъ, терзавшихъ священника и водившихъ его по колючкамъ. На требованіе дать подводы толпа отвѣчала, что у нихъ въ селѣ нѣтъ ни лошадей, ни воловъ, нѣтъ и телятки. Солдатики, не настаивая на исполненіи своего требованія, откланялись, добавивъ, что они идутъ на войну въ Крымъ, и донесли командиру о видѣнномъ. Тогда ротный командиръ, раздѣливъ роту на двѣ части, повелъ ее въ село съ двухъ противоположныхъ сторонъ. При появленіи роты у церкви, толпа, увидя опасность быть окруженной, бросилась

бѣжать, оставивъ священника, а человѣкъ 15 скрылись на колокольню, заперши дверь внизу. Командиръ потребовалъ сдачи, угрожая стрѣлять въ окна невысокой колокольни; испуганные сдались. Тогда, перевязавъ плѣнниковъ и взявъ подводы, онъ на нихъ доставилъ священника съ семействомъ въ Корсунь къ вечеру подъ прикрытіемъ роты, вмѣстѣ съ арестованными. Замѣчательно, что когда послѣ первыхъ разсказовъ о страхахъ своихъ нѣкоторые священники вдались въ юмористическіе разсказы о рѣчахъ и дѣйствіяхъ, сопровождавшихъ исканіе указа, священникъ Чернодубравскій остановилъ шутниковъ воззваніемъ: „годи, годи, братіе, смѣяться надъ мужиками, сознайтесь, что и мы добре заливали имъ сала за шкуру; достойная по дѣламъ нашимъ воспріемлемъ". Горькій этотъ упрекъ относился къ тѣмъ изъ священниковъ, которые, не смотря на тяжесть тогдашней барщины, всячески ухищрялись увеличить лежавшую тогда на прихожанахъ-крестьянахъ натуральную повинность для обработки священническихъ участковъ, къ счастію 10 лѣтъ спустя отмѣненную по представленію генералъ-губернатора Безака, вслѣдствіе сдѣланнаго мною ему разъясненія всего нравственнаго зла отъ этой повинности. Утромъ, 10 апрѣля, о. Тимоѳей со страхомъ сообщилъ мнѣ, что не надежно что-то и въ его приходѣ, такъ какъ въ приписномъ приходѣ Карашинъ всю ночь сгоняли куда-то народъ вожаки, а къ обѣднѣ собралось необычайно много народа, пришли-де такіе, что не бывали даже на свѣтлое Христово воскресеніе, а полковникъ Аѳанасьевъ предварилъ, чтобы я не сказывалъ народу приготовленнаго мною поученія о повиновеніи властямъ. Не смотря на эти неблагопріятныя предостереженія, я съ спокойнымъ духомъ приступилъ къ совершенію воскресной литургіи и благополучно ее совершилъ, а послѣ литургіи отслужилъ и царскій молебенъ по случаю дня рожденія великаго князя Владиміра Александровича, но безъ участія прочихъ бывшихъ въ церкви священниковъ, которымъ мною предложено оставаться въ ризницѣ у олтаря, незримо для народа, среди коего могли быть искавшіе ихъ прихожане. Послѣ многолѣтія Государю и всему царствую-

щему Дому, народъ продолжалъ стоять, не двигаясь къ выходу изъ церкви, какъ бываетъ обычно. Стоя на амвонѣ, я спросилъ: что вы стоите? Народъ отвѣчалъ: хотимъ приложиться ко кресту. Я подошелъ ближе съ крестомъ, и всѣ чинно стали подходить ко кресту, не толпясь и какъ-бы медля выходомъ изъ церкви. Пока я затѣмъ разоблачился, церковь уже была пустой, почти никого не оставалось и подлѣ церкви. Прибывшая наканунѣ рота солдатъ, кромѣ оставленнаго при становой квартирѣ караула для охраненія арестованныхъ въ с. Ситникахъ крестьянъ, находилась у пруда за торговою площадью, гдѣ приготовленъ былъ для солдатъ обѣдъ. Изъ церкви я пошелъ въ становую квартиру—къ спутникамъ моимъ, Аѳанасьеву и Янкуліо, гдѣ были также исправникъ Охримовичъ и капитанъ Лопатинъ. Едва мы выпили по чашкѣ чаю, какъ становой приставъ доложилъ, что на Корниловской горѣ, около козацкой могилы, показалась большая толпа крестьянъ, движущаяся въ направленіи къ корсунской плотинѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ верховыхъ, и посланные на встрѣчу разсыльные доносятъ, что всѣ крестьяне вооружены кіями—дубинками. Ударили тотчасъ въ барабанъ для сбора роты; солдаты сбѣгались, бросивъ кашицу. Священники уходили въ каменную церковь, чтобы скрыться въ ея стѣнахъ за желѣзными дверьми. На кровлѣ княжескаго дворца виднѣлись бѣгавшіе съ зрительными трубами лица. Съ высокой колокольни наблюдала полиція съ понома-ремъ Кротевичемъ за движеніемъ другой массы изъ Карашина, подходившій къ Корсуню. Евреи въ страхѣ метались изъ дому въ домъ, изъ улицы въ улицу; подымался гвалтъ. Словомъ, должно быть, было то, что живо напоминало приближеніе Гонты къ Умани предъ уманскою рѣзнею 1768 года. Въ становой квартирѣ вооружались кто чѣмъ могъ. Полковникъ Аѳанасьевъ, встревоженный и блѣдный, пилъ стаканъ за стакановъ холодную воду и то хватался за саблю свою, то за пистолеты. Собравшаяся рота выстраивалась близъ становой квартиры на церковной площади у пѣвческаго корпуса, къ сожалѣнію она состояла на половину изъ рекрутъ, набранныхъ въ Бѣлоруссіи и еще не во-

оруженныхъ. Рекрутамъ дали колья, старые солдаты стали въ строй съ ружьями; на базарной площади показалась толпа народа. Съ церковной площади, отстоявшей отъ нея на два квартала, можно было видѣть, что толпа эта движется медленно по широкой улицѣ въ направленіи къ церковной площади, безъ всякаго орудія въ рукахъ, а впереди ея выдѣляются 12 человѣкъ съ хлѣбомъ и солью, которую на бѣломъ платкѣ держалъ одинъ изъ нихъ. При видѣ такъ мирно идущаго народа, признано за лучшее скрыть роту, поставивъ ее не среди улицы, а подъ восточной стѣной пѣвческаго корпуса, и итти на встрѣчу народу. Вотъ и пошли Аѳанасьевъ, Янкуліо, я, исправникъ и капитанъ Лопатинъ. Миновавъ домовъ 6 по линіи улицы, мы остановились въ разстояніи 10 шаговъ отъ народа; остановилась и масса народа. Аѳанасьевъ крикнулъ своимъ сильнымъ голосомъ „на колѣни“, и вся масса упала на колѣни. Тогда Аѳанасьевъ крикнулъ своимъ сильнымъ голосомъ: за чѣмъ они сюда пришли? Передніе говорили: пришли жаловаться на своего помѣщика, князя Лопухина за работы. А еще что?—Хотимъ служить Богу и Государю и быть вольными по указу царскому. Аѳанасьевъ, возвысивъ опять голосъ, сталъ говорить: „указа такого нѣтъ, это выдумка діакона,—діакона этого разстригли и сослали въ Сибирь, какъ обманщика. Государь не требуетъ всѣхъ на службу“. При этихъ словахъ, я, стоя съ лѣвой стороны при Аѳанасьевѣ, сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобы поговорить частно съ кѣмъ-либо изъ народа, какъ стоявшій съ того-же боку у дверей аптеки рыжій мужикъ, схватясь на ноги съ дубиною къ верху, вскрикнулъ: „гикъ“, и вся масса по этому кличу, вставъ на ноги и поднявъ скрытыя подъ полами короткія дубины, двинулась на насъ и мѣстное начальство. Сдѣлавъ поворотъ, всѣ мы пустились бѣжать по улицѣ, укрываясь въ концѣ ея кто направо, кто налѣво за выдвигавшуюся къ срединѣ улицы роту. Толпа съ гикомъ преслѣдовавшая насъ, бросилась на солдатъ, подставившихъ штыки, и хваталась за ружья. Когда раздались выстрѣлы, я проскочилъ за уголъ палисадника у пѣвческаго корпуса и, оглянувшись на крылечкѣ, увидѣлъ, какъ нѣсколько

крестьянъ, пораженныхъ пулями, падали на землю, свертываясь головою къ ногамъ, а сзади меня упалъ унтеръ-офицеръ съ раздробленной топоромъ головой, оба мозга которой вывалились при паденіи. Аѳанасьевъ, Янкуліо и исправникъ спасались на противоположной сторонѣ улицы, у воротъ діакона, гдѣ стояли жандармы. Кромѣ солдатъ стрѣляли и писаря становой квартиры изъ оконъ втораго этажа пѣвческаго корпуса. Послѣ перваго-же залпа крестьяне поворотили тылъ и пустились бѣжать то по улицѣ на базарную площадь, то вправо за жидовскіе дома; второй залпъ и третій пущены на воздухъ вслѣдъ бѣгущихъ, и изъ этихъ залповъ одна пуля очутилась у еврея за галстукомъ. Бѣдный еврейчикъ страхъ перепугался, пока вынулъ пулю изъ галстука. Выстрѣлами перваго залпа убито на мѣстѣ 13 крестьянъ и ранено 27. Бѣжавшіе, перейдя плотину, собрались въ толпу еще на половинѣ горы, постояли, постояли и двинулись во-свояси, разсуждая, конечно, что плетью обуха не перешибешь. Полиція собирала по улицѣ брошенныя крестьянами дубины, которыхъ можно было набрать цѣлый возъ; мы печально собрались подлѣ сраженнаго топоромъ унтеръ-офицера Сидорова, высокаго и стройнаго, который палъ за защиту всѣхъ и былъ главнымъ виновникомъ удачнаго отраженія напавшей толпы при отсутствіи командира роты, капитана Лопатина, который, оставивъ роту, вышелъ съ нами впередъ къ крестьянамъ. Видя опасность, умный унтеръ-офицеръ самъ выдвинулъ роту на средину улицы, на перерѣзъ массѣ, и потомъ, въ виду опасности потерять ружья, вырываемыя изъ рукъ солдатъ, скомандовалъ 2-ой шеренгѣ стрѣлять. Подобравъ убитыхъ, тѣло унтеръ-офицера перенесли въ башню, а раненныхъ собрали въ верхнемъ этажѣ пѣвческаго корпуса, гдѣ имъ подана медицинская и духовная помощь. На другой день убитые крестьяне преданы землѣ въ одной общей ямѣ за мѣстечкомъ, по правую сторону дороги изъ Корсуна въ Богуславъ, а тѣло унтеръ-офицера съ большой процессіей изъ 13 священниковъ отпѣто въ большой Преображенской церкви и погребено здѣсь-же въ церковной оградѣ,—при чемъ ему отдана воинская почесть зал-

помъ изъ ружей; по опущеніи тѣла въ могилу. Къ вечеру 10 апрѣля въ Корсунь прибыла еще рота саперъ и корнетъ Бербанъ, квартирьеръ уланскаго дивизіона, слѣдовавшаго въ Корсунь изъ Уманя. На другой день, въ понедѣльникъ, прибылъ и. д. губернатора, а полковникъ Аѳанасьевъ по болѣзни уѣхалъ въ Кіевъ; явились и остальныя двѣ пѣхотныя роты. Стали судить и рядить, что дѣлать въ виду того, что по полученнымъ свѣдѣніямъ крестьяне корсунскаго имѣнія ушли изъ селъ въ лѣсъ, не принимаясь за работы, а изъ Таганчи невозможно было имѣть никакихъ свѣдѣній, такъ какъ крестьянскіе пикеты не пропускали туда никого. Обративъ вниманіе совѣта на то, что въ движеніяхъ крестьянъ м. Таганчи видно было участіе и вліяніе отставныхъ солдатъ, къ которымъ, видимо, они обращались за наставленіями, я предложилъ вызвать въ становую квартиру всѣхъ отпускныхъ солдатъ и, напомнивъ имъ обязанность по присягѣ на службу Государю и Отечеству, возложить на нихъ порученіе отправиться изъ лѣсовъ къ исполненію своихъ крестьянскихъ дѣлъ, не опасаясь больше никакой отвѣтственности. Мое предложеніе принято; на другой день явились десятка два отставныхъ и билетныхъ солдатъ. И. д. губернатора, исправникъ и я, съ своей стороны, сдѣлавъ имъ внушенія и наставленія, отпустили солдатъ исполнить свое дѣло; на слѣдующій день—въ среду крестьяне корсунскаго имѣнія уже принялись за обычныя работы на поляхъ и въ своихъ дворахъ, вмѣсто блужданія по лѣсамъ. Въ тотъ-же день прибылъ въ Корсунь ожидавшійся дивизіонъ уланъ. Такимъ образомъ Корсунь былъ наводненъ войскомъ и походилъ на военный лагерь, такъ какъ на церковной площади стояла одна рота бивуакомъ. Всѣ военные и гражданскіе чины обильно продовольствовались на счетъ князя, а въ четвергъ были угощены большимъ парадными обѣдомъ въ княжескомъ дворцѣ, по случаю прибытія генералъ-губернатора И. И. Васильчикова, пожелавшаго лично удостовѣриться въ положеніи дѣлъ. На пятницу было назначено выступленіе въ походъ на Таганчу, о сомнительномъ положеніи которой все еще ходили преувеличен-

ные слухи; одинъ экономъ передавалъ, что крестьяне разграбили домашній арсеналъ Понятовскаго и образовали кавалерію изъ его лошадей; другой заявлялъ, что у нихъ есть и пушка, неизвѣстно откуда добытая. Полиція боялась показать туда носъ свой; показаніямъ крестьянъ не вѣрили; жиды тоже трусили, послѣ того какъ одного проѣзжавшаго съ баккалеями еврея въ Таганчѣ заставили выпить банки духовъ. Оставалось итти съ военными предосторожностями. Такъ и сдѣлано. Раннимъ утромъ выступили въ походъ такимъ порядкомъ—2 роты пѣхоты, 2 эскадрона уланъ, штабъ съ гражданскими чинами, въ арріергардѣ рота саперъ, впереди отряда и по сторонамъ флангеры изъ уланъ. Со страха въ сосѣднихъ деревняхъ все спряталось. У с. Сотниковъ сдѣлали привалъ, а къ 12 часамъ съ пѣснями и барабаннымъ боемъ отрядъ вступилъ въ Таганчу, изъ которой всѣ крестьяне мужеска пола со страха спрятались въ лѣсу. По прибытіи войска, расположились бивуакомъ на площади, предъ помѣщичьимъ дворомъ. На другой день, 16 апрѣля, посланъ эскадронъ на поле, гдѣ, по донесенію, расположилась уже толпа крестьянъ м. Таганчи и сосѣднихъ селъ. Уланы слѣдовали сначала дорогой шеренгами, потомъ, поровнявшись съ толпою, развернулись, окружили ее и вогнали въ м. Таганчу, гдѣ пѣхота перевязала крестьянъ ихъ-же поясами. Около 12 часовъ прибылъ изъ Корсуна въ Таганчу князь Васильчиковъ, и началась на площади экзекуція. Оба эскадрона уланъ составили каре на лошадяхъ, съ пиками и саблями наголо, а въ срединѣ этого каре пѣхота въ нѣсколькихъ мѣстахъ по-ротно сѣкла крестьянъ палками лозы. Стоны наказываемыхъ смѣшивались съ воемъ и плачемъ женщинъ и дѣтей, смотрѣвшихъ группами изъ огородовъ на противоположной горѣ. Солдаты, вымокшіе въ предыдущіе дни на бивуакахъ въ Корсунѣ, были сердиты на виновниковъ своей бѣды; офицеры, и въ особенности капитанъ Лопатинъ, поощряли солдатъ. Князь Васильчиковъ, оставаясь вмѣстѣ съ Веселкинымъ въ домѣ Понятовскаго, отдѣлявшемся отъ мѣста экзекуціи только палисадникомъ, два раза выходилъ на балконъ съ весьма опечаленнымъ видомъ, и всю-

рѣ послѣ того, выйдя изъ двора, велѣлъ прекратить экзекуцію. Тѣмъ не менѣе она была настолько сильна, что человѣкъ 20 крестьянъ были отправлены въ экономическую больницу; наказано всѣхъ около 40 человѣкъ, которые, по указанію полиціи, были зачинщиками или болѣе дерзкими коноводами. Вся прочая толпа пала предъ княземъ на колѣни и просила прощенія, обѣщая полное во всемъ повиновеніе властямъ. Послѣ обѣда князь уѣхалъ въ Кіевъ. Войска оставались въ Таганчѣ еще дней 10, наблюдая за возстановленіемъ спокойствія, и одинъ отрядъ, подъ начальствомъ подполковника Макалова, оставленнаго княземъ въ замѣнъ полковника Аѳанасьева, отправленный въ разъѣздъ по окрестностямъ, произвелъ чрезъ нѣсколько дней небольшую экзекуцію еще въ с. Полствинѣ, имѣніи Дарія Понятовскаго. 18 апрѣля прибылъ сначала въ м. Корсунъ, а на другой день въ Таганчу генералъ-адъютантъ Я—чъ, посланный по Высочайшему повелѣнію. По возвращеніи генералъ-адъютанта въ Петербургъ, ему объявлено Высочайшее благоволеніе за отличное исполненіе возложеннаго на него порученія, а за содѣйствіе ему произведены и. д. губернатора Веселкинъ изъ надворнаго совѣтника въ чинъ статскаго совѣтника, и капитанъ Громека въ чинъ маіора.

Чрезъ 2 недѣли около 15 человѣкъ болѣе виновныхъ изъ арестованныхъ въ таганчскомъ имѣніи подъ прикрытіемъ роты саперъ отправлены въ м. Корсунь, куда переѣхалъ и я съ совѣтникомъ Янкуліо для производства слѣдствія; прочія войска расквартированы по селамъ на лѣвой сторонѣ рѣки Роси въ корсунскомъ и таганчскомъ имѣніи. Слѣдствіе продолжалось около мѣсяца, а арестованные содержались въ экономической башнѣ. Днемъ они развлекались нѣсколько разговорами, а ночи проводили въ молитвѣ, стоя на колѣняхъ. Разслѣдованіе наше, при всей строгости, не открыло никакихъ внѣшнихъ подстрекательствъ; оно возникло изъ однихъ недоразумѣній и ложныхъ толкованій манифеста 14 декабря, а подогрѣто сильнымъ желаніемъ освободиться отъ барщины. Въ корсунскомъ имѣніи волненіе крестьянское могло образоваться тѣмъ сильнѣе, что бар-

щина здѣсь существовала не болѣе полустолѣтія и введена послѣ пожалованія этого имѣнія свѣтлѣйшему князю Петру В. Лопухину Императоромъ Павломъ Петровичемъ, при чемъ уничтожены всѣ права и привилегіи корсунскихъ мѣщанъ, составлявшихъ вольное староство. Въ воображеніи крестьянъ мнимый указъ о свободѣ начертывался золотыми литерами по воспоминанію, можетъ быть, также не существовавшей золотой грамоты Императрицы Екатерины, подъ эхо которой началось на этой сторонѣ Днѣпра народное возстаніе противъ польскихъ пановъ и жидовъ ровно сто лѣтъ назадъ произвело уманскую рѣзню. Что касается произведеннаго нападенія на Корсунъ, то цѣлію было только желаніе освободить крестьянъ, захваченныхъ 9 апрѣля ротою въ с. Сытникахъ, хотя нельзя ручаться за то, чтобы при успѣхѣ нападенія оно не окончилось разореніемъ дома князя Лопухина и не имѣло-бы другихъ печальныхъ послѣдствій. Нужно отдать честь совѣтнику К. К. Янкуліо, что онъ всячески старался привлекать къ отвѣтственности возможно меньшее число обвиняемыхъ экономіей, полиціей и духовенствомъ. Къ концу мѣсяца получено предписаніе генералъ-губернатора менѣе виновныхъ изъ арестованныхъ наказать розгами по мѣрѣ вины и отпустить, а прочихъ препроводить въ таращанскую тюрьму, что и исполнено. При этомъ 25-ю розгами наказанъ былъ одинъ изъ зажиточныхъ и пожилыхъ крестьянъ корсунскаго имѣнія, Кукла, за то только, что свидѣтельствовалъ предъ народомъ, какъ очевидецъ, о приведеніи крестьянъ къ присягѣ на вѣрноподданство при вступленіи на престолъ Императора Александра I-го. Когда онъ и послѣ наказанія утверждалъ, что говорилъ правду, исправникъ сказалъ: „ото-жъ тоби не все те говоры, що знаешь“. Квартированіе войскъ въ видѣ экзекуціи на продовольствіи крестьянъ было большою для нихъ тягостію, такъ какъ въ видѣ этого продовольствія шли на кормъ офицерамъ домашняя птица, а солдатамъ скотъ и всякіе припасы, оскудѣніе которыхъ всегда замѣчается къ концу весенняго времени. Квартировавшія въ Корсунѣ войска щедро питались на счетъ экономіи, а всѣ офицеры имѣли смѣстѣ съ нами ежедневно роскошный обѣдъ на островѣ, въ одномъ изъ флигелей княжескаго дворца, гдѣ отведена была квартира для Янкуліо и

меня. Священники, болѣе прочихъ потерпѣвшіе отъ своихъ прихожанъ во время волненія крестьянскаго, для прекращенія обострившихся отношеній, перемѣщены Епархіальнымъ начальствомъ, согласно ихъ прошеніямъ, изъ с. Гарбузина и Черкассъ въ другіе приходы, а благочинный сквирскаго уѣзда Василій Сикорскій опредѣленъ на протоіерейское мѣсто въ г. Звенигородку. Въ награду понесенныхъ трудовъ совѣтникъ Янкуліо произведенъ изъ надворныхъ совѣтниковъ въ чинъ колежскаго совѣтника, а подполковникъ Аѳанасьевъ въ полковники. Но разстроенное здоровье Аѳанасьева не возстановлялось болѣе спустя два года онъ скончался, повторяя не разъ, что его перепугали мужики.

Народная медицина въ лубенскомъ уѣздѣ, полтавской губ.

(Окончаніе *).

Глава VI.

Болѣзни отъ разстройства питанія и кожныя.

Золотуха, золотушныя пораженія кожи и железъ. Собаче вымя, гостець, бешыха, нежить, волосъ, огнякъ, угри, болячка, наростъ, бородавки, лишаи, короста, паразиты.

Золотуха.

Золотуха, по народному взгляду, врожденная болѣзнь. „Бильшъ бува вона въ голови, застуна уха и стае чоловикъ глухый, а то выложытся гуля, потимъ нарывъ, рана.“ Отъ золотухи пьютъ иногда лавровый (лавривъ) листъ, чаще настой viola tricolor, Иванъ-да-Марію, носящую въ Малороссіи различныя названія: Иванъ-зилля, братки, братъ та сестра, полуцвитъ, по чашкѣ въ день. Въ этой-же травкѣ, въ однолѣтнихъ побѣгахъ, листьяхъ и корѣ сладкой яблони, указанной противузолотушнымъ средствомъ у Арендаренка [1]) Богдановича [2]) и Манжуры [3]), да еще

*) См. Кіевск. Стар. № 6.

[1]) Зап. I, 37.

[2]) Свѣд. 54.

[3]) Сб. Харьк. И.-Фил. Общ. II, 158.

въ высивкахъ, въ которыя приливаютъ стаканъ молока,—купаютъ золотушныхъ дѣтей. Къ нарывамъ прикладываютъ филинныкъ (aristolochia clematitis. L.), лукъ, пережженный съ дегтемъ, сметану на заячьей шерсти. Прорвавшіе нарывы, струпья и сыпь на головѣ лѣчатъ майскимъ масломъ, саломъ изъ ковганки, спускомъ и сокомъ подсолнечника, засунутаго въ печь. Примачиваютъ и моютъ голову отваромъ: петровыхъ батогивъ (cichorium inthybus), крапивы (urtica dioica) кульбахи, (tarahacum officinale), наголоватокъ (Iurinaea cyanoides. Dec.) и калачиковъ (просфирокъ, malva rotundofolia. L.), показанныхъ для внутренняго употребленія въ видѣ чая отъ золотухи у Л. О. Павловича [1]) и у Арендаренка [2]). Къ такъ называемымъ жовнамъ, воспаленнымъ железамъ, о которыхъ выражаются такъ: „таке, якъ слывы, поробытся пидъ горломъ, провалытся, иде гній", совѣтуютъ прикладывать тѣ-же просфирки и перепаленные квасцы, не всегда съ успѣхомъ: „якъ який гостець, иноди ще бильшъ розтроить".

Собаче вымя.

Воспаленіе подкрыльцевыхъ лимфатическихъ железъ изображается такимъ образомъ: „нарядытся таке, якъ чырякъ, бпухъ пидъ плечемъ, тры верхы выведени, бувае чотыри (по числу сосцовъ суки) и двинадцять. Случается, якъ позавыдувать на брюхату суку и одъ трудивъ". Къ воспаленной железѣ прикладываютъ сначала мыло съ лукомъ, саломъ или хремъ, также пшеничный коржъ съ мёдомъ, „а якъ воно одмякне", тогда кладутъ заячью кожу, намазанную сметаной, или спускъ изъ стараго сала, воску и молока. „Буде вытятать и гоиться" Еще мажутъ железу сметаной и даютъ слизать щенку, или собачьимъ молокомъ отъ черной суки, а по Коваленку—собачье молоко даютъ пить [3]). Шепчутъ такъ:

„Ты, собако, ты не втыхаешъ, ты не вгаваешъ и ты на свою голову гавкаешъ и выешь". (М. Снѣтинъ).

---

[1]) Очеркъ растит. въ Харьк. Сб., IV, 50.

[2]) Зап. I, 37.

[3]) Гринченко. Этногр. Мат. II, 320.

Гостецъ.

По народному мнѣнію гостець въ скрытомъ состояніи есть у каждаго человѣкв. Онъ входитъ въ составъ крови и тканей, даже костей, какъ какая-то жидкость, но онъ различенъ у каждаго. „Яка у кого кровъ,—якый у кого гостець". Этимъ различіемъ, между прочимъ, объясняютъ различное дѣйствіе лѣкарствъ на организмъ: „яке полюбыть гостець". Онъ часто обнаруживается такими-же признаками, какъ и золотуха, и такъ-же врожденъ, какъ она, но не тождественъ съ нею. Нечистый, поганый гостецъ приближается къ сифилису, но отличается отъ послѣдняго незаразительностью. Въ скрытомъ состояніи гостецъ ничѣмъ не выражается. Но отъ простуды, слишкомъ жирной пищи, тяжкихъ трудовъ, побоевъ („збытый гостець") обнаруживается, вмѣстѣ съ испариной, опухолью подъ мышкой, въ пахахъ. Онъ „роскыда" сыпь на груди, красную съ острыми пупырышками въ видѣ мака, пшена, конопляпаго сѣмени, доходящую величиной до горошины, а также: чиры, лишаи, раны на рукѣ или ногѣ, иногда выпадаетъ язычекъ въ горлѣ. Это нечистый, поганый гостець, „шо загнывается". Обыкновенный „одкрыется, якъ стревожыться кривъ, выступыть, выстоится и знову вступыть". У дѣтей онъ не выступаетъ; залѣченный ведетъ къ смерти, вообще-же не смертеленъ и за три года до смерти человѣка, самъ пропадаетъ. Какъ видно изъ заговора, приводимаго у Чубинскаго [1]), гостець можетъ приключиться отъ простуды, переутомленія и сглаза. Подобныя данныя привели г. Можаровскаго къ заключенію, что къ гостецу относятъ всевозможныя сыпи [2]). По опредѣленію профессора Сумцова гостець живетъ въ костяхъ каждаго человѣка, помѣщаясь въ разныхъ частяхъ тѣла и выражаясь ревматическими болями и ранами; кое-гдѣ къ нему относятъ колтунъ, бываетъ мужскаго и женскаго пола. По мнѣнію по-

---

[1]) Тр. Эксп. I, в. 1, 136.

[2]) Фельдшеръ. 1898 № 18, 478.

койнаго Потебни названіе болѣзни—уменьшительное отъ гость: добрый и малый гость. Быть можетъ, это названіе сродно нѣмецкимъ и скандинавскимъ названіямъ кашля (husten, hvosta, hosti, huosto) и латинскому hostis [1]). Отъ гостца больные принимаютъ ванны съ разсоломъ и ольховыми однолѣтками (alnus glutinosa. Willd) или парятся надъ ними; пьютъ настой буквицы, соломы и декохтъ; къ ранамъ прикладываютъ: картофель, буракъ, мякоть тыквы, порхавку (lycoperdon bovista. L.) перепаленныя купицы очерета, пережженныя „черепашки“ (раковины), пережженную, непремѣнно украденную тряпку, деготь съ часникомъ, керосинъ съ лоемъ; губы смазываютъ синимъ камнемъ.

Бешыха.

Малорусское названіе рожи (erysipelos), по объясненію покойнаго профессора Потебни, сродно съ румынскимъ bešike [2]). Оно происходитъ, быть можетъ, отъ ассирійскаго „беша“, злой, перешедшаго съ заклинаніями чрезъ римскую имперію въ средневѣковую магію [3]), а къ намъ, вѣроятно, чрезъ Румынію. Бываетъ бешыха отъ разныхъ причинъ: „простуды, витра, воды, зъ людей“. Послѣдняя „прозирна“, по Чубинскому „пожарна“, бываетъ всего чаще, такимъ, напримѣръ, образомъ: „парень йшовъ красывенькый, гарный, прыбратый. Ёго очамы пронызалы жинкы и кажуть: хоть и милкый, а дывысь якый прыбратый. Заразъ у ёго выдъ засвербивъ и мовъ губа стала пухнуть. Це въ ёго бешыха зъ людей. Пишовъ винъ, умывався, пошепталы ёму. До вечора де й у Бога дилось“. (С. Литвяки, отъ Ф. Гузёминой).

Отъ рожи лѣчатъ только наружными средствами: подкуриваютъ житней мукой, васильковымъ кропиломъ, „страсною свичкою и трійцею“, стружками: лопаты, кочерги, хватокъ

---

[1]) Культ. пер. К. Стр. 1889. XI, 303, 304.

[2]) Объясн. малор. и сродн. пѣсенъ. Воронежъ 1887 г. II, 684.

[3]) Жур. Мин. Нар. Просв. 1876 г., XII, 188.

(ухвата), струженными внизъ, и помеломъ: „якъ якый гостець". Къ покраснѣвшему мѣсту прикладываютъ: бешышникъ (Chenopodium hybridum. L.), однолѣтки бузины (sambucus nigra. L.) или лопуховый листъ (arctium lappa. L.) съ мѣломъ, завернутые въ красный поясъ, одинъ лопуховый листъ, мяту (mentha peperita. L.) съ мѣломъ, любистокъ (livisticum officinale. L.) съ мыломъ, кануперъ (balsamatia vulgaris. L.), намазанный медомъ, коровякъ (datura stramonium. L.), подорожникъ (plantago lanceolata. L.), вишневые, капустяные листья, сырой растертый картофель, жеванную пшеницу, пшеничный коржъ на меду, пшенную кашу, яичный бѣлокъ одинъ или съ пшеномъ, вершокъ сметаны, масло, сбитое изъ сметаны, купленной въ чистый четвергъ на разсвѣтѣ, камфору съ оливой, водку, бѣлую глину и тряпки („верхъ"), смоченныя мужской мочей. Отъ рожи шепчутъ, поглаживая больное мѣсто куринымъ перомъ, такъ:

„Бешыхо, бешышыще! подумана й погадана изъ витру, воды и праци, чоловича и жоноча, и парубоцька, и дивоцька, и хлопьяча, и дивчача, и попивська, и панська, и цыганська, и горобыняча, и голубыняча; и вызываю, и выклыкаю: и розійдыся, и розступыся, иды на глубоки яры и на густи очерета, де дзвоны не дзвонять, де людський гласъ не заходыть—тамъ садысь и коренысь. Рожденій, молытвяній Меласци". (С. Хитцы, отъ Усти Ганненковой).

„Бешыхо! чырячка, болячка, зализнячка! Тутъ тоби не стояты и не роспухаты, сыпомъ не сыпаты, чырякамы не кыдаты и въ голову не быты, и въ зубы не трудыты, щырого серця не нудыты, семыдесяты суставъ не ломыты и билого тила не ялыты, нарожденого, молытвяного, хрещеного, прычащеного Васыля не сушыты. Я тебе вышиптую, я тебе выкурюю за дымамы, за витрамы и въ ту пустыню одсылаю, де дзвоны не дзвонять, де хрыстянськый гласъ не заходыть. Господы поможы"! (С. Пятигорцы).

„Бешыхо, бешышыще! тутъ тоби не стояты, жовтои кости не ломыты, червонои кровы не пыты. Я тебе вызываю, я тебе

выклыкаю зъ ёго очей, зъ ёго плечей, зъ ёго жовтыхъ костей, зъ ёго щырого серця и одсылаю на очерета, на болота, на велыки лиса,—тамъ соби оселысь, тамъ соби остановысь и на дыку птыцю нападысь". (С. Литвяки, Феодосія Гузёмына).

„Бешыхо, бешышыще! болячка, болячышыще! ты й водяна, ты й витряна, и прозирна, подумана й погадана! тутъ тоби не стояты, жовтои кости не ламаты, розійдысь и ростычысь, якъ на сынёму мори вода". (С. Литвяки, отъ Наталіи Кедевой).

„Господы мылостывый! поможы мени, Маты Божа, сю бешыху одгоныты и витряну, и прозирну, и часову, и мынутну, и подуману, и погадану, и прелюбовану, и зйидену, хлопчачу и дивчачу, и жиночу, и парубочу одъ рожденои, молытвянои, хрещеноі рабы Божои Надежды. Аминь".

„Нарожденій, молытвяній раби Божіей Маріи помагаю я, и вы, святіи помошныкы, поможите! Бешыхо, бешышыще! иды соби туды, де сонечко не гріе, на очерета, на болота и тамъ соби оселыся и намъ поможыся. Нарожденій, молытвяній раби Божіей Маріи". (Д. Солоница, отъ Насти Дивизіонной).

„На мори на Дунаи пустый млынъ моловъ; пусто моловъ, пусто борошно падало зъ пустого коша, пусти мирошныкы набиралы, пусти мишкы набывалы, пустымъ перепичайкамъ даруваллы; перепичайкы пустымы видрамы воду носылы, въ пустыхъ чавунахъ окропы грилы, на пусти решета пропускалы, у пустыхъ дижахъ учинялы; пусто учынялы, пусто мисылы, пусто й качалы; въ пусту пичъ сажалы; пуста пичъ пекла, и пусто выбиралы и той хлибъ пойидалы и сю бешыху пожыралы. Щобъ ты у выду не стояла, опуху не давала и пузырямы не скыдала. Одъ рожденои, молытвянои, хрещеноі Маріи, аминь"! (Д. Солоница).

„Господы, благословы! Господы, поможы небеснымы сылами! Стань мени, Господы, въ помочи одъ лыхои немочи. Тутъ тоби, бешыхо, не буваты, тутъ тоби не стояты, червоноі крови не пыты, билого серця не ялыты, рукъ не одбираты, на очи не наступаты, прозиръ даваты и не тошныты, и не нудыты, у роти не палыты, не знобыты, снигомъ [illegible] осыпаты, въ огонь не

вкыдаты, пузырямы не роскыдаты, опуху не даваты. И була ты, бешыхо, червоная, жовта, била. Якъ ти священныкы на Іордань ричку зійшлыся, такъ и розійшлыся, такъ ся бешыха горячая, болячая изъ лыця выступала нарожденому, молытвяному, хрещеному рабу Божому Ивану".

„Бешыхо бешышыще! витровая, водяная, уричена, стричена. Тутъ тоби не стояты, червонои крови не пыты, серця не вьялыты, жылъ не тягты. Не я вышиптую, Маты Божа вышиптуе, Маты Божа выклыкае, Маты Божа вызывае, на болота ссылае, де витеръ не віе, де сонце не гріе, одъ твоихъ рукъ, одъ твоихъ нигъ, одъ твоихъ очей, одъ твоихъ плечей, одъ твоеи головы, парожденои, молытвяноu, дара Божого Насти". (С. Хорошки, отъ Софіи Сысенковой).

„Ишла Марія трёма шляхамы, зострила трёхъ святыхъ; сталы стричаты, сталы пытаты: „кудыты идешъ"? „До Маріи бешыхы шептаты". Первый святый—Матиръ Божа, другый святый—Спасытель, третій святый—Мыколай, Божый угодныкъ, Божый преподобныкъ. Сталы стричаты, ставъ винъ помагаты. Бешыхо, бешышыще! водяная, витряная, огняная, подумана й погадана раба Божого Семена". (М. Снѣтинъ, отъ Катерины Прихидькиной).

„Пресвятая Богородыця, всёму миру помошныця! поможы мени, нарожденому, молытвяному, хрещеному Васылеви вышиптувать бешыху. Я тоби вышиптую, я тоби й вызываю, я тоби й выклыкаю изъ твоихъ рукъ, изъ твоихъ нигъ, изъ твоихъ жылъ, изъ твоихъ пажылъ, изъ твоихъ семыдесяты суставъ, изъ твоихъ грудей. Бешыхо, бешышыще! водяна, витряна, спытена, зпидена, вызвана, вымовлена, названа й наслана, прозорна, иды соби на очерета, на болота, де витеръ не віе, де сонце не гріе, де дубъ не розвывается, нарожденному, молытвяному, хрещеному Васылеви бешыха не озывается". (С. Литвяки, отъ Ганны Кириченковой).

„Господы мылостывый! Поможы мени, Маты Божа, сю бешыху зарубаты, изъ рукы выклыкаты. Не я іи выклыкаю и не я вызываю, самъ Господь вызывавъ, анголивъ на помичъ по-

сылавъ; Матеръ Божа въ помочи стояла и сю бешыху одбирала, на Дунай, на море зсылала. На Дунаи, на мори змія гниздо звыла и сама въ гнизди лягла и своихъ дитей забрала и сю бешыху одбирала и своихъ дитей годувала. И диты крычать, верещать и йисты хотять. И не кричить, и не верещить, и йисты не хотить и одбирайте пусту бешыху. Якъ вона пусто прыйшла, такъ возьмить пусту пойижте, пожерите и понесите на мудре та на медре [1]), де витеръ не віе, де мисяць не свитыть, де людськый гласъ не заходыть. Тамъ соби гуляйте и буяйте, сухе дерево ламайте. Одъ рожденои, молытвяноі, хрещеноі Маріи". (Д. Солоница).

„Ишовъ Костырь зъ манастыря и встрича бешыху.—Куды идешъ, бешыхо, бешышныце? Йе вона стритена, витряна, прозирна, йе й прыщувата, болячкувата, йе й попивська, дьякивська, йе и мищанська, и дворянська, йе й сыня, йе червона и пуста. Поки я не знала, то й Спасытеля не звала. Стала я знаты, усихъ святыхъ прохаты, одъ бешышныци шептаты. Я й вышиптую и пересикаю, и перерубаю, на тры стороны изсылаю, де витры не віють, де люде не ходять. Господь зъ помичю, а я зъ духомъ". (С. Калайдинцы).

Нежыть.

Нежитью, грудницей, называютъ воспаленіе грудной железы (mastitis), соединенное съ изъязвленіями, ссадинами и трещинами грудного соска. Къ больному мѣсту прикладываютъ встрѣчавшіеся раньше средства: филынныкъ, кануперъ, лопуховый листъ, указанный отъ язвъ въ Фельдшерѣ 1898 г., № 18, 486, лукъ съ мыломъ, солому изъ подъ свиньи (барлигъ), льняныя припарки, сметану, уксусъ, ладанъ на синей бумагѣ („бебули"). Придавливаютъ опухоль раскаленнымъ брусомъ, обмотаннымъ вихтемъ, ганчиркой, также чешутъ грудь гребнемъ, который потомъ выбрасываютъ за окно, шепчутъ:

---

[1]) Польское: mądry, мудрый.

„Нежыть витряный, водяный, чоловичый и парубочый и жоночый и дивчачый. Я-жъ тебе вызываю своимы трудамы, Божымы словамы, одъ рукъ и одъ нигъ, одъ очей и одъ плечей, одъ щырого серця и одъ румьяного лыця нарожденои, молитвяноі рабы Божоі Варки".

„Господы мылостывый! Поможы мени, Маты Божа, одъ нежыду шептаты. Нежыде, нежыдыще! и витряный, и прозирный, и часовый, и мынутный, и хлопьячый, и дивчачый, и чоловичый, и жоночый. И не я єго вызываю и не я выклыкаю, и не я помичъ даваю. Самъ Господь вызвавъ и выклыкавъ, анголивъ на помичъ посылавъ. Матеръ Божа въ помичи стояла и сей нежыдъ оббирала и святому Давыдови дарувала. И було въ Давыда девять сынивъ, а зъ девяты—восимъ, зъ восьмы—симъ, зъ симы—шисть, зъ шосты—пять, зъ пяты—чотыри, зъ чотырёхъ—тры, а зъ трёхъ—два, а зъ тыхъ двохъ—одынъ, а зъ того одного—та ни одного. И возьмить и пожерьте, и понесите на мудре та на медре, де витеръ не віе, де мисяць не свитыть, де людськый гласъ не заходыть. Тамъ соби гуляйте и буяйте и сухе дерево ламайте одъ рожденои, благословеноі рабы Божоі Явдохы [1]). (Д. Солоница).

Волосъ.

Волосъ, по Роговичу волосень, народное названіе ногтоѣды (panaritium), т. е. воспаленіе кожи ногтевого состава, иногда соединенное съ воспаленіемъ надкостницы и омертвѣніемъ фаланга. „Волосъ—опасне дило", толкуютъ въ народѣ, „якъ зразу не затушыть. Робытся коло нихтя, мовъ загната колючка, нарыва, пече, лама, поки не выкрутыть и нихтя, и цилого суства, выкыда кисточкы". Бываетъ двухъ родовъ: нарывной и сухой, когда только крутитъ кость, не нарывал. Можетъ быть отъ холода, „съ прозору", если ступить на мѣсто, гдѣ качалась собака, если занозить палецъ, работая въ праздникъ, какая

[1]) Вар. раньше приведеннаго заговора отъ бешыхы.

причина указана у Даля [1]). Въ Лубенскомъ у., какъ и вездѣ въ Малороссіи, волосъ выливаютъ. [2]) Баба кладетъ въ горячую воду 27 колосовъ ржи изъ перваго сжатаго снопа, считая такъ: не разъ, не два, не три и т. д.; подставляетъ затѣмъ подъ больной палецъ миску и, приложивъ колосья къ пальцу, поливаетъ сверху водой. Вѣрятъ, что волоски выйдутъ, а чтобы они не ушли обратно, ихъ нужно поскорѣй схватить. Баба, выливая волосъ, шепчетъ: „скилькы колосочкивъ, стилькы на сихъ колосочкахъ волоточкивъ, стилькы вытягнется зъ больного суставa волосочкивъ нарожденого, молытвяного Степана", повторяя это шептаніе 27 разъ, потомъ къ ранкѣ прикладываютъ водку съ камфорой, навозъ и желтую глину, средство извѣстное еще въ древней Греціи и возобновленное теперь [3]). Еще шепчутъ:

„Волосъ, волосыще! Тутъ тоби не стоиты, червонои крови не пыты, жовтои кости не ламаты, щырого серця не нудыты рожденои, молытвянои, хрещенои Феськы". (С. Литвяки, отъ Евгеніи Недилькиной).

„Волосъ водяный, витряный, прозорный! Я тебе вылываю, я тебе вызываю, въ чужи земли одсылаю, де наши люде не ходять, тамъ хрестивъ не носять, и не нападай хрещеныхъ людей". (С. Литвяки, отъ Анны Кириченковой).

Огныкъ.

Огныкъ, водянистая сыпь, по Чубинскому [4])—волдыри на лицѣ, по Енгалычеву [5])—молочный струпъ, бываетъ у того изъ

---

[1]) О повѣр. рус. народа, 18.

[2]) О выливаніи волосатика у Аредаренка (Зап. I., 99) и у Роговича (Зап. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ. I., 135). У послѣдняго объясняется, что болѣзнь эту въ Стародубскомъ у. приписываютъ червю gordius aquaticus. L., впивающемуся подъ кожу. Послѣ обливанія щелокомъ замѣтны двигающіеся волоски.

[3]) «Новое Время» 1898 г. № 8170, со ссылкой на 46 № «Врача».

[4]) Тр. Эксп. I., в. 1, 138.

[5]) Домаш. лѣч., II, 109.

взрослыхъ и дѣтей, которые плевали на огонь, также „зъ витру и нечыстои воды". Примачиваютъ огникъ росой, осадившейся на окнахъ, водой изъ-подъ точила изъ кузни, сырой орѣшиной, засыпаютъ прыщи землей, на которую вылиты помои отъ ложекъ, и слѣдующими пережженными предметами: материнкой, пожарникомъ, первой горстью сжатаго жита, куницами (или „окупыцами") очерета, соломой съ крыши передъ порогомъ, орѣшиной, стружками кочерги, золой: съ костра (огнища), изъ кузни (цындрею), отъ пережженной потерянной въ водѣ тряпки и заброшенныхъ обрывковъ кожи (шкуратокъ). Шепчутъ такъ:

„Огныку, огныку! Я тебе вышиптую, я тебе й зашиптую, я тебе вызываю, я тебе и выклыкаю. Иды соби на очерета, на болота и на велыке купья,—тамъ соби оселыся, тамъ соби остановыся, тамъ соби розитливайся, тамъ соби роскыдайся. А Матеръ Божа своимы словамы и своимы устамы посылае на вдоровья". (С. Литвяки, отъ Ф. Гувёминой).

Угри.

Угри (comedones, acne), т. е. воспалившіяся сальныя железы выдавливаютъ, стираютъ спиной рубашки, золившейся горячей рубашкой, натираютъ сметаной съ порохомъ и моютъ отваромъ очыстравы, горыцвита (adonis vernalis. L.), листьями верболоза (salix caprеae. L.), также сваренными, и горячей сывороткой, указанной у Гринченка [1]).

Болячка.

Къ чирьямъ, вередамъ или болячкамъ (abscessus, furunculus) прикладываютъ для скорѣйшаго прорыванія: хвилынныкъ (aristolochia clematitis), подорожникъ (plantago lanceolata. L.), канупераъ (balsamita vulgaris. L.), лопухъ (arctium lappa. L.), щавель (oxalis acetosella,—указанное отъ язвъ въ Фельдшерѣ, 1898 г. № 18, 486, 487, макъ (papaver somniferum L.) съ бу-

[1]) Этногр. Мат. II, 318

ракомъ (beta vulgaris L.), лукъ (allium cepa L.) съ мыломъ, а по Енгалычеву [1])—лукъ съ хлѣбомъ и солью, печеный лукъ, лёнъ (linum usitatissimum L.) съ молокомъ, молоко съ мыломъ, сметану на заячьей шкурѣ [2]), сало, вываренное изъ ковганки, соленое тѣсто и пшеничный коржъ съ медомъ; когда вередъ прорветъ и выйдетъ, то оставшуюся рану засыпаютъ квасцами или чортовымъ пальцемъ.

Наросты, гузки.

Жировыя и волокнистыя опухоли происходятъ по народному мнѣнію: отъ простуды, „кривъ збунтуется пидъ шкурою, начне робыться гулька, тверда, качается", ушиба: „кривъ скыпытся", также когда смотрятъ на мертвое тѣло изъ окна или сквозь плетень [3]). Наростъ разрѣзываютъ острымъ ножомъ вдоль, надавливаютъ рукою мертвеца, „тоди винъ (наростъ) вмре", или „прыбываютъ" наростъ ложкой мертвеца, обмокнутой въ непочатую воду на порогѣ, мажутъ „бальсаномъ" (бальзамомъ), купоросным масломъ, куринымъ жиромъ; если образуется рана, то такую засыпаютъ гречаной золой.

Бородавки.

Бородавки, принадлежащія къ эпителіальнымъ опухолямъ, дѣлаются, по народному убѣжденію, преимущественно отъ мочи жабы, павшей на ногу или руку ночью во снѣ или во время работъ. Бородавку прижигаютъ концомъ веретена, растираютъ вихтемъ, которымъ моютъ ложки, перевязываютъ конскимъ волосомъ и примачиваютъ: росой и дождевыми каплями, осѣвшими на навозѣ, паутинѣ, осиковыхъ воротахъ, сокомъ бураковъ, чужими помоями, „сичою" (мочей). Сохранились еще и древнѣйшіе способы погребенія и передачи бородавокъ, встрѣчающіеся

---

[1]) Домаш лѣч. II, 73.

[2]) Арендаренко. Зап. II, 229, Можаровскій въ Фельдшерѣ 1898 г. № 18, 480.

[3]) Нар. обр. и пѣсни въ Луб. у., 169.

и у другихъ народовъ. На ниткѣ или лентѣ завязываютъ столько узловъ, сколько бородавокъ, затѣмъ кладутъ ее въ свѣжій конскій навозъ. Когда сгніетъ ленточка, пропадутъ и бородавки. Въ Россіи разрѣзаютъ яблоко ниткой, натираютъ яблокомъ бородавки, связываютъ его тою-же ниткой и закапываютъ въ навозъ; когда сгніетъ яблоко, должны пропасть и бородавки [1]). У валлоновъ бородавки мажутъ свинной кожей или чеснокомъ, которые закапываютъ [2]). Сицилійцы бросаютъ въ сырое мѣсто соломинки съ узлами или колѣнами, по числу бородавокъ; когда сгніютъ соломинки, пропадутъ и бородавки [3]). Въ Россіи натираютъ бородавки сырымъ мясомъ или саломъ и даютъ съѣсть собакѣ [4]). Въ Лубенскомъ у., нарѣзавъ на осиновой палочкѣ мѣтки („срубужыкы") по числу бородавокъ, или навязавъ на ниткѣ узелки, выбрасываютъ эти вещи на перекрестокъ; туда-же или у колодца бросаютъ узелокъ съ пшеницей или горохомъ по числу бородавокъ. Тотъ-же пріемъ у великороссіянъ, гдѣ бросаютъ: щепку, ниточку или шелковицу съ узлами по числу бородавокъ, къ которымъ прикасаются этими предметами [5]); у валлоновъ, которые бросаютъ шнурокъ съ узлами по числу бородавокъ [6]), и англичанъ, бросающихъ на дорогу мѣшечки съ галушками также по числу бородавокъ [7]).

Лишаи.

Лишаи (lichen) случаются отъ вѣтра, простуды и если взойти на мѣсто, гдѣ предъ тѣмъ катались жеребецъ, волкъ, собака. Бываютъ: сухіе и мокрые, или гнилые. Лишаи прима-

---

[1]) Даль. О пов. рус. нар. 83.

[2]) E. Monseur. Le Fl. wal. p. 29.

[3]) Arturo Trombatore: Folklore catanese. Torino 1896, p. 98.

[4]) Даль. О пов. 83.

[5]) Даль. 83.

[6]) E. Monseur. 29.

[7]) Тэйлоръ. Первоб. Культ. II, 212.

чиваютъ: росой, собранной предъ разсвѣтомъ; водой, которой обмывали хлѣбы, вынутые изъ печи; водой, послѣ вымытыхъ ложекъ; настоемъ: калачиковъ, сорванныхъ на Ивана-купала и заткнутыхъ за верхъ (трубу), очистравы, щавеля, указаннаго отъ лищая въ соч. А. Никитина: О весеннемъ лѣченіи болѣзней, стр. 37, испареніями сѣкиры или вообще желѣза, надъ которыми жгли орѣшину, сокомъ изъ табака въ трубкѣ („чвиромъ"), чернилами, спиртомъ, настоянным на лимонѣ и острой водкой. Къ нему прикладываютъ: „кислицы" изъ дуба, пережженныя метелки очерета, золу изъ кочерги, купоросъ, медъ, пережженый съ солью, „спустъ", волчій, курячій жиры и порохъ съ майскимъ масломъ. Шепчутъ такъ:

„Лышай, лышай! г.... змишай. Якъ кинь лошя прыведе, тоди лышай нападе". [1]) (М. Снѣтинъ).

„Лышаю, лышаю, я тебе зъ г..... змишаю, изъ свійськымъ, собачымъ, сорочымъ и зъ воронячымъ". (С. Хорошки).

„Лышай, ты й вовчый, ты й сухый, ты гноиный, витряный, ты й подуманый, ты згаданый! Тутъ тоби не стоять, билого тила не ламать, жовтои кости не крутыть, по тилу не росходыться. Геть соби зійды, геть соби счистыся зъ билого тила, зъ жывои кости". [2]) (С. Литвяки, отъ Н. Кедевой).

Короста.

Чесотка (scabies) можетъ быть: простудной, заразной, подаренной, именно, когда на свадьбахъ, одарки молодую, приго-

[1]) Шепчущая плюетъ.

[2]) Привожу для сравненія бретонскій заговоръ изъ ст. E. Ernault: Dictons et proverbes bretons въ Mélusine 1899., № 9., 208.

Denedeo, denedeac'h,
Ne ket aze ema da leac'h
Nag aze nag e nep leac'h.
Kea, treuz nao mor ha nao menez
Ha nao feunten adrugarez
Keda ober da diegez.

«Лишай (фр. dartre) иди, здѣсь и нигдѣ нѣтъ тебѣ мѣста! иди за 9 морей, 9 горъ, 9 источниковъ,—тамъ оселись.

варивают: „дарую тебе щастямъ, здоровьямъ, викомъ довгымъ и тымъ, що въ мене йе", то передаютъ и коросту, если послѣдняя есть у дарящаго. Такая короста длится у молодой годъ. Бываетъ, что и красильщики (маляры), крася новую церковь, насылаютъ на все село коросту, для того чтобы краска лучше приставала. Чесоточнаго клеща стараются убить, смазывая пораженное мѣсто: пережженнымъ дегтемъ, синимъ камнемъ, сѣрой и куринымъ пометомъ, дегтемъ, сѣрой и лукомъ [1]), чеснокомъ или табакомъ, синимъ камнемъ съ сѣрой, порохомъ, мѣломъ, керосиномъ. Пораженную кожу моютъ: куринымъ пометомъ, квасомъ, въ которомъ намачивались кожи, щелокомъ („лугомъ"), наваромъ корней: чемерицы (veratrum album. L.), которую въ м. Снѣтинѣ называютъ „черкесомъ", и оманомъ (Inula Helenium), иначе девясиломъ, показаннымъ отъ чесотки у Роговича. [2]) Для того же, чтобы не загнать чесотку внутрь,—что считалось возможнымъ и прежними медиками [3])—ѣдятъ кулишъ съ сѣрой.

Шолуди.

Шолуди мажутъ такъ называемой вѣткой, т. е. темнозеленымъ сокомъ пережаренныхъ конопляныхъ сѣмянъ, затѣмъ масломъ, а потомъ примачиваютъ водкой, отваромъ гречаной соломы, пишневыхъ однолѣтковъ и суховершкивъ (ajuga genevensis. L), показанныхъ отъ паршей въ Зап.-Ю. З. Отд. Геогр. Общ. I., 110.

Нужа.

Вши заводятся: отъ печали, досады, продолжительной болѣзни, недостаточной перемѣны бѣлья, напримѣръ на заработкахъ, неопрятности вообще и „нехорошого поту". Для ихъ уничтоженія смываютъ голову керосиномъ, полевымъ вѣничьемъ, чемерицей, мажутъ и неаполитанской мазью.

В. Милорадовичъ.

---

[1]) Гринченко. Этногр. мат. II, 118.

[2]) Зап. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ., 125.

[3]) Енгалычевъ. Дом. лѣч., III, 216.

Вторая кіевская гимназія [1])

Попечительство Н. И. Пирогова.

Нѣкоторые изъ мѣстныхъ почвенниковъ укоряли Пирогова въ космополитизмѣ за поблажки полякамъ и покровительство, оказываемое евреямъ; но они правы только отчасти. Оставаясь въ душѣ русскимъ человѣкомъ, Н. И., какъ европейски образованный человѣкъ, смотрѣлъ на окружавшія его національности съ точки зрѣнія европейца. Допуская самостоятельное существованіе каждой народности и каждой отдавая полную справедливость, онъ безпристрастно относился и къ хорошему и дурному, принадлежало-ли это хорошее или дурное къ чуждой національности или къ родной русской. Въ одной изъ своихъ прощальныхъ рѣчей онъ сказалъ: „Въ краѣ, гдѣ постоянно нужно сообразоваться съ различными національностями, я не могъ не быть ровенъ и одинаковъ со всѣми и строго безпристрастенъ, желая добра и правды всѣмъ безъ различія".

О полякахъ онъ выражался, какъ о народѣ легкомысленномъ, но достойномъ удивленія за его беззавѣтный патріотизмъ и энергію въ сохраненіи своей національности отъ поглощенія чуждыми націями. Въ евреяхъ онъ видѣлъ необыкновенно даро-

[1]) См. Кіев. Ст. № 5.

витое племя и учащуюся еврейскую молодежь онъ всегда покровительствовалъ за хорошіе успѣхи въ наукахъ. Что-же касается медицинской помощи, оказываемой Пироговымъ страждущему человѣчеству, то $^2/_3$ паціентовъ его были евреи, страстные любители лѣченія. Два дня въ недѣлю, опредѣленные имъ для пріема больныхъ, отъ 8 часовъ утра до 8 часовъ вечера, были посвящены безплатной практикѣ. Обширное entrée первой гимназіи съ его широкими лѣстницами, ведущими на второй этажъ, въ эти два дня было переполнено евреями всѣхъ возрастовъ и половъ. Слѣпые, хромые, изувѣченные и разслабленные—всѣ обращались къ знаменитому врачу, и всѣмъ имъ, безъ различія званія и состоянія, былъ оказываемъ, смотря по болѣзни, болѣе или менѣе продолжительный осмотръ. Намъ не разъ приходило въ голову, обѣдалъ-ли Н. И. въ эти дни, и мы дивились, какая необыкновенная сила воли и энергіи нужна была человѣку для такого самоотверженнаго подвига. Сколько христіанскаго милосердія и любви вмѣщала въ себѣ эта великая душа, заключенная въ такомъ невзрачномъ тѣлѣ!

Я лично обязанъ Пирогову за медицинскую помощь, оказанную имъ съ такою готовностію моей бѣдной страдалицѣ матери. Всю жизнь мучила ее болѣзнь, извѣстная въ Малороссіи подъ названіемъ „гостець“—костоѣда. Правая нога у нея отъ ступни до колѣна была сплошная язва. Привезши ее въ Кіевъ, я обратился къ Н. И. за помощью. Осмотрѣвъ больную, онъ собственноручно, стоя на колѣняхъ, обмылъ язву отъ примѣсей, оставшихся отъ разныхъ мазей, которыми лѣчили ее разные знахари и знахарки, наложилъ на рану пластырь и собственноручно забинтовалъ всю ногу. Отпуская больную, онъ велѣлъ привозить ее чрезъ каждые три дня, и каждый разъ, впродолженіе двухъ мѣсяцевъ, онъ самъ, не поручая своему ординатору, склонялъ свои колѣни и дѣлалъ перевязку. Пользованіе геніальнаго хирурга, если не совершенно залѣчило язву (да едвали и излѣчимую въ преклонныхъ лѣтахъ), то значительно облегчило страданія больной въ послѣдніе годы ея жизни.

Наши антики-педагоги (Березницкій, Бѣлоусовъ, Ковалевскій и др.) должны были уступить мѣсто личностямъ болѣе современнаго направленія; а вслѣдъ за введеніемъ преподаванія польскаго языка въ гимназіяхъ Юго-Западнаго края число преподавателей поляковъ увеличилось. Пользуясь дѣлаемыми имъ поблажками свыше, они безпрепятственно стали подготовлять молодежь къ тому, что случилось въ 1863 году. Ясное дѣло, что начальникъ гимназіи съ такими консервативными убѣжденіями, какими заявилъ себя Гренковъ, былъ весьма нежелателенъ для нашихъ пропагандистовъ. Они повели противъ него подпольную интригу, перетянувъ на свою сторону ловкаго гешефтмахера Ѳедорова. Зная нерасположеніе къ директору попечителя за пристрастіе его къ березовой кашѣ, наши поляки, съ помощію учителя 1-й гимназіи Рупневскаго, бывшаго у Н. И. домашнимъ человѣкомъ, до того его настроили, что едва Гренкову истекло 30-лѣтіе его службы, онъ былъ немедленно уволенъ въ отставку.

Начальника, какъ водится, мы проводили обѣдомъ, за которымъ мнѣ, какъ ближайшему его помощнику, пришлось сказать прощальный спичъ. Подобные спичи имѣютъ нѣкоторое сходство съ надгробными рѣчами. Выйдя въ отставку, Н. М—чъ для 2-й гимназіи какъ-бы умеръ, а de mortuis aut bene, aut nihil—говоритъ пословица. Тѣ-же доносители не замедлили сообщить попечителю содержаніе моего спича въ прикрашенномъ видѣ, такъ что мое прощальное слово приняло значеніе демонстраціи, вслѣдствіе чего и я вмѣстѣ съ Н. М. попалъ въ ретрограды. Этимъ только я и объясняю нежеланіе Пирогова сдѣлать меня директоромъ 2-й гимназіи, послѣ того какъ я одиннадцать мѣсяцевъ исполнялъ директорскія обязанности и въ такое тревожное время.

Впродолженіе 10-лѣтней моей службы во 2-й кіевской гимназіи мнѣ не довелось дожить до памятнаго кіевлянамъ 1863 года, когда во градѣ Владиміра и Ярослава wybuchnęło powstanie, которое, по внушенію Варшавскаго жонда, долженствовало доказать Европѣ, что и „сей пращуръ русскихъ горо-

довъ", по несчастной случайности временно находившійся подъ властію Польши, также принадлежитъ къ ея составу. Въ мое время въ Кіевѣ происходили только манифестаціи, совпавшія съ междуцарствіемъ во 2-й гимназіи. На мое несчастье, въ числѣ поляковъ-учителей очутился и мой университетскій товарищъ, жившій со мной въ одной камерѣ, преподаватель польскаго языка Валерій Коперницкій, до мозга костей проникнутый польскими тенденціями. Образовалась цѣлая толпа патріотовъ, къ которой примкнули и нѣкоторые либералы изъ русскихъ; съ помощію послѣднихъ они начали проводить черезъ Педагогическій Совѣтъ предложенія, явно клонившіяся къ ущербу русскаго направленія въ заведеніи.

Пользуясь съѣздомъ значительнаго числа богатыхъ пановъ во время контрактовъ, эти господа устроили между ними подписку въ пользу польской ученической библіотеки и на собранныя деньги пріобрѣли массу книгъ большею частію историческаго содержанія, разумѣется, съ извѣстными тенденціями. Наполнивъ ими два огромные шкапа, они поручили завѣдываніе ими фанатику-студенту Шембелю, который сталъ выдавать ихъ ученикамъ обѣихъ Кіевскихъ гимназій. Когда мнѣ пришлось обнаружить организацію этого общества просвѣтителей юношества и конфисковать нѣсколько сочиненій въ закрытомъ заведеніи, поляки-учителя вошли къ попечителю съ прошеніемъ узаконить существованіе польской библіотеки, помѣстивъ ее въ гимназіи рядомъ съ мизерной только-что заведенной библіотекой русскихъ книгъ на весьма ограниченныя средства изъ добровольныхъ пожертвованій самихъ воспитанниковъ. Попечитель нашелъ такую просьбу подлежащею удовлетворенію, представивъ окончательное рѣшеніе вопроса о библіотекѣ польскихъ книгъ Педагогическому Совѣту. И что-же? Едва-ли не большинствомъ одного голоса вопросъ этотъ рѣшенъ отрицательно.

Въ попечительство Пирогова въ Кіевскомъ учебномъ округѣ славились преподаваніемъ географіи три учителя: въ 1-й гимназіи Рупневскій, во 2-й Шумовскій и въ Волынской—Коссовскій. Всѣ они излагали географію Россійской имперіи весьма

поверхностно, сравнительно съ географіей Польши, которую они излагали очень пространно въ границахъ 1772 года, по картѣ, полученной въ нѣсколькихъ экземплярахъ изъ Парижа. Благодаря предстательству Рупневскаго, при Пироговѣ они были неуязвимы.

Панихида по убитымъ въ Варшавѣ пяти мятежникамъ, разрѣшенная правительствомъ, впервые обнаружила всю закоренѣлую ненависть, весь фанатизмъ до того милыхъ и любезныхъ кіевскихъ поляковъ. Ограничусь только тѣмъ, какой вредъ для гимназій причинило привлеченіе дѣтей къ участію въ политическихъ безпорядкахъ. Когда въ городѣ стали носиться слухи о предстоящей панихидѣ, нѣкоторые изъ нашихъ преподавателей поляковъ стали между собой совѣщаться, рѣзко отдѣлившись отъ своихъ русскихъ сослуживцевъ; въ подражаніе имъ и ученики католики сдѣлали то-же самое относительно своихъ товарищей. Въ предупрежденіе безпорядковъ, я отправился къ попечителю за инструкціей, какъ я долженъ поступить на случай, если ученики начнутъ проситься въ костелъ на панихиду? Н. И. сказалъ, что если найдутся желающіе, то доложить ему объ этомъ. Едва только я вернулся отъ попечителя, какъ неизвѣстно откуда уже знала вся гимназія, что мнѣ сказалъ онъ на счетъ панихиды. Коперницкій первый, оставивъ урокъ, пришелъ въ инспекторскую съ рапортомъ, что ученики 2-го класса заявили о своемъ желаніи идти въ костелъ; за нимъ явились и другіе преподаватели; тогда я снова отправился къ попечителю.

— Желаютъ, говорю, всѣ католики быть на панихидѣ, что дѣлать?

— Поѣзжайте къ генералъ-губернатору: это его дѣло.

Ѣду къ князю. Такъ и такъ, говорю: попечитель приказалъ спросить Васъ, какъ распорядиться съ воспитанниками, которыхъ трудно будетъ удержать въ гимназіи во время совершенія въ костелѣ панихиды: тамъ будутъ ихъ родители.

— У васъ во 2-й гимназіи есть костелъ? спрашиваетъ князь.

— Нѣтъ, не имѣется. Наши католики посѣщаютъ костелъ университетскій.

— Ну, стало, вашъ кседзъ пусть имъ и отслужитъ панихиду въ университетскомъ костелѣ, тогда они и не пойдутъ въ городской костелъ.

— Но кто-же, в. с—во, поведетъ учениковъ на панихиду; у насъ нѣтъ ни одного надзирателя католика?

— У васъ есть учителя католики, они и поведутъ ихъ.

Отъ генералъ-губернатора заѣзжаю къ попечителю.

— Ну что? спрашиваетъ Н. И.

— Князь велѣлъ нашему законоучителю отслужить панихиду спеціально для нашихъ гимназистовъ въ университетскомъ костелѣ.

Объявивъ ученикамъ волю начальства, я распустилъ ихъ по домамъ и только-что сѣлъ обѣдать, въ мою квартиру является полиціймейстеръ Ивенсенъ и говоритъ:

— Князь приказалъ спросить васъ, объявлено-ли ученикамъ его распоряженіе о томъ, что завтра они пойдутъ въ университетскій костелъ слушать панихиду?

— Разумѣется объявлено: я долженъ былъ это сдѣлать сегодня-же до окончанія уроковъ, прежде чѣмъ они разойдутся по квартирамъ.

— Ну, коли объявили, то нечего дѣлать—пусть такъ и будетъ.

Объявляя ученикамъ распоряженіе генералъ-губернатора, я мотивировалъ такое распоряженіе заботливостью князя о сохраненіи здоровья дѣтей, такъ какъ въ то время было очень сыро, и о сбереженіи драгоцѣннаго времени для ученія.

На другой день еще до начала уроковъ ученикъ VII класса Р—ій, сынъ политическаго ссыльнаго, сталъ бѣгать по классамъ и подстрекать учениковъ не идти въ университетскій костелъ, гдѣ не будетъ никакой церемоніи, а въ городской, гдѣ для панихиды сдѣланы громадныя приготовленія. Послѣ второго урока, по звонку, отдѣлились козлища отъ овецъ, выстроились въ пары на корридорѣ и подъ предводительствомъ наставниковъ-поляковъ вышли на улицу; но дошедши до угла университет-

ской ограды, по данному Коперницкимъ сигналу, разсыпались и во всѣ лопатки побѣжали въ городской костелъ.

Опять иду къ Пирогову.

Разбѣжалось, говорю, мое стадо: всѣ отправились въ городской костелъ, а ксендзъ своимъ порядкомъ отслужитъ панихиду въ университетѣ въ одиночествѣ.

— Ну и пусть себѣ служатъ! на то воля начальства.

Слѣдовавшая за тѣмъ другая панихида, если не ошибаюсь, была въ память польскаго историка Лелевеля, а третья, и кажется послѣдняя, въ память соединенія Литвы съ Польшею, по иниціативѣ ученой молодежи университетской.

Облекшись въ чемерки и вооружившись толстыми палками, толпа человѣкъ въ 300 двинулась по два въ рядъ по Б. Владимірской улицѣ къ городскому костелу. Дойдя до пересѣченія Владимірской улицы съ Бибиковскимъ Бульваромъ, изъ отряда выдѣлились два студента и направились одинъ въ первую, а другой во вторую гимназію—приглашать на торжество гимназистовъ. Предвидя все это, я приказалъ запереть всѣ входы и выходы въ гимназію, а самъ, какъ часовой, сталъ ходить по троттуару.

Подходитъ къ парадным дверямъ юноша.

— Вы кто такой и что вамъ нужно? спрашиваю.

— Я студентъ университета св. Владиміра, мнѣ необходимо повидаться съ моимъ родственникомъ.

— Я вамъ этого не могу позволить въ настоящее время;— приходите послѣ. Идите своей дорогой и пойте свои гимны, сколько вашей душѣ угодно, а дѣтей не трогайте,—я за нихъ отвѣчаю и передъ родителями и передъ начальствомъ. Зачѣмъ вы, господа, путаете дѣтей въ свои манифестаціи?

— Объ этомъ скажетъ исторія—отвѣчалъ съ важностію студентъ, повернулся и ушелъ въ костелъ.

До этой послѣдней демонстраціи полиція, по распоряженію свыше, вовсе не мѣшала полякамъ безчинствовать среди стотысячнаго населенія богоспасаемаго града; наконецъ, мѣра долготерпѣнія истощилась. При выходѣ изъ костела, на цер-

ковной паперти былъ избитъ въ кровь квартальный надзиратель; затѣмъ, совершивъ этотъ подвигъ, студенты двинулись къ университету, какъ носился слухъ, съ цѣлію истребить центральный архивъ; но къ счастію, буйство ихъ на сей разъ ограничилось разбитіемъ нѣсколькихъ стеколъ въ помѣщеніи архива. До этой безобразной выходки полиція, повторяю, не дѣлала никакихъ распоряженій, но послѣ избіенія квартальнаго и тайная и явная полиція ополчилась противъ буяновъ съ великою стремительностію; начались аресты, обыски, штрафы.

Пока студенты поляки совершали свои оргіи въ костелѣ и на улицахъ, русскіе студенты не находили повода протестовать противъ безобразій, чинимыхъ товарищами, но лишь только они учинили дебошъ въ стѣнахъ университета, какъ въ тотъ-же самый день попечителю поданъ былъ протестъ съ 150 подписями. Въ немъ торжественно заявлялось, что русскіе студенты не солидарны съ поляками и порицаютъ ихъ безчинства.

Оставаясь временно самостоятельнымъ распорядителемъ въ самой многолюдной въ округѣ гимназіи, подъ дирекціей коей въ то время находились еще училища всей кіевской губерніи и таксаторское училище, я не зналъ покою ни днемъ, ни ночью. Пробовалъ возложить наблюденіе за порядкомъ хотя въ классные часы, поручивъ исполненіе обязанностей инспектора сперва Байеру, какъ старшему по службѣ учителю, а потомъ Тулубу, но эти помощники неумѣлыми дѣйствіями и безтактностію надѣлали мнѣ еще больше хлопотъ, такъ что я долженъ былъ отказаться отъ ихъ медвѣжьей услуги. Маврикій Байеръ, порицавшій постоянно дѣйствія инспектора, самъ при исполненіи инспекторскихъ обязанностей произвелъ большой скандалъ: онъ побилъ одного ученика, а прибѣжавшая въ гимназію мать этого юноши, женщина-гусаръ, накинулась на Маврикія и, если-бъ не защитилъ его надзиратель Садковскій, то его самого побили-бы. Что-же касается А. Д. Тулуба, то онъ въ одинъ день перессорилъ надзирателей съ учителями, а учениковъ и съ тѣми и съ другими; затѣмъ прибѣжалъ ко мнѣ на квартиру и отказался отъ исправленія должности инспектора.

Не мало также хлопотъ причинила мнѣ и общая ученическая квартира, по причинѣ негодности надзирателей и плутовства экономa. Пользуясь долгое время покровительствомъ Гренкова, онъ кормилъ воспитанниковъ отвратительно; справедливые ихъ протесты принимались Гренковымъ за бунтъ и строго наказывались. Воспитанники, проголодавшись, вопіютъ, что „клюски“ воняютъ, что сало и сыръ испорчены, а директоръ твердитъ, что они капризничаютъ, привередничаютъ. Дѣло въ томъ, что почтенный Николай Михайловичъ лишенъ былъ обонянія, и экономъ, пользуясь этимъ, продолжалъ кормить скверно. Но съ увольненіемъ Гренкова, экономy стало плохо. Какъ только какое-нибудь блюдо оказывалось невозможнымъ, я, въ силу контракта, штрафовалъ его приготовленіемъ къ ужину лишняго блюда, а, наконецъ, сталъ пріискивать другого.

Полицейскія мѣры, принимаемыя администраціей для уничтоженія безпорядковъ въ средѣ университетской молодежи, не согласовались съ мнѣніемъ Н. И—ча, что́ часто было причиной недовольства его дѣйствіями Генералъ-Губернатора.

Пироговъ не переставалъ дѣйствовать по своему убѣжденію:

„Для самого себя лично я не требую ничего лучшаго, какъ держаться вдали отъ всѣхъ этихъ запутанныхъ обстоятельствъ и предпочитаю уединеніе и деревенскую жизнь всякаго рода столкновеніямъ и непріятностямъ. Но я не дѣлаю и не сдѣлаю перваго шага къ тому, что́ я считаю такой образъ дѣйствія слабостью. Я потому буду спокойно ждать, пока со мною простятся, или меня заставятъ проститься. Хотя при нынѣшнихъ обстоятельствахъ мнѣ очень трудно на 50 г. жизни вступать на новое поприще, однако я покорюсь судьбѣ и тѣмъ утѣшенъ, что я имѣю между друзьями только очень мало глупцовъ, а между врагами много слабоумныхъ“ [1]).

Натянутыя отношенія, возникшія между Попечителемъ и Генералъ-Губернаторомъ, не предвѣщали ничего добраго.

---

[1]) Рус. Архивъ 1892 г. № 2, стр. 193.

Наконецъ, интриги обострили эти отношенія еще болѣе и по представленію Кн. Васильчикова онъ былъ уволенъ въ отставку.

Предусматривая такой исходъ своей педагогической дѣятельности, Пироговъ заблаговременно приготовилъ себѣ пріютъ, купивши имѣніе подлѣ Винницы, и какъ только получилъ отставку, въ ту-жъ минуту сдалъ должность своему помощнику Михневичу и засѣлъ въ лабораторіи заняться химическимъ разложеніемъ почвы своего села Вишня. Недѣли двѣ его положительно никто не могъ видѣть. Съ ранняго утра онъ отправлялся въ лабораторію и совершенно отрѣшался отъ окружающей его среды. Фактъ этотъ изъ жизни нашего знаменитаго ученаго напоминаетъ отчасти одинъ изъ фактовъ біографіи величайшаго современнаго намъ генія Пастера: въ самый день свадьбы его пошли искать въ лабораторію, чтобы напомнить ему, что онъ женится.

Явился Н. И. въ первый разъ по полученіи отставки на прощальный обѣдъ, устроенный ему сослуживцами въ университетскомъ парадномъ залѣ 4 апрѣля 1861 года. Масса рѣчей и теллеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи была прочитана, какъ на этомъ обѣдѣ, такъ и на другомъ—отъ города Кіева, 9 апрѣля: они могутъ служить краснорѣчивымъ протестомъ общества на увольненіе Пирогова отъ должности Попечителя—въ самый разгаръ его благотворной дѣятельности.

Начала, которыхъ держался Пироговъ, вводя реформы въ училищахъ, и противодѣйствія, встрѣченныя имъ со стороны охранителей и столбовъ, на которыхъ держались прежніе порядки, весьма обстоятельно указаны въ его педагогическихъ статьяхъ и рѣчахъ, произнесенныхъ на прощальныхъ обѣдахъ. Въ заключеніе не могу отказать себѣ въ удовольствіи помѣстить здѣсь одно замѣчательное мѣсто изъ его рѣчи, обращенной къ обществу города Кіева.

„Позднею весной, послѣ продолжительной и суровой зимы, я буду орать и засѣвать мои поля, запущенныя, засоренныя плевелами и съ закопавшеюся вблизи саранчею. Я буду тру-

диться въ потѣ лица, буду разрыхлять и очищать землю, постараюсь сдѣлать все какъ можно раціональнѣе, замѣню крѣпостной трудъ свободными, буду обходиться и съ рабочими, какъ съ людьми вольными, а не крѣпостными. Но разумѣется, законовъ природы и необходимости этимъ не измѣню. Растаявшій ледъ превратится въ потоки воды, которые разнесутъ мои сѣмена, саранча выведется тамъ, гдѣ она не была уничтожена плугомъ и воздухомъ; рабочіе не сразу поймутъ, что для нихъ лучше такъ работать, чѣмъ по прежнему. И можетъ быть мои труды и заботы не удадутся на первый разъ. Это не остановитъ меня, потому что я знаю, отчего сразу не можетъ идти все хорошо.

Но найдутся, безъ сомнѣнія, и тутъ люди, которые скажутъ, что причина, почему у меня не все взошло—не потоки воды, разнесшіе мои сѣмена, не ледяная кора, покрывавшая слишкомъ долго землю, и даже не саранча, которая закопалась еще до меня, а то, что я началъ обработывать мои поля не по прежней рутинѣ и слишкомъ скоро замѣнилъ крѣпостной трудъ свободнымъ.

Бывъ попечителемъ, я также оралъ и засѣвалъ мое поле позднею весной, едва оттаявшее отъ лучей вешняго солнца; на немъ была еще ледяная кора; въ немъ была закопавшаяся саранча; трудъ не былъ свободный и прибыльный для обѣихъ сторонъ. Мудрено-ли, что и тутъ могли найтись такіе, которые не въ законахъ необходимости, не въ порядкѣ вещей искали причину, почему мое поле не такъ скоро дало обильную жатву".

Николай Ивановичъ выѣхалъ изъ Кіева 15 апрѣля въ 8 часовъ вечера. Уже съ 3-хъ часовъ пополудни большая толпа (до 300 чел.) студентовъ, гимназистовъ, многихъ лицъ учебнаго вѣдомства и весьма многихъ обывателей пѣшкомъ и въ экипажахъ ожидали у зданія 1-й гимназіи минуты, чтобы сказать послѣднее прости искренно любимому и высоко цѣнимому человѣку. Еще большая толпа (до 1000 чел.) заранѣе отправилась

на дачу Санъ-суси, по шоссе, съ тою-же цѣлію. На пространствѣ четверти версты все было занято экипажами.

Въ 8 часовъ Пироговъ вышелъ съ семействомъ; онъ сѣлъ въ тарантасъ—и потянулся длинный рядъ экипажей.

Когда пріѣхали на дачу, глазамъ представилась въ сумерки весенняго дня громадная масса народа, растянувшаяся на полверсты. Тарантасъ остановился, и Пироговъ еще разъ заговорилъ въ толпѣ о непреходящемъ царствѣ идей, о вѣчныхъ цѣляхъ жизни, о служеніи добру и правдѣ.

Да, на долю немногихъ дѣятелей выпадаетъ у насъ рѣдкое счастіе расположить къ себѣ людей, среди которыхъ имъ доводится дѣйствовать.

По увольненіи Пирогова, до назначенія на его мѣсто барона А. П. Николаи, должность попечителя исправлялъ Іосифъ Григорьевичъ Михневичъ. Уроженецъ Волынской губерніи, магистръ Кіевской духовной академіи 6-го выпуска (1829—1833), онъ избранъ былъ Пироговымъ въ помощники, по выходѣ въ отставку долго царившаго въ округѣ М. В. Юзефовича. Какъ при Пироговѣ, такъ по увольненіи его и еще при двухъ попечителяхъ, Іосифъ Григорьевичъ неуклонно слѣдовалъ принципамъ Н. И—ча, на сколько это отъ него зависѣло, и если что-нибудь держалось еще въ гимназіяхъ отъ реформъ пироговскихъ, то этимъ они обязаны Михневичу.

Помимо своей учебно-воспитательной дѣятельности, Михневичъ оставилъ по себѣ добрую память гуманнымъ обхожденіемъ съ подчиненными. Кто изъ служившихъ при немъ въ Кіевскомъ Округѣ не помнитъ его простого, человѣчнаго отношенія ко всякому, кто только обращался къ нему по служебнымъ или по частнымъ дѣламъ, всегда находя въ немъ защиту и покровительство отъ притѣснителей, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшихъ на службѣ въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ.

Едва-ли не единственный человѣкъ изъ служащихъ въ Округѣ остался недоволенъ кроткимъ обхожденіемъ Михневича—

это экономъ общей ученической квартиры при 2-й кіевской гимназіи штабсъ-капитанъ Ильинъ. Былъ у него единственный одиннадцатилѣтній сынъ, который, насмотрѣвшись на часто повторявшіеся въ Кіевѣ пожары, захотѣлъ это зрѣлище видѣть вблизи. Залѣзъ онъ между сложенными на черномъ дворѣ дровами, построилъ изъ сухихъ щепокъ домикъ и поджогъ его, а самъ убѣжалъ на квартиру, сѣлъ на подоконникѣ и сталъ выжидать, пока разгорятся дрова, а ихъ было заготовлено болѣе ста саженъ. А жара въ іюлѣ мѣсяцѣ стояла страшная. Къ счастію, дворникъ, замѣтивъ дымъ, успѣлъ погасить начинавшія горѣть дрова.

Зоветъ отца Михневичъ и дѣлаетъ ему внушеніе.

— Ну что? спрашиваю Ильина: хорошо васъ пробралъ М.

— Помилуйте М. К—чъ, какой это начальникъ? Прихожу къ нему, сдѣлалъ, какъ слѣдуетъ, у порога фронтъ, а онъ: „Прошу садиться“! Фу, ты, Господи! Да на что это похоже! Не понимаю. Ужъ коли ты виноватъ, то съ тобой церемониться не слѣдуетъ, пробрать тебя нужно такъ, чтобъ въ потъ бросило. А то—прошу садиться! Ну что это за начальство? Извините, я этого не понимаю!

Попечительство барона А. П. Николаи.

1861—1862.

Для уясненія моихъ личныхъ отношеній къ новому Попечителю, считаю необходимымъ коснуться нѣкоторыхъ подробностей, предшествовавшихъ его прибытію въ Кіевъ.

Со времени увольненія Гренкова, вплоть до пріѣзда барона, впродолженіе тяжелыхъ для меня одиннадцати мѣсяцевъ я исправлялъ двѣ должности—директора и инспектора.

Втеченіе этого времени поляки успѣли пропѣть всѣ свои гимны, кокетливыя польки износить свои траурныя платья, студенты свои чамарки. За польскими манифестаціями слѣдовали малорусскія: появились бараньи шапки, смазные сапоги, мере-

жаныя сорочки. Все это имѣло сильное вліяніе на возбужденіе умовъ учащейся молодежи и не могло не повліять на ослабленіе дисциплины въ Кіевскихъ учебныхъ заведеніяхъ. А тутъ, какъ на зло, на мѣсто либеральнаго попечителя назначенъ самый крайній консерваторъ николаевскихъ временъ. При самомъ вступленіи своемъ въ должность, баронъ А. П. Николаи задался мыслію похоронить и засыпать землею всѣ реформаторскія распоряженія по Округу своего геніальнаго предмѣстника и повернуть заведенія къ старымъ порядкамъ. Но это, за краткостію его Попечительства, удалось ему только отчасти.

Кіевская 2-я гимназія около года оставалась безъ директора. Продолжительное исправленіе мною директорской должности, конечно, давало мнѣ нѣкоторое право занять вакантное мѣсто; но прецедентъ въ видѣ надгробной рѣчи надъ Шевченкомъ, о чемъ не преминули сообщить барону въ разукрашенномъ видѣ кіевскіе охранители, не позволилъ мнѣ и заикнуться объ утвержденіи въ исправляемой мною должности, тѣмъ болѣе, что первое мое представленіе новому начальству не обошлось безъ должнаго внушенія.

Между тѣмъ правитель канцеляріи Губеръ съ К° не переставалъ работать у попечителя въ пользу закадычнаго своего пріятеля, большого любителя березовой каши, отставного директора Гренкова—и баронъ воскресилъ этого Лазаря и посадилъ его мнѣ на шею. Лучшая „интеллигентная половина Кіевскаго общества была возмущена подобнымъ назначеніемъ и громко высказала свое неудовольствіе, которое выразилось не однимъ ворчаніемъ и ропотомъ на дѣйствія новаго начальника: къ самому Гренкову, въ одно прекрасное утро, явилась депутація изъ трехъ лицъ, бывшихъ воспитанниковъ второй Кіевской гимназіи; отъ лица Кіевскаго общества они предложили Николаю Михайловичу, не дожидаясь скандала, убраться по добру по здорову изъ гимназіи и не тормозить образованія молодого поколѣнія отжившими свое время убѣжденіями. Но Гренковъ благого совѣта не послушалъ и остался въ казенной квартирѣ.

Но глубже и сознательнѣе всѣхъ восчувствовали всю несообразность воскресенія этого Лазаря воспитанники 2-й гимназіи, которые впродолженіе цѣлаго года, подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній пироговскаго режима, успѣли уже отвыкнуть отъ ежовыхъ рукавицъ, отъ щипковъ и толчковъ, отъ начальничьяго крику съ пѣной у рта и другихъ проявленій безшабашнаго произвола и самодурства, на вѣки, казалось, похороненныхъ Пироговымъ и воспрянувшихъ въ лицѣ нелюбимаго ими директора. Протестъ со стороны учениковъ былъ неизбѣженъ, и онъ не замедлилъ выразиться въ рѣзкихъ и буйныхъ поступкахъ, вышедшихъ изъ ряду обыденныхъ мальчишескихъ шалостей.

Едва только появился на коридорѣ „старый нашъ знакомый", какъ съ обоихъ концовъ длиннаго коридора раздались оглушительные свистки. Мой Н. М—чъ поблѣднѣлъ, но потомъ скоро оправился и, овладѣвъ собой, вошелъ въ сборную учительскую комнату, поздоровался съ преподавателями и, когда усѣлись ученики, какъ ни въ чемъ не бывало, обошелъ всѣ классы. На другой день та же исторія: свищутъ да свищутъ. На третій день, не показываясь въ гимназію, онъ велѣлъ надзирателямъ собрать учениковъ вольныхъ квартиръ въ залу послѣ уроковъ, а воспитанниковъ закрытаго заведенія отправить въ столовую обѣдать, гдѣ мнѣ приказано было присутствовать во время обѣда.

Не успѣли прочитать передъ обѣдомъ молитву, какъ изъ залы ринулись ученики по лѣстницѣ въ большомъ безпорядкѣ. Что-же случилось?

Н. М., распорядившись собрать учениковъ въ залу, задумалъ подѣйствовать на нихъ силою своего краснорѣчія; но едва онъ вошелъ въ залу, какъ со всѣхъ сторонъ его окружила густая толпа мальчугановъ, какъ на военномъ смотру солдаты окружаютъ генерала. Ему и рта не дали разинуть: загалдѣли, заревѣли, засвистали. Протиснувшись сквозь сплошную массу учениковъ, директоръ ушелъ изъ залы задними дверями. Хорошо, что хоть такое случилось, но могло случиться гораздо худшее.

Черезъ нѣсколько дней Н. М. испробовалъ еще одно средство укротить разъяреннаго звѣря—буйную 700-головую толпу, склонивъ на свою сторону учениковъ VII класса, чтобы черезъ ихъ вліяніе подѣйствовать въ его пользу на другіе классы. Пригласивъ въ свою квартиру весь классъ, онъ говорилъ долго, убѣждалъ, грозилъ, и въ концѣ концовъ пообѣщалъ всѣмъ безъ исключенія выдать аттестаты, если ученики перестанутъ ему свистать. Этимъ обѣщаніемъ „опытный и умный администраторъ какимъ рекомендовали его барону его пріятели, окончательно уронилъ себя въ глазахъ воспитанниковъ.

На слѣдующій день, понадѣявшись на то, что предложенною сдѣлкой семиклассники привлечены на его сторону, Н. М. самоувѣренно вошелъ въ VII классъ передъ приходомъ учителя, но ученики подняли такой содомъ, что директоръ едва унесъ ноги.

Авторитетъ начальника заведенія былъ въ конецъ подорванъ.

Я съ своей стороны употреблялъ всевозможныя мѣры, чтобы возстановить пошатнувшуюся дисциплину въ гимназіи, но всѣ мои усилія остались тщетными. Въ моемъ присутствіи, правда, они удерживались отъ оскорбительныхъ для начальства выходокъ, но вѣдь не могъ-же я постоянно сопровождать директора, принявъ на себя унизительную для него роль дядьки, да онъ и самъ избѣгалъ этого; кромѣ того, у меня были и свои спеціальныя обязанности.

Выбившись наконецъ изъ силъ, еще до того надорванныхъ продолжительнымъ исполненіемъ двухъ должностей въ такое тревожное время, я въ началѣ ноября попросилъ у попечителя отпуска на 28 дней и уѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ на родину. Но отдохнуть мнѣ послѣ трудовъ не удалось.

Не прошло недѣли со времени моего пріѣзда къ роднымъ, какъ я получилъ письмо отъ своего сослуживца и земляка, учителя М. О. Самчевскаго, который поторопилъ меня возвращеніемъ въ Кіевъ, гдѣ въ мое отсутствіе случился наконецъ тотъ рѣзкій проступокъ, о коемъ предсказывали Гренкову явившіеся

къ нему „уполномоченные“ отъ Кіевскаго общества. Помѣщаю здѣсь выдержки изъ этого письма:

. . . „Послѣ вашего выѣзда, и та небольшая доля порядка и дисциплины, которая успѣла удержаться въ нашей несчастной гимназіи, благодаря вашему вліянію на воспитанниковъ, вслѣдствіе самодурства и совершенной растерянности Гренкова рушилась въ конецъ. Испробовавъ всѣ способы увѣщаній и безтактнаго подлаживанія къ ученикамъ и видя недѣйствительность кроткихъ мѣръ (такъ несвойственныхъ ндраву самодура), сей господинъ рѣшился идти на проломъ и силою укротить разнузданную толпу. Неистовые крики, топанье ногами, толчки и щипки воскресили допироговскія времена во всемъ ихъ безобразіи. Случилась, напр., такая возмутительная исторія: на улицѣ, противъ гимназіи, на виду у всѣхъ проходящихъ директоръ встрѣчаетъ ученика VI класса и дѣлаетъ ему выговоръ за разстегнутый сюртукъ; тотъ, поднявъ фуражку, опять употребилъ ее по назначенію, т. е. надѣлъ на голову. Директоръ взбѣсился и палкою сбилъ съ головы фуражку, крича во весь народъ: „я васъ отучу отъ Чаловскихъ порядковъ! (и эту фразу онъ повторялъ уже не разъ). Дальше идти было некуда. У дѣтей не хватило больше терпѣнія переносить такое обращеніе; накипѣвшая злоба проявилась наконецъ стихійной бурей“...

„Во время большой перемѣны ученики всѣхъ 12 классовъ (пять классовъ было съ параллельными отдѣленіями) безпорядочной толпой стали тѣсниться по коридору, и лишь только показался директоръ, подняли такой содомъ, что онъ едва успѣлъ вскочить въ сборную учительскую комнату; но толпа не переставала ревѣть; въ дверяхъ зазвенѣли разбитыя стекла; въ сборную полетѣли куски мѣлу, чернильницы, линейки... Вотъ до чего довели нашу благоустроенную гимназію безтолковыя распоряженія начальства“.

„Но все сообщенное мною до сихъ поръ не главная цѣль моего письма. Дѣло вотъ въ чемъ:

Гренковъ, купно съ Губеромъ и К°, всю вину случившагося въ гимназіи безпорядка взвалилъ на васъ: что вы де, под-

строивши учениковъ, сами уѣхали. Это сообщилъ мнѣ М. А. Туловъ, который теперь, по случаю безначалія, безвыходно сидитъ въ гимназіи и ждетъ не дождется вашего возвращенія, чтобы передать вамъ бразды закусившаго удила коня. Поспѣшите-же пріѣздомъ; мы всѣ готовы помочь вамъ разоблачить эту гнусную клевету, взведенную на васъ сторонниками Гренкова, который, потерпѣвъ пораженіе, заперся въ своей квартирѣ и даже у входа поставилъ стражу".

Получивъ письмо, я въ тотъ-же день, по страшной колоти поспѣшилъ въ Кіевъ. Не заходя въ квартиру, я прямо отправился въ гимназію. Встрѣтивши меня, Туловъ перекрестился:

— Ну, слава Богу, что вы пріѣхали!—сказалъ онъ.

— Но что-же мнѣ, Михаилъ Андреевичъ, дѣлать? Посовѣтуйте, ради Бога; вѣдь дѣло весьма серьезное.

— Надѣвайте мундиръ и отправляйтесь къ попечителю.

Баронъ принялъ меня съ обычной своей аристократической важностію, но вѣжливо, пригласилъ въ кабинетъ и просилъ садиться. Взволнованный до глубины души, я началъ было свою оправдательную рѣчь, но онъ остановилъ меня на первыхъ-же словахъ.

— Выслушайте сперва меня, а потомъ я буду васъ слушать.

Съ великимъ нетерпѣніемъ дожидался я конца безконечно долго тянувшейся для меня обвинительной рѣчи баронской, въ которой очень ловко были подтасованы факты, вовсе несогласовавшіеся съ дѣйствительностію, но на столько важные, что если-бы въ нихъ была хоть малая доля правды, то меня слѣдовало предать суду.

Защиту свою я началъ издалека, именно со времени увольненія Гренкова; указалъ причину его отставки, коснувшись его служебной дѣятельности до Пирогова. Со времени его отставки прошелъ годъ; впродолженіе этого года многое измѣнилось: директоры, подобные Гренкову, стали анахронизмомъ, и такого человѣка вы, в. П—во, назначили въ ту гимназію, гдѣ никто не можетъ помянуть его добрымъ словомъ. Противъ такого назна-

ченія былъ весь городъ; къ нему являлась отъ общества депутація съ предложеніемъ оставить гимназію, но онъ пренебрегъ благими совѣтами; извѣстенъ-ли В. П—ву этотъ фактъ?

— Въ первый разъ слышу.

— Прошу-же васъ выслушать меня дальше. Вступленіе Гренкова въ должность встрѣчено свистками и шиканьемъ, что повторялось почти ежедневно втеченіе цѣлаго мѣсяца. Желая прекратить безпорядокъ, Гренковъ пригласилъ въ свою квартиру учениковъ VII класса и вошелъ съ ними въ такую недостойную сдѣлку: если вы, господа, подѣйствуете на своихъ товарищей и они перестанутъ свистать, то я вамъ всѣмъ выдамъ аттестаты. Извѣстенъ-ли былъ этотъ фактъ в. П—ву?

— Въ первый разъ слышу—продолжайте!

— Заручившись такимъ компромиссомъ, Гренковъ на другой день вошелъ въ VII классъ, но его прогнали оттуда свистками и криками.

— Но отчего-же вы молчали? Отчего не донесли мнѣ?

— Гренковъ—мой начальникъ, я не имѣлъ права доносить помимо его вѣдома.

— И все это происходило въ гимназіи до вашего выѣзда?

— Да, это было при мнѣ. А что произошло въ мое отсутствіе, это вамъ, конечно, извѣстно изъ другихъ источниковъ, хотя и не все, напр. такія дѣйствія Гренкова: встрѣтивъ на улицѣ ученика, онъ сбилъ съ его головы палкой фуражку, когда тотъ, отдавши ему честь, надѣлъ ее; не разъ собственноручно расправлялся съ учениками въ общей квартирѣ—все это довело до катострофы... Я знаю, кто оклеветалъ меня передъ Вами—это пріятель его Губеръ и К°. Если в. п. больше вѣрите имъ, чѣмъ мнѣ, то прошу васъ разслѣдовать мои дѣйствія, нарядивъ формальное слѣдствіе, я этого въ правѣ даже требовать для своего оправданія.

Въ тотъ-же самый день Н. М. получилъ собственноручное письмо барона съ предложеніемъ подать въ отставку; затѣмъ чрезъ нѣсколько дней предложилъ мнѣ директорство въ бѣлоцерковской гимназіи.

— Вы, безъ сомнѣнія, поймете, отчего нельзя васъ оставить директоромъ 2-ой кіевской гимназіи—прибавилъ онъ на прощанье со мной въ концѣ января 1862 года.

Я безпрекословно, скрѣпя сердце, отправился въ ссылку, въ жидовское мѣстечко. Потерявъ вскорѣ послѣ этого страстно любимую жену, баронъ просилъ перевода на Кавказъ, гдѣ онъ служилъ прежде и гдѣ женился на княгинѣ Чавчавадзе, сестрѣ жены покойнаго Грибоѣдова.

Отправляя тѣло покойницы въ фамильный склепъ въ Финляндію, баронъ прислалъ ко мнѣ надзирателя съ просьбой уступить ему хранившіяся въ сараѣ 2-й гимназіи дроги, на которыхъ былъ привезенъ изъ Петербурга гробъ Т. Г. Шевченка; но я, безъ вѣдома душеприкащика покойнаго поэта, не имѣлъ права распорядиться оставшимся послѣ него имуществомъ и къ великому огорченію барона отказалъ ему.

Дроги эти взяты у меня В. Г. Шевченкомъ и сгорѣли въ Корсунѣ во время пожара.

Въ короткое время своего попечительства (говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Бѣгатиновъ (Рус. Архивъ, 1899 г. № 2) баронъ Николаи ничего особеннаго не сдѣлалъ, помимо развѣ того, что не былъ равнодушенъ къ несоблюденію служащими условій служебнаго труда, да развѣ приказаніе воротившемуся изъ заграницы Ростовцеву снять бороду, которой онъ украсилъ себя заграницей.

Моя служебная дѣятельность, посвященная 2-й кіевской гимназіи, продолжавшаяся десять лѣтъ, отчасти оцѣнена на прощальномъ обѣдѣ, устроенномъ моими сослуживцами, учителемъ Михаиломъ Осиповичемъ Самчевскимъ.

„Если-бы я, сказалъ онъ, и былъ одаренъ способностію льстить, то я настолько уважаю М. К—ча, что никогда не осмѣлился-бы отравить послѣдній вечеръ, который онъ проводитъ съ нами, воскуривъ ему фиміамъ лести. И если рѣшаюсь говорить теперь, то вовсе не для того, чтобы выразить удивленіе талантамъ и нравственнымъ достоинствамъ М. К—ча, но потому, что считаю неблагодарнымъ не выразить ему искренней

признательности за все время управленія имъ гимназіей. Но что значитъ личная благодарность вообще и моя въ особенности? Она такъ ничтожна, что я никогда не осмѣлился-бы заявить ее гласно, если-бы не былъ увѣренъ, что мои товарищи раздѣляютъ и мое сочувствіе, и мою благодарность. Увѣренность свою я основываю на тѣхъ фактахъ, которыми опредѣлилась дѣятельность М. К. во время управленія его гимназіей. Я надѣюсь, господа, вы позволите мнѣ прервать на нѣсколько минутъ нашу одушевленную бесѣду для того, чтобы изложеніемъ этихъ фактовъ показать, что благодарность наша М. К—чу имѣетъ самыя прочныя основанія.

Первый фактъ—это истинно-гуманное обращеніе М. К—ча со своими сослуживцами въ то время, когда онъ облеченъ былъ властью начальника. Конечно, въ настоящее время вѣжливое обращеніе начальника съ подчиненными уже не считается заслугой. Теперь даже люди съ деспотическими замашками не позволятъ себѣ кричать, топать ногами и бросать олимпійскіе взгляды, которые приводили когда-то въ отчаяніе бѣднаго подчиненнаго; не осмѣлятся они на это уже изъ чувства самосохраненія, потому что боятся общественнаго суда, потому что боятся встрѣтить сильный отпоръ со стороны подчиненнаго. Но сколько еще осталось различныхъ уловокъ взглядами, движеніями, тонкими замѣчаніями показать подчиненному свое начальничье значеніе... Смѣло могу сказать, М. К. не прибѣгалъ никогда къ подобнымъ уловкамъ: онъ казался всегда нашимъ товарищемъ, а не начальникомъ.

Второй фактъ—это уваженіе, которымъ пользовался М. К. у воспитанниковъ. Если-бы М. К. пріобрѣлъ расположеніе учениковъ гоньбой за популярностью, я никогда-бы не поставилъ ему этого въ заслугу. Я думаю, всякій согласится со мной, что такіе господа, которые изъ желанія пріобрѣсть популярность между учениками, потакаютъ ихъ шалостямъ, удивляются ихъ талантамъ, часто очень сомнительнымъ, восхищаются ихъ поступками, вовсе того не заслуживающими, то такіе господа приносятъ двойной вредъ: они уничтожаютъ, во первыхъ,

званіе наставника, а во вторыхъ, губятъ молодыхъ людей, дѣлая изъ нихъ заранѣе свистуновъ, пустозвоновъ, которые ненавистны въ жизни и еще ненавистнѣе въ школѣ. Въ такой жалкой гонькѣ за популярностью никто не упрекнетъ М. К.; онъ смотрѣлъ на воспитаніе, какъ на дѣло серьезное, а не какъ на игру въ куклы. Я самъ было часто свидѣтелемъ, какъ М. К. останавливалъ проявленія пустозвонства въ ученикахъ и путемъ убѣжденія доводилъ ихъ до раскаянія. Не заискиваніемъ расположенія у учениковъ, но личными своими достоинствами М. К. пріобрѣлъ популярность между учениками, а такая популярность достойна полной похвалы и подражанія.

Третій фактъ—это всегдашняя готовность М. К. помогать бѣднымъ ученикамъ и студентамъ доставленіемъ имъ репетиторствъ, при чемъ М. К. имѣлъ въ виду не одну бѣдность, а также знаніе и способности. Я знакомъ съ нѣсколькими бѣдными и очень дѣльными студентами, которымъ М. К. доставлялъ средства къ существованію въ Кіевѣ; они всегда съ благодарностію произносятъ его имя и пожалѣютъ объ немъ такъ же, какъ и мы теперь жалѣемъ.

Мнѣ кажется, господа, что во всемъ сказанномъ мною нѣтъ ни капли лести; мнѣ кажется, мои товарищи согласятся, что факты, только-что изложенные мною, существовали дѣйствительно, а если они существовали, то М. К. несомнѣнно заслуживаетъ наше общее уваженіе и сочувствіе. Пожелаемъ-же ему, господа, чтобы онъ такое-же уваженіе и сочувствіе встрѣтилъ и между своими новыми сослуживцами и выпьемъ за его здоровье"!

Въ числѣ многихъ сослуживцевъ во второй Кіевской гимназіи находились два брата, Иванъ и Михаилъ Самчевскіе, ближайшіе земляки мои, дѣти уважаемаго мною учителя моего Іосифа Акимовича Самчевскаго. Это тѣ самые малыши Ваня и Миша, которыхъ я, будучи гимназистомъ, видѣлъ ползающими по массивному тѣлу своего дѣдушки, соборнаго протоіерея о. Стефана Ленковскаго, въ жаркій іюльскій день лежавшаго на

ковръ въ передней комнатѣ своего ярко-желтаго дома. Старшій изъ нихъ, Иванъ Осиповичъ, преподавалъ исторію и впослѣдствіи, послѣ Слѣпушкина, моего преемника по инспекторству, былъ инспекторомъ 2-й Кіевской гимназіи. По характеру и по своей высокой честности и правдивости Михаилъ Осиповичъ былъ неизмѣримо выше своего брата, но онъ все время вращался въ низшей сферѣ учительскаго персонала, преподавая то русскій языкъ, то географію въ младшихъ классахъ, частію въ Кіевской 2-й гимназіи, частію въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, куда онъ, послѣ моего назначенія въ Бѣлую Церковь, временно переселился, по случаю смерти своей матери. Отъ нея по наслѣдству чахотка перешла на сына-любимца покойной Варвары Степановны—Мишу, и онъ, очень скоро послѣ ея смерти, умеръ въ Кіевѣ. Высокія нравственныя качества этого даровитаго юноши весьма вѣрно оцѣнены въ надгробной рѣчи бывшаго тогда инспектора 1-й Кіевской гимназіи, нынѣ Попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, И. Я. Ростовцева.

И. О. Самчевскій умеръ въ 1871 году отъ холеры на рукахъ у своего отца, который вскорѣ послѣ того ослѣпъ и въ этомъ жалкомъ состояніи дожилъ до 86 лѣтъ, пріютившись въ чужой семьѣ въ Новгородъ-Сѣверскѣ.

М. Чалый.

СТАРЕ И НОВЕ.

(*Оповидання* [1]).

VIII.

Не вдовзи до Тарноруцького ставъ новый робитныкъ на прызвыще Сукъ. Це бувъ ще молодый парубокъ та не по литахъ поважный, спокійный и выглядавъ такъ, наче завше розгадувавъ щось окремне, але поважне. Винъ бувъ близькый прятель Рахманного; у Дубнахъ було килькы пидмайстривъ зъ ризныхъ цехивъ, що горнулыся до Рахманного и дуже поважали ёго. Воны що-свята збиралыся чы въ того чы въ инчого помижъ себе, здебильшого по околыцяхъ миста, розмовлялы, чыталы щось, гуртомъ передплачувалы книжкы, у прыгодахъ завше пидтрымувалы та допомогалы одно одному.

Кибець, заклопоченный властнымы думкамы, не звертавъ увагы на нового товарыша, але Сукъ, прыдывляючысь товарыству, чуючы, якъ глузуе воно зъ Кибця за мандривку на прощу, за ёго задуманнистъ та инчи чудасіи, зацикавывся Кибцемъ и намирывся блыжче познаёмыться зъ имъ, щобъ може прыеднаты згодомъ до свого гурту.

У швальни Тарноруцького додержувано звычая, щобъ новакы становылы вступового могарыча товарыству. Ото, помынувшы днивъ зъ двое, и Сукъ заклыкавъ усихъ пидмайстривъ на недилю до шынку. Похмури та мовчазни збиралыся воны на бенкетъ; бильшисть булы вже не молоди, похилени и годамы и злыднямы, змарнили та блиди на выду; ухмилкы въ ихъ булы

---

[1]) См. Кіевск. Стар. № 6.

мляви и не гралы, а перебигалы по облычью, наче тинь видъ хмары по степу; порухы выбыти, потомлени, наче повсякчасна скрута высмоктала зъ цихъ людей и кривъ, и жвависть, а смородъ, що якъ гуща плававъ у майстерни, забывъ имъ и духъ, и головы. Похнюпывшысь, воны сидали коженъ самъ соби по кутках и звидты поглядалы знидъ-лоба, чы скоро унесуть закуску. Та писля килькохъ чарокъ языкы видпустыло, почалася гутирка, пьяна, зъ выгукамы, голосы здіймалыся часомъ высоко, ажъ деренчалы, часомъ спускалыся не владъ нызько до шопотиння; балакалы у ризнацію: почнуть двое розмовляты, здается розбалакалыся; ось котрый несподивано кыда бесидныка, шука инчого, смыка ёго, видтяга видъ розмовы и начыпляется, чы то зъ прыемностямы та цилуваннямъ, чы й задыра...

Чаплій, тежъ спьянилый, зробывсь говиркійшій; балакавъ, правда, урывчасто, зъ протягомъ, затыкуючысь, наче за кожнымъ словомъ видыравъ языка у роти та выдавлювавъ думкы, и зъ властывою ёму дражлывистю.

— Ну такъ... Е ихъ велыкорозумныкивъ... е! Якъ-же-жъ... отъ хочъ-бы и нашъ господарь!—ткнувъ винъ пучкою на Сука. Пивъ дня у швальни не выжыло, туды-жъ пнется... велыкорозумне... На тимъ тыждни прыховавъ я зъ аршынчыкъ сукна—трапылося; несу... Якъ-же побачывъ оттой,—и Чаплій зновъ показавъ на Сука—якъ не прычепыться! Не гараздъ, каже, красты... Тыху зъ дурнои головы! дядыни пиды своій розскажы! не можно, матери ёго ковинька! А якъ ёго жытымешъ не кравшы?.. Имъ шкуру зъ насъ лупыты можно, а мы рукы позгортаемо... Хай луплять, такъ?

— Эге, эге!—не гараздъ дослухаючысь потакувавъ Чапліеви пьяненькій бесидникъ; але вравъ ёму щось заманулося: бадёрненько скочывъ и почавъ гукаты до Кибця зъ веселою нестямною ухмилкою.

— Прокопе! а Прокопе! и чого ты такый смутный? чого дмешся якъ сычъ та мовчышъ? бачъ, товарыство гуляе!.. не гараздъ, далеби не гараздъ...

Кибець справди сыдивъ похмурый, мовчавъ уперто, не пывъ, и думкы ёму булы десь далеко, тай знаты не весели думкы.

— Гуляе! якъ гуляе?—сердыто видгрызнувсь винъ.

— Добре гуляе... Ей-же Богу, добре! Чого треба? Люде добри, хата тепла... горилочка е, бачъ!—и пьяный высоко знявъ надъ головою пляшку. Ну бо Прокопе, друже! розворушыся, повеселищай!—тягся винъ цилуваты Кибця.

Той посунувся видъ ёго

— Выпый-бо чарочку!

— Кажу тоби, не хочу! пече вона мене, брыдко мени, гыдко, нудно!..

— Тю!.. слынявый!—образывшись видвернувся видъ Кибця кравець.

— Що бо вы справди не пьете?—спытавъ Сукъ, що и самъ не пывъ и сыдивъ ни въ тихъ ни въ сихъ, але сылкуючысь буты прывитнымъ господаремъ, прымушувавъ себе усихъ частуваты.

Кибець швыдко повернувсь до ёго.

— А вы чого не пьете? чого вы нудытеся? Я пывъ горилку, я запытувався, та не глушыть вона тугы, ще гиршу здійма!.. Яки гулянкы лизтымуть у душу зъ такого жытта? Веселе воно, гарне? правда? ажъ себе шкода! Та що тамъ! Хай-бы вже и такъ, хочъ-бы-жъ надія, хочъ-бы-жъ просвитокъ бачыты... Та де-жъ тамъ! Брешуть и воны, що имъ весело... Ось воны, мовъ почумили, плещуть дурныци, одно до одного сикаются, заждить — ще бытымутся! Де хто и на вулыци заночуе блидый, укачаный, розкуёвдженный... Брыдко тай годи!

Хочъ Кибець и подобався Сукови, та все-жъ таки винъ николы не сподивався чуты такого видъ Кибця. Сукови и самому робылося легше середъ пьяного кола зъ людыною, що ій ображае те саме. Винъ цилкомъ прыхылився до Кибця и поклавъ прохаты товарышивъ, щобъ прынялы Кибця до гурту, и почавъ заклыкувать ёго до себе, щобъ познакомыты зъ имы.

— Я розумію, Прокопе Ёсыповичу, якъ вамъ тяжко; чувъ, що вы шукалы соби порады, наукы, та не тамъ вы ій шукалы, шукайте ихъ мижъ щырымы, розумнымы людьмы, у щырій ёдности зъ имы. Людямъ тилькы и можно покладатыся на себе, на свои сылы, та на еднисть зъ такымы, якъ самъ... Отъ заходьте частише до мене, я познаемлю васъ зъ такымы.

— Хто-жъ се?—спытавъ зрушено Кибець, чуты було не зъ простои цикавости.

— Насамперед Рахманный; це найкращый, найрозумнійшый мижъ имы; якъ бы вы зналы, що то за хороша людына!— зъ запаломъ почавъ розсказуваты Сукъ.

Колы Кибець почувъ про Рахманного, увесь захватъ ёго, уся цикависть наче угасла; першои хвыли винъ трохы не сказавъ Сукови, що ненавыдыть Рахманного, не хоче зъ имъ знатысь и не пиде до ёго. Непрыхильнисть до Рахманного заховалася въ Кибця ще зъ того часу, колы той, радячы помырыты ёго зъ Чапліемъ, напророкувавъ имъ знищення, и Кибцеви все здавалося, нибы Рахманный глузуе зъ ёго. Хочъ сёго и не було навсправжкы, такъ же згадка про ёго нагадувала Кибцеви, що

винъ самъ більшъ за людей вынный въ своему бездолли, и прымушувала не жалиты, а вынуватыты себе, а жаль до себе бувъ для ёго велыкою потребою и чы не едыною втихою.

Про те Кибцеви було такъ важко самому, такъ треба було поради, такъ подобався ёму самъ Сукъ и ёго щырый голосъ, що Кибець перемигъ себе, не появывъ свого почуття, а згодомъ почавъ инколы навидуватыся до Сука.

Зразу винъ бачывся тилько зъ самымъ Сукомъ, иноди ще зъ однымъ, або двома якымысь майстрамы; зъ имъ розмовлялы, чыталы книжкы, а черезъ кильки мисяцивъ запросылы и до громады та поклыкалы на збирку. Се було одніеи субботы у початку марця. Якъ и завше, щобъ не навысаты никому на очы, товарыство зибралося на самому краю миста до хаты одного зъ громадянъ, що за ёго дворыщемъ почыналыся вже лисы, яки прыступалы пидъ сами Дубни. Хатка була бидна и тисна, зъ однымъ виконцемъ; зибрани сидилы дуже тисно, и по лавахъ, и на лижку; двомъ чы трёмъ досталося навить стояты, тилько въ ряды-годы, та й то дуже не выгидно, прымощуючысь десь зъ краечку биля сыдячыхъ; одна невелыка гасочка скупо давала свитла, по хати стлалася сутинь, и тилькы невелычка мистына на столи зъ розкрытою на ій книгою та нахылене надъ нею облыччя Рахманного булы яскряво осяяни, одрубно выризуючысь середъ сутини. Було душно и накурено; самоваръ, за-рады тисноты, стоявъ биля печи доли, а паляныця, накраяна здоровымы шматкамы, и кильки грудокъ сахаря лежалы у челюстяхъ; тамъ стоялы ще дви чы три шклянкы, у яки на черзи наточувалы соби чаю чы той, чы иншый. Рахманный чытавъ у голосъ; иноди винъ спынявся, щобъ розсказаты щось на поясненя вычытаного, часомъ, але вже ридше, спынявъ чытання хтось зъ слухачивъ, колы не розумивъ, або не згожувався зъ тимъ, що чыталося; пры тому часомъ здіймалася спирка, змагалыся здебильшого завзято, зъ запаломъ... Кибець прыслухався уважно, навить часомъ наморщувавъ лоба, обмирковуючы почуте; ёго обхоплювала цикависть, пытання здіймалысь ти, що и ёго мордувалы, а хочъ нови, та таки, що прыходылы до того-жъ; чогось нялося вирыть, що тутъ ёму зъясують, и винъ дизнае про те, про вищо самому не сыла була дизнаты, щось велычнёго поважного всесвитнёго; люде здавалыся таки щыри, прыязни, воны, правда, спорылыся, лаялыся навить, та ци змагання не робылы тяжкого вражиння, не подибни булы до простои спирки. Кибець николы такыхъ не бачывъ; змагалыся бо не за свою шкоду, не за свою корысть, а за те, що вважалы коженъ правдою; у очахъ у цихъ людей бачывъ винъ таке щыре сяйво, якого не прымичавъ ниде попереду, а мижъ имы, дарма на спирку, винъ бачывъ щыру

прыязнь: заразъ посварылыся, полаялыся—и вже помырылы, зновъ прыятели, зновъ весели и иноди регочутся... Все це захоплювало и прывертало Кибця, та винъ ще мовчавъ и не зважувався казаты, хочъ часомъ не все гаразд розумивъ, а часомъ здавалося ёму, що и не такъ. Та колы почалы розиходытыся и Кибець, выйшовшы на двиръ, опынывсь самъ, тутъ на самоти середъ теплои сутини мисячнои мартивскои ночи, обхопылы ёго вразъ необмежени радощи велыкои виры и надіи, таки яскряви та дужи, якихъ не чувъ винъ давно, може зъ самыхъ дытячыхъ годъ, хиба ще якъ парубкуючы въ своею жинкою, тоди молодою, гарною дивчыною... Винъ почувавъ себе наче зпьянилый зъ тихъ радощивъ; ёму хотилося гукаты, повернутыся до цихъ людей, обниматы ихъ, дякуваты, и вразъ було такъ хороше, щось наче тыхо-тыхо колывалося на души, мовъ хвыля на ричци погожои днины, ажъ робылося соромно, и любо було мовчаты, зъ замылуваннямъ прыслухаючысь до чаривнои мелодіи, що видбувалася на серцеви... Захвылеванный, Кибець часомъ, самъ того не помичаючы, йшовъ швыдко, швыдко, ничого не бачучы попередъ себе, часомъ зновъ спынявся и задумано мылуючысь вдывлявся у круговыдъ.

Було вже зверхъ пивночы, темне вже весняне небо уснувалы подекуды темни, подекуды срибни хмарки, зъ-пова ихъ въ ряды-годы выглядавъ ясный мисяць; було вохко, тепло, иней рясно посивъ высоки дерева лису и велыкихъ левадъ, пидъ вагою ёго гилля позгыналося широкымы лукамы, хымерно вплитаючысь одна зъ одною. Били съ дымовымы одсвитамы, зъ яскрявымы иноди, блыщали пухки видъ инею дерева и ледве видризнялыся на тли билесоватои сутини мисячнои, але хмарнои ночи. Ввесь лисъ наче кублывся туманомъ, и тилькы маленьки кущи на узлисси малчилы выразниште, нагадуючы струнки постати чаривныць, прыбранныхъ у били сукни, що повыбигалы бавытыся зъ лису на просторе мисце. А лисъ стоявъ задуманный, здавалося повный якогось таемного тыхо рухаючого жыття; часомъ груби клапти инею зъ тыхымъ шелестомъ сыпалыся до-долу и зигнути луки гилокъ тремтилы, рухалыся, розгынаючысь зъ ледве чутнымъ бренькитомъ.

IX.

Не вдовзи, якось вранци, тилько посходылыся робитныкы до майстерни Тарноруцького, ускочывъ злыденно одягненый чоловикъ: на ёму булы вузьки обтрипани, димикитонови штаны та благенькый засмальцёваный пиджачокъ; зъ зашкарублыхъ узу-

тыхъ босоножъ, безъ онучъ, черевыкивъ стырчалы клапти соломы; голова зъ розкуёвдженнымъ волоссямъ гуляла безъ покрышки. Кумедна була та голова: якась угласта, квадратна, здорова, лобъ выдымався наперед, знидъ ёго блищалы швыдки та блискучи, якъ въ кота, очы; кырпатый нисъ вызыравъ зухвально, а широкый ритъ завше крывився лукавою ухмилкою. На дыво для такого голодранця, чоловикъ той бувъ скоришэ гладкый, нижъ худый, щоки въ ёго булы гладки, лысняви, выдъ запухлый, ногы наче выгнути, ходывъ винъ мовъ прысидаючы та крадучысь, та на дыво прутко, здебильшого позакладавшы рукы въ кышени, а ступавъ тыхо, мягко,—а не грюкне, а не шоборсне... Бувъ се видомый на уси Дубни Ивашко Лобурь, Ивашко Ракло, ще Ивашко Лазныкъ, але яка була справжня Иващына хвамылія, видомо було хиба панови справныкови, тай то лыбонь давно, бо заразъ и справныкъ не называвъ Ивашку инакше якъ на ци прызвыська.

Колы хочте, якъ бы Ивашко не бувъ щыро переконаный, що у ракливстви немае ничого ганебного, винъ мавъ-бы рацію гниватыся за таку необачнисть на дубенцивъ, бо справди не робывъ николы ни велыкого злочынства, ниже велыкои крадижкы, и хиба колы не колы хыбывъ на самій дрибныци, а бувъ непохытно впевненый, що и найповажниши дубенськи крамари, мищане та панство хыблять, и не на дрибныцяхъ тилько. Винъ завирявъ, що на те мае и доказы. Може и такъ, бо справди знавъ багато такого, чого не знавъ нихто у Дубнахъ, тилько на ёго думку для цёго не потрибни булы и доказы, бо поважни Дубенци уси булы люде заможни, а въ Ивашка було пересвидчення, що не бувши злодіемъ нихто не забагатіе. Цю свою думку любывъ винъ высловляты и высловлявъ часто, тилько обережно и зъ розумомъ, дывлячысь по людяхъ, кому якъ, щобъ не посердылыся въ кинець: бидныпымъ та простымъ прямо, у надіи якось то помырыты, заможнишымъ та панству—прыкладаючысь дурныкомъ, штукою, неначе жартуючы.

— Злодюго!—гука було на Ивашка на увесь базаръ дрибный крамаръ зъ ятки: це ты поцупывъ въ мене цыгарку?! и таскае тебе тутъ на мою голову! Верны мени заразъ!

— Цытьте бо, заспокойтеся, Иване Ёсыповычу! Хиба-жъ я докорявъ вамъ злодіемъ, колы вы прыкацыкуючы вкралы въ хазяина цилу вашу ятку? Далэби вже день не курывъ, ажъ за душу тягне, спасыби вамъ.—Безъ сорома казка запалюючы при очахъ въ покрывдженного крадену цыгарку, такъ само въ голосъ, и байдуже-спокійно видказуе Ивашко тай подается дали.

Биля великои цегельнои крамныци винъ спыняется, позыркуючы, чы нема чимъ пиджывытыся.

— Геть! геть!—ще заздалегидь гука на ёго крамаръ, хочъ правду мовыты не на те щобъ прогнаты, а тилько за для порядку, бо бильшисть, крамаривъ такы люблять побалакаты зъ Ракломъ.

Тымъ часомъ корыстуючысь зъ того, що зъ имъ забалакано, Ракло уступается до крамныци, зтулывшы страшенно дурну, але и святобожну, пыку.

— Та чы чуете, я-жъ зъ васъ багато не визьму!

— Хочъ не багато, та зъ якои речи?

— Далеби не позначыться, бо я и сотои часткы не визьму того, що вы за часъ визьмете—завирявъ Ивашко.

— Я визьму такъ не дурно, мени дурно нихто не дасть,— ще мовъ грымаючы, видказуе крамаръ.

— Дадуть!

— Хто дадуть, чы не ты?

— Ни не я, а дурни!

— Яки?

— Ти, що въ васъ купують.

— Брешы та оглядайсь!—невпокоенно прыдывляется, чы нема кого зъ покупцивъ у крамныци, дуже тымъ потишенный крамаръ.—Яки воны дурни?!—

— Якъ-же не дурни, колы вы ихъ дурыте?—мовъ дывуючысь на крамаря, що винъ того не знае, видказуе Ивашко.

— А, ты потороча!—прыдушуе осмихъ крамаръ.—Ты не знаешъ хиба? въ мене комерція на совисть!...

— Такъ, на совисть! та барыши-жъ берете!

— А то-жъ якъ?

— Ну, той дурыте, бо навищо-жъ платыты вамъ семыгрывеныка за те, що коштуе злота?

— Тю, дурню!

— Хай вже и дурень, а дайте злотого.

— Ще за вищо?

— Вамъ грихивъ подаруется,... ажъ на семыгрывеныка!...

— Чы-жъ въ мене грихивъ такъ багато?

— А багато... тилько розсказуваты николы, бо въ мене у жывоти пече проты чарку.

— Не проты кіивъ?...

— Кіивъ я не хочу, а чарку давно кортыть... Годи-бо нисенитницю варнякаты! давайте вже злотого!—выпростуючысь якъ москаль на муштри, простяга Ивашко долоню.

— На вже копійку.

— Копійкы я зъ васъ не визьму.

— Забагативъ тобъ-то?

— Не забагативъ, а не хочу вамъ сорому робыты.

— Якого?

— Казатымуть—вы скупи, а я-жъ страшенно хочу, щобъ такъ не казалы. Давайте вже!

Здебильшого крамари регочучысь таки давалы Ивашкови злота. Беры та знай мою добристь!

— Спасыби!—выбигаючы гукавъ Ракло.—А це на додачу, бо мало далы!—хапавъ винъ на дверяхъ ще яку дрибныцю зъ краму и зныкавъ.

— Ну и чортъ!—дуже потишенный кумедіею, здвыгне було крамаръ плечыма та и даруе Ивашци ёго злочынъ.

И дарма на таки вчынкы, Ивашку часто наймалы до крамныць за вартового на ничъ. И справди, уси стари дубенци хвалылыся, що за ёго нема кращого вартового.—Я маю совисть и николы не вкраду, що мени доручене, хочъ воно однаково усе крадене,—образлыво казавъ Ракло, колы хто зъ новыхъ у городи не хотивъ покладатыся на ёго сторожу.

Тилько-жъ хочъ се и була улюблена Ивашкою робота, бо справляючы сторожу, не мавъ вже потребы найматы кватыры, на вищо страхъ не любывъ пакуваты грошей, а про те николы не сторожувавъ винъ довго: одно—не любывъ закысаты ни на якій роботи, а друге—якъ робылося холоднише, було ёму те не зручно, бо хочъ мигъ ще доглядаты чужого добра, та вже ніякъ не здолавъ-бы не пропыты теплои одягы, хочъ-бы ёму ін и справлено. Черезъ те, якъ що въ-литку або рано въ-осени траплялыся холодни ночы, Ракло выпрохувавъ въ когось рогожку и, обгорнувшысь нею, поважно похожавъ мижъ крамныцямы, але на зиму завше наймався до лазни за лазныка, щобъ було де ночуваты, та тамъ и спавъ, вышукуючы теплишои мистыны, часомъ навить на полыци.

Була въ Ивашка и коханка; тилько видносыны зъ нею булы въ ёго зовсимъ не таки, якъ въ людей зъ коханкамы, а якись незвычайни, чудни. Була це одна зъ дубенськыхъ гулящыхъ дивчатъ, хочъ доси ще огрядна та здорова, але значно вже змарнила зъ того часу, колы передъ трёма рокамы почала гуляты, та пишла у повіи. Звалы и зналы ін уси у Дубняхъ

просто Марыною безъ жадного прызвыща. Чого-жъ зъ нею таке сталося? Не можно сказаты, щобъ въ неи не було тоди инчого порятунку. Справди, якъ часто бува, ии звивъ тоди одынъ парубокъ, обицяючы узяты, а потимъ видкынувся, але такожъ, якъ бува зъ багатьма, ій ще можно було впорядыты якось свое жыття и не спускаючысь на гультяйство; але вона сама не вбачала у ёму ничого особысто ни непрыемного, ни негарного, а навить виддалася ёму зъ запаломъ; прынаймни и немолодыхъ вже товарышокъ своихъ, що зазналы на вику всячыны, дывувала якоюсь надмирною зухвалистю та захопленнямъ у роспусти. Вона у голосъ зачыпала усихъ и скризь, прылюдно выстроювала соромицьки штукы, выгукувала найбезсоромнишы слова, зъ коханцямы згожувалася на усе, и то не зъ самого обурення и не тилько на посмихъ громады, що безъ жалю выкынула ии зъ-помижъ себе на смитныкъ, а такы въ значній мири залюбкы, задовольняючы тымъ свій необмеженно палкый темпераментъ. И до речи, якь що по правди, не черезъ що, якъ черезъ се, вона мала надзвычайный поспихъ середъ тыхъ самыхъ чоловикивъ та хлопцивъ, яки гудылы та одверталыся видъ неи за те на людяхъ.

Зъ Ивашкомъ воны зійшлыся блызько двохъ рокивъ. Якось Ракло загуляв та вже пьяный зайшовъ до Марыны. Винъ тоди саме розжывся на грошы и, хочъ кружлявъ цилисенькый день, а въ ёго лышылыся ще порядни, якъ на ёго, кошты—десять карбованцивъ. За ту ничъ воны вдвохъ прогайнувалы усе до копійкы, и Ракло, хочъ и пьяный, закохавъ Марыну у себе.

Зъ того часу вона почула, наче ій щось пороблено. Вона змагалася, напружувала усю свою волю, та не здолала вызволытыся зъ того кохання. Ракло одно стоявъ ій передъ очыма, гультяйске жыття ій спротывылося; вона надъ сылу прыдушувала огыдлывисть, колы до неи прыходылы ии стари коханци; щось порывало ии тилькы до самого Ивашка. Вона волила-бъ належаты тилько ёму, але и сама не здолала обняты розумомъ свого почуття, не годылася зъ имъ, сердылась на свою прыстрасть та намагалася ии выкорeныты. „Буде въ мене того кохання! не хочу я ёго! буде въ мене, що разъ вже трохы не зависылась“—казала вона соби у страшній роспуци, обурена,—та дарма. Вытрымавшы на протязи мисяця цю боротьбу зъ собою, безсылу вже зъ початку, а безнадійну въ кинци, вона нарешти зкорылася, и тоди едыною ии мріею зробылося видкынутыся розпусту, зробытыся Иващыною жинкою и любо та мыло жыты зъ нымъ, якъ люде, схотилося маты дитей, заманулося надто родынного життя звычайнои людыны... Та колы Марына выразно уявыла соби свои бажання, ии обгорнувъ шаленый гнытючый лякъ, що ажъ давывъ мозокъ. Справди, воны булы для неи велыкымъ

лыхомъ; вона не насмилювалася появыты ихъ своему коханцеви, не зважувалася навертаты ёго на нове жыття. Не гаразды розуміючы, вона вгадувала, що таке жыття не на Ивашку и винъ на ёго не прыстане. Справди, колы не втерпила и зъ болючымъ знесыллямъ, середъ палкыхъ обіймивъ и найгарячишого захвату любощивъ, зважылася тыхенько, затыкуюсысь видъ боясти, высловыты Раклови свои думкы, на ёго наче хто холодною водою лынувъ,—винъ ажъ одсахнувся.—

— Ну, се дурныци!—обизвався винъ насмишкувато вже перегодомъ трохы. И дарма Марына прыпадала, дарма благала, бидкалася на свое жыття, ревно плакала—Ракло тилько прыдывлявся ій неймовирно.

— Чуешъ!—мовывъ винъ на-решти:—якъ-бы видъ другои почувъ я таке, я-бъ не патякавъ багато, тилько-бъ вона мене и бачыла, бо насампередъ я-бъ не повнявъ ій и виры, а вважавъ-бы се за звычайни жиноцьки заходы заманыты соби когось въ крепакы... Але ты здаешся мени трохы порядныщою, не такою до сёго ласою, якъ взагали жиноцтво, та ты мени такы и люба, — черезъ те не хочу посварытыся раптомъ, але якъ обрыдатымешъ мени зъ цимъ, я такы пиду; жывъ безъ тебе, той жытыму.—Злякана Марына замовкла та хлыпала нышкомъ; видъ того плачу вона вся трипотила; плечы нервово тыпалыся; почуття незмиряного лыха та тяжкои зневагы шарпалы ій, але виддаты зневагою за зневагу, видкынутыся Ивашка вона не почувалася у сыли. Тымъ часомъ Раклови зробылося жаль Марыны: винъ наблызывсь та прыгорнувъ ій.

— Чуешъ, не ображайся! Це не образа тоби и не зневага. Я видказавъ-бы такъ само кожній, ще инчимъ и гострише. Просто я вважаю женитця никчемною людською выгадкою, здатною тилько на те, щобъ видбыраты и въ жинкы и въ чоловика волю, а я волю кохаю надъ усе... Думавъ, що и ты такъ, але въ тебе жиноцтво такы переважыло. Женитця намъ ни до чого. Ёго выгадалы ти, въ кого багацько добра, и воны трусятся надъ имъ та, боячысь виддаты ёго не своимъ дитямъ, ради завьязаты свитъ своій пари. Теперъ ни я въ тебе, ни ты въ мене не пытаемо, чы жыремо мы ще зъ кымъ. Невже-жъ ты хотила-бъ, щобъ мы, побравшыся, вже за-рады людського пересуду, не давалы одно одному дыхаты ревнуючы.

— Та мени-жъ того не треба!—докорыла Марына.

— Покы не треба, той не жывы ни зъ кымъ; а хиба ты знаешъ, що буде дали... Тай якый зъ мене бувъ-бы чоловикъ! невдовзи ты-бъ зненавыдила мене сама. Невже ты думаешъ, я можу, такъ якъ инчи, усе жыття свое покласты на те, щобъ панькатыся биля жинкы и дитокъ та постачаты имъ усячыну? Я охоче виддамъ тоби що хвыли все, що маю, пошма-

тую для тебе свое тило, бажавъ-бы, щобъ и ты такъ для мене, але що-дня, що-годыны тилько и думаты, що про жинку та диты,—мылуй мене Боже видъ сего! мене душыть жахъ видъ такои думкы... Годи тоби! не жывы дурныцею, не вчысь въ людей жыты по ихнёму; намъ зъ тобою въ ихъ ничому вчытыся, намъ бувае колы тяжко, а колы и весело, а жыты по-людськы—то сама тилько нудота.

На се Марына не видповила вже ничого, а звелила Ивашци прынесты горилкы и тіи ночы пыла страшенно, хочъ, здается, пьяна не була. И вписля вона не нагадувала ёму вже про свое бажання, хочъ ще довго чула у грудяхъ тяжкый биль, наче хто загнавъ ій шпынъ у серце. Зъ рикъ, покы той биль помалу не утышывся, вона гуляла скажено, жахаючы людей своимъ роспустомъ, поневиряючысь та глузуючы зъ своихъ коханцивъ, що саме теперъ сыла ихъ лыпла до неи, и тилько самого Ивашку кохала такъ само, якъ и попереду, кохала до забуття, догождала та корылася на усю ёго волю и часомъ, колы ёму хотилося гуляты та не було за вищо, винъ казавъ ій, скилькы ёму треба, и вона радо виддавала ёму все, що мала... Потроху ій почало навить здаватыся, що такъ и треба, що инакше, якъ зробывъ Ивашко, и не можно було зробыты, а мріи про женитя, про родыну вже здавалыся ій чуднымы. За те и Ивашко жаливъ та якъ звиръ оборонявъ іи видъ усякои напасти, наругы чы глуму и не шкодивъ для неи ничого, колы що мавъ,—а колы заставъ въ неи инчыхъ коханцивъ, спокійно дожыдавсь, покы вона лышыться сама, и николы не пытавъ іи, хто въ неи бувъ.

Оцёго-то Ракла, колы винъ заскочывъ до швальни Тарноруцького, уси пидмайстры прывиталы дуже радисно, хочъ и боялыся, щобъ не дизнавъ хозяинъ, бо винъ боронывъ пускаты у майстерню сторонніхъ, а за Ракла гнивався-бъ надто.

— Чы вы чулы, панове?—ще зъ порогу оповистывъ Ивашко,—якои халазіи доскочывъ панъ-отець-благочынный.

— Безъ Грыця вода не святытся! Ты вже и за благочынного довидався, жартуючы обизвався де-хто.—Ну, кажы!

— Та якъ-же не довидатыся? Далеби, базаромъ иду, гомонять, ажъ базаръ гуде; не можно було не прыслухатысь.

— А ты то впередъ и не знавъ.

— Ну... може и знавъ... Такъ оце вамъ, слухайте...

Хто и зна, що казавъ-бы Ракло, якъ-бы вразъ не почулося, якъ хтось зъ горы швыдко збига до майстерни. Уси пизналы ходу Тарноруцького, и пруткый Ивашко, хочъ, представляючы штукы, и затасувавсь бувъ у саму гущу робитныкивъ, ще и сыдивъ у додачу,—схопывся, выпрыснувъ хутко зъ гурту тай подавсь зъ хаты.

Ледве винъ втикъ, дверы розчынылыся и на ихъ зъявывся Тарноруцькый, знаты чогось дуже роздратованый и сердытый. Ёму тій ночы трапылася велыка непрыемнисть.

X.

Намагаючысь багатиты, Тарноруцькый не належавъ до скаредивъ, що кохаются у грошахъ для самыхъ грошей: воны люби булы ёму, якъ спосибъ до багатого жыття и шляхъ до повагы. Розжывшысь, винъ вважавъ, що вже мае на неи право, и заходывся потроху задовольняты свои прымхы: одягався хороше, хочъ часомъ зъ гвалтовною хвертыковатистю, закуповувавъ мебли, щобъ чепурыты свою оселю, заведено не разъ-у-разъ доладу, бо у вытальни ёго на стильци биля дзеркала можно було побачыты струса зъ ножамы до фруктивъ натомисць хвоста, а стилець зъ якоюсь-то квиткою на ёму бувъ щильно прытуленный у розвылкахъ казетки такъ, що на неи не можно було и систы... Але найулюбленійшою мрiею Тарноруцького було зробытыся членомъ дубенського клубу. Винъ тишывся думкою, що пиде туды, прывитается зъ клубянамы якъ ридня, гратыме зъ имы у карты... На ёго щастя громады украинськыхъ повитовыхъ городивъ не дуже прыдывляются до того, зъ якого стану ти люде, що хочуть уступыть до клубу, хочъ не черезъ те, що мають на се правдывый поглядъ, а черезъ те, що не мають ніякыхъ поглядивъ и бильше пеклуются, щобъ черезъ малу чысленнисть членивъ не розбылася партія у гвынтъ, та щобъ удержування клуба ставало кожному дешевше. Воны вымагаютъ тилько, щобъ людына мала культурный выглядъ, хочъ не велыкои треба и культурности, щобъ подобатысь повитовымъ клубянамъ. Тарноруцькому, правда, якъ жыдови, було трохы важче досягты цiеи непевнои чести, але, запобигшы ласкы де-якыхъ поважнишыхъ членивъ, винъ вже зъ тыждень що-дня пiсля скынчення роботы утишався ходячы до клубу.—Тамъ, тяжко напружуючы свiй розумъ, спостережнисть и спрытнисть, сылкувавсь винъ появыты себе дотепнымъ у звычаяхъ та поводженню. Це була тяжка и не звыкла робота мозкови: мусывъ винъ переслижуваты коженъ свiй крокъ, обмирковуваты кожде слово, выображаты пыльно, якъ-бы зчынывъ у видповидному выпадку якый справжнiй джентельменъ; та за те якъ-же любо було Тарноруцькому мылуватыся на себе, колы часомъ здавалося ёму, що сказавъ чы зробывъ щось зовсимъ по культурному. Була це утиха велыка! Ти щыри заходы Тарноруцького малы поспихъ: поводження ёго подобалося клубянамъ, и колы надходывъ винъ здоровкатыся до стильцивъ, биля якыхъ бавылыся картамы, ти, що гралы, виталы

ёго прывитно, навить де-хто здіймалыся на-зустричъ, найбильше ти, хто выгрававъ и черезъ те почувався весело, а гладкый дубенськый нотаръ, що не кохався у картахъ, а пыльнувавъ бильше бухвету, та, якъ велыкый до горилкы мытець, мусивъ часто поновляты соби кумпанію, не разъ заклыкавъ вже Якова Грыгоровыча: „выхылыты по одній". И Тарноруцькый, хочъ не вжывавъ горилкы, зъ охотою частувався для обачносты, та ще, мовъ зъ задоволенія, и пучкамы клацне, якъ, бачывъ, робылы те инчы пры такій нагоди.

Усе велося гараздъ вже цилый тыждень, але вчора выбухла для ёго велыка непрыемнисть.

Мешкавъ у Дубнахъ старый, значно выслуженный генералъ у видставци, Петро Петровычъ Зарижный. Бувъ се сывый, худый и невельчкый на зристъ крекитень зъ напрученнымы вгору куцымы вусамы, зъ невпокоеннымы та лыхымы очыцямы, що часто спынялыся на комусь, наче хотилы того проглынуты; ходывъ винъ завше у мундыри, завше зпырався на палычку и часто ростыравъ соби ногу, що вразъ почынала чогось сипатысь. Бувъ винъ особа значна и не на Дубни, дуже заможный, велыко-выслуженный, мавъ родычивъ та прыятеливъ и заразъ на высокыхъ посадахъ у Петербурзи, и зъ усихъ тыхъ оказій видповидну пыху, а хочъ черезъ страшенну нудьгу и бракъ якогобудь дила и мусивъ ходыты до клубу, та не мигъ вважаты дубенське товарыство соби ривнею, и цилый выдъ ёго, бундючный та пышный, що хвыли нагадувавъ усимъ про ёго особысту почеснисть та про те, яку робыть винъ ласку своею кумпанією. Пыха не давала ёму спокію, и винъ ажъ пидъ нисъ наче тыкавъ усимъ свою честь. Це позначалося и у гордовытій постави, и у гордовытій, а часомъ и зневажлывій розмови, и у сердытому видбляску очей та ухмильци. Якъ на правду, набрыдъ винъ усимъ до знемогы, и дубенци завше почувалысь вильнише и радилы, колы Зарижный чогось не прыбуде до клуба; але такъ бракувало имъ самоповагы, такъ завыклы воны уси поважаты, пидлещуватыся та ставаты у прыгоди значнымъ та дужымъ, не вважаючы навить, чы буде имъ зъ того корысть, чы ни, що Зарижный ни разу не дисталъ належнои одсичи, а верховодывъ у клуби, наче у забранному краю.

Тарноруцького обрано за члена до клуба тоди, колы Зарижный слабувавъ и не бувъ на збирци. Це зроблено було навмысне, бо прыхыльныкы Янкеля Гершковыча гараздъ знялы, що генералъ ни за-вищо не погодывся-бъ на те обрання, а про те сподивалыся, що згодомъ винъ звыкне до Тарноруцького, и нихто не покладавъ соби у голову, яка зъ того зчынытся буча.

Петро Петровычъ вже зо два тыжня слабувавъ на жывитъ и голову и не выходывъ зъ господы; уси служкы ёго попидбывалыся, бигаючы навспынячкы и вволяючы усяки ёго вытребенькы, та нихто не мигъ догодыты—и Петро Петровычъ одно лаявся, грымавъ, та розлютовувавсь дали дужче; але колы дизнавъ про обрання Тарноруцького, розсердывся такъ, що ажъ наче выдужавъ... Така ричъ вымагала ёго прысутности. Зарижный знавъ, хто то е Тарноруцькый, бо хочъ не справлявъ въ ёго ничого, та часомъ дававъ ёму щось полагодыты и не мигъ зтерпиты изъ собою у кумпаніи кравця та ще и жыда... Вдодачу до цёго не спыталыся цёго дозволу... Винъ звеливъ запрягаты кони и пойихавъ до клубу.

Прыбувъ винъ туды досыть пизно; бильшисть членивъ вже сыдилы за картамы, вже и Янкель Гершковычъ бувъ у клуби, хочъ ще и не гравъ, а сыдивъ зъ боку одного стильця, прыдывляючысь, якъ тамъ грають.

Винъ бувъ у доброму настріи, часомъ роблячы якись важлыви увагы що до гры. Ажъ ось широко, зъ видповиднымъ поважности идучои людыны поспихомъ, лакей видчынывъ обыдва одвирка, и до залы, зныраючысь на ципокъ, уступывся Зарижный. Сердытымы мышачымы очыма глянувъ винъ по зали и дуже голосно кахыкнувъ. Не знаю, чы мавъ винъ на думци звернуты цимъ на себе увагу, бо увагы-жъ и такъ не бракувало. Уси вразъ позкоплювалыся, и ти, хто вважавъ себе блыжчымъ до нёго, хапалыся прывитатыся назустричъ, инчи, а мижъ ными и Тарноруцькый, не знаючы, чы на те мають право, вклонялыся здалеку. Але потроху вже все вгамовалося, и зновъ посидалы до картъ.

Зъ пидкресленымъ выразомъ незадоволення чы обрыдлывости Зарижный перейшовъ кылько разивъ взадъ и впередъ залою.

Почувавъ винъ себе якось чудно, бо дарма що йихавъ до клубу зъ певнымъ замиромъ, але не знавъ ще що зробыть. Завдання було не зъ звычайныхъ—насварытыся на циле зибрання, и Зарижный, на дывовыжу соби, почувавъ якусь незвыклу несмилывисть... Такъ же не можно було цёго появыты, але не можно искорытысь, чы и занехаяты справу... Ципокъ ёго де дали нервованише и сердытише гримко та часто стукотивъ по доливци, и нарешти генералъ спынывсь середъ хаты, наче шукаючы когось очыма, чы збыраючысь грыматы...

Незадоволення такъ значнои людыны видчувалося усима прыкро; уси почувалыся якъ передъ тучею, а черговый старшына мусивъ запобигаты, щобъ заспокоиты...

— Ваше Превосходытельство безъ партіи? невже нема зъ кымъ? то не може буты... я заразъ, тужъ хвылю...—заклопотавсь винъ.

— Маю надію, тай зновъ сподиваюся, що не посадыте мене зъ тымъ ото жыдомъ кравцемъ!—а ни крыхты не зтрымуючысь, а въ голосъ, на цилу залу и часто тыкаючы пучкою на Янкеля Гершковыча, сердыто завважывъ Зарижный.—Не знаю вже якъ и ходыты до вашого клубу? Вы незабаромъ и мого лакея заклычете на члены!..

Почувшы це, Тарноруцькый першу хвылю мовъ прыкыпивъ; винъ чувъ тяжку образу, та ще дужче вражала ёго думка, що ось зганьбовано ёго на людяхъ, знищено усю ту повагу, яку зъ такою пыльнистю, часомъ хытрощамы та штукамы доставалося ёму здобуваты; винъ чувъ, хочъ не бачывъ, якъ видусиль насмишкувато поглядають на ёго зъ-по за картъ, и почувавъ себе такъ, наче земля розсовуется ёму зъ-пидъ нигъ. Вразъ винъ зпалахнувъ, якусь хвылю ёго порывало вылаятыся, даты одсичъ, та губы тремтилы, языкъ не слухався, не було сылы опертыся Зарижному: ганебный острахъ такы переважавъ у Тарноруцькому почуття правдывого гниву... Не гараздъ розуміючы, що робыть, винъ порвався зъ миста и зчулывшысь подавсь зъ клуба.

Трохы не цилу ничъ Тарноруцькый не спавъ: зрушени почуття и думкы зрыналы, зчеплювалыся, перемишувалыся безъ ладу; выморювалы ёго до найбильшои втомы та спаты не давалы...

Винъ ривночасно и лютовавъ заклятовано, и тремтивъ видъ ганебного знищення; ци таки рижни почуття якось дывовыжно едналыся у ёму, та надъ усимъ панувала боляча думка—жаль на те, що пошкоджено ёму шанолюбни заходы... Але ни у ёго, ни у жинкы ёго, що тежъ нышкомъ потырювала Зарижного „проклятымъ гоимомъ“ и щыро зычыла ёму „здохнуты“, ни на хвылю не знявся правдывый гнивъ на зневагу людскои гидности, не впало и на думку смило обстоюваты и іи и свою честь; ихъ знищувала звычка корытыся передъ Зарижнымъ и боязнь ёго сылы.

Вже передъ свитомъ ледве прыспався Тарноруцькый, та не надовго, и прокынувся, тяжко замореный та сердытый; усе здавалося ёму не до ладу, а якъ на те Зарижный, чы справди ёму знадобылося, чы заманулося ще поковерзуваты, заславъ до Тарноруцького лакея зъ заказомъ полагодыты шынелю.

— Глядить, щобъ до вечора була справна! ёго превосходытельство небезпреминно звелилы,—наказувавъ лакей, очевыдячкы

певный, що не може буты пытання, чы схоче Тарноруцькый догождаты Зарижному.

Позеленивъ Тарноруцькый; вхопыло ёго за серце начеркаты и лакееви, и превосходытельствови и видмовытыся робыты, та не зважывсь, а тилькы пишовъ винъ по-за спынамы робитныкивъ зазыраты на роботу, а ти чують, що роздратованый, знышклы, прычаялыся, здается не дыхнулы-бъ, абы мынувъ, не прысикався.

Тыша стояла у хати, а-ни-телень.

Помынувъ такъ Тарноруцькый вже килькохъ робитныкивъ, суне тыхо, мовъ що-кроку зупыняется, мовъ щось ёго назадъ тягне, а зморшкы, крути та глыбоки, на ливій щоци та на лобови впопорекъ якъ сталы, такъ и засохлы, не ровсунутся. Ажъ ось спынывся винъ биля Кибця. Кибець ще глыбше уткнувсь въ свое шытво и очей не зведе, тилькы дыхае важко: серце чы що було ёму порушене, то якъ турбуется, ніякъ було не одсапнется.

Здавалося, Тарноруцькый вже дали пиде, и ногою човгнувъ, та спынывся зновъ, протяга руку за Кибцевымъ шытвомъ тай тягне мовчкы до себе.

— А Кибець, зъ переляку чы що, не вгада, чого треба, не пускае. Ще разъ потягъ Тарноруцькый, тилько зморшкы ще дужче напружылыся, та якъ гуконе:—Давай, лобуре, колы я беру!—та якъ рване роботу; пидсунувъ абы тилькы до очей, та не роздывляючысь якъ шарпане ій туды-сюды:

— Що се за робота? Яка це стежка? Якый чортъ такъ шые?!

Кибець тымъ часомъ схопывсь, обернувсь до хазяина и злякався, тремтыть: и злисть за серце бере, и досада, и брыдко; тилькы збиравсь щось сказаты, выправытысь, а Тарноруцькый якъ кыне ёму шытвомъ просто у вичи:

— За що я, такый-сякый, тоби грошы платю? на чорта мени таки чорты, якъ ты?!

— Ажъ млосно зробылося Кибцеви, у голови думкы наче спыралыся та борюкаются; и образа порыва, и острахъ, щобъ не прогналы, прыдушуе; стоить, ничого не вымовыть.

Уси дывылыся на цихъ двохъ; нихто не бачывъ, що робыться зъ Сукомъ, а той якъ выпростается, билый, трохы щелепы стыснулыся и повыдымалыся, такъ дзвинко, зъ протягомъ каже:—Эй, хазяине! геть зъ рукамы!..

Тутъ вже и Кибець почувъ, мовъ ёму натхнуто завзяття; очы заблыщалы, нахылывсь напередъ, ажъ мовъ наступае на Тарноруцького.

А той зъ несподиванкы не вгада, у який бикъ и глянуты, крутнувъ головою сюды-туды, глянувъ на Сука, вразъ якъ не злякается.

— А ты що таке? тоби яке дило?—спытавъ ще дрибно, затыкуючысь, тай опынывся прожогомъ на схидцяхъ до своихъ покоивъ и вже звидтиль заверещавъ:—А йдить къ бису обыдва видъ мене! щобъ духу вашого тутъ не було, и ты, и ты!

Тыхо зробылося у швальни, нихто не здійме голосу, уси якъ сыдилы, попрыкыпалы, позчулювалыся. Кибець зновъ злякався—згадавъ про жинку, про диты; и що въ имы буде, занепавъ духомъ та почынавъ каятыся...

— Ну-жъ, ходимо!—бадёро обизвався до ёго Сукъ. Не бійсь, не пропащи!—И винъ повивъ збентеженого Кибця зъ хаты.

— Не журысь, казавъ Сукъ, вже на самоти на двори. Ходимо до нашыхъ, щось гуртомъ выгадаемо.

Справди, въ громади було трохы гуртовыхъ грошей. Товарыши скынулыся ще и выжычылы ихъ Сукови та Кибцеви, щобъ воны почалы кравцюваты видъ себе, заведено, не панську одягу, бо иты на перебій Тарноруцькому годи було и думаты, а просту одягу для бидныхъ людей. Вдодачу ще, кому було треба, загадалы имъ для початку шыты на себе. Зъ цієи праци не можна було сподиватыся велыкыхъ заробиткивъ та можливо було жыты та щей незалежнымы, вильнымы людьмы.

Це зновъ доля осмихнулася Кибцеви: стало ёму вильнише, спокійнише, винъ потроху заспокоюваыся и вже такъ покохавъ свою громаду, якъ ридного батька; зъ запаломъ ходывъ винъ на кожну збирку, по недиляхъ чытавъ книжкы, яки ёму радылы, ёго запыты почалы розвыднюватыся, надіи та радисть жыття виджываты; винъ ажъ подобрійшавъ...

XI.

Та не довго велося Кибцеви такъ добре. Надъ Дубнамы навысала хмара. Мижъ мищанамы та робитныкамы пишлы чутки, нибы по инчыхъ городахъ, караючы за крывду людямъ, бьютъ жыдивъ. Чутки си знаджувалы та запалювалы дубенську сирому; мижъ нею почынавсь якыйсь рухъ; мало знаеми, стриваючысь, закыдалы на здогадъ одно одному, больше знаеми мирковалы та розмовлялы про се потай, пидбурюючы тымъ одно одного. Громадка Рахманного, до которого часу держалася ще осторонь. Винъ стримувавъ ще та видраджувавъ товарыство видъ помсты та бійкы, хочъ вже помичалося, що де-хто зъ ихъ, не можучы

зъ имъ змагатыся, серцемъ хылыться не до ёго порады, а до шелесту. Рахманный це помичавъ и ще бильше намагався довесты свое; винъ доводывъ, що шелестомъ соби не порадять, не збудутся лыха, ще и зазнають тяжкои кары. Се-бъ ничого, якъ-бы було за що терпиты, колы-бъ справди здобуты соби права та полегкисть, а на свити наставъ мыръ та правда... Такъ-же доброго ладу не можна зробыты у одному маленькому мисти, покы навколо зостается усе по старому: свитъ стоить у звязку... Тай для сёго насамперед треба, щобъ робитныкы и сами булы розвійниши, та совистниши... Те лыхо, на яке бидкаемось, не въ насъ самихъ, воно е всесвитне и по инчыхъ краяхъ почалось ще ранище, то и треба вчытыся, якъ одстоюють себе бидни люде тамъ, що та якъ здобувають, чого вымагають заразъ, на вищю сподиваются на дали. А зняты шелестъ у самыхъ Дубнахъ, зруйноваты килькохъ жыдивъ и за те стерпиты військову поталу—це було-бъ тилькы тишыты свою роздратованисть та помсту. Бачучы, що товарыство хытается, Рахманный щозбирвы здіймавъ се пытання, прыносывъ та чытавъ книжвы про робитный рухъ у Европи.

— Одніеи суботы, колы чыталы якусь зъ тыхъ книжокъ и розмова знов зійшла на жыдивъ, щось зненацька заторохтило у шыбку; уси захваталыся, знепокоилыся. Бильшисть зблидла, хтось кынувсь гасыты лямпу, та Рахманный не попустывъ сёго, виддавъ свитло тому, хто йшовъ видчыняты двери.

Але непокоитыся не було чого: за дверыма стоявъ Ивашко.

— Що, полякалыся?—спытавъ винъ, заходячы у хату. Думаете, сховалыся! за васъ и не знають?.. Та заспокойтеся! Кому не треба, ще не довидалыся, а я и давно знаю, та видъ мене й ховатысь дарма... Знаю та мовчу, що мени потимъ: чы чытаете—той чытайте, чы збираетесь—той збырайтесь, тилько часъ-бы теперъ ци дурныци покынуты...

Громадяне мовчалы, ще не заспокоилыся, тай Ракло бувъ якыйсь дывный, не такый якъ завше, не вкыдався у штукы, не строивъ дурныка... Щось суворе, поважне чулося ёму у голоси, вбачалося у порухахъ и на выду.

— Ото и я,—проводывъ винъ дали,—покы не було путнишого дила, штукы строивъ, та николы заразъ,—треба до дила братыся! Эй тай добряча робота е, весела! Чулы, хлопци, скризь жыдивъ бьють? тай въ насъ вже налагодылыся. Ну-мъ заразъ жыдивськи збуйвыки повытрушуемо!

— На вищо се? — гостро спытавъ Рахманный, выступаючы впередъ.

Винъ и Ракло стоялы одынъ проты одного биля столу середъ товарыства, що стовпылося довкола.

— Якъ на вищо?—глузливо и соби спытавъ Ракло.—Казавъ я—нема дила зъ вашого чытання... не дочыталыся хиба? повылазыло вамъ, скилькы въ насъ жыды крови пьють!

— А чого вы тимъ добудете? яка буде зъ того корысть?

— Що мени до корысти! Помщуся, серце зжену, дамся у памкы проклятымъ, щобъ не коверзувалы! Тай корысть буде: полякаются, боятымутся,—розпалывся Ивашко.

Рахманный чувъ, що се хвыля ришуча, що заразъ мусыть выришытыся, кого послухають громадяне—чы ёго, чы Ивашку та своихъ прыстраствивъ. Рахманный добре знавъ, яки сыльни у цихъ людей ти прыстрасти, наслидокъ накыпилыхъ за довги роки образы и ненавысти, якъ обрыдло имъ несты на своихъ плечахъ суспильный рядъ, достаючы сами крывды и зневагы... Перебигшы очыма по прыятеляхъ, винъ бачывъ выразно по поблидлыхъ та напруженыхъ облыччяхъ, по загорилыхъ очахъ, якъ тучею здіймаются въ ихъ ти прыстрасти. Вира Рахманного у свій вплывъ на цихъ людей, у ихъ сылы подужаты себе, похытнулася, и голосъ ёго ледве чутно затремтивъ. Прыкро зробылося ёму; жаль и ихъ, бо зазнають багато лыха.

— Не кажить абы-чого!—обизвався винъ тыхо, и пидъ вагою зневирья у словахъ ёго чулося тилькы перекопання, та не було сылы, що захоплюе та прымушуе людей слухатыся. На вищо вы прызводыте людей?! Знаю и я, яка на свити неправда, не байдужый и я до неи, самъ змагаюся и усимъ кажу, що треба зъ нею змагатыся, такъ на те, щобъ неправды поменчало, щобъ людямъ зробылося краще... а чы можете вы сподиватыся добра зъ вашыхъ заходивъ?...

— Атъ! заспивавъ соловьячымы спивамы!—роздратовано зареготався Ракло. Бачъ, очы заплющывъ, мылуючысь на свои брехенькы! Не слухайте ёго, братця! Не давайтесь дурыть!

— Хай це и нескоро, такъ певно-жъ!—розсердывся и Рахманный.

— Годи тоби, чулы!—грюкнувъ що-сылы кулакомъ по столу Ивашко. Нихто-бъ не пизнавъ ёго, очы ёму горилы, ажъ пеклы, ввесь винъ напружывся, мовъ ажъ повыщавъ, выдъ зблидъ и потонщавъ, зробывся похмурый, страшный.

— Годи тоби! Слухайте, братця! кого скрывдылы, пустылы у старци, видибралы долю, кому знивечылы жыття прокляти жыдюкы—гайда за мною! Погуляемо, виддячымо пакостнымъ, натишымося, дывлячысь, якъ будуть плакаты, трусытыся, пейсыкы рватымуть!...

Запальный выгукъ Иващынъ, ёго пекельна завзятисть обхоплювала слухачивъ; воны и не счулыся, якъ прыхылялыся до ёго, якъ зъ хымерного Ракла стававъ винъ имъ за прывидцю. Въ кожного зъ ихъ зрынала десь зъ глыбыни пекуча лютисть, въ Кибця—на Тарноруцького, въ другыхъ—на инчыхъ напастныкивъ, а вразъ вже и на усихъ жыдивъ.

Бильшисть почала збиратыся за Ракломъ; знявсь гоминъ, стукотня, коженъ шукавъ свою свытку, шапку; хтось почавъ докоряты Рахманному.

— Стривайте-бо!—знервовано скрыкнувъ той, тяжко зхвылеваный.—Колы вы вже такъ намоглысь, скажить хочъ, чимъ вамъ жыды такъ особлыво зпротывылысь? чы то едыни ваши напастныкы?...

Та Ивашко не давъ ёму доказаты.

— Поснидаемо жыдамы!—промовывъ винъ и зареготався.

— А певечеряете?—докирлыво спытавъ Рахманный.

— Такою великовченою таранею, такымы панськымы та жыдивськымы попыхачамы, якъ ты!—выгукнувъ заклятовано на видповидь Ивашко.

— Якъ ты сміешь!—Тяжка образа чулася у голоси Рахманного.

— А на що-жъ ты людей морочышъ? на що манышъ тымъ, що николы не буде? Годи хлопци! хто не хоче зъ имъ слыныты, ходимо!—И Ракло пишовъ зъ хаты; подалась за имъ и значна бильшисть товарышивъ Рахманного, лышылыся тилькы Сукъ та ще двое-трое.

Пишовъ и Кибець, та за дверыма ёго вхопыло за серце и чогось зробылося така шкода Рахманного: винъ такый, сердега, збентеженый и всежъ такы хороша людына... зробывъ Кибцеви багато добра. Кибець бувъ ёму щыро вдячный, дарма що теперъ Рахманный плеще дурныци и оступается за жыдивъ... Се ни до чого, а про те треба ёго потишыты: хай знае, що не уси посердылыся зъ имъ... И Кибець сказавъ, шо забувъ щось, гукнувъ: идить, я васъ дожену!—и вскочывъ назадъ у хату. Рахманный, засмученый знесыленый, сыдивъ похылывшысь на рукы.

— Годи бо вамъ, не журиться!—прыскочывъ до ёго Кибець. Що-жъ, кождый дума по своему...

— А вы якъ?

—Та я думаю...—зъ неохотою видказавъ Кибець,—думаю... таки треба попобыты...

— И пидете?...

— Та пиду-жъ...

— Робить-же, якъ знаете!..—невтишно махнувъ Рахманный рукою и зновъ похылывся.

— А вы таки не журиться...—справди...—ще разъ запытавсь заспокоиты ёго Кибець, але и не выкинчывъ та подавсь зъ хаты, боячысь видбытыся видъ гурту.

Ще мовъ тяжче зробылося Рахманному видъ того Кибцевого потишення:—такъ наче я справди зробывъ щось гыдкого, а винъ тилькы даруе мени те черезъ прыхыльнисть, чы добристь... Спытайте ёго що винъ дума... Чы се-жъ не образа?!. Якыхъ-сь дыкыхъ выгукивъ дыкого Ракла досыть було, шобъ видпхнуты видъ мене тыхъ людей, що я не шкодивъ для ихъ ни праци, ни часу, що виддавъ имъ свое серце, та й воны, здавалося, любылы мене... Шкода було Рахманному и товарышивъ, що имъ достанется каратыся безъ усякои корысти, шкода и на тихъ, що звелы на нинець усю ёго працю, уси заходы биля заснованя громады, яка мусила теперь розійтыся такъ нагло, але найгирше діймалы сумнивы, здіймаючысь зъ цёго прыводу: якъ покладатыся на такыхъ людей? якъ робыты зъ имы якесь громадське дило? А чыжъ не уси люде таки? чы се не загальна прыкмета усякого гурту та никчемна пидлеглисть своимъ прыстрастямъ, та невдатнисть кермуватыся обмирковаными завданнямы? Що-жъ можно путнёго зробыты на такому грунти зъ такымы помичныкамы? Пидъ нагнитомъ сихъ думокъ Рахманный не мавъ ни сылы, ни хити хочъ словомъ обизватыся и до тихъ товарышивъ, що лышылыся зъ имъ; ти сыдилы такъ само прыгничени... Посыдилы трохы такъ тай розійшлыся, не умовывшысь навить и на завтра зійтыся, хочъ и було-бъ про вищо порадытыся...

XII.

У глыбокому и болючому задуми повертався Рахманный додому; на двори було темно, хочъ у око стрель; важка хмара засунула циле небо грубою темною пеленою, одностайною, ривною,—ниде не выдко було а ни зиронькы; дрибный, риденькый

дощикъ накрапавъ зъ неи; витеръ теплый, але густый, набигавъ неривнымы подыхамы, подекуды ущухне, мовъ втышыться, подекуды зновъ, наче обирвався десь, налита, бурхае, стукотыть у стины, трипочется по безкетахъ, гуде мижъ деревомъ... Прыйшовшы додому, Рахманный лигъ, але довго не здолавъ прыспаться. Луна темрява непрывитно зазырала у викна, напружуючы и такъ вже розбурхани нервы; середъ неи усе вчувалыся Рахманному якыйсь далекый гоминъ чы гуркитъ, наче сотни людськыхъ голосивъ, тилько невыразно, мовъ здалеку, мовъ прыглушени, и винъ схоплюется, думаючы, що се почалося руйнованя, уявля соби, що тамъ дiется, прыслухается, але тыхо скризь, тилько иноди гуде витеръ... Та не йме Рахманный виры тiй зрадливiй тыши, довго слухае, спершысь на руку на лижку, и часомъ ёму здается наче тыхо, часомъ зновъ мовъ розитнется десь якый-сь дужый, хочъ невыразный, выгукъ; зновъ зхоплюется Рахманный, зновъ прыслухается, ще пыльнище напружуючы вуха, вдывляется у глупу темряву за викномъ и... зновъ нечуты ничого... Ажъ передъ свитомъ прыспався винъ, вытомленый до краю, и вже не чувъ, якъ знялася колотнеча. Прокынувсь винъ сёмои годыны черезъ страшенный галасъ та гукъ, що знявся на вулыци. Той гамиръ вже давно бентежывъ ёго, ще сплячого, нагадувавъ щось непрыемне, неспокiйне, и середъ сону Рахманный непокоився, почувавъ, нибы треба чогось скориште вставаты, та не здолавъ прокынуться; колы-жъ нарешти схопывся, ёму здалося, що дiется щось непрыемне,— але що? Винъ знавъ, та не може згадаты, а треба прытьмомъ згадаты, треба щось робыты... Мерщiй винъ глянувъ у викно: на вулыци бувъ невымовный гармыдеръ, якыйсь натовпъ розшарпаного, рухаючого люду, чулыся зойкы, лайкы, гукъ, хтось плакавъ, щось падало, щось ломылося... Потроху винъ почавъ помичаты те, що зразу не вкынулося въ очы, почавъ прыгадуваты и розумиты. Шыбкы у багатёхъ горныцяхъ булы повыбывани, двери та викна розчынени навстяжъ, запоры у крамныцяхъ побыти, двери поламлени, середъ вулыци, и у ризнацiю и купамы, навергано зломкивъ зъ мебливъ, зъ бочокъ, зъ посуду, усякого краму. Зъ розгону выкыдани зъ крамныць тканыны побгалыся, порозвиртувалыся, подекуды постлалыся доризкамы, подекуды жужмомъ, повлывани дёгтемъ, часомъ укачани грязюкою; все те люде мисять ногамы, топчутся по ёму; уся вулыця, якъ велыкый смитныкъ, закыдана клаптямы паперу; у повитри наче снигъ пурхае пирья зъ бебехивъ; онде хтось выкочуе зъ лёху бочку зъ гасомъ, якыхъ-сь двое заразъ прыскочылы до неи и розбылы кiйкамы; жыдивкы, жыденята, жыды, навпивъ одягнени, розшарпани, тикають хто куда у-розтичъ; часомъ, хто здума, штовкне ихъ, зацидыть по потылыци, воны и не оборо-

няются, не оглядаются навить, а тикають дали зъ плачемъ; навздогинъ имъ тюкають, регочутся; воны спотыкаются, падають... Въ людей облыччя якись пьяни, дыки, ухмилкы застыгли, нестямни, очы въ инчого мовъ тороплени, выдъ розпатланый, выглядъ заклопоченый. Онде двое такыхъ напружуются выкынуты у викно важку скриню; у горныцяхъ заможного жыда, що навпроты осели Рахманного, кризь вытаскани викна выдко, якъ якыйсь телепень скочывъ на фортепьяно и тунцюется зъ чобитьмы по струнахъ; тяжко стогнуть струны, часомъ якъ увирвется котра-сь, той стогинъ зомлива, мовъ передъ сконаннямъ... Прыдывывшысь, Рахманный пизнавъ Ивашку.

А знялася ця буча такъ.

Пидъ Замчыщемъ заразъ биля мосту, що йде черезъ ричку до Дубнивъ, черезъ якый йиздять у городъ зъ половыны повиту, скупылось килькось шынкивъ; тутъ, по цихъ далекыхъ видъ урядныцького догляду крыивкахъ, завше гуляе та бенкетуе дубенське гультяйство, тутъ обмирковуе воно свои заходы, сюды зношуе и зароблене, и накрадене; выще, по крутому узбичу Замчыща, ажъ до валивъ колысь славетного козацького городу, де тилько ледве можно було, прытулылыся обшарпани хыбарки— жытла дубенськыхъ босявокъ та гультяйного дивоцтва. Знаты, е мицный зивязокъ мижъ тымы хыбаркамы и шынкамы: крути, увесеньки стежечкы поплелыся скризь по гори, зъ горы у нызъ, и, дарма що незручно, густо снуются по ихъ люде пизднёи добы, чуты тамъ спивы та пьяный гоминъ. До одного зъ цихъ шынкивъ завивъ Ивашко товарыство Рахманного, а по шынкахъ цiеи ночы гуляло багато людей, геть бильше якъ що-дня; мижъ имы чувся якыйсь особлывый рухъ, якась таемна еднисть: зъ шынку до шынку одно перебигалы люде, щось розмовлялы пошепкы, выклыкалы одынъ одного на вулыцю; шынкови двери одно стукалы, впускаючы та выпускаючы когось; по вулыци люде снувалыся одынцямы, по-двое, купкамы; воны ще не появлялы свого замиру, та по непевныхъ розмовахъ, по зухвальному поводженню ихъ, по тому, що гулянка затяглася, налякани чуткамы шынкари видчувалы вже щось недобре и боязко прыдывлялыся гультяямъ, що де-дали надходылы та надходылы. Мынуло и тры и чотыри годыны; натовпъ по шынкахъ тилько збильшався, нихто не збырався до-дому, шынкари знепокоилыся до краю и почалы намагатыся, щобъ пошабашылы.

— Пизно, панове, далеби пизно! на мене панъ справныкъ гниватымутся!... Ну, погулялы, ну и буде вже! ну, чого тамъ? iй Богу буде, зробить мени ласку!—чыплявся улестливо, але и нетерпляче хазяинъ того шынку, де пыла Ивашчына кумпанiя.

— Такъ що-жъ ты не дасы мени набиръ?!—прысикався до ёго тымъ часомъ здоровенный пьяный чоловикъ.—Не дасы, га?—наступавъ винъ на жыда. Зпантелыченый шынкарь не оберигся и видказавъ зъ дражливистю: ни набиръ, ни за гроши, ніякъ не дамъ, иды соби геть!

— Такъ оце-жъ тоби!—и самъ не схаменувся чоловикъ, якъ вдарывъ шынкаря у голову.

— Жыдъ пополотнивъ и, затулывшы голову рукамы, репетувавъ: «гвалтъ, рятуйте".

— Гей хлопци! Жыды нашыхъ бьють! гей сюды!—выскочывшы зъ шынку, гукнувъ Ивашко.

Се було гасло.—Звидусиль почалы збигатыся люде; вмыть розбылы и розтяглы на дрозкы шынокъ, повыкыдалы и пониевечылы зъ ёго усе, повыпывалы горилку, захожувалыся вже руйнуваты и биля сусиднихъ шынкивъ, та Ивашко, скочывшы на стовпчыкъ, спынывъ, крыкнувшы що сылы: Облышь! не гайтеся абы-чымъ, гайда у городъ!

Поки юрба збиралася, поки збигла на гору та у городъ, а по дорози стривши другу купу шелестивъ, допомогла имъ розбыты ще шынокъ, що стоявъ посередъ горы, поки на знакъ едности повыпывалы зъ того шынку горилку, вже була шоста годына. Вже де-яки дбайлывиши крамари пылы чай, збыраючысь до крамныць, вже розпочавсь торгъ на базари, колы юрба, тилько зридка затрымуючысь по дорози, прыкотылася зъ гукомъ, зъ галасомъ на базарный майданъ. „Жыдивъ бый!—бый жыдивъ!"—гукалы воны, зклыкаючы до себе де дали бильше помичныкивъ, и почався той шелестъ, що ёго прокынувшысь побачывъ Рахманный.

Перелякани жыды кынулыся хто куды, хто рятуючы щось дорогшого зъ своёго добра, хто абы втикты самому зъ родыною; бильшисть вдарылася на звощыкахъ, а якъ не посчастыло—то й пишкы, на вокзалъ зализныци, инши поховалыся въ знаемыхъ хрыстіанъ. Далы звистку справныкови; та у Дубнахъ не було війська, и справныкъ, пометлявшысь трохы якъ квочка, почувъ и себе у небезпечному стани тай зныкъ.

Наридъ вже збигався; пишла чутка и по блыжчыхъ селахъ, що у Дубнахъ бьють жыдивъ, и що тамъ нибы вильно браты усякого краму до схочу. Шатнулыся у Дубни не те чоловикы, а и жиноцтво, и пидлиткы, знявсь наче ярмарокъ, а якъ розбываты скоро не було чого, то чоловикы трощылы вже быте; жинкы и диты снувалыся мижъ народомъ по руйновыщахъ, вышукуючы, чого-бъ набраты соби, тай тягалы доскочене оберемкамы додому.

— „Тягнить, тягнить, хлопци!“ „Напнысь, бабо, та беры бильше, не жалуй жыдивського добра!“—заохочувалы регочучысь шелесты... але знаты було, що бильшисть зъ ихъ и прытомылася, и задовольнылася, де-хто почалы розиходытыся, и тилько найзавзятиши ще ныкалы, вышукуючы, на чому-бъ потишыты розъятрилу за цей день охоту до руйнованя.

Кибець въ ночи бувъ зпьянивъ; ёму не багато було и выпыты, але заразъ вже вытверезывся, и, блидый, обидраный, бо пораючысь обирвався чысто, у новій шапци, яку вхопывъ десь у крамныци, загубывшы свою, збырався вже додому, та на останди ёму заманулося потишытыся добромъ свого найклятійшого ворога, и винъ заскочывъ до зпорожнилого будынку Тарноруцького. Усе тутъ було переверчене, навить доливка, потрощене. Просовуючысь помижъ зламкамы, Кибець зайшовъ у дальшы покои; тутъ побачывъ винъ якогось чоловика, що стоявъ до ёго спыною и зъ велыкою заклопоченнистью ажъ не чувъ, якъ зайшовъ Кибець, мордувався, выкыдаючы за викно здоровенну шафу.

Кибець кынувся бувъ до помочи тай остовпивъ: той чоловикъ бувъ Чаплій; очы ихъ збиглыся, и щось страшне замыготило у Чапліевыхъ; воны булы тилько вдвохъ на чы-мали порожни горныци; викна зъ хаты дывылыся у такъ само порожній двиръ; на вулыци стоявъ такый галасъ, що за имъ не чутно було-бъ ніякого крыку. Все те мыттю перебигло на думци въ Кибця; не гаразды и розуміючы на вищо, винъ позадкувавъ, тай выплыгнувъ у викно.

Це трапылося блызько другои годыны. Саме тоди уступалыся зъ двохъ бокивъ у Дубни комонни эскадроны, що выклыкани булы зъ найблыжчого зъ повитовыхъ городивъ. Москали йихалы повно узброени; зъ коней бигло мыло, але військо вызырало бадёро; офыцеры, зпыняючы коней мундштукамы, выгравалы зъ боку. Москаливъ передъ городомъ затрымалы, далы горилкы, звелилы спиваты писень, „щобъ менче було усякыхъ думокъ“.

Морозомъ вдарыло Кибця видъ тіеи музыкы та спывивъ; вразъ зныкла мана почуттивъ, що верховодылы имъ черезъ цилу ничъ та ранокъ; усе, що сталося, здалося теперъ непотрибнымъ, навить никчемнымъ, зробылося такъ боляче шкода чогось, а чого—не здолавъ винъ вгадаты, и тяжко забажалося буты швыдче дома, зъ своимы, втикты видъ напасти...

Та москали вже оточылы майданъ и сумижни вулыци и заходылыся нышпорыты. Чаплія вже вхопылы. Кибець метлявся якъ зацькованый заяць, не знаходячы ниде захысту, и певнобъ ёго узялы, якъ-бы на счастя не стривъ винъ Ивашка. Ракло бигъ кудысь зъ прожогомъ, ажъ выскокомъ, але, знаты,

гараздъ розуміючы куды бигты, зъ певною метою. Тикай швыдче!—зашопотивъ винъ, мовъ ненарокомъ нахылывшысь надъ вухо Кибцеви, бижучы позъ ёго.

— Але-жъ куды?... скризь сторожа...—безнадійно видказавъ Кибець такъ само пошепкы.

— Дурню Божый! не базикай та йды за мною, колы самъ не тямышъ!—видказавъ Ивашко и, скочывшы ще кылько крокивъ, якъ склызъ у темныхъ воротяхъ запустилого та сплюндрованого дворыща багатого жыда Гыцеля, що въ ёго бувъ горильчаный пидвалъ. Кибець за имъ. Зъ двору Ракло ускочывъ у прысинкы, зъ прысинокъ у якыйсь темный закапелокъ и наперъ тамъ на стину у найтемнищому кутку.

— Дай рады!—пошепкы звеливъ винъ.

— А на що?—незадоволено спытавъ Кибець, не бачучы зъ того толку.

— Не гай часу на балачкы! побачышъ...

— Воны наперлы вдвохъ, шось луснуло, частына стины завалылася, и передъ имы зачорнивсь якый-сь лёхъ.

— Що воно?—здывовався Кибець.

— Иды за мною!

— Середъ невымовнои темрявы посувалыся помацкы—попереду Ивашко, за имъ Кибець; кылько разивъ воны, здавалося, зверталы у бикъ, такъ нибы йшлы по вузькому та покрученому корыдору.

— Прысвиты тутъ, дай обдывытыся!.. се, бачъ, Гыцель гонывъ тутъ часомъ горилку тай спродувавъ, мишаючы зъ акцизною.

— Ты почимъ знаешъ?

— Дыво! аже треба було Гыцелеви кымъ-сь іи робыты, той наймавъ часомъ... добре и платывъ... ничого соби бувъ чоловяга!—зплюнувъ Ракло на бикъ.

— Але насъ тутъ налапають!—затурбувався вразъ Кибець: дирка розвалена, кожному хочется заглянуты...

— Не бійся, тутъ можно выйты у яръ на смитныкъ; тамъ москаливъ ще не повынно буты...

Дворыще Гыцеля стояло саме по-надъ проваллямъ, яке, почынаючысь зъ города, йшло до ричкы и тутъ наблыжалося до майдану. Провалля було глыбоке и стрымке; глыняни, сыпки бокы ёго стоялы якъ муры, и скочыты чы зійты у ёго просто було неможлыво, але на саму глыбыню, мижъ велыки давни купы гною, що зкыдалы сюды господари сумижныхъ дворивъ, выхо-

дыла невелыка щелына, чы печера; вода, выризуючы яръ, видголыла тутъ колышни, дуже давно вже роблени лёхы, що навить вчени люде не гаразд зналы, колы и навищо ихъ роблено; трохы не уси Дубни стоялы на такыхъ лёхахъ; воны йшлы и переплутувалыся одынъ зъ однымъ якъ де у два ряды, одынъ зверхъ одного; у багатёхъ мисцяхъ воны вже позавалювалыся, ходыты по ихъ було и небезпечно, и моторошно, а мисцямы той неможливо черезъ задыхувате та важке повитря. Дубеньци черезъ те тилько и зналы про ци лёхы, що часомъ, копаючы ровы на фундаменты, докопувалыся до ихъ, та завше булы имъ не ради и сылкувалыся ихъ забываты; але Гыцелеви такый лёхъ прыдався, и винъ розкопавшы частыну ёго шырше, зробывъ соби тамъ потайну вынныцю, бо колы почынався струсъ, можно було заховаты у плутаныхъ заворотахъ лёху, або и вытаскаты въ провалля все, що треба. Ивашко, роблячы въ Гыцеля, знавъ цю крывку. Незабаромъ воны зъ Кибцемъ опынылыся биля щылыны, вылизлы нижъ купы смиття и, прычаившысь та выслухавшы, що никого немае блызько, подалыся яромъ. Яръ де-дали видхылявсь видъ майдану, розстылався долыною, по якій стоялы осели дубенськои голоты. Опынывшыся середъ ихъ, Ивашко та Кибець вже булы безпечни...

Ввечори прыбувъ у Дубни жандарськый полковныкъ.

XIII.

Дворыще пана Зарижного було на краю Дубенъ. Велыки горныци своимъ выглядомъ зразу нагадувалы про пышну старовыну; була це стародавня камяныця на два зъ половыною билышыхъ поверхивъ зпереду и на тры менчыхъ з-заду, ще и зъ надбудивлею на самому осередку покривли. Вызырала вона наче два кубы: бильшый знызу и малый угори; викна у обохъ поверхахъ велыки зъ луткамы, а у надбудивли зъ кожного боку було по одному викну, що выроблени шырокымы та нызькымы лукамы на взирець скыбокъ велыкого кола, и складалыся зъ дрибныхъ квитчастого шкла шыбокъ. Напереди саме посередъ камяныци бувъ роскишный ганокъ зъ дверыма до прысинокъ. Въ середыни на обыдва боки видъ прысинокъ мистылыся парадни горныци: вытальни, кабинеты, сутинни и похмури на старый поважный ладъ; ззаду ихъ вже въ тры поверхы знаходылыся родынни кимнаты, покои для гостей, буфетъ, кимнаты для блыжчыхъ служкивъ, а ввесь спидній пивлёхъ займалы кухня,

булощня, пральня... Очевыдячкы, горныци булы збудовани зъ рахункомъ не на свое тилько, хочъ и велыке, посемейство, а и на чы-малый гуртъ гостей та на цилу ватагу служкивъ, и своихъ и чужыхъ, зъ якымы густо найиздыло сюды колысь панство зъ далекыхъ околыць.

Вже блызько сто пьятдесятъ годъ, якъ цю камяныцю поставывъ одынъ полковныкъ Хрулевъ, прадидъ Петра Петровыча Зарижного зъ матерыного боку. Заможне було украинське панство; велыки степы, багато добра по коморяхъ та оборахъ, добри грошыкы въ жбаныкахъ густо малыся въ панивъ, дарма що воны мешкалы у тисныхъ, очеретомъ повкрываныхъ горнычкахъ, и йилы, пылы та ходылы, хочъ въ смакъ, та по просту, и якъ яструбы чатувалы кожного шеляга... Отъ-же вельможни зяти, диставшы ти добра, гарненько захожувалыся биля ихъ, будуючы пышни горныци, якъ въ Зарижного, заводячы нови звычаи та повождення. Не вагаючысь процвындрювалы воны надбане тестемъ добро, цилкомъ певни, що могтымуть надрати до зхочу бильше, сягнувшы черезъ пышну обстанову и жыття ще до выщого стану уряду.

Саме до такыхъ належавъ и Хрулевъ, прадидъ Зарижного зъ матерыного боку, що взявъ едыну доньку багатого полковныка Дубенського тай уси ёго добра, а писля смерти тестя бувъ и самъ настановленый зъ Петербургу за полковныка у Дубни. Та якъ въ Хрулева не було сынивъ, то й спадщына писля ёго досталася черезъ дочку до украинського роду Зарижныхъ, останнею невдалою квиткою якого бувъ Петро Петровычъ.

Жыття у двори въ Зарижного давно вже почало прокыдаться. Заведено, повставалы попереду менча челядь, або ти, кому зъ обовязкивъ службы, не можно було пиздныться: куховарка зъ людськои, прачка, двирныкъ, менчый кучеръ вже поралыся коженъ коло своеи роботы. Лакейчукъ Пылыпко, хлопець рокивъ чотырнадцяты, добре вмазаный тертою цеглою, щей зъ червоною цегельною смугою черезъ ливу щоку, чыстывъ ножы, сившы для такои оказіи доли биля рундука и порозкладавшы усю снасть на попылястій видъ натоптаныхъ глыны, смиття и цеглы. Пылыпко не дуже хапався зъ своею роботою и часто, забуваючы про ножы, захожувався гукаты писень, влучаты каминцямы горобцивъ, а то и зачыпаты кого зъ челяди. Позаякъ одначе остання забавка не завше ёму даруvалася, то й доставалося часомъ Пылыпкови, щобъ не зазнаты

доброи потылыныци, тикаючы облышаты роботу, черезъ те и не посувалась вона зъ такымъ поспихомъ, якого можно було сподиватыся, дывлячысь на Пылыпка инчымъ разомъ, колы винъ справди брався до неи. Такыхъ хвыль, набравшы на вохкый жмутокъ зъ ганчырки тертои цеглы, Пылыпко шмаглявъ имъ по ножахъ та вылкахъ такъ несамовыто, що ажъ выхався усимъ тиломъ, тилько колы не колы спыняючысь, щобъ почухатысь чы поплюваты на жмутокъ, абы краще бралася цегла.

Гарненька, чепурненько прыбрана покоивка вже не разъ бигала до стани, де порався коло коней ставный молодець кучеръ Степанъ, неначе за диломъ, навспрaвжкы-жъ щобъ постояты та побалакаты зъ имъ, позакладавшы рукы пидъ хвартушыну, що вважала мабудь вельмы красною поведенціею. Розмова въ ихъ про те николы не велася дуже довго, и дивчына черезъ вищось небавомъ выхвачувалась, уся зашарывшысь, зъ стани та сміючысь тикала до горныць, дуже мотаючы рукамы.

Трохы згодомъ поважный та середнихъ годъ садовныкъ, хочъ и не мавъ звычаю зъ роботою хапатыся, выйшовъ поливаты квиткы. Спочывалы ще тилько старшый лакей пана Зарижного Сыдиръ Ёсыповычъ та экономка Марья Петривна, або, якъ нышкомъ дражныла іи челядь, генеральска Машка. Генералъ прокыдався тилько десятои годыны, и ци найстаршы у двори особы не малы раціи дуже ранитыся.

Двиръ пана Зарижного бувъ въ кинци города. Поварь ще не вертався зъ базарю, то й за колотнечу, що счынылася, нихто ще не знавъ. Тилько садовныкъ, завважывшы, що зъ городу чуты якый-сь незвычайный галасъ и гуркитъ, не разъ здырався на бесидку подывытыся, чы не горыть де, та, не бачучы нидэ дыму, злазывъ що разъ бильше здывованый и, двыгаючы плечыма, пытавсь, ни до кого особысто не звертаючысь: „и що воно тамъ, мовъ чорты по пеклу, гарцюе“?

Та ледве поварь повернувся зъ базарю, чутка, що бьютъ жыдивъ, мыттю скалатала усихъ двирськыхъ, и воны стовпылыся слухаты цикавои новыны; тилько Пылыпко, не дослухавшы и половыны, дременувъ, якъ стоявъ, безъ шапкы, у городъ.

— Куды ты?!—гукалы на ёго:—Сыдиръ Ёсыповычъ устануть—дадуть тоби хлосту!

Та Пылыпко бижучы тилько рукою махнувъ, та ще выбрыкнувъ якось чудно, мовъ хотивъ показаты щось Сыдорови Ёсыповычу, и зъ тымъ подавсь дали.

Се була восьма годына, и Сыдиръ Ёсыповычъ справди незабаромъ прокынувся. Не вмываючысь и не прыбираючысь,

выявывсь винъ на балкони другого поверху, що йшовъ зъ вытальни, и почавъ клыкаты Пылыпка. Сыдиръ Ёсыповычъ спавъ завше у кимнатци поручъ генеральскои спальни; вранци Пылыпко повыненъ бувъ злываты ёму на рукы, а потимъ Сыдиръ Ёсыповычъ йшовъ до буфету пыты каву и чай. Прокыдався генералъ десятои годыны, Сыдиръ Ёсыповычъ восьмои, то й вильно було ёму, гаразъ поснидавшы, вписля вже выготовыты все генералови, тилько про случай, якъ-бы той прокынувсь ранише, ставлено Пылыпка на ци дви годыны на чаты до дверей генеральскои спальни, щобъ поклыкаты тоди Сыдора Ёсыповыча.

Сей обовязокъ страшенно не подобався Пылыпкови и здавався ёму и страшенно нуднымъ, и таки непотрибнымъ.—На вищо мене тутъ выморюваты, колы панови можно-бъ и подзвоныты, або хочъ погукаты?—правдыво миркувавъ Пылыпко, але якъ, дарма на таке переконання, мусывъ таки стояты на варти, той выгадувавъ соби для розвагы усяки штукы: на рижни способы заламлювавъ та здймавъ рукы и ногы, строячы прыхымерни пыкы, крывывъ рота и носа, сылкуючысь представыты такымъ побытомъ генерала, Сыдора Ёсыповыча, чы ще кого... А про те мавъ соби зъ того малу утиху и таки нудывся страшенно та почувавъ, що болять ёму и рукы и ногы, не такъ ще того стоянна, якъ зъ тіеи нудьгы.

Сыдиръ Ёсыповычъ гукнувъ Пылыпка разъ и вдруге та вже почынавъ сердытыся, и ото тилько и врятувало хлопця видъ доброи хлосты, що де-хто заразъ прыступылы до балкону та почалы оповидаты Сыдорови Ёсыповычови про новыну.

Ричъ була остильки цикава, що и винъ забувсь на якый часъ за сниданокъ, а тымъ часомъ схаменувся и Пылыпко та повернувсь зъ городу до своихъ обовязкивъ.

Сёго разу бидному хлопцеви вже надто тажко здалося стерегты пана. Ось тилько винъ, хочъ однымъ окомъ, хочъ похапцемъ, побачывъ стилько цикавого, побачывъ, якъ люде бигають, галасують, руйнують, якъ таки-жъ голодранци, якъ и винъ, трощать та порядкують по тыхъ крамныцяхъ, до якыхъ, якъ знавъ добре зъ властного досвиду, ще вчора заглядалы зъ безнадійною заздристю,—Пылыпкови, що ёго уси былы, штовхалы, поневирялыся, и самому схотилося попобыты та потоптаты таки саме гарненьки сукни, мебли то-що, якыхъ повно и у горныцяхъ Зарижного, та за яки, колы винъ хотивъ ихъ гаразъ обдывытыся, помацаты, чы на ихъ посидиты, ёго быто не разъ. Ще кортило послухаты, що балакають на кухни та у бухвети, де певно коженъ выклада свои думкы про справу, або додае новыхъ звистокъ; не пошкодыло-бъ и соби доскочыты

трохы сукна, платкивъ та стричокъ на гостынци дивчатамъ, або и такыхъ смачныхъ ласощивъ, яки бачывъ винъ у крамныцяхъ.

Ци думкы знаджувалы та дратувалы Пылыпка, ажъ ёму робылося боляче стояты; винъ топтався, ёрзався та лютовавъ на Зарижного, що такъ непорядно спыть, „якъ кнуряка“, колы вже усимъ треба вставаты, а „вже хочъ-бы спавъ, та тыхо, а то и спыть та не дае людямъ спокою!“

Тымъ часомъ прокынулася и Марья Петривна. Була се молоденька, русява, повновыда и била молодычка зъ веселымъ румянцемъ на щокахъ, на якыхъ, колы сміялася, набигалы ямочкы. Очы въ неи булы сири и не колирни, трохы заспани, ледачи и разомъ пожадливи. Одягалася вона по-простому, якъ заможни мищанкы, та чепурно и у дорогому. Волосся було въ неи справди роскишне, и вона напускала зъ ёго соби на обмалькуватого лоба пышный чубъ. Була вона трошечкы загладка, мовлявъ пухка, ступала перехыльцемъ и, видхыляючысь назадъ, наче плывла. Выглядъ и порухы въ неи булы важкувати, мовъ зи сну, ледаченьки, але, знаты було, була вона соби хочъ не розумна та не зла и мьягка людына. Черезъ особысту до неи генеральску прихыльнисть була вона у двори першою особою, и уся челядь запобигала въ неи ласкы. Та Марья Петривна, здавалося, не помичала того, не пышалася и не цуралася челяди, а навпакы любыла посыдиты та погомониты зъ людьмы, колы посчастытъ сховатыся зъ-передъ генеральскыхъ очей, бо Зарижный не любывъ сёго, и якъ що помичавъ, зразъ клыкавъ до себе Марью Петривну та почынавъ ій уйидаты.

— Що то Вамъ за кумпанія ота чернядь?—казавъ винъ зъ огыдою та глузуючы. Умажетесь тилько мижъ имы, ніякъ буде на Васъ и глянуты... Що тамъ розумного воны Вамъ розсказують, що Васъ такъ до ихъ тягне? На рештн не розумію, якъ Вы доглядатымете за имы та за моимъ добромъ, прыятелюючы...

Марья Петривна слухала похылывшысь ти докоры и на якыйсь часъ скорялася, та скоро цилкомъ зморена нудьгою, що панувала середъ глупои тышы генеральскыхъ горныць, бо генералъ не любывъ, щобъ люде розмовлялы, балакалы, бороны Боже реготалыся, нездолала додержуваты наказу и наче зъ обовязкивъ службы бигла до кухни, чы ще куды, де завше бувъ гомінъ, жарты, яке-буть жыття та жыви люде.

Черезъ те бильшисть служокъ, хочъ и не любылы, та почувалыся прыязно до Марьи Петривны, и тилько Сыдиръ Ёсыповычъ, заздрячы на ій сылу въ пана, потай ненавыдивъ ій, хочъ и поводывся зъ нею завжде зъ найдобирнишою прыем-

нистю. Якъ и що дня, сёго ранку Марья Петривна не звелила унесты соби каву до йидальни, а пишла сама налываты ій до буфету. Тилько вона увійшла, Сыдиръ Ёсыповычъ заразъ пидвивсь и, любязненько вклоняючысь, прывытався; воны поздоровалыся за руку, и Марья Петривна сила чаюваты до столу, напроты Сыдора Ёсыповыча. Винъ вже подужавъ дви шклянкы кавы и, пьючы чай повагомъ, запалылъ цыгарку, выгидно спершысь на спынку ослонця та закынувшы ногу на ногу.

— Особыста комыссія сёгодни у городи; Вы не чулы?— обизвався винъ вымовою впевненои у вартости своихъ слывъ людыны.

— Що такого?

— Зовсимъ окремне „прыключеніе". Якъ-же! народъ побунтовався и трощать теперъ жыдивски збуйвыкы.

— Що бо вы... жартуете?—невпевнено запытала Марья Петривна,—сёгодни-жъ не перше квитня.

— Ни, справди.., самъ я не бачывъ, одначе говорять... Поварь и Пылыпко булы пры тому.

— Ну що-жъ, якъ-же-жъ воно?—захваталася зъ цикавости Марья Петривна.

— Що-жъ? розуміется—повагомъ почавъ Сыдиръ Ёсыповычъ, потягуючы цыгарку—„выкыдають усячыну зъ домивъ, зъ лавокъ, трощать, переводять, шыбкы та двери повыбывалы, не безъ того може и жыдкамъ котрому по потылыци „объясняется". Та ось краще... Оксенія! пиды, постій коло генеральскои почывальни, нехай Пылыпко прыйде докаже".

— Хто-жъ-то?.. колы почалося?

— Хто?—ще слидство не наведене, не можу довесты вамъ зъ певнистю, а почалося буцимъ то свитомъ.

— Бидненьки! то-жъ ихъ у ночи погвалтовано и дитокъ, мабуть полякано!—зажурылася Марья Петривна.

— То вы ихъ такъ, высоколюбезніи Марья Петривна, черезъ вашу дамскую добристь жаліете... а по правди, то воно жыдови-невири такъ и слидствуеть! Одначе тилько, що воно бунтъ, конечне, бо и по газетахъ я не начытувавъ, щобъ наказъ такый одъ начальства выходывъ жыдивъ быты, и черезъ те належатыме да крыминалу... Я такъ соби догадуюся, що ихъ Превосходытельство, генералъ нашъ, не инакше про сю штуку пониматымуть...

Тымъ часомъ прыбигъ Пылыпко, зрадилый, що ёго вызволено видъ сторожы биля генеральскои спальни, оповидаты, що бачывъ у городи.

Слухаючы ёго, Марья Петривна багацько зитхала, бидкалася та дывувалася; Сыдиръ Ёсыповычъ покладавъ свои увагы та здіймавъ пытання для розъяснення справы, такъ наче бувъ-бы за слидчого.

Мижъ розмовою, колы винъ помичавъ, що Марья Петривна потрибуе чаю, хлиба, чы масла, винъ заразъ пидносывъ ій те зъ найдотепнишою прывитнистю справжнёго кавалера.

Колы-жъ нарешти, задовольнывшысь стравою та наслухавшысь Пылыпка, Марья Петривна зитхнула, обтерла двома пучкамы губы и пидвелась, зававжывшы: „охъ лышенько, треба питы ще подывытыся на кухню“,—Сыдиръ Ёсыповычъ вставъ и соби та, проводячы ій до дверей, любязненько розсказувавъ, яка на двори годына та яке чудове сёгодни повитря... Але ледве Марья Петривна выйшла, выдъ Сыдорови Ёсыповычови вразъ змынывся, на облыччи позначылася злисть, и винъ зтыха пробубонивъ: „Бачъ! ще й тоби лыхо!“

Така змина въ Сыдори Ёсыповычови не втикла въ очей Пылыпковыхъ, и винъ выявывъ свое розуминня тымъ, що, стоячы ззаду, высолопывъ языка, стулывшы прегыдку пыку. Одначе ся забавка остилько подобалася ёму, що винъ тишився ею занадто необережно и не схаменувсь, якъ Сыдиръ Ёсыповычъ обернувшысь вадривъ ёго капость.

— Такъ ось ты якъ!—розгнивався Сыдиръ Ёсыповычъ, и Пылыпкове вухо опынылося у ёго у жмени, а Пылыпко гараздъ чувъ, що то не для жарту.

— Не вамъ, дядечку! Ей-же Богу, не вамъ, то я... Машци!—ледве встыгъ пыскнуты винъ пошепкы, щобъ не почула и Марья Петривна.

— Я тоби дамъ *Машци*!..—вже прыкметно мьякше, (а Пылыпко добре знавъ, що для закону тилькo) грымнувъ ще Сыдиръ Ёсыповичъ и, не боляче смыкнувшы разъ чы двичы Пылыпка за вухо, додавъ:

— Бижы ще заразъ у городъ, подывысь, що тамъ дiется... Панъ встануть, схотять знаты... Та не гайся мени! щобъ за годыну и назадъ! однымъ духомъ, жыво!

XIV.

Выдъ Сыдора Ёсыповыча, колы винъ ставъ до покою Заржного, поки услуговувавъ ёму пры одяганню, бувъ пыльно

поважный и выключно заклопотаный, бильше навить поважный и заклопотаный, якъ що-дня пры тій нагоди, яка мусыла завше видбуватыся зъ цилковытою повагою. Але Сыдиръ Ёсыповычъ мовчавъ ввесь часъ про городянски новыны,—то була конешна постанова не турбуваты ничимъ генерала, доки винъ не пожыве кавы, цёго бо вымагалы первистни гигіенични ухвалы.

Тилько вже писля кавы, заклавшы салхветку пидъ пахву ливыци и держачы у правій руци подноса зъ зпорожнилымъ посудомъ, Сыдиръ Ёсыповычъ видступывъ килько крокивъ, спынывся на дверяхъ та переступывъ зъ ногы на ногу, даючы тымъ ознаку, що мае щось повидомыты, якъ що ёго зволять спытаты.

— Ну?—спытавъ Зарижный, здіймаючы вусы въ гору.

— Зважуся довесты Вашому Превосходытельствови, у городи не благополушно,—видказавъ многозначно Сыдиръ Ёсыповычъ, нахыляючы голову на бикъ.

— Пожежа?

— Никакъ нѣтъ, жыдивъ бьють, Ваше Превосходытельство.

— Що ты верзешъ? хто? зъ якои речи, та зъ якого права?

— Розбышакы яки-сь, цила юрба, выбываютъ двери, викна, трощать, нивечать все добро...

— Атъ знаю, якъ се робытся! не въ тимъ ричъ! але хто?— розсердывсь Зарижный.

— Мищане, ремесленныкы, Ваше Превосходытельство!

— Ты тямышъ багато. Мищане! може бьють и мищане, народъ взагали розпещеный та поспованый, але тутъ не могло буты безъ пидштырхованія та пропаганды збоку... Иды!— несподивано скинчывъ роздратовано Зарижный, сердячысь, що забагато высловывся передъ лакеемъ, бо вважавъ се за велыку помылку, яку про те часто робывъ черезъ самотне жыття та потребу зъ кымъ-сь розмовляты. И заразъ, ще не встыгъ Сыдиръ Ёсыповычъ выйты, Зарижный вже поклыкавъ ёго знову.

— Зажды! Ты бувъ тамъ?

— Мени неможно було зъ дому, Ваше Превосходительство; я пославъ Пылыпка.

— Що винъ тамъ зрозуміе!..

— Поварь бувъ на базари, бачывъ...

— Що-жъ робыть полыція?

— Полыціи нема, не бачылы.

— Чомъ?

— Кажуть, поховалыся.

— То знялы рукы и на полыцію, було сопротивленіе? а справныкъ?

— Справныкъ выйиздылы вранци, але заразъ и ихъ не выдко...

— То бунтари хазяинують на всій своій воли?! такъ? То поклычъ-же мени справныка! Стривай, я напышу лыста...—И, сердыто стукаючы цинкомъ, Зарижный пишовъ до другои хаты, щобъ напысаты на картци оци чотыри слова: „Прошу Васъ немедленно пожаловать“.—Хай одвезуть!...

Дожыдаючы на справныка, винъ почувавъ себе и знепокоеным и роздратованымъ; думкы йшлы ниворотомъ: „Та се-жъ гвалтъ, роспустъ! колы бьють жыдивъ, бытымуть и всихъ; власть бездіяльна! чортъ-зна-що!—И пидъ натовпомъ почуття винъ часомъ сидавъ у задуми, часомъ схвачувався и знервовано, швыдко ходывъ по хати.

Одержавшы лыста видъ Зарижного, справныкъ вже зъ самои короткости выразу, якъ и зъ инчыхъ прыкметивъ, не сподивався прыемнои розмовы, але не иты, не послухатысь—було годи: Зарижный бувъ занадто значна людына и мавъ звязкы не на справныцькый опиръ, бо довго удержувавъ значниши урядови посады, а заразъ хочъ и видпочывавъ пры старости въ Дубнахъ, та мавъ у Петербурзи досыть родычивъ та прыятеливъ середъ выщого уряду. Черезъ те, мымо усихъ своихъ бажаннивъ, справныкъ, зодягшы парадну хворму, поспишывсь до Петра Петровыча, зтурбованый, якъ-бы заспокоиты та втышыты розгниваного генерала.

— Що се, добродію, въ васъ дiется?!—тилько побачывъ справныка, якъ мокрымъ рядномъ накрывъ ёго Зарижный, не просячы навить сидаты.—Розпустылы наридъ, прогавылы, якый въ ёго духъ, и заразъ ни цюкъ! заховалыся десь у запичку! Коды вы такый страхополохъ, то якый зъ васъ справныкъ?

— Але, Ваше Превосходытельство! що жъ я можу зробыты самъ? Я, Ваше Превосходытельство, поклыкавъ вiйско.

— Поклыкалы?..

— Поклыкавъ, Ваше Превосходытельство—сылкувавсь догодыты справныкъ.

— Це гараздъ!..—лагиднише завважывъ Зарижный, але заспокоився не надовго.—Десять разивъ вже треба було се зробыты! А заразъ прошу йты до своихъ обовязкивъ и роспоря-

жуваты безъ даремнои пильгы!.. А по скинченію справы... конешно прыиде жандарськый полковныкъ?—раптово урываючы промову, спытавъ Зарижный.—Такъ?—

— Такъ точно, Ваше Превосходытельство.

— То прошу Васъ и пана полковныка до мене; перекажить панови полковныкови.—И Зарижный злегка вклонывся на знакъ, що скинчывъ розмову.

Прыбувшы надъ вечиръ зъ пойиздомъ, жандарськый полковныкъ, не гаючысь, тилько зайихавъ перебратыся до справныка, подавсь зъ йимъ вдвохъ до Петра Петровыча. Воны пишлы пишкы. Се була надвечирня доба; сонце ховалося вже за сады и домы и не дошкуляло, якъ въ день, ни сяйвомъ, слиплячы очы, ни спекою; робылося повильнище, и дубенська дитвора, якъ щодня сёго часу, сыпнула на вулыцю; багацько ихъ, видъ найдрибнишыхъ и годъ до десятёхъ, и стояло и сыдило купкамы биля кожныхъ воритъ, снувалося гарюючы, надто хлопци, въ пишохода на пишоходъ черезъ вулыцю.

Идучы до Зарижного, ни полковныкъ, ни справныкъ досыть довго не помичалы, що отдали позадъ ихъ суне якась потороча. Ивашко, прочувшы, якый гисть навернувся у Дубни, почавъ тынятыся биля справныцького двору, метыкуючы, якъ-бы ныпкомъ выслидыты або и выслухаты про ёго замиры. Колы полковныкъ зъ справныкомъ выйшлы, Ракло подавсь имъ у слидъ назырци, але йшовъ не хапаючысь, мовъ не до ёго и ричъ, и часто спынявся, зачыпаючы дитвору: инчому збываvъ шапку, въ другого розпатлувавъ чупрыну, третёго пидбываvъ ногою, та не пускавъ падаты, щобъ той не забывся, а заразъ надержувавъ за комира. Хлопци и соби зачыпалы Ракла жартамы, тюкалы наздогинъ, смилывшы плыгалы ёму з-заду на спыну та звысалы на шыи; пры останній нагоди Ивашко часомъ хапавъ пустуна однією рукою, а другою надилявъ ёму добрыхъ ляпасивъ, але знаты було, що таки обопильни зачеплювання не псувалы Раклови и хлопцямъ добрыхъ видносынъ, и воны булы соби прыятели. Тымъ часомъ, посуваючысь звильна зъ такымы чудасіямы, Ивашко непомитно ни на хвылю не спускавъ очей зъ справныка та полковныка. Тилько якъ вже воны повернулы до воритъ Зарижного, полковныкъ побачывъ Ивашку та спытався здывовано въ справныка:

— А це въ васъ що за пьянюга? чы не зъ сёгоднишнихъ розбышакъ?

— А, ни!—впевнено завирявъ справныкъ.—Це справди пьянюга, але и потимъ; винъ добряча людына и всесвитне смиховыще. Вкрасты якыйсь дрибязокъ—вкраде, але на злочынство не вдатный.

— Ну... не ручтеся...

— Якъ-же-жъ ни? я ёго знаю якъ облупленого. Винъ завше въ-литку стае за вартового, а въ-зимку за лазныка.

Такъ розмовляючы, воны спынылыся та поглядалы на Ивашку. Першои хвыли це не подобалося Ивашкови; винъ почувъ себе дуже непрыемно видъ цiеи увагы, але не було що робыты. Винъ наблызывся до ихъ, выпростався, прыставывъ руку до вуха, де повынно була-бъ буты, та не було, шапка, и по-салдацькы промовывъ:

— Ваше Высокородiе! змылуйтесь, пожалуйте пятачка-съ!

— На що тоби? чы не на шапку?—спытавъ пронызуючы ёго очыма полковныкъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, Ваше Высокородiе, треба жывотъ поличыты.

— А винъ въ тебе болыть?

— Такъ точно, нудытся...

— Що?

— Нудытся за горилочкою, Ваше Высокородiе.

— Ну, пишовъ вонъ!—видказавъ заспокоеный полковныкъ и зъ тымъ ступывъ у двиръ до Зарижного.

Охъ, охъ!—тяжко зитхнувъ Ракло, чухаючы потылыцю.—Такъ марно пишлы уси надiи! таки хороши пазы, а и пьятачка не далы!—И, мовъ дывуючысь такою несподиванкою, винъ стоявъ метыкуючы, якъ-бы доскочыты и соби за нымы у будынокъ до Зарижного, та, надумавшы щось, на-решти подавсь швыдко видъ ворытъ наче назадъ у городъ.

XV.

— Дуже радый васъ бачыты, пане полковныку,—вытавъ тымъ часомъ жандарма Зарижный,—дуже радый! Мабуть заклопотаный, винъ ще не прохавъ гостей сидаты, и полковныкъ стоявъ передъ имъ, самъ того не помичаючы, якъ на муштри, бо почувавъ себе хочъ не зляканымъ та якось прыемно захопленымъ прысутнистю такои значнои персоны, якъ Петро Петровычъ.

— Такъ! може воно и не дыво, що вы не прыйихалы сюды ранише, бо нихто-жъ не повидомывъ вамъ про те, що въ насъ дiется, а жывете вы далеко.

— Конешне, жыдова—то паскудство!—провадывъ винъ за хвылю дали: я вважаю ихъ такожъ антиурядовымъ элементомъ, але клопитъ зъ тымъ належыть урядови, не якiйсь черняди! Уяке абы-що мусыть знаты соби мисце! Тутешни необмирковани панкы, ненавыдячы жыдивство, може радiють сёму заколоту, та я-жъ, дякуваты Господеви, мавъ нагоду выробыты державный свитоглядъ, и насамперед поважаю спокiй. Право власныка е святощи и повынно буты забезпечене надъ усе! а свавольство черняди до добра не доведе! Наридъ дыкый и мае смакъ до бунту, абы ёму попустылы. Це посвидчыть вамъ и... добродiй... а? а?.. Иванъ Степановычъ,—завагався, неначе згадуючы справныцьке мення, Зарижный.—Адже такъ?

— Такъ точно, ваше Превосходытельство!—похопывся ствердыты Иванъ Степановычъ.

— Напевне що такъ!—непопускаючымъ незгоды голосомъ видказавъ Зарижный.

— Шкода тилько, що доси не посчастыло натрапыты слиду, видкиля и зъ кого йде та пропаганда,—не промынувъ винъ зновъ шпыгнуты справныка.

— Ваше Превосходытельство!—зъявляючысь на дверяхъ, выголосывъ Сыдиръ Есыповычъ:—жыдъ Тарноруцькый добывается, просыться пустыты ёго до Васъ и до ихъ благородiивъ.

— А чорты-бъ ёго дерлы! жены ёго!.. Постривай, чого ёму?

— Щось каже зъ прыводу сёгоднишнёго.

— А, це инча ричъ, тягны ёго сюды!.. Хай вже и сюды йде, щобъ не чулы люды, що казатыме,—додавъ Зарижный, колы выйшовъ лакей, неначе розважаючы соби такымъ миркуваннямъ непрыемнисть бачыты жыда у своихъ покояхъ.

На дверяхъ зъявывся Тарноруцькый, але се бувъ вже не той Тарноруцькый, що ще вчора такъ любо и чемно, а разомъ зъ такою самоповагою поводывся. Важко було-бъ ёго прызнаты,—такъ винъ зминывся; око ёму було пидбыте, винъ наче постарився, похылывся, зхудъ, выглядавъ замазаннымъ, нечепурнымъ, обидранымъ жыдомъ; одяга на ёму була у килькохъ мисцяхъ попродырана та укачана... За сёгоднишний равокъ усе надбане имъ за стилько рокивъ пишло за витромъ, ввесь ёго крамъ перенивечено, все у горныцяхъ та въ крамныци потро-

щене та зруйноване; винъ знов зробывся убогымъ та бездольнымъ жыдкомъ.

Теперъ винъ ненавыдивъ бунтаривъ надъ усе на свити, осылькы, оскилькы постачало ненависти ёго серце, и почувшы, що жандарськый полковныкъ, якъ нрыйихавъ, пишовъ до Зарижного, зразу змиркувавъ, що той мае у справи гвалта якусь участь и сылу. Тутъ Тарноруцькый вже не вагався довго та и соби побигъ до Зарижного шукаты хочъ не обороны, такъ помсты на напастныкивъ, вже и не думаючы про те, якои зневагы наробывъ ёму Петро Петровычъ. Зубожывшы нагально, Тарноруцькый почувавъ себе такымъ прыгнобленымъ, що и самъ не вважавъ себе вартымъ найменчои повагы; ёму здавалося цилкомъ натуральнымъ, що зъ ёго коженъ мае теперъ право поневирятыся.

Вже зъ порогу винъ почавъ плакаты, бидкатыся та кланятыся.

— Цыть, не квыль мени тамъ! кажы дило!—сердыто спытавъ ёго Зарижный, бо ёго дратувалы ти жыдивськи зойкання и голосиння.

— Ой лышечко! якъ же мени не плакаты, Ваше Превосходытельство? Ви-жъ нашъ гасподынъ, вы тутъ найстаршій гасподынъ... Ви увше знаете... ну развы я не чесный еврей, ну хиба я кому зробывъ яку крывду, за чего-же я остольки страждаю?.. Порятуйте вы мене...

Зарижный ще дужче похмурывся; винъ черезъ сылу терпивъ у своихъ горныцяхъ цёго слынявого жыда та ще зъ ёго лементомъ.—Мовчы мени, Іюдо, покы тебе не пытають!—гукнувъ винъ.—Боронытыі васъ я буду, хочъ бы и не хотивъ, хочъ не для васъ, такъ для порядку!

Та Тарноруцькый, хочъ и злякавсь генерала, та збентеженый и розлюченый не здолавъ прымусыты себе замовкнуты, а все зойкавъ, покы на решти не розрюмсався.

— А иды ты!—схотивъ вже гоныты ёго Зарижный.

— Дозвольте, Ваше Превосходытельсто!—несмилыво обизвався справныкъ.

— Що?..

— Дозвольте мени зъ имъ побалакаты, не трудить себе, Ваше Превосходытельство...

— Ну—...нетерпляче постукавъ генералъ пучкамы по столу.

— Слухайте, Грыгорію Яковлевычу!—почавъ встаючы справныкъ, що ще вчора гравъ зъ Тарноруцькымъ у карты и соромывсь поводытыся имъ зъ неввичлыво.

— Атъ, Грыгорый Яковлевычу!—насмишкувато и роздратовано завважывъ Зарижный у голосъ.

— Справныкъ засоромывся, кахыкнувъ и почавъ зновъ:—слухай, Гершку, ихъ превосходытельство не кажуть, що бунтаривъ не треба караты; ты знаешъ—вже де-кого покарано, покарають и решту.

— Що вы мене выправляете передъ симъ жыдомъ!—сердыто обизвався Зарижный: вы про се неклопочиться будь ласка!

Справныкъ захватався...—Ихъ превосходытельство кажуть, що бунтаривъ хтось намовлювавъ, и дуже заклопотани, щобъ знайты тихъ, хто намовлювавъ, и ихъ Превосходытельство певни, що тутешни мешканци, та ты краще можешъ дизнаты чы домиркуватыся, хто-бъ се навчывъ юрбу до бунту.

Тарноруцькый прыслухався, и очы ёму замыготылы и забигалы. Винъ ще не бувъ певный, хто тому справди выный, и не гаразъ розумивъ про кого ёму розсказують; та колы почувъ заразъ, що вонымогуть буты выни ёго лыхови, вже ладенъ бувъ ихъ ненавыдиты. До того-жъ ёму хотилося догодыты и Зарижному, и справныкови, а нарешти винъ бувъ такый роздротованый, що бажавъ-бы помстытыся хочъ на кому-небудь, и винъ загадався перебигаючы думкою по городянахъ.

— Щось блыснуло у очахъ Тарноруцького, але винъ ще несмилыво завважывъ.

— Може Рахманный?..

— Такъ, Рахманный!?. выхопывся справныкъ, и не можно було вгадаты, чы дывуючысь, чы завиряючы.

— Що то таке Рахманный?—знявшы высоко бровы, спытавъ Зарижный.

— Це тутъ е часовый майстеръ, Ваше Превосходытельство.

— Ну?..

— А черезъ вищо вы вгадуете на Рахманного?—обизвався полковныкъ, нахыляючысь черезъ стилъ у бикъ Тарноруцького наче хотивъ-бы наблызытыся, чы й прыгорнутыся до ёго.—Що вы номитылы у Рахманному?

— Якыйсь чудный... задуманный... Часомъ свои гроши переводить...

— Якъ переводыть?—похопывся полковныкъ.

— Такъ, роздае, кому зъ ремесныкивъ скрутно, каже, треба одно одному допомогаты... пхе!—здвыгнувъ здыковыжи плечыма Тарноруцькый.

— Гмъ!..

— Ну,... за гешефтомъ не клопочытся, комерціи не пошырюе,... и не гуляе, и не піяче, такъ щосъ незвычайного!— ще невпевнено вкладавъ Тарноруцькый.—И книжкы чытае— скинчывъ винъ невниме, наче на ёго думку у чытанню була найголовниша провына Рахманного.

— Вы якъ думаете?—обернувся до справныка жандаръ.

И винъ и Зарижный обыдва втупылыся у справныка та выжыдаюче прыдывлялыся ёму.

Справныкъ почувавъ себе дуже ніяково пидъ тымы поглядамы; винъ не гаразд знавъ щось про Рахманного: часовый майстеръ тай потимъ, але такъ не можно було казаты; невидминно треба було знайты выныватого, и колы вже Рахманный прыплутавсь до бунту, доконче потрибно щось знаты про ёго и, прыдушуючы якесь соромлыве почуття, справныкъ прымусывъ себе видказаты, наче зъ переконаннямъ: Эге, Рахманный може буты... такъ, Рахманный.

VXI.

Тимъ часомъ, невдовзи якъ полковныкъ та справныкъ надійшлы до Зарижного, Пылыпкови трапылася така чудасійна прыгода. Була це вже вечирня доба и на двори гаразд посутенило. Пылыпко тилькы бувъ выхопывся зъ-пидъ очей Сидора Есиповыча та инчыхъ прыгинчыхъ, якыхъ на ёго голову у господи въ Зарижного було до ката, и збирався гарненько чкурнуты зъ двору, але ледве выбигъ у садъ, якъ почувъ наче ёго хтось пошепкы та выразно кличе. Горныци пана Зарижного стоялы надъ кручею, що де спуховыше, а де и зовсимъ урывчасто, спадала у долыну, якою бигла чы-мала ричка. По тій кручи и по долыни ажъ до самого берегу розкущывси садъ. Зъ горяного саду, якый бувъ не такъ вже велыкый и розлигся праворучъ горныць, ишло у нызъ килькы шырокыхъ алей, де котри ажъ до ричкы, але уси воны булы осторонь горныць, позадъ же ихъ була тилькы невелыка площына заведена у квитныкъ и зразу урывалася стримчастою кручею, врослою бузкомъ, рожамы, дыкою терныною, навмысне залышеною у дычавыни для красы круговыду.

Саме у ціеи кущы Пылыпко и почувъ чыесь шопотиння, що проби клыкало ёго выразно. Правду мовыты, першои хвыли винъ ажъ похоловъ, волосся заворушылося ёму на голови, и винъ не самохить позадкувавъ крокъ чы два до горныць.

Що воно за нечыста сыла?!. Та не той бувъ Пылыпко, щобъ попустытыся на страхополохство; винъ не знавъ-бы, якъ и перебуты такый соромъ, тай цикаво було дизнаты, що воно. Черезъ те винъ такы прысыдувавъ себе и наблызывся до кручы, наважывшысь побачыты тамъ хочъ чорта зъ пекла; хочь проте, колы почувъ якъ хрускотыть чагарь, та ще нагледивъ мижъ кущамы якусь гладку, здавалося, круглу та кудлату потороч у, то зновъ трохы не наробывъ бувъ лементу, дарма на зывзяты замирыи добре зробыла посороча, що обизвалася саме у скрутну хвылыну.

— Не бійся,—це я!

— Хто я?—раздратованный за свій острахъ, ще не дуже ласкаво спытавъ Пылыпко.

— Та я-жъ, Ивашко Ракло...

— Цуръ тоби! якъ мене налякавъ!..

— Молодый ще ты, хлопче, якъ бачу; та годи! йды краще до мене—е пыльне дило; та почуешъ де що цикавого...

А Пылыпко вже заспокоювався той не потребувавъ велыкыхъ заклыкувань; Ракла винъ знавъ добре, хочъ особыстыхъ видносынъ съ имъ тилько и мавъ, що якось Ракло потай видъ хозяина выпарывъ ёго дурно у лазни, бо бувъ тоди Пылыпко порядно замурзаный соби хлопчына, а на купиль грошей бигъ-мало, та вдруге ше надилывъ ёму, взявшы, якъ належне съ передачей въ крамаря съ стильца пряныка,—отъ и потимъ. Але хто бъ у Дубнахъ не знавъ Ивашку, и Пылыпкови, що и часто бачывъ, и багато чувъ за Ракла, здававсь винъ не тилькы цикавою, а якоюсь надзвычайною, захоплюючою людыною. Часомъ навить, колы сходылося товарыство такихъ хлопчакивъ, якъ Пылыпко, марылы воны про Ивашку, выгадуючы усяки нисенитни выгадкы про те, якъ жыве та що поробляе цей дубенськый чудасій.

Пылыпко зайшовъ мижъ кущы, и воны съ Раклomъ тыхо посунулыся у-нызъ кручею, щобъ буда хтось у двори не почувъ ихъ гомону.

— Такъ що?—спытавъ Пылыпко зъ цикавистю.

— Ты бачывъ, до твого старого чорта пишло на гостыны ще двохъ? справныкъ та цвяхованый панъ; то якъ ты не абы що, а путящый хлопчысько, то иды та пидслухай, про вищо балакатымуть.

— На вищо?

— На те, щобъ прыйты та мени розсказаты; я тебе тутъ выглядатыму.

— А це на вищо, дядечку?

— Який меткый! Багацько знатымешъ, рано встаріешся,— мазнувъ Ивашко Пылыпка по выду долонею.—Хиба-жъ не кортыть тоби дозолыты своёму чортови, а якъ кортыть, то иды та робы, що кажется. Николы мени багато розсказуваты, а такъ черезъ пьяте, десяте, катъ вже зъ тобою, розскажу. Бачывъ, що сёгодни у городи поробылося?

— А вже-жъ...

— Що-жъ, хороше? подобается?

— Пылыпко ажъ зареготався зъ утихы.

— А ось имъ не до шмыги; ажъ у носи закрутыло. То це въ ихъ збиговыско; радятся, кого якъ за жидивъ покараты; такъ треба-жъ людей перестеретгы...

— Кортило Пылыпкови зробыты по Раклынному; кортило и генералови устругнуты капость, та винъ ще вагався.

— Добре намъ загадуваты, а якъ вловлять на шкоди, дадутся у памкы, за тыждень не вычухаюсь.

— Верзешъ ни дзень, а ни кукурику! Страмывся-бъ, такому парубкови тіеи дурныци боятыся! Прывчайсь, хлопче, зъзамолоду, на старисть якъ знахидка буде, нашому братчыкови безъ того жыття не вытягнешъ. Иды, вже, иды, не выкручуйсь, та гляды, щобъ прыйшовъ. А я для тебе ще и гостынця маю; такый крамъ чудовый, сёгодни доскочылы! свижый, ажъ очы бере!

Вырядывшы Пылыпка, Ракло вывернувся у кущахъ и не забарывся заснувшы. Спавъ винъ мицно та добре, але вразъ и на дыво сторожко. Кожныхъ десять-пьятнадцять хвылынъ винъ прокыдався, прыслухався, часомъ зводывся напорошывшысь на руку; то вже була въ ёго звычка, що выробылася зъ немынучои потребы за довги роки по ночахъ на варти та пры случаяхъ, колы доводылося выглядаты влучного часу пры штукахъ та на здобуткахъ. Такъ мынула годына и друга и третя, покы нарешти Ивашко почувъ, якъ комусь подано кони, а потимъ воно рушыло въ двору; тоди винъ продравъ очы, пидвивсь, зтруснувсь, выгладывъ пыку долонею и почавъ выглядаты Пылыпка. Той справди не забарывся прыбигшы та не тямывъ гаразду розсказаты; пидслухаты було не зручно, и хочъ винъ таки прыстроився и чувъ де що, та не усе допонявъ. Щось тамъ панъ грымавъ на справныка, щось лаялы бунтаривъ, казалы ще про щось, Пылыпко не мигъ розсказаты про вищо; нарешти зъ Пылыпковыхъ сливъ тилько и зрозумивъ Ракло, що жыдъ Тарноруцькый появывъ на Рахманного, а паны поняялы тому виры тай вынуватять ёго за усихъ.

Ця звистка дуже звеселыла Ракла: це було на руку ковинька, що паны наскочылы на дурный слидъ та пошылыся у дурни, и винъ весело осмихався. Рахманный а ни сномъ, ни духомъ, а на ёго выну покладають!—И цилковыто задоволенный, Ивашко подарувавъ Пылыпкови доброго пояса тай подався кущамы унызъ, пересягнувъ рова, тай опынывся у вузенькыхъ суточкахъ, що йшлы яромъ мижъ мищанськымы левадамы та хаткамы.

Але колы винъ йшовъ, ёму зробылося чогось не такъ втишно и навить мовъ трохы шкода Рахманного.—Наберется бидный чоловикъ клоноту, тожъ рахуба, тожъ лыхо! Атъ!—заспокоивъ себе Ракло,—не выненъ, то ничого страшного не зроблять, не засудять, а що трохы посмыкають, такъ ёму и треба, щобъ людей не забувавъ...

Може-бъ краще помиркувавшы, Ивашко и не заспокоився-бъ на цій думци та бильше заклопотався-бъ Рахманнымъ, якъ тымъ часомъ не наспивъ до одного двору, у якому мешкала ёго коханка.

XVII.

Другого дни писля змовынъ въ Зарижного, Рахманный, ни на вищо не дожыдаючы, сыдивъ въ себе за роботою биля стильця, застланого билымъ папером, сылкуючысь працею прыглушыты знепокоени думкы. Осторонь на ослонци сыдивъ Сукъ; винъ бувъ дуже втомленый и, знаты, тилько що зайшовъ у хату. Винъ сперся ликтямы на широко розставлени колина и нервово крутывъ у рукахъ картуза, нахылывшысь напередъ та дывлячысь у доливку. На змокрилому видъ поту лобови и на волосси въ ёго выдушылась картузомъ довкола головы смуга, а килько пасмивъ волосся позвысалы на лоби.

И Рахманный, и Сукъ обыдва булы таки збентежени, що не ради булы розмовляты, и мовчалы. Тымъ часомъ до майстерни зайшовъ гладкый, зъ запухлымъ выдомъ, череватый чоловикъ, одягненый у сыню сукняну чемарку. Гостри якъ въ шуликы и лыхи очы глыбоко позападалы ёму мижъ товсти жылкувати щокы. Увійшовшы, винъ такъ довго и такъ повильно заходывся скыдаты свого картуза, наче-бъ боявся поспишывшысь втратыты свою поважнисть; дали выгладывъ соби волосся долонею и, важко одсапуючысь, розсивсь, не поздоровкавшысь та не дожыдаючы, покы почрохае господарь. Ще килько хвыль винъ мовчкы видыхувався и ажъ тоди полизъ у жылетну кышеню, вытягъ

звидты дзыгарка и, простягуючы ёго до Рахманного, спытавъ, наче видрубавъ.

— Можете полагодыты?

Видчувалося, що винъ воливъ бы краще сказаты Рахманному „ты“, та не знавъ, чы то можно, а навить чы то буд- и добре. Взагали ёму напосило появыты усимъ на очы свою почесность, та не знавъ якъ те зробыты, и оглядався зъ кожнымъ словомъ та зъ кожнымъ рухомъ, лютуючы за се разомъ, и на свою невдалисть и на тыхъ, зъ кымъ балакавъ. Щобъ не помылятыся, винъ сылкувавсь менче балакаты та не здолавъ додержуваты такои постановы, и ще покы Рахманный оглядавъ дзыгарка, вже почавъ, хочъначе цидячы зъ себе слова:

— Такъ отакъ! Це вже у Дубни жандаръ прыйихавъ, дождалыся! Погулялы нащы хлопци добре, мусять выдыхаты. Любышь зъ горы, треба и на гору любыты.

— Чорзна що выйшло!—обизвався и Рахманный.

— То якъ на кого. Кому чорзна-що, кому и ни. Намъ зъ Вамы ще й добре, выдымо по комерціи,—въ кого бильша комерція, бильша и корысть! то жыдкы торгъ перебывалы, а то покы воны зтягнутся, намъ попросторишае... Сталося такъ, якъ завжды ведется: дурни робылы, а розумному капотыть, а, заведено якъ голота здуру робыла, такъ ій причъ прочухану ничогисенько и не впаде. Начальство бунтамъ не потуратыме, та якъ ёго и потураты?..

Слухаючы це плескання, Рахманный чувъ, якъ у ёму росте та поновляется жаль, а гасне останній гнивъ на тыхъ, що прысталы до шелесту, а натомисць закыпа серце на безвстыдне самолюбство гладкого крамаря.

— Невже-жъ вамъ и трохы не шкода тихъ бидолахъ,— ще зтрымуючы свій гнивъ, промовывъ винъ,—що зъ дурнои головы збылы бучу, а теперъ мусять видбуваты за неи тяжку кару? Невже вамъ не зачыпае серця хочъ трохы те, що тутъ зруйновано жыдивъ у гуртъ, безъ огляду, хто зъ ихъ крывдывъ людей, а хто може никому и не выный ни сномъ, ни духомъ?

— Э, чы чуете, що мени до жыдивъ тай до тіеи нависнои голоты? Жыдивъ такы и добре, що быто, бо воны-жъ паскудный народъ и невиры, а шелесты?... Хай себе коженъ глядыть, катузи по заслузи; шануйся—то нихто не зачепыть. А навищо и урядъ, якъ не на те, щобъ не попускаты бешкету!...

— Чуючы, що не здолае видповидаты спокійно, Рахманный замовкъ и, скынчывшы оглядаты дзыгарка, сказавъ непрывитно.

— За два карбованци полагодыты можно.

Крамаръ запытавсь торгуватыся, але ничого не выторгувавшы, лышывъ дзыгарокъ и пишовъ.

Ледве винъ выйшовъ, Сукъ скочывъ зъ ослонця, тремтяче, зъ гниву. Отъ воно зійшло на вищо! Нарикалы на жыдивську правду, теперъ видъ своихъ зазнають кращои?! Бачъ! якъ сей харцызъ радіе заздалегыдь, що дертыме, що здума, а робитныкамъ платытыме, що схоче.

— Ну винъ зашыроко розявывъ рота, такъ довго не буде; воно вляжется,—завважывъ Рахманный.

— Де-жъ такъ вляжется? Теперъ, якъ жыдивъ вытрощылы, на усяке рукомество на цили Дубны одынъ-два майстры; зъ голымы рукамы нашъ братчыкъ що здіе?—то й сунутся уси до ихъ, а имъ, хочъ ты зъ голоду пухны абы зробывъ деневше. Я сёгодни ввесь городъ выбигавъ, вже и заразъ багацько бидкаются, що не знайдуть роботы за людську платню.—

— Та тилько докоторого часу. Дубны—все-жъ такыя Дубны, малесенькый куточокъ на шырокому свити и тутешній аколотъ велыкого и довгого вплыву на платню не матыме. Найидуть нови жыды чы не жыды, стягнутся свои, тай зновъ визьмутся за гешефты, а погано те, що той выбухъ заморочуе людямъ головы, видвертае ихъ увагу видъ того, зъ чимъ треба змагатыся, розризнюе та безхосенно роздражнюе ихъ,—почавъ бувъ Рахманный, та не встыгъ довесты свою думку, бо за дверыма на вулыци почувсь якыйсь брязкитъ, дверы розчынылыся и у хату уступылыся жандарськый полковныкъ, справныкъ та ще двое людцивъ, сусидъ Рахманного, за понятыхъ. Сукъ хотивъ бувъ иты зъ хаты, але ёго затрымалы, сказавшы, що оглядатымуть и въ ёго. Обдывывшысь усю хату Рахманного, забралы ёго до острогу. Вырядывшы ёго, подалысь до Сука, незабаромъ и винъ пишовъ за Рахманнымъ.

XVIII.

Чутка про те, що Рахманного та Сука забрато, збаламутыла цили Дубны, але нихто, навить паны, не моглы дизнатысь за вищо.

Такъ цикавои справы не моглы про те Дубенци залышыты безъ пояснення, и коженъ вышукувавъ свое. Пишла незабаромъ по Дубнахъ цила купа здогадивъ.

Тилько перегодомъ, колы почалы выклыкаты де кого злюдцивъ на допыты, громадськи миркування звернулысь на правдыву стежку; уси побачылы, що Рахманного та Сука вынуватять

за обійку жыдивъ. Але-жъ Дубенцямъ, що зналы гараздъ, хто бравъ участь у шелести, тяжко було се зрозумиты, и воны зъ дывовыжи двыгалы плечыма. На уси Дубны тилько сами найстарши диды та бабы, въ якыхъ не було ни роду ни родыны, понялы тому виры и розповидалы гучнымъ шептомъ одно одному, що колотнечу жыдамъ знялы нихто якъ Рахманный та Сукъ, що ще за тыждень самъ царь, десь тутъ блызько Дубенъ проходячы, перестеригавъ та прохавъ ихъ не чыпаты жыдивъ, а воны якъ вытяглысь та затяглысь, та якъ сказалы, що бытымуть, тай побылы... ну заразъ мусять за непокору видповидаты".

— Бильшъ розумивъ соби, у чому тутъ ричь, Ивашко, та винъ не хвалывся ничого, а тилько лаявся.

Сердыти Иващыны высловы и крыхты не допомогалы дубенцямъ зъясуваты соби спразу, и воны однаково лышалыся у непевности, а Ракло не хотивъ говорыты бильше, бо почувавъ себе дуже погано, и що дали, тяжче та тяжче.

Зразу винъ не звернувъ великои увагы на прыгоду Рахманного та Сука, та колы ихъ узято, ёго почало смоктаты за серце, ёму робылося соромно, що не перестеригъ ихъ видъ напасти... Про те винъ ще потишавъ себе тымъ, що имъ не буде ничого, що ихъ скоро пустять, бо воны-жъ легкодухи та ни у чому не выннн". И чудне дило: ёму прыемно було ихъ лаяты, бо винъ хочъ трохы выправлявъ себе тымъ, а выпытыся передъ собою ёму було тяжко. Але мынавъ и тыждень и другый, забрати ще сыдилы, пишла навить чутка, що ихъ и не пустять; у господи въ Рахманного усе пишло ниворотомъ; властныкъ дому, не схотившы боргуваты на видчай за кватырю, згрибъ та позносывъ до комори на купу и добро Рахманного, и чужи доручени ёму годынныкы; закащыкы сердылысь, розбиралы свое, а якъ дехто, и чуже; добробытъ Рахманного руйнувався у-виччю, и никому було ёго захыстыты, тай самъ винъ, хочъ-бы теперъ ёго и выпущено, не здолавъ-бы вже ничогисинько вдіяты, бо закащыка було втрачено. Дывлячысь на се, Ракло цилкомъ втратывъ спокій. Правда, статковымы втратамы Рахманного винъ ще не дуже журывся, бо, зроду ничого не мавшы, найменчый добробытъ вважавъ за роскоши та прымхы и навить розсердывсь та нагрымавъ на Кибця, колы той и соби, мордуючысь почуттямъ провыны передъ Рахманнымъ, зачавъ бидкатыся на те, що дiется въ ёго господи.

— Атъ! дило велыке? Жывемо-жъ уси у злыдняхъ, крутытымется и винъ, якось! не кращый-же за людей!

И хочъ, роздумавшысь трохы, додавъ перегодомъ вже мякше, навить зъ видголосомъ спивчуття: „Ото тилькы, що не

уси люде однакови, а хто завыкъ у добри, тому важче терпиты",—але дійсно непокоився дуже тилько тымъ, що Рахманный та Сукъ у острози, що ихъ можуть заслаты. „Це вже не жарты, це вже неволя! найтяжче лыхо!"—мордувався Ракло, згадуючы що и винъ почасты выненъ тому, що Рахманного та Сука караютъ, и черезъ те мымоволи прыхылявся до ихъ.

— Але що то за люде? За вищо на ихъ така напасть? Якъ сталося, що воны видбуватымуть за те, що счынылы инчи, а воны ще и видраджувалы? Зрозумиты сёго Ракло не вмивъ, та мусивъ такы зрозумиты, и думкы ёго разъ-по-разъ наверталыся до сёго нерозгаданого пытання... Не часто траплялося Раклови, щобъ такъ ёго морочылы думкы, але вже якъ траплялося, не мавъ винъ видъ ихъ спокою, покы такъ чы инче не розмиркуе було справы... Винъ прямо ненавыдивъ неневности та вагання... „Ни до чого воны, тилько клопитъ видъ ихъ та неспокій", а тутъ воны саме гралыся зъ имъ, якъ николы, неначе ёму „у голови та грудяхъ млынъ ходывъ ходоромъ". Видъ тыхъ думокъ Ракло не спавъ, втратывъ охоту до усёго, навить до йижы, тилько не до горилкы, бо вважавъ ии для такого случаю, якъ и скризь, за найкращу порадныцю.

Кибець та инчи громадяне, що покынулы Рахманного передъ колотнечею, ще и не знаючы за вищо ёго тягають, почувалы себе ніяково передъ имъ. Розрухъ не задовольнывъ ихъ; воны шкодилы вже навить, що прысталы до ёго: „розгулялыся, запыталыся боронытысь, а сталось ще гирше, де-хто дыставъ канчукивъ, багато лышылося безъ заробитку... Шкода було и заходу и того запалу, що поклалы на ёго"... Вже черезъ се роздратованнисть на Рахманного ущухла у ихъ, и коженъ думавъ, що и тутъ, як завше, тилькы Рахманный розумивъ справу правдыво та рядывъ добре.

Згадуючы, що покынулы та зневажылы ёго, товарышы мымоволи чулыся выннымы передъ имъ, и сумлиння докырлыво нагадувало имъ, якъ жаливъ ихъ Рахманный, якъ навчавъ, чимъ допомигъ та що зробывъ кожному. Почуття провыны та сорому зростало ще бильше видъ того, що Рахманному сталося лыхо, що зъ имъ не впадется вже може побачытыся, не можно буде и перепросыты...

Колы-жъ воны довидалыся, що Рахманного судять за розрухъ, почуття провыны въ ихъ пиднеслось вже до справжнёго болю, и воны боялыся обизватыся, боялыся глянуты одынъ одному у очы та банитувалыся, не знаючы що зробыты, чимъ спокутоваты свій грихъ.

Пидъ тяжаромъ сёго почуття бувъ и Кибець. Ему важко було и на самоти, важко и дома въ жинкою, що все боялася та плакала; прыневолыты себе до роботы винъ тежъ не здолавъ и, щобъ не лышатыся вичъ-на-вичъ зъ своимы думкамы, винъ, самъ того не помичаючы, усе горнувсь до Ивашка и скризь ныкавъ за имъ слидомъ, бо, хочъ и вынуватывъ Ракла за все, та той, хочъ и задуманый, бувъ все ще такый бадёрый, такый, порывяючы до Кибця, не зламанный, такъ не журывся невдачею, що и Кибцеви зъ имъ робылося легше.

Та Ракло не бувъ теперъ радый ни Кибцеви, ни взагали товарыству; винъ мавъ досыть клопоту зъ своимы думкамы та потрибувавъ якось ихъ поладнаты и утышыты. Для такои розваги винъ бажавъ спокою та вильного часу на самоти, бо не любывъ шукаты въ людей порады и поясненнивъ. Мавъ винъ таку думку, що и самъ не дурнишій за инчыхъ", тай „уси не такъ мыслять якъ треба". „Зъ кимъ не побалакай, зачнуть доводыты, наплетуть зовсимъ не до дила". Справди, Ивашко бувъ не зовсимъ звычайна людына, и думкы складалыся ёму на свій особыстый ладъ. Мусивъ-бы хтось, напрыкладъ, ще передъ тыжднемъ довесты Ивашци, що Рахманный добра людына, нехай бы розгледивъ для того хочъ циле жыття Рахманного, така праця ни до чого-бъ не прыдалася,—хиба може-бъ Ивашко вылаявся, але заразъ, колы Рахманный зазнавъ лыха, само до того прыходыло... зъ обставынъ.

Тымъ часомъ, позаякъ Ракло усе воливъ по своему и не любывъ жыты, якъ ёму не подобалося, той покынувъ Кибця розважаты журбу и каяття самотою, а самъ десь задився.

Блызько двохъ днивъ кружлявъ винъ по шынкахъ за ричкою, часомъ тилькы выходячы на чысте повитря помирковаты на самоти зъ пляшечкою, и коженъ разъ писля такои порады прокыдавсь вже кильо годынъ перегодомъ десь у бурьянахъ, безъ выразнои згадкы, якъ тамъ опынывся. На прыконченни другого дни Ивашко, схопывшысь, довго видплёвувавсь, чухався та скубъ соби голову и ажъ тоди потягъ умываться до ричкы, а звидты, зъ загорилою вже прыязню до Рахманного и зъ певнымы замирамы, у городъ.

Якъ тамъ и въ кого дизнавсь винъ, то ёго таина, але ще трохы згодомъ прыйшовъ до Кибця зъ сумною звисткою, що Рахманного и Сука кудысь вывозять, и повезуть зъ городу писля завтрёго раннишимъ пойиздомъ.

— Мы пидемо до пойизду попрощатыся зъ имы,—выкрикъ винъ непохытну постанову.

— Кибець глянувъ на ёго и, ничого не пытаючы, сказавъ тилькы: „Добре“!

— Мы зробымо ще одну штуку...

— Яку?

— Скажу описля, а теперъ и не пытайсь... бо не поможется,—такъ само непохытно, не даючы Кибцеви и розпытуваты, похмуро видказавъ Ракло.

XIX.

Те, що прочувъ Ивашко, було такы правдою. Слидство стало на тому, що дослидъ за бунтъ буде якъ буде, а головными и справжнимы проводырямы ёго вважатымутся Рахманный и Сукъ, а черезъ те поришено ихъ выслаты. Дозвилъ на це бувъ вже одержанный, и выслання справди призначене на пислязавтрёго.

Ранокъ того дни трапывся дощовый, похмурый, важки сыни хмары, нызько звысаючы, обляглы небо, здавлюючы обрій. Прямо холодный для литнёи добы витеръ зрывався важкымы виддыхамы; у захололому, имлыстому повитри усе вызырало темне, похмуре, змарниле. Сёмои годыны вранци биля вокзалу стоявъ пойиздъ, вкрапленый дрибнымы краплынамы, подскуды въ тонкымы патёчкамы по бокахъ вагонивъ. Но вохкій плацформи поважно похожалы справныкъ и жандарськый по[illegible]вныкъ, що прыйихалы выряжаты засланцивъ, и дожыдалы[illegible], покы вырушыть пойиздъ.

Зъ викна одного вагону третёго класу выглядалы Рахманный и Сукъ. Облыччя ихъ булы поблидли, змарнили, очы смутни; воны въ останне дывылыся на той городъ, де стилько рокивъ сякъ-такъ жылы, працювалы, кохалыся у якыхсь мріяхъ, яки заразъ очевыдячкы розвіялыся, появляючы повадъ себе обрыдлыву, смердючу уяву зрады. Боляче було имъ, що уси товарыши видсахнулыся ихъ, що жаденъ не прыйшовъ навить сюды.

На плацформи не було слыве никого; тилько де не де зализнычый урядныкъ чы служка, та ще чоловика зъ тры сторонныхъ. Вдарено вже третій дзвонывъ.—Ажъ ось ззаду зъ-за

пойизду швыдко перебиглы черезъ плацформу вагона дви постати и опынылыся биля викна, що биля ёго стоялы засланци. Це булы Ивашко и Кибець.

— Воны обыдва до земли вклонылыся Рахманному та Сукови, и Ивашко прошопотивъ:

— Прощавайте, братикы... та простить.

Першои хвыли, покы Рахманный тилько побачывъ той поклинъ, а не чувъ ще Ивашчынихъ слывъ, очы ёго понялыся гнивомъ; ёму здалося, що то глумъ, наруга дыкыхъ людей зъ ёго недоли, незароблени, такъ тымъ тяжче образлыви. Але попочуття се перебигло тилько мыгцемъ, скоро Рахманный почувъ, що сказавъ Ивашко, вдывыся у облыччя ёго та Кибця; винъ зрозумивъ свою помылку, понявъ виры, що ихъ прыгналы сюды, у небезпечне становыще, не злисть, а скрута и каяття.

Рахманного обгорнула невымовна радисть, такъ наче-бъ половына лыха ёго вразъ десь почезла, очы ёму засвитылыся, и радисно та прывитно винъ видказавъ.

— Прощавайте, бувайте здорови, не сердюсь я, не журиться!..

Ивашко вклонывся ще разъ, але, знаты, поспишавсь та хвылювався страшенно и ще кланяючысь додавъ швыдко, такъ само пошепкы.

— Пышить де будете... якъ жытымете,... колы треба буде, надишлемо грошей... чы ще чого... прощавайте!

Почувшы якусь розмову, сторджа у вагони разомъ кынулыся до викна, але вже не почула ничого,—побачылы тилько якыхсь двохъ людей, бо саме въ тій хвыли засвыстивъ паровозъ и пойиздъ рушывъ.

Полковныкъ зъ справныкомъ, похожаючы по плацформи, тежъ тилько здалеку побачылы нызькы Иващыны поклоны.

— Гей, стій тамъ, стій!—гукнувъ полковныкъ. Що се въ васъ? Хто се въ васъ?—знепокоенно пытавсь винъ, звертаючысь до справныка.

— А той, недобачаючы здалека, зтурбовавсь и соби та гукавъ на ввесь голосъ: стій, стій!

Та клопитъ бувъ ни до чого, бо и такъ ни Кибець, ни Ракло не тикалы, а йшлы куды ихъ клыкано. Ракло вывъ передъ. Ще за кылько крокивъ видъ ихъ очы ёму свитылыся ненатлистю, а выдъ бувъ гнивно напруженый, та колы наблызывсь, то выглядавъ вже зовсимъ по инчому, такымъ, якымъ

звыкъ ёго бачыты справныкъ та зналы уси Дубни—штукаремъ та прыдурковатымъ. Справныкови, тилько пизнавъ винъ Ивашку, зразу полекшало.

— Ты, що тамъ робывъ?—сурово грымнувъ на зустричъ Ивашкови полковныкъ.

— То я, Ваше высокородіе, розумныкивъ дражныты ходывъ,—видказавъ Ивашко, роспускаючы ухмилку на весь выдъ, наче справди ёму було чогось смишно.

— Що?—здывованный, ще сердыто спытавъ полковныкъ.

— Та, бачыте, винъ въ насъ всесвитне ледащо,—обизвавсь вже заспокоеный справныкъ, що не мигъ пидзорыты Иващынои благонадійности тай бувъ прыхыляный до Ракла за те, що ни хто за Ивашку не вмивъ выпарыты ёго у лазни.—Мабуть сердывсь на тыхъ, може строилы зъ ёго дурныка, ну и забажалось виддячыты.

— Чы такъ-же воно?

— А чому-бъ и не такъ, ваше высокородіе? хыба теперъ ихъ не вильно дратуваты? Вы-жъ мабуть не забороныте, а воны не допнутся, тай не попобьють...

— Ну то йды къ чорту, якъ такъ!—задовольнывся полковныкъ, шо бувъ такы сёгодни въ доброму гумори,—та гляды вже не вьязны на очы мени зъ твоею поганою пыкою... вже обрыдъ!

— Вклонывшысь, Ивашко пишовъ; Кибець потягъ за имъ. Довго йшлы воны мовчкы, тилько Ивашко крутывъ головою та зъ запаломъ плювався у бикъ, а нарешти, якъ заходывсь лаятысь, та такъ заклятовано, ажъ Кибцеви зробылось ніяково.

ЭПИЛОГЪ.

Скоро у Дубнахъ усе заспокоилося; полковныкъ выйихавъ, польція прытомылася, Ивашко завіявся зновъ, и вже ажъ на тыждень. Де пропадавъ винъ, не знавъ и Кибець, але черезъ тыждень Ракло такы прыйшовъ до ёго.

Довго мулывсь, неначе вагаючысь чы соромлячысь, Ивашко; довго захожувавсь и зновъ кыдавсь щось пытаты, покы попрохавъ Кибця розсказаты усе гараздъ, про вищо казавъ имъ Рахманный.

Слухавъ Ракло уважно и мовчкы, часомъ тилько угукне, або спыта щось, чы попроха розсказаты удруге, и того-жъ такы вечора зновъ задився. Але килько днивъ перегодомъ винъ впять повернувсь до Кибця и попрохавъ тыхъ кныжокъ, що чытавъ Рахманный,... „почытаты“...

— Хыба ты вміешь чытаты?—здывовавсь Кибець.

— Та... вмивъ колысь,—зъ неохотою прызнався Ракло:— Дай!

А перечытавшы килько кныжокъ, винъ прычепывся до Кибця, щобъ зновъ склыкавъ товарышивъ та—„зробы такъ, щобъ и мене прынято“,—казавъ винъ.

— Атъ! що мы безъ Рахманного робытымемъ?—безнадійно видказавъ Кибець.

— Та запытаемось вже...

— Ничого не буде... не хочу!—одмагавсь той.

— Дурню! ну на згадку про ёго... на ёго честь!

Кибець, не чуючысь у сыли до такого дила, довго не зважувавсь, та Ракло такъ обрыдавъ, такъ намагався, що винъ нарешти послухавсь.

Колы Ракла було прынято до громады, колы винъ вперше прыйшовъ на збирку та почавъ дякуваты за обрання, усе товарыство дывувалося, який винъ зрушеный.

— Спасыби вамъ, люде добри, що и мене пустылы до себе, велыке спасыби,—казавъ винъ. Не гидный я цёго, не зможу вже буты я справжнимъ робитныкомъ, не ладенъ працюваты чесно и гаразд, якъ кожному треба...

Товарыство зновъ почало збыратыся, навить згодомъ почало бильшаты.

Винъ чысто зминывся: десь не ставало въ ёго давнихъ жартивъ та штукъ; багацько крамаривъ та мищанъ жалкувалы за старымъ Рякломъ, тилькы старый справныкъ не помичавъ у ёму велыкои змины, бо колы часомъ доводылося Раклови парыты справныка у лазни, винъ завдававъ ему винякомъ такого хлосту, що той ажъ сердывся

Тоди, осмихаючысь старымъ звычемъ на ввесь ритъ, Ивашко выправлявся

— Та я-жъ хочу чыстише вычыстыты Ваше Высокородіе.

В. Левенко.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

О предкахъ.

Слыхалъ я въ дѣтствѣ своемъ отъ глубокой старушки, родной бабушки моей (по отцу), что родоначальникомъ семьи отца моего, священника села Зеленой Дубравы, былъ одинъ изъ выходцевъ Украйны, состоявшій впослѣдствіи въ числѣ атамановъ славнаго войска Запорожскаго, кочевавшаго у пороговъ Днѣпровскихъ. Подтвержденіе сего я нашелъ въ сочиненіяхъ знаменитаго исторіографа Новороссійскаго края,—Аппола Ѳ. Скальковскаго; тамъ сказано, что въ числѣ прочихъ куреней козаковъ, кочевавшихъ у пороговъ Днѣпровскихъ, было нѣсколько куреней, населенныхъ козаками *„Лебедыньцями“*.

Я передамъ разсказъ мнѣ моей бабушки, какъ мужъ ея, а мой дѣдушка, попалъ въ духовное званіе:

„Времена, разсказывала мнѣ моя бабушка, были тяжкія для житья православнымъ людямъ въ правобережной части Малороссіи, находившейся подъ властью поляковъ. Какого, какого горя не терпѣли православные за свою вѣру православную, которую поляки хотѣли замѣнить уніею, а во многихъ мѣстахъ уже было и ввели унію. И вотъ одинъ изъ этихъ атамановъ Запорожскихъ (имени его не помню, какъ называла бабушка)—„Ле-

бедынець", имѣя двухъ сыновей, сказалъ старшему изъ нихъ Григорію: „Батько нашъ—гетманъ сбирается прогуляться по Украинѣ и нагнать страху на поляковъ—притѣснителей православнаго народа украинскаго, а потому ты иди туда *завчасу*, и стань тамъ священникомъ, для того, чтобы, когда мы прійдемъ туда, народъ былъ подготовленъ къ приходу нашему и далъ бы помощь отрядамъ нашимъ, между прочимъ и фуражемъ; другого же сына своего атаманъ Лебедынець оставилъ при себѣ въ отрядѣ своемъ. Вотъ и пошелъ, разсказывала мнѣ бабушка моя, дѣдъ твой, запорожецъ Григорій Лебедынець, въ Кіевскую теперь губернію и, по одобреніи громады, посвященъ во священники села Зеленой Дубравы. Такъ называлось оно потому, что находилось на полянѣ, окруженной большими дубовыми деревьями.

— Охъ—тяжка, тяжка жизнь была дѣда твоего, а мужа моего во время священства его въ с. Зеленой Дубравѣ!

Однажды нагрянули въ с. Зеленую Дубраву польскіе жолнеры и, за неподатливостію его пристать на унію, вбросили его въ нашъ погребъ и разложили тамъ курево, заперли его тамъ нашимъ-же замкомъ, взявши себѣ ключъ, чтобы онъ задохся тамъ отъ дыму; понабрали они изъ погреба разныхъ наливокъ—вишневокъ, сливянокъ и грушевокъ, и до того въ нашемъ домѣ понапивались, что повалялися мертвецки пьяными. Видя, что спятъ безпробудно, я подобрала ключъ къ замку отъ погреба, выпустила мужа и сама убѣжала съ нимъ въ окружавшій Зеленую Дубраву лѣсъ.

Много, много и другого разнаго горя дознали мы, покуда не смиловался надъ нами Господъ и надъ всѣмъ православнымъ народомъ правобережной Малороссіи, стонавшимъ подъ гнетомъ поляковъ, и не внушилъ Царицѣ Екатеринѣ мысль принять насъ подъ свое крылышко и дать намъ право свободно исповѣдывать свою православную вѣру. Вскорѣ послѣ сего послѣдовало распоряженіе склонять и уніатовъ, жившихъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, въ православную вѣру, или, какъ выражалась моя бабушка, на благочестіе. И вотъ духовное начальство избрало для этого болѣе извѣстныхъ и способ-

ныхъ изъ оставшихся въ православіи двухъ священниковъ; въ числѣ этихъ избранниковъ былъ мужъ мой, а твой дѣдушка, отецъ Григорій Лебединцовъ (такъ сталъ зваться онъ, когда поступилъ подъ власть русскаго правительства). Когда пришлось ѣхать ему по порученію сему, то я, боясь, чтобы не убили его гдѣ нибудь въ этой поѣздкѣ и я не осталась бы несчастною вдовою, тѣмъ болѣе, что была носящею во чревѣ младенца, настойчиво добилась отъ него, чтобы онъ взялъ и меня съ собою, въ томъ предположеніи, что если убьютъ его, пусть и меня уже убиваютъ вмѣстѣ съ нимъ. Господь далъ,что путешествіе было благополучное и благоуспѣшное, а я къ тому же благополучно разрѣшилась на берегахъ Буга (въ Волынской губерніи) сыномъ Гавріиломъ, который теперь есть отецъ твой, твоихъ братьевъ и сестеръ.

Присоединіе уніатовъ на благочестіе, по словамъ моей бабушки, происходило такъ: пріѣдемъ, бывало, къ уніатскимъ священникамъ; поговорятъ православные священники съ уніатскими, иногда и долго времени; и когда склонятся тѣ священники на благочестіе, тогда они уже сами созовутъ прихожанъ въ свой дворъ, поговорятъ съ ними и, подписавъ листы, сдадутъ на руки православныхъ священниковъ, а тѣ уже отсылаютъ ихъ куда слѣдуетъ.

Отецъ мой Гавріилъ, пришедши въ возрастъ школьный, послѣ домашняго приготовленія въ ученіи книжномъ, поступилъ для продолжнія ученія въ древнюю Кіевскую Академію. Состоя въ классѣ реторики, онъ отправлялся на Рождественскіе праздники въ домъ своихъ родителей въ Зеленую Дубраву. При приближеніи къ воротамъ двора своего, возница на радостяхъ погналъ лошадей; санки въ воротахъ забѣжали въ затоку, ударились объ столбъ, на которомъ были привѣшены ворота, и прибили ноги студента Гавріила Лебединцева до того, что онъ около году могъ ходить только на костыляхъ, прекративъ ученіе свое въ Кіевской Духовной Академіи. Родители его, не видя улучшенія въ состояніи болѣзненныхъ его ногъ, пообѣщали отдать его на служеніе Богу при какомъ нибудь монастырѣ, если ноги его

оправятся. Эта милость Божія послѣдовала. И они обѣтъ свой исполнили, помѣстивъ его въ Мошногорскій монастырь, Кіевской Епархіи. Въ монастырѣ этомъ Гавріилъ Лебединцевъ года черезъ два-три до того преуспѣлъ въ уставахъ монастырскихъ, что былъ назначенъ уставщикомъ или правящимъ хоромъ монастырскимъ, а вмѣстѣ и письмоводителемъ старца игумена, у котораго пріобрѣлъ такое довѣріе, что игуменъ тотъ обращавшихся къ нему по всякимъ дѣламъ ссылалъ къ *Гаврылкѣ*, чтобы тотъ разсудилъ объ нихъ и порѣшилъ. Срокъ обѣта родителей будущаго отца моего истекъ въ прохожденіи имъ монастырскаго послушанія, и онъ, по желанію своихъ родителей, возвратился въ домъ ихъ въ помощь имъ, преклонныхъ ради лѣтъ ихъ, и занялъ при отцѣ своемъ должность церковнаго дьячка.

Родители моей маменьки жили въ с. Яблуновкѣ, богуславскаго уѣзда. Отецъ ея, о. Іосифъ Вакуловскій, былъ священникомъ въ Яблуновкѣ. Потерявъ жену, онъ черезъ нѣкоторое время и самъ скончался. Такимъ образомъ дочь ихъ осталась круглою сиротою, въ возрастѣ юной невѣсты. По сочувствію къ ея сиротскому положенію, Яблуновскіе прихожане и сама помѣщица села того, Михайловская, ходатайствовали предъ Епархіальнымъ начальствомъ о зачисленіи Яблуновскаго прихода за священническою сиротою Ѳеклою Осиповною, но ходатайство не имѣло успѣха. Тогда Ѳекла Осиповна рѣшилась сама отправиться въ Кіевъ. Много натерпѣлась она тамъ горя; напрасно вызывала на сочувствіе къ своему дѣлу декастерскихъ чиновниковъ. Задобрить же ихъ у нея не было никакихъ средствъ; наконецъ, она обратилась къ митрополиту Серапіону. Въ одинъ день, рано поутру, пробилась она въ покои митрополита; но секретарь не допустилъ ея къ Владыкѣ. Тогда, воспользовавшись отсутствіемъ секретаря, она рѣшилась итти безъ доклада,—прошла чрезъ всѣ двери и вошла въ самую опочивальню Высокопреосвященнаго Владыки, который еще не былъ одѣтъ, а она, едва завидѣвъ его, со слезами бросилась ему въ ноги. Появленіе дѣвушки удивило Владыку, и онъ спросилъ: кто тебя впустилъ? Я сама вошла—съ твердостію отвѣчала просительница и въ сильныхъ выраже-

ніяхъ изложила свое бѣдственное положеніе. Владыка, не уважившій ходатайствъ помѣщицы и прихожанъ, былъ побѣжденъ ораторствомъ простой сельской дѣвушки и зачислилъ за нею просимый приходъ. Помнятъ-ли лѣтописи православнаго сельскаго духовенства примѣръ такой благоразумной отваги въ рядахъ сельскихъ дѣвушекъ, какой показала Ѳекла Осиповна? Тутъ же, въ Кіевѣ, нашелся ей женихъ, окончившій курсъ богословія, и она пошла съ нимъ за благословеніемъ къ Владыкѣ. Посмотрѣлъ Высокопреосв. Владыка на жениха и не далъ благословенія, сказавъ, что онъ, какъ видно по лицу, нездоровъ. Три раза ходила она съ нимъ, а Владыка все отклонялъ ее и, наконецъ, въ утѣшеніе сказалъ ей: „Господь пошлетъ тебѣ такого умнаго и хорошаго жениха, какъ ты сама". Утѣшенная милостивыми словами Архипастыря, Ѳекла Осиповна оставила Кіевъ и возвратилась въ Яблуновку. Вскорѣ представился ей другой женихъ, окончившій философскій классъ, и послѣ праздниковъ Рождественскихъ имѣла быть свадьба.

Предъ праздниками же Рождественскими того самаго года родители Гавріила Лебединцева предположили обручить его и для сего пріискали дочь выкупщика изъ крестьянъ, богача, проживавшаго въ недалекомъ разстояніи отъ с. Зеленой Дубравы, въ такъ называемомъ Боровиковомъ хуторѣ. Но обстоятельство непредвидѣнное порѣшило избрать ему въ сопутницу жизни невѣсту другую. Дѣдушка моей впослѣдствіи маменьки, священникъ, проживавшій въ очень далекомъ разстояніи отъ Зеленой Дубравы и совершенно незнакомый родителямъ Гавріила Григорьевича, проѣзжалъ со своею внучкою Ѳеклою Осиповною въ с. Торговицу, находившееся на границѣ Херсонской губерніи, къ ея родственникамъ—попросить на свадьбу ея съ окончившимъ курсъ философіи.

Время было зимнее и очень холодное. Въ пути ночь ихъ застигла, когда они должны были проѣзжать с. Зеленую Дубраву Снѣжные заносы и ночное время заставило старика священника попросить ночлега у незнакомаго ему священника с. Зеленой Дубравы, о. Григорія Лебединцева, который радушно согласился

пріютить путниковъ. Этотъ случайный гость объявилъ, что онъ не одинъ, а съ нимъ ѣдетъ и внучка его—барышня; одна изъ сестеръ моего отца, тоже барышня, Ефросинія, немедленно отправилась просить въ домъ и сопутницу. Но та, конфузясь, долго не соглашалась; наконецъ уступила просьбѣ. Когда-же, вошедши въ комнату, нѣсколько ознакомилась съ гостепріимными хозяевами, то въ разговорѣ съ ними проявила такой умъ и веселость характера, что они, на другой день, когда путники отъѣзжали, взяли съ нихъ слово, что на обратномъ пути своемъ непремѣнно заѣдутъ къ нимъ опять. Условіе это исполнено. И въ этотъ пріѣздъ совершалась помолвка жениха Гавріила Григорьевича съ невѣстою Ѳеклою Осиповною, съ условіемъ, чтобы, по вступленіи въ бракъ, Гавріилъ Григорьевичъ занялъ священническое мѣсто въ с. Яблуновкѣ, Богуславскаго уѣзда, такъ какъ приходъ этотъ зачисленъ былъ Владыкою за Ѳеклою Осиповною. И такимъ образомъ Гавріилъ Григорьевичъ, вмѣсто отцовскаго своего прихода с. Зеленой Дубравы, поступилъ священникомъ въ с. Яблуновку. [1])

Во время священства своего въ с. Яблуновкѣ о. Гавріилъ Лебединцевъ имѣлъ дѣтей—Матрону, Арсенія, Петра, Даніила и дочь Ефросинію. По смерти же своего отца, онъ перешелъ на священническое мѣсто въ с. Зеленую Дубраву. Здѣсь у него родились дѣти: Андрей, Ѳеофанъ, Александра, Маѳа и Марія, (умершая въ дѣтствѣ).

Жизнь моихъ родителей не отличалась въ с. Зеленой Дубравѣ достаткомъ, а Яблуновскій приходъ былъ много бѣднѣе. Но отецъ мой, будучи любимымъ священникомъ, какъ въ Яблуновскомъ приходѣ, такъ еще болѣе у прихожанъ Зеленянскихъ, за свое благочестіе и особенно за усердное благоговѣйное богослуженіе и любвеобильное отношеніе къ прихожанамъ, былъ вспомоществуемъ ими, хотя не деньгами, по бѣдности ихъ, но натуральными вспомоществованіями, которыя состояли въ слѣ-

---

[1]) Объ этомъ разсказано въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ «Странникъ» за 1866 годъ, мѣсяцъ апрѣль.

дующемъ: прихожане пахали отцу церковныя земли; во время уборки посѣвовъ на поляхъ, они, по собственному вызову, жали, косили и свозили во дворъ батюшкѣ; ко времени выѣзда нашего въ учебныя заведенія, послѣ праздничныхъ и лѣтнихъ каникулъ, приносили пшено, соль, крупу, просольную рыбу и разные другіе продукты, т. е. все то, что мы должны были доставлять хозяевамъ, у которыхъ мы квартировали, состоя въ учебныхъ заведеніяхъ. А такъ какъ у нашего отца была единственная (буланая) лошадь, необходимая ему для выѣзда по паствѣ, и особенно къ сосѣднимъ священникамъ,—то прихожане для провоза насъ въ школы (въ Богуславъ и Кіевъ) приводили своихъ лошадей и своихъ парней (т. е. молодыхъ сыновей), чтобы не отвлекать отъ работъ двухъ-трехъ годовыхъ работниковъ, служившихъ у нашего отца. При такихъ лишь пособіяхъ возможно было отцу нашему, при несуществованіи въ тѣ времена никакихъ денежныхъ окладовъ отъ правительства, или такъ называемаго теперь жалованья,—содержать въ школахъ пятерыхъ сыновей. [1])

---

[1]) Изъ нихъ самый старшій, Арсеній Гавриловичъ, впослѣдствіи былъ каѳедральнымъ протоіереемъ въ г. Одессѣ и имѣлъ Анны 1-ой степени и на Георгіевской лентѣ на шеѣ (за Севастопольскую оборону) золотой крестъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, выданный изъ кабинета Его Императорскаго Величества;—второй братъ, Петръ Гавриловичъ, былъ каѳедральнымъ протоіереемъ въ Кіевѣ,—кавалеръ 1-й же степени Анны, пожалованъ и митрою; третій—Даніилъ Гавриловичъ, по окончаніи Кіев. Дух. Академіи и нѣсколькихъ годовъ службы своей въ качествѣ преподавателя Кишеневск. Дух. Семинаріи, перешедшій на службу въ Петербургъ по военному вѣдомству, прослужилъ по сему вѣдомству болѣе 40 лѣтъ; на службѣ сей принималъ въ качествѣ Члена Военнаго Кодификаціоннаго Комитета, преимущественное участіе въ составленіи свода военныхъ законовъ и умеръ въ чинѣ Тайнаго Совѣтника, имѣлъ въ числѣ другихъ высшихъ орденовъ и орденъ Бѣлаго Орла; пятый братъ мой,—Ѳеофанъ Гавриловичъ, вмѣстѣ со мною учившійся, по окончаніи Кіев. Дух. Академіи, поступилъ преподавателемъ въ Кіев. Дух. Семинарію, потомъ переведенъ

Коснувшись, такимъ образомъ, въ своихъ воспоминаніяхъ біографіи моихъ предковъ, перехожу за симъ къ болѣе подробному воспоминанію о себѣ и моемъ младшемъ братѣ за время школьнаго нашего обученія.

II.

Воспоминанія мои объ обученіи моемъ въ церковной школѣ села Зеленой Дубравы.

Первоначальное обученіе книжной и письменной премудрости получилъ я вмѣстѣ съ младшимъ моимъ братомъ, Ѳеофаномъ Гавриловичемъ, въ Зеленянской церковно-приходской школѣ, баккаляромъ коей состоялъ старикъ-шляхтичъ, панъ Корчинскій. Обучалъ онъ насъ *абецадлу*, чтенію по титламъ и слово-титламъ, утреннимъ и вечернимъ молитвамъ по букварю печати Кіево-Печерской лавры. По изученіи букваря, обязательно было для каждаго „учня“ приносить пану баккаляру, именовав-

---

баккалавромъ Кіев. Дух. Академіи; перешедши на службу въ качествѣ начальника Учебной Дирекціи въ Привислянскій край, по выслугѣ срока на пенсію, возвратился въ Кіевъ, и основалъ здѣсь журналъ «Кіевскую Старину», труды по коей, какъ извѣстно мнѣ, и свели его преждевременно въ могилу; умеръ въ чинѣ дѣйств. стат. совѣтника. Четвертый братъ, это моя мѣрность (авторъ описываемыхъ воспоминаній), заслуженный протоіерей, бывшій настоятель собора въ губ. г. Ломжѣ, законоучитель 8-ми классной мужской гимназіи, и теперь пенсіонеръ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, кавалеръ Анны 2-й степени и Владиміра 4-й степени. Всѣ мы всегда помнили каждую услугу, оказанную намъ Зеленянскими прихожанами въ трудный періодъ воспитанія нашего въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.—А братъ Петръ Гавриловичъ, умирая завѣщалъ для Зеленянской школы и капиталъ, получаемый изъ купленной имъ невдалекѣ отъ села Дубровы численной земли, чтобы школа поддерживалась съ процентовъ того капитала.

шемуся еще и „Директоромъ“, гречаную съ саломъ кашу, которую торжественно съѣдали вмѣстѣ съ нимъ и всѣ его „учни“. Таже исторія происходила и по изученіи Часослова и Псалтыри. Выдержавши блистательно экзаменъ въ умѣньи читать по Часослову и Псалтыри, мы допускались къ чтенію ихъ и въ церкви при богослуженіи. Особенно требовалось читать звонко псаломъ „Благослови душе моя Господа“, положенный для чтенія при окончаніи литургіи при раздачѣ антидора, [чтобы заслужить похвалу отъ парафіянъ и парафіянокъ, по выходѣ изъ церкви толковавшихъ о томъ, насколько хорошо прочитано было „Благослови душе моя Господа“. Предъ праздникомъ Рождества Христова панъ баккаляръ обучалъ насъ колядкамъ, которыя мы распѣвали въ домѣ отца нашего, а крестьянскіе „учни“—въ домахъ почетнѣйшихъ прихожанъ. Изучаема была въ Зеленянской школѣ и „личба“, т. е. писаніе цифръ, а также и письмо, которое состояло въ списываніи вокабуловъ, начерченныхъ баккаляромъ на большой деревянной доскѣ сухимъ мѣломъ, а мы копировали на малыхъ ручныхъ доскахъ обмоченными въ разведенной водою „крейдѣ“ перьями. Такова была программа обученія нашего въ Зеленянской школѣ, существовавшей съ давнихъ временъ. [1]) Баккаляръ Корчинскій, надо отдать ему долгъ справедливости, былъ жизни трезвой и человѣкъ набожный. Одну только имѣлъ слабость—много нюхалъ табаку и такъ часто открывалъ свою большую лубяную табакерку, что отъ непріятнаго запаха „учни“ его невольно чихали. Табакъ свой приготовлялъ такъ: закупивши въ м. Ольшаной нѣсколько пачекъ листьевъ „махотки“, въ свободное отъ ученія время онъ посылалъ „учней“ изъ крестьянскихъ дѣтей на могилки (историческіе курганы), находившіяся на выгонѣ, сбивать будяки (круглые съ острыми колючками),—сушилъ то и другое вмѣстѣ въ печкѣ и, смѣшавши, заставлялъ тереть въ большой „макотрѣ“.

Послѣ обученія меня и младшаго брата моего въ Зеленянской школѣ, отецъ нашъ самъ дополнилъ подготовку нашу

[1]) Въ этой школѣ обучались и старшіе мои братья, о коихъ я выше упомянулъ.

для поступленія въ Богуславское духовное училище. Подготовка эта заключалась въ изученіи личбы до тысячи и улучшеніи почерка нашего. Какъ хорошій каллиграфъ своего времени, отецъ чтобы исправить почеркъ нашъ, прописывалъ собственноручно на малыхъ деревянныхъ разлинеянныхъ дощечкахъ—сначала строчныя, а потомъ прописныя буквы, и послѣ нихъ—слова. Мы же на остальныхъ линейкахъ копировали и такимъ образомъ пріучались къ отцовской каллиграфіи. Послѣ упражненій на доскахъ, переходили къ писанію на тетрадяхъ гусиными перьями. Чернила заготовлялъ отецъ нашъ, въ видахъ экономіи, изъ чернильныхъ орѣшковъ и купоросу, что стоило не болѣе 5 грошей. По закону Божію мы были приготовлены только знаніемъ молитвъ. Чтеніе утреннихъ и вечернихъ молитвъ происходило такимъ порядкомъ: собиралась вся семьи, состоящая изъ 5 братьевъ и сестеръ; отецъ дѣлалъ возгласъ „*Блогословенъ Богъ Нашъ*“, на что очередной отвѣчалъ „аминь“ и начиналъ читать молитвы, во время чтенія которыхъ въ извѣстные промежутки мы творили земные поклоны, а мать наша все время стояла на колѣняхъ. По окончаніи чтенія молитвъ, отецъ нашъ говорилъ дневной отпускъ, какой полагается на церковномъ богослуженіи' и мы цѣловали руки отца и матери. Чередовались въ чтеніи молитвъ мои старшіе братья и тогда, когда были воспитанниками Кіевск. Дух. Академіи.

III.

Воспоминанія о Богуславскомъ Духовномъ Училищѣ за время бытности моей въ немъ въ 1837—42 году.

Воспитанные дома въ страхѣ Божіемъ, навыкшіе къ чтенію въ церкви и каноновъ на утрени, поступили мы для начальнаго образованія въ Богуславское д. училище при мужскомъ монастырѣ. Помѣстили насъ на квартирѣ, наполненной воспитанни-

ками высшихъ классовъ, и поручили надзору одного изъ нихъ, нашего родственника, Петра Семеновича Ильяшевича, сына дьячка с. Зеленой Дубравы. При тихомъ, кроткомъ характерѣ своемъ, онъ не въ силахъ былъ защищать насъ, малышей, отъ разнаго рода обидъ, какія претерпѣвали мы отъ старыхъ сокварти-рантовъ. Когда подавались на ужинъ гречаныя галушки въ квасу, старшіе на расхватъ забирали все, а мы хлебали только квасъ. Дадутъ бывало намъ въ руки объемистую деревянную коновку съ привязанной къ ней вверху веревкой и послѣ ужина пошлютъ въ вечернюю темную пору принесть чистой, какъ кристаль, воды изъ кринички „камянки", высѣченной на камнѣ. Криничка эта находилась на неблизкомъ разстояніи отъ квартиры нашей и путь къ ней пролегалъ по монастырскому лужку между кустар-никами, извивался по обрывистымъ скаламъ, затемнявшимся рос-шими вблизи ихъ ольховыми деревьями. „Каменка" эта вызы-ваетъ у меня слѣдующее пріятное воспоминаніе. Черезъ годъ по поступленіи моемъ въ училище, когда насъ перевели на дру-гую квартиру, за лугомъ монастырскимъ, пробирался я поутру подлѣ „каменки" въ классъ и увидѣлъ стоящаго около ней мо наха. Хотите, можетъ быть, напиться воды?—спросилъ я.—Нѣтъ, хочу умыть лице свое, но нечѣмъ достать воды.[1]) Я предложилъ ему свои услуги. Чѣмъ же можешь помочь мнѣ?—продолжалъ онъ. Ничего не говоря, я быстро снялъ себя сапожки, бѣлкою всползъ на близъ стоявшее дерево и досталъ спрятанный тамъ свой деревянный съ веревочкой ковшикъ, которымъ зачерпнулъ воды и слилъ на руки монаха. Умывшись, монахъ этотъ пред-ложилъ мнѣ еще достать воды и слить ему на голову. Погладивъ меня по головѣ, онъ спросилъ мое имя и фамилію. Не мало по-раженъ былъ я, когда черезъ часъ послѣ моего прихода въ учили-ще, вошелъ въ нашъ классъ архіерей съ повстрѣчавшимся со мною у кладезя монахомъ. Послѣдній что-то шепнулъ на ухо первому и указалъ рукою на меня. Архіерей, никого не спрашивая изъ

[1]) Вода въ кринички «каменной» находилась глубоко и рукою нельзя было достать ее.

учениковъ нашего класса, подошелъ ко мнѣ и спросилъ, какъ твоя фамилія? Получивши отвѣтъ, поднялъ спустившіеся съ головы моей волосы, посмотрѣлъ на лобъ и сказалъ: „Лобъ большой, должно быть мудрецъ будешь". Архіерей этотъ былъ Иннокентій, викарій кіевской митрополіи, впослѣдствіи архіепископъ Одесскій, а монахъ—Серафимъ, баккалавръ Кіевской Академіи, впослѣдствіи архіепископъ Воронежскій.

Успѣхи наши въ первые два года пребыванія нашего въ богуславскомъ училищѣ были довольно слабые,—что объясняется слабостію надзора надънами, частыми прогулками по монастырскому лугу для осмотра птичьихъ гнѣздъ, увлеченіемъ пѣніемъ соловьинымъ, прислушиваніемъ, сколько кому закукуетъ кукушка, и разными играми. Ко времени переводныхъ экзаменовъ нашихъ изъ второго класса въ третій (курсъ былъ двухгодичный) пріѣхалъ къ намъ отецъ нашъ и пошелъ къ учителю нашего класса Ф. М. М—му собрать справки объ успѣхахъ нашихъ. Въ невеселомъ расположеніи духа возвратился къ намъ:—тебя, Андрей, сказалъ отецъ, по просьбѣ моей, какъ старшаго брата, обѣщалъ учитель перевести въ слѣдующій классъ, а за тебя, Ѳеофанъ, я далъ цѣлый рубль, чтобы перевели. Нельзя порицать за это М—го, принявъ во вниманіе, что годовое жалованье его было всего 10 р. а онъ былъ женатъ и имѣлъ двухъ сыновей. Смотрителемъ богуславскаго училища, когда я и братъ мой были во второмъ классѣ, считался игуменъ монастыря, о. Григорій, носившій кличку „Гречка",—человѣкъ лѣтъ 70—80, бѣлый какъ лунь. Училища нашего не посѣщалъ, по крайней мѣрѣ младшихъ классовъ, и мы видѣли его только въ монастырской церкви, куда водили насъ на богослуженіе, или проходящимъ въ стѣнахъ ограды монастырской, при посѣщеніи келій братій монастырскихъ. Тихій, безмятежный старецъ этотъ памятенъ мнѣ по такому случаю. Когда меньшій братъ мой Ѳеофанъ на первомъ году нахожденія нашего въ училищѣ заболѣлъ корью, старушка служанка посовѣтовала мнѣ напоить его настойкою съ липоваго цвѣта, подсластивъ медомъ, и сказала, что за копу грошей можно купить стаканъ меду въ монастырѣ, гдѣ, по случаю великаго

поста, бываетъ приносъ и медомъ. Я отправился въ монастырскую церковь; но послушникъ сказалъ мнѣ, что въ этотъ день, за окончаніемъ поминовеній (великій четвергъ), всѣ кухлички перенесены уже къ о. игумену для раздѣла между братіей. Что было дѣлать? Рѣка Рось была въ разливѣ и трудно было доставиться въ городъ, чтобы купить тамъ меду. Я рѣшился пойти къ о. игумену. Получивъ аудіенцію, я объяснилъ ему причину своего посѣщенія. Онъ повелъ меня въ свою коморку при келліи, гдѣ находились кухлики, и предложилъ мнѣ выбрать любой. Избравши самый большій, я далъ о. Игумену копу грошей. Онъ разсмѣялся, возвратилъ мнѣ деньги и далъ еще одинъ кухликъ.

По переводѣ насъ въ 3 классъ, успѣхи наши въ наукахъ повысились, чему мы обязаны сколько строгимъ внушеніямъ со стороны родителей, столько и заинтересовавшему насъ своими уроками учителю греческаго языка и соединенныхъ съ нимъ предметовъ, Стефану Романовичу Турчинскому. Учитель сей былъ изъ вновь окончившихъ курсъ Кіевской д. семинаріи и почти изъ первыхъ учениковъ;—человѣкъ онъ былъ весьма энергичный и принялся горячо и разумно за преподаваніе порученныхъ ему предметовъ. Особенно увлекъ онъ насъ своимъ методомъ преподаванія греческаго языка, какъ главнаго предмета. Вмѣсто того, чтобы задавать намъ по учебнику „отселѣ до селѣ", какъ водилось тогда, онъ съ перваго урока началъ чертить намъ уроки по греческой грамматикѣ на классной доскѣ. Стучалъ мѣломъ звонко, слова произносилъ громко, оглядываясь чуть не ежеминутно, заставлялъ за собою повторять то того, то другого ученика въ одиночку, иногда, на краткихъ фразахъ, и хоромъ, чѣмъ и пробудилъ насъ отъ школьной дремоты. Такимъ методомъ преподаванія прошелъ съ нами въ непродолжительное время этимологію; по ознакомленіи насъ съ нѣкоторыми правилами синтаксиса, перешелъ къ устнымъ, такъ называемымъ *эллокуціямъ*, подымая на нихъ то одного, то другого, воспитанника. Упражняя насъ въ *эллокуціяхъ*, по окончаніи цѣлаго предложенія, или нѣсколькихъ и даже цѣлой рѣчи, вызывалъ охотниковъ повторить все, что говорилось иногда въ продолженіе цѣлаго часа, сначала по

русски, а потомъ въ переложеніи на греческій языкъ. И я съ братомъ Ѳеофаномъ, благодаря природной памяти, преимущественно предъ прочими товарищами отличались на такихъ эллокуціяхъ и обратили на себя особенное вниманіе Стефана Романовича. Къ Рождественскимъ праздникамъ мы стояли въ разрядномъ спискѣ въ числѣ первыхъ учениковъ по греческому языку и соединенныхъ съ нимъ предметовъ, напр.,—по церковному уставу. Но особенную ревность возбудилъ у насъ Стефанъ Роман. на своихъ эллокуціяхъ переложеніемъсъ церковно-славянскаго языка на греческій такъ называемыхъ начинательныхъ церковныхъ молитвъ. Самъ-же онъ въ этомъ руководился какою-то имѣвшейся у него небольшаго формата книжкой на греческомъ текстѣ. Мнѣ и теперь помнятся нѣкоторыя начальныя греческія слова этихъ молитвъ. Воспитательное значеніе имѣло для насъ и то, что Стефанъ Роман. первый на урокахъ часто приводилъ намъ изреченія изъ Сираха, въ родѣ слѣдующихъ: „Въ злохудожну душу премудрость не внидетъ, ниже обитаетъ въ тѣлеси повинномъ грѣху. Сынъ премудръ веселитъ отца, сынъ-же безуменъ печаль матери". Какъ пріятно мнѣ было видѣть своего незабвеннаго учителя С. Р., впослѣдствіи ректора кіево-софійск. д. училища, когда я былъ въ богословскомъ классѣ семинаріи, присутствующимъ на публичныхъ экзаменахъ нашихъ, на которые пріѣзжалъ и митрополитъ Филаретъ! Съ какою радостію по переходѣ моемъ изъ царства Польскаго на службу въ Кіевъ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, на третій день моего пріѣзда, посѣтилъ я состоявшаго уже въ заштатѣ свыше 90-ти лѣтняго старика Стефана Роман., прикованнаго къ одру болѣзненному! Онъ сразу узналъ меня, обрадовался и жаловался на незначительный окладъ получаемой пенсіи. Чрезъ непродолжительное время оставилъ онъ земной міръ, и я въ числѣ прочихъ имѣлъ утѣшеніе проводить его гробъ до могилы. Вѣчный покой, царство ему небесное!

Учителемъ латинскаго языка былъ у насъ Иванъ Никитичъ Цвѣтковскій, человѣкъ доброй души, но по давности нахожденія на службѣ ослабѣвшій въ педагогическомъ дѣлѣ, по-

чему мало интересовалъ насъ своими уроками. Былъ требователенъ, когда начали изучать спряженіе глаголовъ съ ихъ формаціями, а въ особенности предъ нашимъ отъѣздомъ домой на каникулярное время, угрожая не пощадить „маменькиныхъ на насъ портковъ", какъ онъ выражался,—при чемъ дѣлалъ оговорку, что пощада возможна для тѣхъ учениковъ, родители которыхъ привезутъ овсеца для его лошадей. Припасши при своемъ одиночествѣ нѣкоторый капиталъ отъ репетицій, Иванъ Никитичъ обзавелся парою борзыхъ лошадокъ и красивой колясочкой, на которыхъ катался въ послѣобѣденное время.

По переходѣ нашемъ въ 3 классъ, начальникъ монастыря и вмѣстѣ смотритель училища, игуменъ Григорій, вышелъ въ отставку, и на его мѣсто на должность смотрителя поступилъ недавно выпущенный предъ тѣмъ кандидатъ Кіевской духовной Академіи Игн. Петр. М—чъ. Мы и его не часто видѣли, и то только, когда онъ изъ уроковъ въ 4 классѣ, во время перемѣнъ, выходилъ въ училищный корридоръ проходиться. Мы не могли не любоваться его осанкою: корпусомъ своимъ былъ полонъ, росту выше средняго, лобъ широкій и выпуклый, глаза большіе и тоже выпуклые, на длинныхъ щекахъ—баккенбарды довольно волосистые, голосъ густой, поступь важная, на плечахъ плащъ, изъ подъ плаща выглядываетъ черный фракъ съ блестящими серебряными пуговицами въ орлахъ. Въ непродолжительномъ времени начальникъ нашъ принялъ священный санъ съ титуломъ уѣзднаго протоіерея и первенствующаго члена Богуславскаго дух. правленія, помѣщавшагося въ монастырскомъ домикѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ училища. Съ принятіемъ священнаго сана смотритель нашего училища выглядѣлъ еще лучше: ряса на немъ была шелковая—цвѣту свѣтлаго, кафтанъ атласный, препоясанный краснымъ бархатнымъ поясомъ, расшитымъ золотомъ; шляпа шелковая, низкая, съ короткими полями. Весь костюмъ о. смотрителя сшитъ былъ, какъ говорится, по послѣдней модѣ. Квартировалъ онъ въ городѣ, откуда и пріѣзжалъ въ училище въ лѣтнюю пору въ щегольскомъ открытомъ экипажѣ, а зимою—на саняхъ-козырькахъ, на которыхъ кучеръ во время

ѣзды стоялъ на ногахъ, и намъ видно было изъ училища еще версты за двѣ, какъ катитъ нашъ начальникъ. Отъ новаго смотрителя повѣяло на наше училище новымъ духомъ—свѣтскимъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ, равно и супруга его происходили изъ дворянскаго сословія, и родина ихъ была въ Липовецкомъ уѣздѣ, заполоненномъ культурными польскими дворянами-помѣщиками, неотразимому вліянію которыхъ во многомъ подпало и православное духовенство того уѣзда. Учителя, что для нихъ была новинка, приглашались на танцовальные вечера къ о. смотрителю, на которыхъ сближались съ лицами военнаго и гражданскаго вѣдомства. Живо рисуется мнѣ и теперь толстякъ городничій Брюновъ съ треуголкой на головѣ и бѣлыми перьями, въ какомъ видѣ я не разъ видѣлъ его въ монастырѣ, во время архіерейскихъ пріѣздовъ. Одинъ о. инспекторъ нашего училища, протоіерей Мойсей Мудровъ, давній служака, бывшій учитель моихъ старшихъ братьевъ, не поддавался новымъ вліяніямъ. Съ удивительнымъ трудолюбіемъ онъ исполнялъ, какъ учительскую, такъ и инспекторскую обязанность, посѣщая аккуратно ученическія квартиры, какъ поздними вечерами, такъ иногда и утромъ, разбросанныя за рѣкою Росью по домамъ мѣщанъ, на неблизкомъ разстояніи отъ города Богуслава, въ центрѣ котораго находилась его квартира. Посѣщенія эти были довольно затруднительны, въ виду переправы черезъ рѣку Рось на паромѣ, или лодкѣ. Въ субботу, феральный день для воспитанниковъ, о. инспекторъ, до начала занятій на основаніи доставляемыхъ ему свѣдѣній, какъ учителями, такъ и „старшими“ изъ самихъ же воспитанниковъ надъ квартирами, въ своей инспекторской комнатѣ подвергалъ наказанію малоуспѣвающихъ, или въ чемъ либо провинившихся. Какъ преподаватель, о. Мудровъ былъ на рѣдкость; преподавалъ же онъ намъ въ 4 классѣ латинскій языкъ и географію. По латинскому языку положено было въ 4-мъ классѣ проходить синтаксисъ по грамматикѣ, а для упражненій переводились греческіе полководцы по Корнелію Непоту. Лучшіе изъ учениковъ не только хорошо переводили по сему учебнику, но читали на память подлинный латинскій текстъ о томъ или другомъ

полководцѣ. Нѣкоторые могли на память прочесть на латинскомъ языкѣ всѣхъ этихъ полководцевъ. Въ 4 классѣ, куда я съ братомъ перешли въ числѣ первыхъ учениковъ, попалъ я въ особую милость у о. инспектора Мудрова и о. смотрителя Мац—ча. Первый, по невозможности для него самаго провожать воспитанниковъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ церковь монастырскую, такъ какъ состоялъ священникомъ при одной изъ городскихъ церквей г. Богуслава,—поручалъ это дѣло мнѣ, равно и надворъ за чиннымъ стояніемъ ихъ въ церкви. Предъ третными экзаменами приглашалъ меня къ себѣ на домъ для переписки на бѣло составленныхъ имъ конспектовъ изъ пройденнаго по предметамъ. Однажды, когда я пришелъ къ нему въ воскресный день предъ литургіею очень рано, онъ попросилъ меня за болѣзнію глазъ, прочесть ему молитвы предъ св. причащеніемъ,—что и исполнилъ я съ величайшимъ удовольствіемъ. Второй—о. смотритель, поручая переписку своихъ конспектовъ другому переписчику, годичныя отчетности по хозяйственной части, представлявшіяся въ Семинарское правленіе, какъ имѣющія характеръ секрета, давалъ переписывать мнѣ, у себя на дому. Въ этихъ отчетахъ прописывалось, между прочимъ, что на покупку дровъ для отопленія классовъ въ зимнее время употреблено столько то рублей съ копѣйками,—чего въ дѣйствительности не было. Согрѣвались-же мы въ классѣ такимъ образомъ: брались за руки и становились въ круговую цѣпь, послѣ чего прыгали до упадка силъ, повышая тѣмъ температуру своихъ тѣлесъ. Это прыганье называлось у насъ игрою въ „качана“. Въ тѣхъ-же отчетахъ значилось, что за кочергу для переворачиванія дровъ въ классныхъ комнатахъ во время топки уплочено столько-то, хотя этой кочерги никто изъ насъ не имѣлъ счастія видѣть; на доставку воды для учениковъ во время классныхъ занятій столько то, а между тѣмъ мы утоляли жажду между скалъ у „камянки“ якоже древле въ пустыни людіе Божіи. Думается мнѣ, что эти сбереженія шли на покупки намъ конфектовъ во время „рекреацій“ или маевокъ, которыя бывали 1, 15 и 30 мая, или на пріемъ

ревизоровъ изъ наставниковъ Семинаріи, на что училищ. наше начальство было щедро.

Въ 4 классѣ на первомъ году по разрядному списку о. инспектора я стоялъ первымъ, Стефанъ Чернявскій—вторымъ, братъ Ѳеофанъ—третьимъ, а по списку о. смотрителя Чернявскій первымъ, я—вторымъ, братъ третьимъ. Приближалося время третного экзамена на второмъ году предъ праздникомъ Р. Хр. (курсъ двухгодичный). О. инспекторъ на послѣднемъ урокѣ принесъ списокъ и положивши предъ собою на столикѣ, первымъ вызвалъ Чернявскаго, вторымъ—брата моего, третьимъ—меня. Это повергло меня въ такое уныніе, что послѣ отвѣта я опустилъ голову на учебную скамью и не могъ ни на кого смотрѣть, ничего слушать. По приходѣ домой на квартиру, я не могъ обѣдать и, упавши на кровать, покрылъ голову одѣяломъ и пролежалъ до вечера; затѣмъ въ тяжеломъ раздумьи, въ темнотѣ ночной, пробродилъ по лугу монастырскому нѣсколько часовъ. Въ эту ночъ я видѣлъ знаменательный сонъ—видѣлъ отца смотрителя, который обратился ко мнѣ съ такими словами: „не скорби, о. инспекторъ понизилъ тебя въ спискѣ, а я повышу". Пробудился я въ большомъ недоумѣніи, что сей сонъ значитъ. Сонъ оказался для меня вѣщимъ—на другой день послѣ классныхъ уроковъ, о. смотритель позвалъ меня къ себѣ для переписки своего разряднаго списка, въ которомъ я значился первымъ, братъ Ѳеофанъ—вторымъ, Ч—скій третьимъ,—подъ какими номерами мы переведены въ Кіевскую Духовную Семинарію.

По вступленіи моемъ на должность учителя богуславскаго д. училища пріятно мнѣ было въ числѣ воспитанниковъ этого училища усмотрѣть трехъ сыновей бывшаго моего инспектора, протоіерея Мудрова, для которыхъ при ихъ слабыхъ успѣхахъ, изъ глубокаго чувства уваженія къ ихъ родителю, вызвался я быть безмезднымъ репетиторомъ. Кстати сдѣлать маленькую замѣтку на счетъ фамиліи Мудрова. По отцу онъ былъ Мужаловскій и подъ такою фамиліей былъ извѣстенъ намъ и подписывался на классныхъ журналахъ; но въ одинъ день всѣ мы были очень изумлены, когда увидѣли на классномъ журналѣ его

собственноручную подпись, вмѣсто „Протоіерей Мужаловскій“ протоіерей Мудровъ. Исторія этой метаморфозы съ фамиліей такая. Кіевскій митрополитъ Филаретъ на публичномъ экзаменѣ въ Кіевской д. Семинаріи вызвалъ одного ученика подъ фамиліей „Мужаловскій“, фамилія эта почему-то не понравилась ему и онъ предложилъ перемѣнить ее не только этому воспитаннику, но всѣмъ Мужаловскимъ въ Кіевской Епархіи, предоставляя имъ право изъ трехъ выбранныхъ самимъ митрополитомъ избрать какую угодно. И инспекторъ нашъ избралъ—„Мудровъ“.

III.

Воспоминанія мои о Кіев. дух. семинаріи за время воспитанія моего въ ней въ низшемъ отдѣленіи (отъ 1842 до 1844 года).

Въ своихъ замѣткахъ объ эпохѣ отъ 1842 до 1844 года,—весьма важной въ исторіи образованія въ семинаріяхъ по нѣкоему измѣненію устава семинарскаго, мнѣ желательно коснуться и обрисовать, поскольку позволяетъ мнѣ память и сохранившіяся замѣтки, преимущественно то, освѣщеніе чего можетъ, по моему мнѣнію, послужить полезнымъ матеріаломъ для будущаго историка Кіев. дух. семинаріи.

Пріемные экзамены для поступленія въ духовную семинарію. Правленіе Кіев. дух. семинаріи имѣло обыкновеніе посылать ревизоровъ въ подвѣдомственныя ему духовныя училища, для провѣрки состоянія училищъ и, въ частности, для провѣрки успѣховъ учениковъ 4-го класса дух. училищъ, насколько они подготовлены къ продолженію ученія въ дух. семинаріяхъ. Случилось такъ, что къ выпуску насъ изъ училища, въ которомъ я обучался, такого ревизора къ намъ не прислали. Также не ревизованы были и другія два провинціальныя училища, кромѣ мѣстныхъ Кіевскихъ—Подольскаго и Софійскаго. По

этому мѣстное начальство Богуславскаго училища составило переводной списокъ выпускаемыхъ изъ 4-го класса по своему усмотрѣнію, а окончательное рѣшеніе перевода зависѣло отъ экзамена, которому мы должны были подвергнуться послѣ каникулъ въ самой семинаріи. Хотя я съ братомъ своимъ Ѳеофаномъ, при выпускѣ изъ училища, занимали первыя мѣста но опасеніе наше на счетъ пріема въ семинарію было до того велико, что мы еще дорогою, ѣдучи въ Кіевѣ, разсуждали объ этомъ предстоящемъ намъ пріемномъ испытаніи и считали для себя и то уже счастьемъ, если семинарское начальство соблаговолитъ принять насъ въ семинарію впредь до усмотрѣнія нашихъ успѣховъ уже въ ней. Съѣхавшіеся послѣ каникулъ ученики трехъ провинціальныхъ училищъ—Богуслава, Черкассъ и Умани—подвергнуты были экзамену всѣ вмѣстѣ. Испытаніе производили ректоръ и инспекторъ семинаріи, которые преимущественное вниманіе обращали на знаніе учениковъ по латинскому и греческому языкамъ. Провѣрка знаній учениковъ по этимъ языкамъ производилась переводами экспромтомъ изъ того и другого языка на русскій по какимъ-то маленькимъ книжечкамъ, которыя давались въ руки экзаменовавшимся. Намъ съ братомъ пришлось успокоиться немедленно послѣ своихъ отвѣтовъ, т. к. мы получили одобреніе со стороны обоихъ экзаменаторовъ.

Первые классные уроки по поступленіи нашемъ въ дух. семинарію. Всѣхъ принятыхъ послѣ каникулъ изъ трехъ провинціальныхъ училищъ, вмѣстѣ съ зачисленными въ семинарію изъ двухъ мѣстныхъ (Подольскаго и Софійскаго) училищъ, оказалось около 300 человѣкъ. Въ такомъ числѣ намъ приходилось слушать преподавателей по каждому предмету въ одномъ классномъ помѣщеніи. На скамьяхъ могли сидѣть не больше половины этого числа учениковъ; остальнымъ приходилось стоять въ разныхъ мѣстахъ класса, преимущественно за скамьями сидѣвшихъ; были и такіе, которые возлежали за спинами стоявшихъ товарищей. Понятно также, что, при такой массѣ учениковъ, не могло обойтись безъ шума и говора. Отдаленнымъ отъ каѳедры нельзя было разслышать словъ преподавателя, и

потому, отчасти, многіе предпочитали спокойно возлежать въ классѣ. Къ этому внѣшнему неудобству присоединялся неудобный обычай преподаванія предметовъ на латинскомъ языкѣ, напримѣръ: риторику, по Бургію, нѣкоторое время пришлось слушать на латинскомъ языкѣ. Но скоро въ томъ-же 1842 г. намъ объявили о преобразованіи семинаріи по новому уставу, и тутъ самою выдающеюся новинкою была отмѣна преподаванія главныхъ предметовъ на латинскомъ языкѣ.

Составъ лицъ начальствовавшихъ и преподавателей и предметы, преподававшіеся въ низшемъ отдѣленіи семинаріи въ первый годъ введенія новаго устава. Ректоръ семинаріи, архим. Е., былъ роста высокаго; черты лица имѣлъ правильныя, цвѣтъ лица нѣжный, волосы—свѣтло-шелковичнаго цвѣта, голосъ—мягкій; вообще внѣшняя осанка его была величественная; даромъ слова владѣлъ прекрасно. Въ отношеніяхъ своихъ къ преподавателямъ держалъ себя до того внушительно, что они подходили къ нему подъ благословеніе, сложивъ обѣ руки, случалось-ли это у него на квартирѣ, когда они посѣщали его, или въ классахъ, при посѣщеніяхъ о. ректоромъ уроковъ. Тѣмъ не менѣе о. ректоръ былъ человѣкъ веселый, спокойный и во внѣшнемъ видѣ никогда не проявлялъ гнѣвливости.—Въ отношеніяхъ къ ученикамъ о. ректоръ щеголялъ умѣньемъ разоблачать виновность учениковъ, замѣшанныхъ въ томъ или другомъ проступкѣ. При такихъ разоблаченіяхъ, о. ректоръ имѣлъ обыкновеніе предлагать ученику скороговоркою много частыхъ вопросовъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ совершенному проступку, и виновность ученика, замѣшаннаго въ какомъ нибудь проступкѣ, въ отвѣтахъ его на неожиданные вопросы Ректора часто явственно сказывалась. Побѣжденный искусною діалектикою о. ректора ученикъ часто въ концѣ-концевъ сознавался въ своей виновности самъ и просилъ прощенія.

Довольный своею побѣдою ректоръ [1]) прощалъ, понятно, съ внушеніемъ недопускать впередъ ничего подобнаго [2]).

---

[1]) Красивый и краснорѣчивый проповѣдникъ съ пріятною дикціей архим. Е. пользовался большимъ расположеніемъ и любовью

Инспекторомъ былъ у насъ о. іером. Антоній.

Не отличаясь такою величественною внѣшностію, какъ архим Е., о. Антоній по внутреннимъ своимъ качествамъ и добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ, какъ инспекторъ [3]). Правилъ жизни по отношенію къ себѣ о. А., былъ строго аскетическихъ; но видъ его былъ всегда веселий и взоръ горѣлъ любовію. По отношенію къ ученикамъ о. А., какъ инспекторъ, проявлялъ особенную ревность въ надзорѣ за ними; онъ зорко слѣдилъ за каждымъ воспитан-

---

Кіевскаго аристократическаго общества. Выпущенный 2-мъ магистромъ изъ кіевской дух. академіи, товарищъ знаменитаго Димитрія Муретова, о. Е. былъ нѣкоторое время,до своего ректорства въ Кіев. семинаріи, баккалавромъ Пет. дух. акад.; впослѣдствіи былъ экзархомъ Грузіи и умеръ архіепископомъ Тверскимъ.

[2]) Къ такимъ проступкамъ преимущественно относились случайныя выпивки учениковъ старшихъ классовъ. Разсказывали между прочимъ о такомъ случаѣ выпивки и прощенія за нее о. ректоромъ. Одинъ казено-коштный воспитанникъ богословскаго класса, изъ отдѣленія о. ректора и любимецъ его, отправился какъ-то вечеромъ къ одному изъ своихъ товарищей на пирушку, устроенную этимъ послѣднимъ по случаю произнесенія имъ въ этотъ день проповѣди. О. инспекторъ, узнавшій объ этомъ, велѣлъ служителю караулить у семинарскаго корпуса и немедленно доставить къ нему отправившагося на пирушку, лишь только онъ возвратится въ корпусъ. Когда выпившій приведенъ былъ инспекторомъ къ ректору, то послѣдній съ напускнымъ гнѣвомъ обратился къ своему любимцу съ такими словами: «Ты водку пилъ?!» Выпившій умиленно глядя въ глаза ректору, отвѣтилъ: «братику, братику, хто ій не пье?» Ректоръ улыбнулся, приказалъ отвести его въ номеръ проспаться; тѣмъ дѣло и кончилось.

[3]) О. Антоній былъ гораздо моложе курсомъ о. Ректора нашего по выпуску изъ Кіев. дух. академіи, которую онъ кончилъ 1-ымъ магистромъ. До инспекторства въ Кіев. дух. семинаріи о. А. былъ нѣкоторое время баккалавромъ Кіев. дух. акад., а потомъ ректоромъ Кіево-Соф. дух. училища, называвшагося тогда Филаретовскимъ, по имени основателя его, дяди о. Антонія, Митр. Кіев. Филарета.

никомъ, стремясь знать всесторонне не только о внѣшнемъ его поведеніи, но, насколько возможно, проникнуть и во внутренній строй души его. Должно быть, для замѣченныхъ въ комъ-нибудь изъ учениковъ дурныхъ наклонностей, а также и для предупрежденіи ихъ въ другихъ ученикахъ, о. А., между прочимъ, имѣлъ обыкновеніе въ воскресные и праздничные дни собирать всѣхъ учениковъ задолго до начала богослуженія въ просторную семинарскую столовую и, произведши здѣсь провѣрку, всѣ-ли собрались, обыкновенно сейчасъ-же значительное время посвящалъ либо на чтеніе въ слухъ какихъ-нибудь статеекъ религіознаго содержанія, либо на устную бесѣду или какое-нибудь наставленіе;—и все это о. А. дѣлалъ, по собственнымъ его словамъ, изъ желанія укоренить въ воспитанникахъ духъ святѣйшей религіи Христовой и духъ, подобающій кандидатамъ пастырскаго служенія. Въ великій постъ, во время говѣнія воспитанниковъ семинаріи, о. Антоній служилъ самъ великопостные часы, великое повечеріе, полунощницу, утреню. Утреннее богослуженіе предварялъ чтеніемъ домашнихъ утреннихъ молитвъ, а вечернее—заканчивалъ чтеніемъ молитвъ вечернихъ, съ присовокупленіемъ къ нимъ и чинопослѣдованія такъ называемаго поклоненія Страстямъ Господнимъ, составленнаго св. Димитріемъ Ростовскимъ. Во время чтенія этого чинопослѣдованія пламенная религіозность о. А. выражалась частыми, быстро стремительными, и смиренно-благоговѣйными колѣнопреклоненіями. Все это производило неотразимо-глубокое впечатлѣніе на воспитанниковъ и другихъ молящихся. Въ отношеніяхъ своихъ къ серьезно провинившимся, по донесенію старшихъ, о. А. былъ видимо очень строгъ. Въ случаѣ закоснѣнія того или другого воспитанника въ какомъ-нибудь порокѣ, о. А. самъ душевно страдалъ отъ этого; и такія страданія о. инспектора иногда проявлялись и на лицѣ его рельефно, до трогательности. Поэтому лучшіе воспитанники часто сами вызывались помочь о. А. и уменьшить его страданія своими товарищескими совѣтами и вразумленіями тѣхъ, которые вызывали скорбь о. инспектора. Такіе помощники облегчали и успокоивали

о. Антонія. Съ приближенными своими питомцами о. Антоній былъ откровененъ и всегда готовъ оказывать всякую помощь имъ, даже денежную [1]). Обаяніе такихъ качествъ о. инспектора не могло не отражаться благотворно не большинствѣ воспитанниковъ семинаріи, которые сохранили о немъ и по выходѣ изъ семинаріи, самую благодарную память.

Раздѣленіе классовъ, по введеніи новаго устава, на параллельныя отдѣленія и первые преподаватели въ нихъ. По главному предмету въ низшемъ отдѣленіи семинаріи—по словесности, около 300 воспитанниковъ его, были раздѣлены на 3 параллельныхъ отдѣленія, а по каждому изъ остальныхъ предметовъ—на 2 съ назначеніемъ въ каждое отдѣленіе особаго преподавателя. Мнѣ съ младшимъ братомъ пришлось быть въ первомъ отдѣленіи.

Преподавателемъ *словесности* былъ у насъ Ф. Ст. С. Это былъ человѣкъ роста низкаго, худенькій и очень подвижной. Обучая насъ распространенію предложеній посредствомъ синонимовъ и эпитетовъ, Ф. Ст. особенно любилъ употреблять для этой цѣли предложеніе: „воздержаніе сохраняетъ здоровье человѣка". Способъ для распространенія этого предложенія слѣдовало употреблять такой: надобно прибавить синонимъ къ подлежащему и выходило: *воздержаніе,* или *умѣренность въ пищѣ и питіи...*; затѣмъ — синонимъ къ сказуемому, и выходило, кажется, *поддерживаетъ*; далѣе—синонимъ къ дополненію, и выходило,—*здоровье, или физическія силы* и т. д. Полное распространенное такимъ способомъ предложеніе выходило слѣдующее: „воздержаніе или умѣренность, которую человѣкъ соблюдаетъ въ пищѣ и питіи, поддерживаетъ и сохраняетъ здоровье или физическія силы его". Изъ распространенныхъ такимъ способомъ предложеній Ф. Ст. училъ составлять періоды, въ родѣ

---

[1]) Каковую по собственному предложенію о. Антонія, уже тогда Ректора семинаріи, пришлось и мнѣ, и при томъ очень щедро, принять на лѣченіе у докторовъ, профессоровъ Университета, по случаю болѣзни моей въ богословскомъ классѣ.

слѣдующаго: напр. „воздержаніе или умѣренность, которыя человѣкъ соблюдаетъ въ пищѣ и питіи, не только поддерживаетъ здоровье или физическія силы человѣка, но и сохраняетъ жизнь его на долгое время". Другимъ столь-же любимымъ предложеніемъ Ф. Ст., которое также варьировалось на разные лады, было предложеніе:—„Трудъ укрѣпляетъ здоровье человѣка [1]).

Что-же касается другихъ формулъ рѣчи риторической, то Ф. Ст. старался поселить въ насъ такое-же расположеніе и любовь къ метафорическому, гиперболическому и фигуральному образу выраженія своихъ мыслей, какое было и у него самого; напр.: „но что я говорю"?

Въ видахъ, м. б., санкціонированія такихъ перловъ краснорѣчія и возбужденія въ насъ бо́льшей охоты въ погонѣ за ними,—Ф. Ст. такіе обороты рѣчи употреблялъ и въ проповѣдяхъ своихъ съ церковной каѳедры, когда иногда приходилось ему произносить ихъ въ семинарской церкви по росписанію семин. начальства.

Второй годъ въ низшемъ отдѣленіи посвящался изученію поэзіи. Преподавателемъ поэзіи въ нашемъ отдѣленіи былъ тотъ-же Ф. Ст. Но такъ какъ, при всей своей любви и привычкѣ къ фигуральному выраженію мыслей, Ф. Ст. самъ не признавалъ въ себѣ призванія и не ощущалъ любви къ поэзіи,

---

[1]) Истину обоихъ своихъ излюбленныхъ предложеній Ф. Ст. принялся было подтверждать на практикѣ—надо мною и моимъ младшимъ братомъ—во второмъ году низшаго отдѣленія семинаріи, когда мы, по особому его приглашенію, перешли къ нему на квартиру. Пища и питье (чай) намъ выдавались въ такомъ количествѣ что мы поневолѣ должны были соблюдать въ нихъ воздержаніе; а послѣ обѣда предлагалось практически убѣждаться въ истинѣ 2-го предложенія,—«трудъ укрѣпляетъ здоровье человѣка»,—перетаскиваніемъ, напр., порубленныхъ уже дровъ въ сарай и т. п. Не знаю, въ пользу или во вредъ намъ послужило воспрещеніе Ф. Ст-чу со стороны въ то время пріѣхавшей къ намъ матери нашей—употреблять надъ нами такую его практику.

то и преподаваніе имъ намъ поэзіи ограничилось ознакомленіемъ насъ съ основными понятіями о поэзіи, и нѣкоторыми формулами изъ нея. Въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ мы, относительно усвоенія поэзіи были товарищи наши,—ученики 3-го параллельнаго отдѣленія низшаго класса семинаріи. У нихъ преподавателемъ риторики и поэзіи былъ К. Д. Д., который, въ противоположность Ф. Ст., не употреблялъ въ прозаической рѣчи фигуральныхъ прикрасъ, но за то любилъ поэзію самъ и въ слушателяхъ своихъ старался развить способность, или, по крайней мѣрѣ, вселить въ нихъ любовь къ поэзіи. К. Д. и самъ пробовалъ свои силы въ поэтическомъ творчествѣ. До сихъ поръ у меня сохранились въ памяти небольшіе отрывки изъ одного его стихотворенія:

„Яка-жъ ты прекрасня, та хороша,
Моя Золотоноша
Чымъ Кыевъ краще одъ ін?
Будынкамы, церквамы?
Хиба-жъ и въ насъ нема будынкивъ,
Да церквивъ?
Богатствомъ?
Правдоньку сказать, и въ насъ,
Въ жыдивъ есть гроши".

Послѣ нѣсколькихъ другихъ куплетовъ въ этомъ родѣ, авторъ заканчиваетъ свое стихотвореніе словами:

„Охъ, моя ненько, Золотоноша
Яка-жъ ты прехороша"! [1]).

Во второмъ параллельномъ отдѣленіи низшаго класса семинаріи преподавателемъ словесности былъ Д. А. Ждановъ,

---

[1]) Еще при жизни автора, это стихотвореніе,—должно быть, плодъ пріятныхъ воспоминаній изъ дѣтства о милой родинѣ,—было цѣликомъ напечатано въ извѣстномъ тогда журналѣ «Маякъ».

который не вдавался ни въ какія крайности и увлеченія при преподаваніи риторики и поэзіи [1]).

На преподавателей риторики и поэзіи возложено было преподаваніе въ низшемъ классѣ и латинскаго языка. Переводили Лактанція; и ученики изъ всѣхъ пяти духовныхъ училищъ знали латинскій языкъ настолько хорошо, что чтеніе сочиненій Лактанція не представляло трудностей для нихъ.

Преподавателемъ *алгебры и геометріи* въ моемъ отдѣленіи былъ А. Г. М—въ. Судя по физическому и психическому строю этого человѣка, можно-бы сказать, что онъ самымъ рожденіемъ своимъ предназначенъ для преподаванія лишь наукъ изящныхъ, или искусствъ; но А. Г—чу по волѣ начальства пришлось преподавать намъ алгебру и геометрію. Мое перо слабо, чтобы вполнѣ очертить внѣшній античный обликъ А. Г. Высокій стройно-тонкій, красивый, А. Г. имѣлъ свѣтло-курчавыя, трясущіяся кудри; баки, которые въ то время всѣ преподаватели семинаріи считали для себя какъ-бы обязанностію носить, и нѣкоторые изъ нихъ носили очень большія,—у А. Г. были маленькія, красиво обдѣланныя; рѣчь—быстрая, живая, дѣйствія кистями рукъ—весьма изящныя и быстро-стремительныя, особенно, когда онъ чертилъ на доскѣ разныя формулы, алгебраическіе и геометрическіе чертежи; рѣшеніе математическихъ задачъ—ясное, точное, опредѣленное, и при этомъ краткое и даже математически сжатое. Въ отношеніяхъ къ ученикамъ А. Г. былъ весьма вѣжливъ и благороденъ. Словомъ, какъ учитель и наставникъ, А. Г. былъ образцовый. Это усиливало наше стараніе къ изученію его предметовъ; и не смотря на то, что А. Г. не заставлялъ насъ готовить уроки по учебникамъ, мы знали алгебру и геометрію несравненно лучше, чѣмъ ученики 1-го отдѣленія по этимъ предметамъ, въ которомъ преподаватель заставлялъ своихъ учениковъ готовить уроки по печатнымъ учебникамъ.

---

[1]) Должно-быть, спокойствіе и умѣренность Д. А. Жданова способствовали достиженію имъ глубокой старости: онъ умеръ два года тому назадъ въ возрастѣ болѣе 80 лѣтъ.

Преподавателемъ *гражданской исторіи* во 2-мъ отдѣленіи былъ Гр. Ив. Б—въ, воспитанникъ Харьковскаго коллегіума. Отпечатокъ происхожденія и воспитанія свѣтскаго отражался какъ во внѣшнемъ его видѣ, такъ и въ умственномъ его строѣ. Росту Гр. Ив. былъ средняго; коренастъ, голова большая съ маленькою плѣшью на макушкѣ; лобъ широкій, лицо продолговатое; большой носъ, въ который Гр. Ив. имѣлъ обыкновеніе часто и съ пунктуальной разстановкою втягивать табакъ изъ огромной табакерки; бакенбарды носилъ большіе, голосъ имѣлъ звонкій, басовой, искусно спускаемый Гр. Ив. въ мелодическую октаву; особенно, когда онъ разсказывалъ по исторіи, онъ восполнялъ разсказъ какими-либо латинскими фразами, которыми онъ зачастую любилъ щеголять въ классѣ. Являлся онъ въ классъ, едвали не всегда въ форменномъ фракѣ, что рѣдко практиковалось другими преподавателями; и въ лѣтнее и въ зимнее время Гр. Ив. носилъ одну и ту-же шелковую шляпу [1]). Гр. Ив. имѣлъ также и какой-то чинъ, чѣмъ также отличался отъ другихъ преподавателей. Возраста былъ уже пожилого, около 50-ти лѣтъ.

По собственнымъ словамъ Гр. Ив. онъ зналъ свой предметъ, гражданскую исторію, „чертовски“; поэтому къ семинарскому учебнику Шрекка по этому предмету Гр. Ив. относился строго-критически. Способъ критики бывалъ такой: напр. (по

---

[1]) По поводу этой старой своей шляпы, Гр. Ив. однажды сдѣлалъ намъ такое свое разъясненіе.—Моды, гов. Гр. Ив., часто мѣняются и разоряютъ людей, желающихъ соблюдать ихъ; а намъ,—профессорамъ, съ нашимъ жалованьемъ, не по карману гоняться за ними. Я, по опыту зная, что многія формы модныхъ шляпъ, сошедши со сцены, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, опять входятъ въ моду, обыкновенно поступаю такъ: какъ только выйдетъ изъ моды какая нибудь шляпа, я ее прячу; и лишь только она снова войдетъ въ моду, я ее вынимаю изъ своего архива и ношу, какъ модную. Вотъ и говорю вамъ, господа, что эта шляпа моя есть самая модная. Намъ оставалось только пріобщать къ свѣдѣнію такіе уроки опытной мудрости Гр. Ив.

Шрекку) „Ирихтоній изобрѣлъ коляски"; прочитавъ такое выраженіе, Гр. Ив. волновался и восклицалъ: „О! Боже мой,—Боже мой! и смѣетъ-же Шреккъ говорить это?!" Какой чертъ въ то отдаленное, глубокой древности, время, могъ изобрѣсти коляски?! Это, господа, должно быть были простыя телѣги; поэтому Шрекку слѣдовало сказать въ своемъ учебникѣ, что Ирихтоній изобрѣлъ механическій способъ, посредствомъ котораго колеса могли вертѣться, а телѣга на нихъ—двигаться. Вотъ и вся премудрость, которую изобрѣлъ Ирихтоній!"

Гр. Ив. владѣлъ замѣчательной памятью, въ которой твердо, до мельчайшихъ подробностей, хранилось все относившееся къ преподаваемому имъ предмету. Изъ сей богатой сокровищницы онъ охотно дополнялъ учебникъ Шрекка; напр., у Шрекка пропущены имена многихъ царей Египетскихъ, Финикійскихъ, Вавилонскихъ, Персидскихъ и др. древнихъ государствъ, и Гр. Ив. перечислялъ намъ въ классѣ имена всѣхъ царей этихъ государствъ,—перечислялъ быстро, скороговоркою, и требовалъ на слѣдующій урокъ перечисленія ихъ, безъ всякаго пропуска, съ присовокупленіемъ ко многимъ изъ его истор. разсказовъ и тѣхъ латинскихъ фразъ, которыя онъ, по какой-то, невѣдомой намъ, ассоціаціи идей, часто произносилъ во время уроковъ по гражданской исторіи [1]).

Разсказы и критику свою на исторію Шрекка Гр. Ив. часто восполнялъ,—(должно быть по недостатку въ языкѣ словъ для того, чтобы передать желаемое)—жестикуляціею, которая преимущественно состояла во вращательномъ движеніи указательными пальцами обѣихъ рукъ предъ глазами учениковъ, сидѣвшихъ на первыхъ скамьяхъ,—а иногда во вращеніи и цѣ-

---

[1]) Перечисленіемъ произнесенныхъ Гр. Ив. на урокѣ гражданской исторіи трудно произносимыхъ именъ тѣхъ царей съ присовокупленіемъ и латинскихъ фразъ, мнѣ на первыхъ-же порахъ удалось угодить Гр. Ив. и онъ пересадилъ меня поближе къ себѣ,—на первую скамью, съ занятой мною скамьи отдаленной, которую Гр. Ив. обычно называлъ «Шулявкою».

лыми кистями рукъ. Если Гр. Ив. до начала такихъ своихъ разсказовъ съ жестикуляціей допускалъ какую-нибудь строгость по отношенію къ кому-либо изъ учениковъ, сидѣвшихъ даже и на дальнѣйшихъ скамьяхъ, или на „Шулявкѣ“, то достаточно было сидѣвшимъ на первыхъ скамьяхъ упорно потупить глаза свои въ землю во время такого живого разсказа, и жаръ разсказчика мгновенно исчезалъ и самый разсказъ быстро прерывался [1]).

Должно быть вслѣдствіе какой-либо необходимости, Гр. Ив. семинарскимъ начальствомъ на первыхъ порахъ по введеніи новаго семинарскаго устава, кромѣ гражданской исторіи, которую онъ зналъ въ такомъ совершенствѣ, поручено было и преподаваніе *греческаго языка*. Но онъ самъ на первомъ-же урокѣ предъ нами сознался, что онъ плохой знатокъ этого языка, (что достойно и вѣроятія, такъ какъ Гр. Ив. былъ воспитанникомъ Хар. Коллегіума). „Уча“, сказалъ намъ Гр. Ив., „будемъ учиться“:—„прочитаемъ прежде всего греческій алфавитъ; и, указавъ въ принесенной имъ книжкѣ на первую букву алфавита, спросилъ: эта буква какъ называется? Я называю эту первую букву альфою; такъ-ли это? Ему возразили: это, Гр. Ив. *алфа*, а не *альфа*. Гр. Ив. съ своей стороны обращался съ вопросомъ: отъ чего-же въ моей книжицѣ напечатано по латыни—альфа? Ему отвѣчали, что въ лат. языкѣ буква *л* мягко произносится, а въ греческомъ языкѣ эта буква произносится твердо и называется *ламдою*. Споръ рѣшенъ самимъ-же Гр. Ив.,—что все равно, назвать-ли первую букву альфой или алфой. Затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ уроковъ мы прошли съ Гр. Ив. всѣ необходимые отдѣлы для подготовки къ переводамъ съ греческаго языка на русскій. Переводить полагалось сочиненія Ма-

[1]) Подобнаго рода продѣлки часто допускались учениками по отношенію къ достопочтенному Гр. Ив. но онъ по великодушію своему не былъ способенъ къ продолжительному гнѣву. Достаточно было, послѣ какой-нибудь нашей продѣлки, вперить свои взоры въ жестикуляцію Гр. Ив. во время его паѳоса, и расположеніе его къ намъ опять возстановлялось.

карія блаженнаго; и Гр. Ив., принесши въ классъ книжку Макарія блаженнаго, обратился къ намъ съ такими словами: „Не даромъ этотъ отецъ называется блаженнымъ; это названіе ему принадлежитъ уже потому, что въ этой книжицѣ, которую я досталъ себѣ для перевода съ вами, есть параллельный греческому и текстъ латинскій; и вы будете переводить съ греческаго на русскій, а я буду провѣрять васъ по тексту латинскому. Впрочемъ впослѣдствіи оказалось, что Гр. Ив. былъ не такъ слабъ въ знаніи греческаго языка, какъ онъ вначалѣ представлялъ, а упомянутыя выше мною свои оговорки относительно незнанія имъ греч. языка онъ употреблялъ для юмору, на который онъ былъ вообще большой мастеръ.

Исповѣданіе православной вѣры по руководству Петра Могилы тоже преподавалъ намъ Гр. Ив. Будучи воспитанникомъ свѣтскаго учебнаго заведенія, Гр. Ив. не только не допускалъ никакого свободомыслія, но смиренно склонялъ голову свою предъ всѣмъ, о чемъ и какъ трактуетъ книжица Петра Могилы. Гр. Ив. и самъ не допускалъ никакихъ измѣненій, сравнительно съ текстомъ этой книжки, и ученикамъ не дозволялъ этого. Всѣ вопросы книжки Гр. Ивановичъ предлагалъ ученикамъ безъ измѣненія даже въ слововыраженіяхъ, сопровождая только ихъ словомъ monsieur. [1])

---

[1]) Гр. Ив. хотя и не былъ преподавателемъ французскаго языка въ семинаріи, но часто проговаривался, что онъ знаетъ французскій такъ-же хорошо, какъ и латинскій языкъ. Что-же касается слова «monsieur», то употребленіе его при обращеніи къ кому-нибудь Гр. Ив—ча до того вошло у него въ привычку, что онъ употреблялъ его даже по отношенію къ людямъ, понимавшимъ его по созвучію, въ смыслѣ собственнаго имени «Моисей». Такъ, между прочимъ, Гр. Ив. разсказывалъ намъ, что ему однажды въ качествѣ семинарскаго эконома дешево удалось купить нѣсколько метелъ на толчкѣ у крестьянина потому, что онъ нѣсколько разъ обратился къ этому крестьянину съ словомъ «monsieur». Крестьянинъ оказался Моисеемъ по имени, остался очень доволенъ, что его знаетъ незнакомый ему «панъ» и уступилъ метлы дешево.

О преподавателяхъ перваго отдѣленія низшаго класса семинаріи по каѳедрамъ математики, гражданской исторіи и другихъ соединенныхъ съ нею предметовъ, не могу сообщить ничего, ни о способѣ ихъ преподаванія этихъ предметовъ, ни объ отношеніи ихъ къ ученикамъ, такъ какъ намъ, ученикамъ 2-го параллельнаго отдѣленія, по этимъ предметамъ не приходилось бывать на ихъ урокахъ. Приведеніе-же однихъ именъ ихъ, конечно, было-бы лишнее, при существованіи семинарскихъ архивныхъ записей.

О порядкахъ, существовавшихъ въ семинарской церкви по отправленію въ ней богослуженія. Въ лѣтнее время всѣ воспитанники семинаріи обязаны были непремѣнно бывать на богослуженіяхъ въ семинарской церкви во всѣ воскресные и праздничные дни; въ зимнее-же время обязательно было посѣщать богослуженіе въ семинарской церкви только воспитанникамъ казенокоштнымъ и жившимъ на ближайшихъ къ семинаріи квартирахъ, такъ какъ темный придѣлъ, посвященный памяти св. Алексѣя, человѣка Божія, въ которомъ совершалось богослуженіе зимою, былъ очень тѣсный для всѣхъ воспитанниковъ семинаріи. До начала богослуженія всѣ воспитанники обыкновенно собирались въ семинарскую столовую, и здѣсь, послѣ провѣрки, всѣ-ли собрались, послѣ дачи о. инспекторомъ наставленій и замѣчаній касательно подобающаго церкви благоговѣйнаго стоянія въ ней, порядка, религіозной настроенности, и средствахъ для этого и т. п.,—всѣ стройными рядами, попарно, отправлялись въ церковь, гдѣ, для надзора, насколько исполнялись воспитанниками постоянно преподаваемыя имъ наставленія, о. Антоній становился позади всѣхъ учениковъ во время обычныхъ всенощныхъ. Чтецами во время совершенія богослуженія назначались поочередно ученики Богословскаго класса. Способнѣйшіе изъ учениковъ всѣхъ классовъ участвовали въ хорѣ, который былъ довольно большой и стройный. Символъ вѣры и молитву Господню на литургіи, а на всенощной великое славословіе и „Подъ Твою Милость“—подъ конецъ всенощной пѣли громогласно ученики всѣхъ классовъ, коихъ

было 700—800 человѣкъ. Когда это пѣніе всѣхъ учениковъ бывало не только громкое, но и благоговѣйно-стройное, то о. Антоній всегда искренно благодарилъ всѣхъ воспитанниковъ за это. Всенощныя великопраздничныя и литургіи въ воскресные дни о. о. ректоръ и инспекторъ всегда торжественно служили вмѣстѣ съ семинарскимъ священникомъ, если только не приходилось имъ служить вмѣстѣ съ Владыкой Митрополитомъ.

Особенное религіозное настроеніе производило на воспитанниковъ богослуженіе начальствовавшихъ лицъ во время говѣнія въ великій постъ. Самый звонъ колокола семинарской церкви (подобнаго которому по рѣзкости, высотѣ тона, не было во всемъ Кіевѣ), своими рѣдкими, размѣренными ударами, производилъ тогда на насъ необычайное впечатлѣніе. Для чтенія умилительныхъ великопостныхъ часовъ избирался о. Антоніемъ самый лучшій чтецъ изъ учениковъ богословскаго класса.

Вслѣдъ за такимъ чтеніемъ выходилъ о. инспекторъ, худенькій, съ впалымъ лицемъ и глазами, и произносилъ тропари послѣ псалмовъ 3, 6 и 9-го часовъ, а также молитву „Господи и Владыко живота моего“... такимъ проницающимъ душу голосомъ и съ такимъ пламеннымъ колѣнопреклоненіемъ, что духъ молитвеннаго его настроенія охватываетъ всѣхъ воспитанниковъ, и они всѣ, какъ одинъ человѣкъ, съ такимъ-же молитвеннымъ пламенемъ выслушиваютъ слова молитвы о. инспектора и также учащенно и пламенно совершаютъ поклоненіе до земли. На великомъ повечеріи великій канонъ св. Андрея Критскаго читалъ о. ректоръ, своимъ высокимъ теноровымъ голосомъ, который онъ развилъ въ совершенствѣ, еще будучи въ академіи, въ студенческомъ хорѣ. Чтеніе о. ректора, при высокой художественности, отличалось умилительностію. Для слушанія канона св. Андрея Критскаго стекалась въ семинарскую церковь и масса постороннихъ слушателей, которые переполняли тѣсный придѣлъ и занимали даже холодную церковь и стояли въ церкви только до конца чтенія о. ректоромъ канона, хотя служба Великаго повечерія чтеніемъ этого канона не оканчивается. Необыкновенною торжествен-

ностію отличалось особенное чинопослѣдованіе, совершавшееся въ семинарской церкви въ повечеріи Вербнаго воскресенія. Къ этому времени въ теченіе всей четыредесятницы приготовлялся двухорный концертъ: „Воспойте людіе въ Сіонѣ". Въ пѣніи концерта принимали участіе около 80 пѣвцовъ.

Церемоніалъ чинопослѣдованія въ навечеріи Вербнаго воскресенія. Къ 4-мъ часамъ по полудни являлись въ семинарскую церковь отцы ректоръ, Арх. Д., и инспекторъ академіи, Арх. Іоанникій, совмѣстно съ Ректоромъ Семинаріи, Арх. Е.—Облачившись вмѣстѣ съ ректоромъ семинаріи, они выходили на средину храма и становились предъ аналоемъ. При появленіи изъ алтаря архимандритовъ, начиналось пѣніе двухорнаго концерта, по окончаніи концерта читалось Евангеліе о торжественномъ входѣ Господнемъ въ Іерусалимъ, за которымъ слѣдовала ектенія. Послѣ ектеніи о. о. архимандриты брали въ руки древесныя вѣтви и, въ сопровожденіи массы народа, стоявшаго и въ церкви и на дворѣ, торжественно направлялись въ церковь Братскаго монастыря при пѣніи семинарскимъ хоромъ тропаря: „Днесь благодать св. Духа насъ собра". Торжественная процессія еще больше увеличивалась по дорогѣ къ Братскому монастырю. Отцы архимандриты—всѣ высокіе, статные, стройные, особенно ректоръ академіи, привлекали многихъ въ процессію сами по себѣ [1]). При входѣ въ братскую церковь эту торжественную процессію встрѣчалъ академическій студенческій хоръ съ пѣніемъ другого концерта. По окончаніи концерта въ братской церкви произносилась проповѣдь какимъ-нибудь изъ лучшихъ студентовъ, или-же профессоромъ. Послѣ проповѣди соборне совершалась праздничная всенощная, и на ней то уже были раздаваемы освященныя древесныя вѣтки всѣмъ предстоящимъ въ храмѣ. Такіе порядки на долго сохраняются въ памяти, и они живо сохранились въ моей памяти,

---

[1]) Повѣствующему о семъ приходилось наблюдать, какъ даже солдатики, идя то рядомъ, то забѣгая впередъ архимандритовъ, любовались ими и восклицали: «вотъ намъ-бы такихъ командировъ!»

по истеченіи 50-ти лѣтъ. Сообщаю объ этихъ порядкахъ потому, что они, какъ мнѣ самому случайно пришлось видѣть ихъ въ одинъ изъ недавнихъ годовъ, значительно измѣнились, сравнительно съ прежними [1]). Можетъ быть такая скромность празднованія торжественнаго входа Господня произошла по какимъ-либо особеннымъ причинамъ тогда, когда мнѣ пришлось видѣть ее,—но во всякомъ случаѣ она произвела на меня впечатлѣніе не радостное. Tempora mutantur!

V.

Воспоминанія за время бытности моей (1844—45 г.) ученикомъ средняго или философскаго отдѣленія К. Д. Сем.

Въ среднемъ отдѣленіи преподавались: логика, психологія, латинскій языкъ, изъясненіе Св. Писанія, библейская исторія, медицина.

Профессоромъ *логики и психологіи* былъ Платонъ Алексѣевичъ Троицкій. Личность эта заслуживаетъ того, чтобы очер-

---

[1]) Скажу яснѣе. Проѣздомъ наткнулся я на кучку народа, загородившаго мнѣ дорогу. Остановившись, я не могъ сразу понять, что это за народъ и чего онъ здѣсь. Но присмотрѣвшись, я замѣтилъ среди толпы—священника съ нѣсколькими (5—6) юношами, вѣроятно пѣвцами изъ учениковъ Кіев. Дух. Семинаріи. Пѣніе-же ихъ было столь слабое, что я едва могъ разслушать его. Священника и пѣвцовъ сопровождало десятка три-четыре простого народа, преимущественно старухъ, шедшихъ съ улицы отъ Семинарской церкви по направленію къ Братскому Монастырю. Несшіе кресты и хоругви не видны были: должно быть они, какъ упредившіе, скрылись уже изъ глазъ моихъ за памятникъ надъ источникомъ Самсона. Вотъ и вся картина торжественной процессіи по случаю празднованія торжественнаго входа Господня во Іерусалимъ.

тить и внѣшній видъ ея. Лице и носъ—продолговатые, чело—широкое и возвышенное, глаза нѣсколько выдавшіеся и полные глубокаго ума; рѣчь—медленная, поступь важная, строго размѣренная. Въ лѣтнее время профессоръ этотъ наверхъ форменнаго фрака, надѣвалъ еще длинный, особаго покроя, плащъ, на подобіе тоги древнихъ философовъ; зимою-же набрасывалъ на себя лисью шубу, правый рукавъ которой всегда висѣлъ ненадѣтый.

П. А. Троицкій прекрасно кончилъ Кіев. дух. академію,—третьимъ по разрядному списку. [1]) Хотя въ узкихъ рамкахъ программы семинарской другой преподаватель не позволилъ-бы себѣ (какъ дѣйствительно и было у преподавателя параллельнаго отдѣленія философскаго класса) касаться разнородныхъ мнѣній знаменитыхъ философовъ древняго и новаго времени по тому или другому философскому вопросу; но Платонъ Алексѣевичъ, излагая намъ по логикѣ, и особенно по психологіи, установившіяся уже мнѣнія, не считалъ лишнимъ и затруднительнымъ для себя приводить намъ мнѣнія мыслителей древняго и новаго міра; и намъ было пріятно слушать прекрасную передачу этихъ мнѣній П. А—емъ и критическія его замѣчанія на нихъ. Философскія науки, отвлеченныя и сухія сами по себѣ, особенно логика, вовсе не казались намъ скучными и трудными, при преподаваніи ихъ Платономъ Алексѣевичемъ; мы взаимно увлекались: П. А.—преподаваніемъ, а воспитанники—его лекціями. Обычно пріятный для многихъ воспитанниковъ звонокъ, напоминающій объ окончаніи урока, производилъ непріятное впечатлѣніе, когда онъ раздавался во время урока П. А—ча: онъ сердито качалъ головою, а у насъ звонокъ прерывалъ съ любовью къ уважаемому учителю сосредоточенное вниманіе, и

---

[1]) Я самъ видѣлъ этотъ экзаменаціонный списокъ съ помѣткой балловъ митрополита Филарета. Первыя мѣста въ немъ занимали лица монашествующія,—а именно: 1-ое — іеромон. Димитрій (Муретовъ), впослѣд. знаменитый ректоръ К. д. акад., скончавшійся архіеп. Херсонскимъ, 2-ое—Евсевій (Ильинскій) пот. Экзархъ Грузіи, скончавшійся архіеп. Тверскимъ.

часто мы съ неудовольствіемъ оставляли пищу духовную для пищи тѣлесной.

Выдавая свои записки по логикѣ, П. А. требовалъ отъ насъ во время отвѣтовъ не только точной передачи содержанія этихъ записокъ, но и непремѣннаго представленія своихъ собственныхъ примѣровъ на каждый изъ видовъ понятій, сужденій, умозаключеній, дилеммъ, трилеммъ, полилеммъ, силлогизмовъ, паралогизмовъ, софизмовъ. При прохожденіи умозаключеній противорѣчія и непрямыхъ доказательствъ, П. А. заставлялъ насъ во время уроковъ, въ его же присутствіи, упражняться въ диспутахъ. Для диспутовъ П. А. избиралъ по разрядному списку 5—6 человѣкъ изъ лучшихъ и предлагалъ имъ защищать какой-нибудь имъ самимъ избранный тезисъ; для возраженія и опроверженія этого тезиса избиралъ столько-же лучшихъ учениковъ. [1])

---

[1]) Однажды стоя въ главѣ опровергающихъ и замѣтивъ, что противъ избраннаго тезиса слишкомъ мало можно набрать матеріала для опроверженія этого тезиса, я, послѣ нѣсколькихъ маневровъ къ опроверженію, допустилъ сознательно одну неправильную посылку въ умозаключеніи. Противники наши не замѣтили ложности допущенной мною посылки; и намъ легко было напирать на своихъ противниковъ все съ большимъ и большимъ натискомъ въ своихъ умозаключеніяхъ и выводахъ и въ концѣ концовъ, къ удивленію своихъ противниковъ, мы свели защищаемое ими положеніе, само по себѣ истинное, къ положенію совершенно ложному. П. А., стоя во время нашего дистута у классной двери, опершись на нее (что, по обыкновенію, всегда дѣлалъ, когда выслушивалъ урокъ), только посматривалъ съ улыбкою на сражавшихся. По окончаніи же диспута, обратившись къ сторонѣ побѣжденной, сказалъ: вы сами удивляетесь, какъ это вышло, что вы оказались побѣжденными, будучи въ столь сильномъ всеоружіи истины. Посему я объясняю вамъ, что вотъ этотъ (указывая на меня), предводитель противной вамъ арміи, допустилъ хитрый, но логически невѣрный маневръ. Вы не замѣтили этого во время. Вотъ и пошло дѣло далѣе и далѣе на тормозъ вамъ. Теперь же я ставлю васъ снова на поле сраженія, и вы внимательно слѣдите за положеніями и выводами противниковъ. При повтореніи диспута, намъ, при всемъ нашемъ стараніи, не пришлось остаться побѣдителями.

Такую диспутную практику П. А. допускалъ на урокахъ по логикѣ конечно изъ желанія изощрять мыслительныя способности учениковъ.

Во время классныхъ уроковъ П. А. часто читалъ намъ отдѣльныя разсужденія и цѣлыя статьи по разнымъ философскимъ вопросамъ иностранныхъ мыслителей. Чтенія эти, при тогдашнихъ двухъ-часовыхъ урокахъ, продолжались около часу, а затѣмъ П. А. требовалъ передать главныя мысли прочитанной статьи со всѣми подраздѣленіями въ логической послѣдовательности. Такими упражненіями П. А. имѣлъ въ виду пріучить насъ не только къ продолжительной сосредоточенности, но и къ умѣнью различать существенное отъ несущественнаго, главное отъ частнаго, а также—знакомить насъ съ философскими взглядами на вещи и вопросы, какъ современной жизни, такъ и событій временъ минувшихъ. [1])

---

[1]) Памятенъ мнѣ слѣдующій случай изъ такихъ чтеній. По случаю болѣзни преподавателя логики и психологіи въ параллельномъ отдѣленіи, мы всѣ собрались въ одинъ классъ къ П. А. Изъ двухъ отдѣленій сошлись въ большую залу болѣе сотни учениковъ. По прочтеніи однимъ изъ учениковъ какой-то философской статьи, П. А. захотѣлъ узнать, насколько способны передать прочитанное ученики другого преподавателя по его каѳедрѣ, и предложилъ нѣсколькимъ передать собственными словами содержаніе прочитаннаго; но тѣ не могли, такъ какъ въ параллельномъ отдѣленіи вовсе не бывало подобныхъ упражненій. П. А., желая представить ученикамъ параллельнаго отдѣленія въ примѣръ своихъ, сталъ предлагать нѣкоторымъ изъ послѣднихъ разсказать содержаніе прочитаннаго, но противопоставленные въ примѣръ какъ разъ замялись; П. А. смутился и съ грустью произнесъ: «такъ и мои не приходятъ на выручку!» Услышавъ этотъ грустный тонъ П. А., я, до этого времени скрывавшійся на отдѣльной скамьѣ, быстро поднялся и объявилъ, что могу передать все прочитанное. По окончаніи моего разсказа, П. А. съ веселой оговоркой: «я думалъ было, что ты гдѣ-нибудь пропалъ», —обратился ко мнѣ съ благодарностью за то, что выручилъ честь своего класса и его отдѣленія.

Съ любовью позанимавшись логикою подъ руководствомъ уважаемаго П. А. цѣлый первый годъ философскаго класса, мы съ радужными мечтами готовились къ экзамену, надѣясь удивить своими познаніями по этому предмету ассистентовъ и утѣшить любвеобильное сердце благостнаго архипастыря,—митр. Филарета. Архипастырь дѣйствительно былъ на публичномъ экзаменѣ по логикѣ; но надежды наши не оправдались. Не смотря на прекрасные отвѣты учениковъ, владыка хмурилъ лобъ и все больше и больше выражалъ свое недовольство, по поводу массы терминовъ—„*транзитивныя*“ и „*интранзивныя*“ положенія и т. п. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, наслушавшись о силлогистическихъ фигурахъ и различныхъ ихъ видахъ, онъ обратился къ П. А. съ слѣдующими словами: „что вы такою дребеденью забиваете головы дѣтей? Я старикъ, и ничего не могу понять изъ этой премудрости.“ П. А. имѣлъ неосторожность оправдываться тѣмъ, что ученики понимаютъ, чему свидѣтельствомъ служатъ ихъ отвѣты. А мы, для оправданія П. А., не ожидая вызова владыкой, начали подступать къ экзаменаціонному столику и объяснять многіе мудреные термины и выраженія наперерывъ другъ передъ другомъ. Владыка хмурился все больше и больше, и, видимо, былъ въ затрудненіи, какъ-бы выйти изъ неловкаго положенія. И вотъ, въ то время какъ мы усиленно отстаивали свое пониманіе логики, преподанной намъ П. А—чемъ, въ дверяхъ экзаменаціонной залы показался докторъ философіи, каѳедральный протоіерей Иванъ Михайловичъ Скворцовъ. Владыка, окидывавшій взоромъ своимъ то насъ, то П. А., замѣтивъ въ дверяхъ доктора философіи, началъ звать его къ себѣ: „пожалуйте сюда, Иванъ Михайловичъ! Вотъ эти людіе говорятъ какую-то премудрость; я говорю, что я самъ не могу её понять, а профессоръ говоритъ, что они понимаютъ, и вотъ они галдятъ. Сядьте здѣсь подлѣ меня и побейте ихъ!“ И. М., глубоко почтительно принявши благословеніе святительское, сѣлъ возлѣ владыки и, выслушавши наше довольно долго и при немъ продолжавшееся галдѣніе, попросилъ насъ притихнуть; по воцареніи тишины, И. М. началъ спрашивать насъ по одиночкѣ и, не смотря на поддержку каж-

даго отвѣчавшаго со стороны П. А., опровергъ каждаго; и мы, не устоявъ предъ докторомъ философіи, начали уходить съ поля сраженія одинъ за другимъ въ ряды стоявшихъ за нами прочихъ товарищей. Такъ, съ приходомъ къ намъ И. М., мы потерпѣли полное пораженіе.

Каникулярное время скоро изгладило въ насъ непріятное впечатлѣніе, произведенное экзаменомъ по логикѣ; но на П. А. этотъ экзаменъ сильно подѣйствовалъ. На первый урокъ по психологіи, по возвращеніи нашемъ въ семинарію, П. А. явился въ самомъ грустномъ настроеніи духа и началъ его слѣдующими словами: „Прошлогодній нашъ посѣвъ побитъ градомъ Бога живаго; но, какъ земледѣлецъ, не смотря на градобитіе, не покидаетъ дѣла своего, а продолжаетъ его еще съ большей энергіей,—такъ и мы, не смотря на судьбу, постигшую нашу ниву въ прошломъ году, будемъ продолжать наше сѣяніе, въ надеждѣ, что судьба его въ будущемъ будетъ болѣе счастливая". И дѣйствительно, П. А. началъ преподаваніе психологіи въ такомъ духѣ и направленіи, что наперед можно было предвидѣть благопріятное впечатлѣніе экзаменаціонныхъ отвѣтовъ учениковъ даже и на архипастыря. Преподаваніе П. А. психологіи понравилось и новому ректору семинаріи, и самому Владыкѣ, митрополиту Филарету. Экзаменъ по психологіи прошелъ вполнѣ благополучно. Были, правда, возраженія со стороны Владыки относительно трехсоставности человѣка; но П. А. скромно отстаивалъ свой взглядъ, ссылаясь на многія мѣста св. Писанія и особенно на выраженія апостола Павла, и владыка ограничивался молчаніемъ; при чемъ помалкивали и ученики, не вдаваясь въ словопренія, какъ на экзаменѣ по логикѣ.—Таковъ былъ результатъ трудовъ П. А. въ преподаваніи намъ психологіи и надежды его при этомъ на Бога живаго.[1])

---

[1]) Ученики, особенно старавшіеся прилежно учиться, относились къ достоуважаемому П. А. съ глубокимъ уваженіемъ и любовью. Однажды, для поздравленія П. А. съ днемъ ангела (18 ноября), яви-

Преподавателямъ по логикѣ и психологіи поручалось преподаваніе и латинскаго языка. Въ наше время переводили сочиненія Цицерона. При переводахъ П. А предоставлялъ ученикамъ исправлять другъ друга: сначала слабѣйшіе переводили дословно, а потомъ сильнѣйшимъ въ знаніи латинскаго языка [1]) П. А. поручалъ переводить тоже самое, не удаляясь отъ смысла подлинника, чистымъ русскимъ языкомъ.

Однажды П. А., считавшій меня знатокомъ латинскаго языка, уходя изъ класса, по окончаніи послѣдняго предобѣденнаго урока, позвалъ меня въ корридоръ и сказалъ: „Послушай, голубчикъ, что-то мнѣ нездоровится, и я послѣ обѣда на урокѣ латинскаго языка не буду, а чтобы не вводить никого по сему случаю ни въ какія хлопоты, я не буду давать знать о семъ никому;— соберитесь вы въ свой классъ, какъ обыкновенно, и пусть другіе переводятъ дословно, а ты перелагай набѣло.“ Я, понятно, пообѣщалъ; но порученія глубокоуважаемаго наставника не исполнилъ, проспавши послѣобѣденный урокъ на заманчивой кровати одного товарища. Это нечаянное, противъ собственнаго желанія, неисполненіе мною порученія кончилось безпорядкомъ и непріятностями, о которыхъ я передаю, по скольку они харак-

---

лось насъ къ нему четверо рано утромъ, еще до начала уроковъ,— (это съ подола, изъ-за Канавы, на старый городъ, миновавъ семинарію).—П. А. только что всталъ и былъ даже не одѣтъ; но узнавши о нашемъ приходѣ, онъ немедленно дружески позвалъ насъ къ себѣ. Мы въ его же спальной начали обдавать его своими привѣтственными рѣчами. Выслушавъ эти рѣчи, П. А. расцѣловалъ каждаго изъ насъ, напоилъ чаемъ и потомъ посовѣтовалъ поспѣшить на уроки, чтобы изъ задержанія насъ у него не вышло непріятностей отъ начальства и намъ и ему.

[1]) Знанія учениковъ семинаріи по латинскому языку вообще были довольно порядочны, такъ какъ языкъ этотъ хорошо изучали еще въ духовныхъ училищахъ. Помнится, что я, будучи еще въ 4 классѣ Богуславскаго духовнаго училища, которое тогда даже не пользовалось хорошей репутаціей, зналъ на память, дословно, по тексту Корнелія Непота всѣхъ греческихъ полководцевъ.

теризуютъ отношеніе начальника къ воспитанникамъ. Товарищи мои, собравшись на послѣобѣденный урокъ латинскаго языка, начали шумѣть и шалить. Для усмиренія ихъ явился къ нимъ инспекторъ, исполнявшій тогда и ректорскую должность, іеромонахъ Антоній, съ Давидовой, по выраженію товарищей, системой, т. е. псалтырью, и началъ спрашивать ихъ по ней. Замѣтивъ мое отсутствіе, инспекторъ велѣлъ записать меня въ дневной журналъ, чтобы потомъ самому же назначить мнѣ наказаніе за пропускъ урока. На другой день дежурный по журналу объявилъ мнѣ резолюцію инспектора:—„стоять во время обѣда въ столовой казенно-коштныхъ учениковъ“. Оскорбленное чувство самолюбія нашло поддержку въ товарищахъ, которые неисполненіе мною наказанія считали выгоднымъ для себя въ будущемъ;—„если ты, говорили они, допустишь себя до такого наказанія, то что будетъ дѣлать съ нами этотъ строгій инспекторъ?“ И я въ назначенный день не исполнилъ резолюціи о. инспектора. На другой день дежурный сообщилъ мнѣ, что о. инспекторъ, узнавши о моемъ непослушаніи, поручилъ ему передать мнѣ, чтобъ я непремѣнно исполнилъ его резолюцію. Я снова не послушался; и на слѣдующій день пришелъ къ о. инспектору и, между прочимъ, привелъ ему мнѣніе прежде бывшаго о. ректора, высказанное послѣднимъ въ нашемъ присутствіи одному изъ преподавателей, что лучшему ученику иногда можно и совсѣмъ простить вину; но о. инспекторъ сердито прогналъ меня. Затѣмъ помощникъ инспектора о. Д. М. Смолодовичъ, мягкосердечный протоіерей, предъ своимъ урокомъ по библейской исторіи вызвалъ меня въ корридоръ и сказалъ: „Этакой, этакой философчикъ-гордецъ! упрямится исполнить приказаніе о. инспектора, а онъ грозитъ исключить тебя изъ семинаріи!“ Угрозу эту о. инспекторъ легко могъ привести въ исполненіе, будучи племянникомъ владыки Филарета и исполняя въ то время еще обязанность ректора. Я попросилъ совѣта у добраго, отзывчиваго о. Д. М., и добрый пастырь, а вмѣстѣ съ тѣмъ помощникъ инспектора, рѣшилъ уладить это такимъ образомъ: спрашивая меня по библейской исторіи впродолженіе цѣлаго часа, заставилъ меня,

такимъ образомъ простоять на ногахъ предъ цѣлымъ классомъ и потомъ заявилъ о. инспектору, что постановленная имъ резолюція выполнена мною. Послѣ сего доклада грозившая мнѣ опасность миновала: о. инспекторъ смягчился. На томъ дѣло и кончилось.

А вотъ еще фактъ, тоже характеризующій отношенія начальства къ воспитанникамъ и послѣднихъ между собою. Старшій на нашей частной квартирѣ ученикъ богословскаго класса, наслушавшійся уроковъ у іеремонаха аскета о. Антонія, усмотрѣлъ въ моемъ младшемъ братѣ духъ гордости и характеризовалъ его въ своей мѣсячной аттестаціи зараженнымъ духомъ превозношенія. Приглашенный къ инспектору братъ отрицалъ въ себѣ эту черту характера. Охарактеризовавши брата гордымъ и надменнымъ, старшій однажды принесъ брату сочиненія Ефрема Сирина и совѣтовалъ ему прочесть о гордости. Братъ отвѣтилъ, что читать не будетъ, потому что читалъ раньше по этому вопросу и Е. Сирина, и другихъ. Продолжительное наставленіе старшаго кончилось крупной перебранкой между нимъ и братомъ. Вскорѣ старшій пожаловался на брата ректору (исполнявшему эту обязанность инспектору іером. Антонію), который пригласилъ по этому случаю къ себѣ меня и совѣтовалъ мнѣ, какъ старшему брату, повліять на смягченіе гордеца. Я съ своей стороны тоже отрицалъ эту черту характера въ братѣ. Между тѣмъ вся эта процедура вызвала волненіе въ нашихъ товарищахъ, которые стали распространять разные пасквили на счетъ нравоученія старшаго. О. Антоній сильно вознегодовалъ на брата и, говорятъ, совсѣмъ ужъ приготовился было ѣхать къ дядѣ, митрополиту Филарету, чтобы получить отъ него разрѣшеніе на исключеніе брата изъ семинаріи. Но въ это время на выручку явился добрѣйшій о. Д. М. Смолодовичъ; вызвавши насъ изъ класса въ корридоръ, онъ объяснилъ намъ, какой грозный видъ принимаетъ дѣло, и совѣтовалъ смириться. Хотя намъ и не объяснено было, въ чемъ мы должны были выразить свое смиреніе, но мы оба обѣщали смириться, и милѣйшій посредникъ-примиритель нашъ, о. Д. М., немедленно поспѣшилъ къ о. Антонію, которому, сообщивши,

что мы согласны смириться, между прочимъ замѣтилъ, что товарищи наши по случаю увольненія моего брата могутъ поднять бунтъ въ стѣнахъ семинаріи. Въ виду этого о. Антоній оставилъ свое прежнее рѣшеніе и тѣмъ дѣло и кончилось.

Прямую противоположность глубокоуважаемому преподавателю и наставнику по призванію П. А. представлялъ преподаватель философскихъ предметовъ въ другомъ—параллельномъ отдѣленіи философскаго класса, А. И. Т. Это былъ молодой подвижной человѣкъ, только что кончившій Московскую дух. академію. Въ классѣ онъ быстро ходилъ, круто изворачиваясь на поворотахъ; быстрою скороговоркою, да еще въ добавокъ къ этому и съ оттѣнкомъ какъ бы посвистыванія, объяснялъ все при своей бѣготнѣ по классу. Хотя въ словахъ его можно было встрѣчать и дѣльныя мысли, но отъ несоотвѣтственнаго серьезности предметовъ выраженія и невнятнаго произношенія онѣ теряли свою силу. Особенно непріятное впечатлѣніе производили уроки Т. на насъ, учениковъ П. А., когда намъ почему-либо приходилось сходиться въ отдѣленіе Т. [1])

Преподавателемъ предмета *„изъясненіе Св Писанія“* былъ іеромонахъ Никандръ. Онъ строго придерживался мнѣній св. отцевъ и учителей церкви. Всегда держалъ себя очень скромно и въ отношеніяхъ своихъ съ учениками былъ снисходителенъ,

---

[1]) Не могу не упомянуть о дальнѣйшей судьбѣ глубокоуважаемаго наставника П. А. По смерти своей любимой супруги, П. А. нѣкоторое время посвятилъ на путешествія по святымъ мѣстамъ, а по возвращеніи оттуда, подъ вліяніемъ митрополита, принялъ монашество; былъ нѣкоторое время ректоромъ Кіевск. Дух. Семинаріи въ санѣ архимандрита; потомъ былъ настоятелемъ православной миссіи въ Константинополѣ и возвратился оттуда, не поладивъ, какъ говорили, съ турецкимъ султаномъ, и умеръ викаріемъ Кишиневской епархіи. Помнится мнѣ выраженіе незабвеннаго П. А., бывшаго уже въ званіи архимандрита и ректора семинаріи: «что монахи—черные люди, какъ и ихъ платье». Это онъ высказалъ во время единственной нашей встрѣчи послѣ выхода моего изъ семинаріи по поводу моего разсказа о напраслинахъ моего начальника по службѣ—монаха.

вѣжливъ и благороденъ. Взоръ его былъ устремленъ обыкновенно внизъ, приподнималъ его только при обращеніи съ вопросомъ къ ученику, отвѣчающему урокъ.—Окончилъ жизнь свою въ послѣднее время архіепископомъ Тульскимъ, будучи старѣйшимъ изъ русскихъ іерарховъ послѣ митрополитовъ Исидора и Платона.

Преподавателемъ *Библейской исторіи* былъ упомянутый уже раньше Д. М. С., исполнявшій вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность помощника инспектора и бывшій священникъ Флоровскаго женскаго монастыря. Преподаваніе его состояло въ простой передачѣ содержанія учебника митрополита Филарета, составленнаго рѣчью довольно тяжеловѣсной. Отношенія его къ ученикамъ были искренно отеческія и съ довлѣющею долею патріархальной простоты. Это былъ добрѣйшій пастырь, наставникъ и человѣкъ. Съ пріемами, въ родѣ вышеуказанныхъ, о. Д. М. весьма часто оказывался защитникомъ многихъ учениковъ, впадавшихъ въ немилость у семинарскаго начальника; и многіе, полагаю, сохранили объ о. протоіереѣ самую благодарную память, по выходѣ изъ семинаріи.[1]) Но, какъ часто бываетъ, тѣ-же многіе, сидя на школьной скамьѣ, слишкомъ злоупотребляли мягкосер-

---

[1]) О. Д. М. горячо принималъ къ сердцу судьбу учащейся молодежи не только въ стѣнахъ семинаріи, но имѣлъ обыкновеніе простирать свою заботливость о ней и внѣ стѣнъ учебнаго заведенія, т. е. по отношенію къ окончившимъ курсъ духовной семинаріи. Эта заботливость его по отношенію къ послѣднимъ выражалась въ желаніи женить попадавшагося ему на глаза на какой нибудь его родственницѣ или хорошей знакомой; а тѣхъ и другихъ у него было довольно много. Вопросы о. протоіерея, съ которыми онъ обращался къ встрѣтившемуся съ нимъ какому нибудь «окончившему» о невѣстѣ, приходѣ, и пріемы знакомства съ невѣстою отличались, какъ разсказывали, неловкой простотою и прямотой. Но въ то же время многіе женившіеся чрезъ посредство о. протоіерея были счастливы въ брачной жизни и получали прекрасные приходы, такъ какъ Д. М., за содержаніе въ своемъ домѣ при своей семьѣ старушки-матери о. ректора, пользовался большимъ расположеніемъ и его самого, и митр. Филарета, дяди послѣдняго.

дечіемъ и добротой о. протоіерея, часто допуская по отношенію къ нему мальчишескія выходки. О. Д. М. иногда показывалъ видъ, что даже и не замѣчаетъ какой нибудь выходки со стороны нѣкоторыхъ учениковъ, и только болѣе благоразумные ученики то мимикой, то даже словесно унимали своихъ товарищей-проказниковъ.

О преподавателяхъ и способѣ преподаванія предметовъ Изъясненіе св. писанія и библ. ист. въ параллельныхъ отдѣленіяхъ не могу сообщить ничего, потому что не приходилось мнѣ бывать на урокахъ этихъ преподавателей.

Преподаваніе *медицины* въ дух. семинаріяхъ впервые введено было въ бытность мою въ философскомъ классѣ. Мотивировано было это введеніе тѣмъ, что врачу духовному необходимо быть, особенно въ сельскихъ приходахъ, и врачемъ тѣлеснымъ. Необходимость для духовнаго пастыря по крайней мѣрѣ въ элементарныхъ медицинскихъ познаніяхъ особенно ощутительна была въ то время, когда врачей было вообще мало, а въ районахъ захолустныхъ селъ еще меньше. Поэтому-то, по уставу, въ семинаріяхъ должна была преподаваться медицина народная, и преподаватель медицины долженъ былъ ознакомлять воспитанниковъ съ болѣзнями, чаще всего встрѣчающимся, и указывать для ихъ излѣченія самыя простыя средства, которыя можно легко и скоро добыть,—это преимущественно. Но нашъ преподаватель медицины, ординаторъ университета св. Владимира, И. Т. Щербина простеръ свое усердіе по преподаванію этого предмета далеко за предѣлы положеннаго уставомъ. Кратко коснувшись физики, химіи, зоологіи, ботаники, минералогіи, И. Т., судя по сохранившимся у меня доселѣ запискамъ его лекцій, довольно подробно излагалъ намъ: анатомію, физіологію, патологію, терапію, хирургію, затѣмъ сообщалъ свѣдѣнія по народной гигіенѣ и діэтикѣ, по дѣтскимъ болѣзнямъ; говорилъ о подаяніи помощи мнимо-умершимъ, о спасеніи отравившихся и правила, которыя должны быть соблюдаемы при этомъ, о цѣлебныхъ травахъ, объ искусственныхъ лѣкарствахъ, которыя преимущественно должны быть на готовѣ и т. п.

При прохожденіи анатоміи И. Т., для нагляднаго ознакомленія насъ съ строеніемъ человѣческаго тѣла, привозилъ въ классъ свѣже-зарѣзанные трупы животныхъ, строеніемъ своего тѣла сходные съ человѣческимъ организмомъ, и мы подъ его руководствомъ участвовали въ анатомированіи такихъ труповъ.

Особенно хороша была лекція И. Т. вступительная, которую онъ произнесъ передъ началомъ своихъ чтеній по медицинѣ. Въ этой рѣчи И. Т. сообщилъ намъ, между прочимъ, какъ лѣченіемъ болѣзней человѣческаго организма занимались многіе угодники Божіи и пастыри церкви. Перечисляя поименно такихъ врачей, И. Т. указалъ и на нѣкоторыхъ угодниковъ Божіихъ, почивавшихъ въ Кіево-Печерской лаврѣ. По уставу на изученіе медицины посвящались первый и второй годъ философскаго отдѣленія. [1]) И. Т. Щ. читалъ ее намъ, воспитанникамъ семинаріи, какъ бы медикамъ-студентамъ, т. е. за все время своихъ чтеній онъ вовсе не провѣрялъ знаній своихъ слушателей, такъ что экзаменъ, произведенный предъ рождественскими праздниками во второй годъ философскаго отдѣленія, былъ первой и послѣдней провѣркой знаній каждаго воспитанника по медицинѣ въ философскомъ классѣ.

VI.

Воспоминанія за время бытности моей 1845—1846—47 г.) ученикомъ высшаго отдѣленія Кіевск. Дух. Семинаріи.

Въ этомъ отдѣленіи преподавались: догматическое богословіе, практическое, пастырское, гомилетика, патрологія, общая церковная исторія, русская церковная исторія, обрядословіе, каноническое право и медицина.

---

[1]) Но такъ какъ введеніе преподаванія медицины въ духовныхъ семинаріяхъ застало насъ на второмъ году философскаго класса, то изученіе медицины продолжено было и въ первомъ году богословскаго класса.

Богословіе догматическое, практическое и пастырское преподавалъ о. архимандритъ Антоній, впослѣдствіи докторъ богословія.

Для испытанія нашей подготовки къ изученію богословскихъ наукъ, о. Антоній на первыхъ порахъ предложилъ намъ для внѣкласснаго сочиненія тему: „какимъ образомъ занятіе предметами философскими служитъ подготовкой къ изученію богословія?“

По прочтеніи нашихъ сочиненій на эту тему, о. Антоній въ непродолжительномъ времени принесъ въ классъ два лучшихъ сочиненія и затѣмъ предложилъ ученикамъ высказывать свои мнѣнія о рѣшеніи заданной темы тѣмъ и другимъ авторомъ.

Послѣ разнообразныхъ мнѣній товарищей,—однихъ въ пользу одного сочиненія, другихъ въ пользу другого, о. ректоръ въ заключеніе высказалъ самъ такое мнѣніе: на автора, который высказался о тщетѣ философскихъ мнѣній для открытія истины о Творцѣ и обо всемъ Имъ сотворенномъ и горитъ желаніемъ знать это изъ откровеннаго слова Божія, можно надѣяться, какъ на будущаго хорошаго богослова; другого же автора (а таковымъ былъ я) надобно много еще перерабатывать, чтобы онъ сдѣлался хорошимъ богословомъ.

На внѣклассныхъ моихъ сочиненіяхъ богословскихъ, которыя были преимущественно проповѣди, о. ректоръ неоднократно дѣлалъ замѣчаніе въ концѣ рецензіи: „сочиненіе это можно дозволить произнести въ конференціальной залѣ въ собраніи всѣхъ учениковъ и преподавателей, но для произнесенія съ церковной каѳедры оно не подходящее“.

О взглядѣ о. ректора на проповѣди можно судить отчасти и изъ слѣдующаго случая.

Однажды онъ принесъ въ классъ только что отпечатанную въ брошюрѣ проповѣдь преосвящ. Иннокентія, бывшаго тогда еп. Вологодскимъ, а потомъ архіеп. Херсонскимъ, на недѣлю православія. Проповѣдь эта была еще неизвѣстна намъ. Не говоря объ авторѣ проповѣди, о. ректоръ прочиталъ ее намъ вслухъ. Въ заглавіи этой проповѣди не находилось текста изъ Св. Писанія. Содержаніе ея, насколько помнится, было таково:

Св. православная церковь наша празднуетъ нынѣ недѣлю православія. Цѣль установленія особаго чина нынѣшняго богослуженія та, чтобы укрѣпить вѣру нашу въ почитаніе св. иконъ и торжественно праздновать судъ св. церкви на всѣхъ непочитателей св. иконъ, т. е. иконоборцевъ. Не лишнее-ли это теперь для насъ? Развѣ и среди насъ есть иконоборцы? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ справедливо, наведемъ справки. Войдемъ мысленно въ любой домъ именитыхъ гражданъ нашего города. Что здѣсь узримъ? Вотъ мы вошли въ первую комнату,—иконъ не видимъ, во вторую, имѣющую болѣе почтенное назначеніе,—не видимъ мы ихъ и здѣсь; нѣтъ иконъ и въ томъ отдѣленіи дома, гдѣ принимаютъ самыхъ почетныхъ посѣтителей его. Дается-ли мѣсто гдѣ-либо въ знатномъ домѣ св. иконамъ? Если и бываютъ иконы въ такихъ домахъ, то самыя маленькія, въ какомъ-нибудь темномъ потаенномъ углу и притомъ въ такой комнатѣ, въ которую посѣтители не допускаются. Не значитъ-ли это, что такіе люди стыдятся ставить эти священныя вещи на виду?—Въ такомъ духѣ и подобнымъ слогомъ, безъ употребленія словъ Св. Писанія, выражена была вся проповѣдь преосв. Иннокентія.

Большинство товарищей и самъ я стояли за эту проповѣдь, какъ вполнѣ соотвѣтствующую духу времени.[1]) Не малая часть товарищей, пораженныхъ необычною свободою слога въ изложеніи мыслей, несоотвѣтствующею церковной каѳедрѣ, высказывала порицанія автору, не зная о принадлежности этой проповѣди знаменитому церковному витіи. О. ректоръ, выслушавши разнообразныя наши мнѣнія о прочитанной проповѣди и все-таки не объявляя имени автора, равно и не выражая предварительно своего мнѣнія о ней, прочиталъ намъ одно изъ поученій св. Димитрія Ростовскаго; поученіе это было переполнено текстами изъ Св. Писанія. Въ немъ не только въ основаніе положенъ текстъ; но приступъ и предложеніе выражены были въ большинствѣ словами Св. Писанія. Изложеніе мыслей, въ раз-

---

[1]) По способу изложенія мыслей и слогу рѣчи современной, обращенной къ слушателямъ.

смотрѣніи избранной темы, приложенія ея къ слушателямъ, а также и заключеніе обильны были текстами откровеннаго слова Божія. По прочтеніи поученія св. Димитрія Ростовскаго, о ректоръ въ назиданіе намъ присовокупилъ: „вотъ это истинное слово Божіе; такъ и вѣетъ въ немъ духъ помазанія божественнаго; а та проповѣдь (т. е. Иннокентія), которую я прежде прочиталъ вамъ, составлена въ препрѣтельныхъ словесѣхъ человѣческаго мудрованія, чему подражать не совѣтую вамъ".

О высокомъ достоинствѣ преподаванія намъ о. ректоромъ догматическаго богословія можно судить изъ того, что за систему догматическаго богословія, по рѣшенію учебнаго комитета и самого митрополита Московскаго Филарета, отцу Антонію присуждена была ученая степень доктора богословія, въ то время, кромѣ трехъ Филаретовъ,—Московскаго, Кіевскаго и Черниговскаго, еще никому неприсужденная; а отпечатанныя записки его по догматическому богословію признаны обязательнымъ руководствомъ для духовныхъ семинарій во всей имперіи. Записки о. Антонія по практическому и пастырскому богословію не были имъ отпечатаны. О духѣ и направленіи практическаго богословія по запискамъ о. Антонія можно сказать, что во многихъ своихъ отдѣлахъ онѣ отзывались сильно аскетизмомъ. Впрочемъ о. Антоній, окончивши свое преподаваніе по практическому богословію, самъ сдѣлалъ такое замѣчаніе о своихъ лекціяхъ по этому предмету: „Я указалъ вамъ разные практическіе пути ко спасенію; но совѣтую придерживаться болѣе пути царскаго, ибо не всѣ могутъ вмѣщать въ своей жизни словесъ тѣхъ; могій вмѣстити да вмѣститъ". Что же касается преподаннаго намъ о. Антоніемъ пастырскаго богословія, то въ немъ выясненъ истинный идеалъ пастыря церкви и указаны разные частные совѣты, для осуществленія этого идеала; но такіе совѣты преподавателя-монаха отличались болѣе характеромъ теоретическимъ и въ практической жизни не всегда были удобоисполнимы и вѣрно направлены къ цѣли. [1])

[1]) Впослѣдствіи, когда, по выбору духовенства, ректорами духовныхъ семинарій стали назначать протоіереевъ, нельзя было не ви-

Преподавателемъ *гомилетики* былъ у насъ только что окончившій кіев. духов. академію М. М. Б., и нынѣ еще проживающій въ Кіевѣ, давно уже пребывающій въ званіи весьма заслуженнаго протоіерея. Будучи студентомъ академіи, онъ былъ весьма близокъ и даже любимецъ знаменитаго тогда профессора академіи по каѳедрѣ гомилетики, Я. К. Амфитеатрова. Взглядомъ, можетъ быть, этого профессора на проповѣди руководился и М. М. Б. Въ качествѣ нашего преподавателя по гомилетикѣ, М. М. Б. цѣнилъ въ проповѣди простоту слога, ясность, точность и логическую послѣдовательность въ изложеніи мыслей и, какъ особенное достоинство, народность проповѣди, и оберегалъ отъ подражанія корифеямъ заграничной проповѣди, какъ то: Масильену, Бурдалу и другимъ имъ подобнымъ.

Преподавателемъ *патрологіи* былъ у насъ Н. Я. О.,— человѣкъ роста высокаго и души возвышенной; онъ до того былъ деликатенъ въ обращеніяхъ съ своими учениками, что рѣдко когда и провѣрялъ знанія своихъ слушателей. Какъ часто случается, мягкосердечіемъ и добротою Н. Я. воспитанники часто злоупотребляли: уроки его очень часто пропускались многими. Передавали, что былъ даже такой случай, что Н. Я., явившись однажды на урокъ, засталъ въ классѣ только одного слушателя, Н. Я., по близорукости-ли, или по добротѣ, посвятилъ цѣлый часъ на объясненіе урока передъ однимъ слушателемъ и, по окончаніи урока, ушелъ изъ класса, какъ и всегда спокойный. [1])

дѣть да и не слышать отзывы отъ другихъ, что воспитанники ректоровъ-протоіереевъ оказывались разностороннѣе подготовленными къ прохожденію ими пастырскаго служенія, особенно тѣ, которымъ выпадалъ удѣлъ нести бремя пастыря духовнаго не въ сельскихъ приходахъ.

[1]) Благородство и великодушіе Н. Я. я испыталъ лично на себѣ по слѣдующему случаю. Въ богословскомъ классѣ постигшая меня хроническая глазная болѣзнь лишила меня возможности посѣщать классные уроки весьма продолжительное время. Но находясь все это время въ семинарской больницѣ и имѣя въ ней товарища своего, смотрителя больницы, я, при помощи его, готовилъ уроки къ

Преподавателемъ общей церковной исторіи, русской церковной исторіи, обрядословія и каноническаго права былъ у насъ Е. С. Г. Долгъ справедливости требуетъ сказать, что онъ, какъ преподаватель, былъ человѣкъ весьма трудолюбивый и усердный къ исполненію этого своего долга; но ни способностей особенныхъ умственныхъ вообще, ни спеціальныхъ познаній по порученнымъ ему предметамъ не проявлялъ; а такъ какъ по своей природѣ былъ раздражителенъ, то въ своихъ отношеніяхъ къ ученикамъ былъ очень рѣзокъ, а потому не пользовался и со стороны ихъ расположеніемъ. Вслѣдствіе сего часто и они допускали по отношенію къ нему крайне неприличныя выходки. Такъ напр., однажды когда Е. С., во время своихъ совѣтовъ ученикамъ заниматься усердно церковною исторіей, употребилъ выраженіе,—„церковная исторія важна, какъ сама по себѣ, такъ и по своему содержанію,“ то сплошныя массы учениковъ, вслѣдъ за этимъ выраженіемъ, поднявшись со скамеекъ и поднявши вверхъ учебники по церковной исторіи и указывая на переплеты книгъ, стали спрашивать Е. С., не значитъ ли это церковная исторія сама по себѣ? а потомъ, перелистывая страницы того же учебника, зашумѣли вопросами: „а это по своему содержанію?“ На урокѣ по каноническому праву былъ такой случай. Когда Е. С. пришлось объяснять таблицу родства по учебнику прот. И. М. Скворцова, то онъ, по разсказамъ его квартиранта, ученика богословскаго класса, просидѣлъ цѣлую ночь надъ изученіемъ этой таблицы. Потомъ, явившись на урокъ, С. Е. нарисовалъ было сначала эту таблицу на доскѣ

каждому классу. Посему, когда время подходило къ выпускнымъ экзаменамъ, я явился на послѣдніе уроки, въ томъ числѣ и на урокъ по патрологіи; оставшись въ корридорѣ у класса, до прихода Н. Я., я попросилъ его провѣрить мои знанія по патрологіи, на что онъ сказалъ: «хорошо, пожалуйте въ классъ». Въ классѣ онъ меня не подвергнулъ провѣркѣ, а между тѣмъ на экзаменѣ оказалось, что Н. Я. оставилъ меня по своему предмету подъ прежнимъ вторымъ номеромъ въ разрядномъ спискѣ.

правильно и, обратившись къ ученикамъ, спросилъ, понятно ли все начерченное на доскѣ? Въ моментъ поворота отъ доски одинъ изъ учениковъ, стоявшій близъ нея, стеръ весь чертежъ, а ученики, сидѣвшіе на скамьяхъ, сказали, что еще не поняли, и попросили Е. С. еще разъ объяснить. Е. С., обернувшись къ доскѣ и замѣтивъ, что вся таблица родословной стерта, такъ смѣшался, что, какъ ни старался начертить ту же таблицу вторично, не могъ воспроизвести ее въ прежнемъ видѣ. И послѣ сего Е. С. ужъ болѣе не принимался писать эту таблицу на доскѣ и разъяснять ее, такъ что она и осталась навсегда отъ него неразъясненною ученикамъ.

Конечно, такіе, сейчасъ приведенные мною, факты отношенія питомцевъ къ своему наставнику будутъ строго осуждены серьезными педагогами; но въ смягченіе вины питомцевъ, моихъ товарищей по классу, не сказать ли мнѣ по крайней мѣрѣ того, что молодая натура очень болѣзненно воспринимаетъ всякое тяжелое и строгое на нее воздѣйствіе и, по своей игривости, она способна въ отвѣтъ на это къ своеобразной изобрѣтательности, поясняя тѣ факты еще и тѣмъ, что сколько былъ высокъ по тѣлесному корпусу, возвышенъ и благороденъ по душѣ нашъ преподаватель патрологіи, столько діаметрально противоположенъ былъ относительно сего Е. С. Г. [1])

---

[1]) Неблагородство Е. С. Г. пришлось и мнѣ испытать относительно меня самого. Дѣло было такъ: проболѣвъ очень долгое время богословскаго курса, я, хотя большую часть этого времени не могъ явиться въ классы, для слушанія уроковъ, но, болѣя хроническою глазною болѣзнію, не лишенъ былъ возможности знакомиться съ читаемыми въ классѣ уроками, посредствомъ чтенія мнѣ записокъ классныхъ уроковъ, моихъ товарищей по классу, то при помощи родного моего брата, когда оставался въ квартирѣ, то при помощи смотрителя семинарской больницы, когда поступилъ въ нее, и потому, когда приближалось время къ окончательнымъ выпускнымъ экзаменамъ изъ богословскаго класса, я такъ-же, какъ являлся къ преподавателю патрологіи, явился предъ послѣднимъ урокомъ въ предклассномъ корридорѣ и къ Е. С. Г., прося его на этомъ урокѣ провѣрить мои знанія по преподавае-

Преподавателемъ *медицины* у насъ въ высшемъ отдѣленіи назначенъ былъ академикъ, заслуженный профессоръ, статскій совѣтникъ П. П. Пелехинъ,—человѣкъ весьма уже пожилой. [1])

мымъ имъ предметамъ. Онъ также обѣщалъ спросить, но не спросилъ; а между тѣмъ, какъ оказалось уже на экзаменѣ, вотъ что онъ сдѣлалъ. На экзаменѣ предсѣдательствовалъ въ качествѣ ревизора ректоръ Академіи архим. Димитрій. Послѣ моего отвѣта, по выпавшему мнѣ билету, ревизоръ предложилъ мнѣ взять еще два билета. Когда я отвѣтилъ и по этимъ, ревизоръ спросилъ Е. С. въ полголоса, такъ что и я могъ разслышать, стоя у экзаменаціоннаго столика, почему онъ помѣстилъ меня такъ низко по разрядному списку, 9-тымъ? Затѣмъ ревизоръ заставилъ меня пересказать содержаніе конспекта изъ записокъ Е. С. по обрядословію. Послѣ моей передачи содержанія самодѣльныхъ записокъ Е. С. по обрядословію, ревизоръ спросилъ меня: «что скажете объ этомъ конспектѣ? Я сказалъ, что конспектъ очень сбивчивъ и не имѣетъ надлежащей системы. Ревизоръ улыбнулся и кивнулъ мнѣ головою, какъ бы въ знакъ согласія. Такимъ образомъ сама судьба привела и меня учинить своего рода отместку Е. С., хотя какъ читатель видитъ безъ всякаго моего преднамѣренія.

[1]) Вотъ что передавали намъ изъ его прежней службы. Послѣ преобразованія старой Кіев. академіи въ семинарію, П. П., какъ способнѣйшій, въ числѣ другихъ двухъ или трехъ преподавателей старой кіевск. академіи, былъ оставленъ въ качествѣ преподавателя для новой кіевск. семинаріи. Но такъ какъ П. П. изъ могилянской академіи перенесъ съ собою во вновь открытую семинарію и свой костюмъ,—длинный до пятокъ сюртукъ и длинную головную косу—и съ ними не разставался, то пріѣхавшіе изъ Петербурга молодые преподаватели начали надъ нимъ подшучивать. Задѣтый за живое этими шутками новыхъ своихъ товарищей, П. П. бросилъ преподавательскую службу въ семинаріи, переѣхалъ въ Петербургъ, поступилъ студентомъ въ военную медико-хирургическую акад., окончилъ въ ней курсъ ученія съ золотою медалью, отправился заграницу для усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ, по возвращеніи изъ-заграницы долго служилъ въ Петербургѣ, гдѣ дослужился до званія академика, заслуженнаго профессора и чина ст. совѣта. Въ маститой старости возвратился въ Кіевъ и здѣсь чрезъ посредство митрополита

Начало своихъ чтеній по медицинѣ П. П. предварилъ длинною вступительною рѣчью на латинскомъ языкѣ. Мы, понятно, безмолвно внимали, и большинство слушателей ровно ничего не поняли изъ длиннѣйшей рѣчи П. П., такъ какъ, съ введеніемъ преподаванія предметовъ въ семинаріи на русскомъ языкѣ, познанія учениковъ по латинскому языку слабѣли съ каждымъ годомъ, а въ богословскомъ классѣ значительная часть учениковъ была уже совсѣмъ слаба по этому языку. Самое преподаваніе медицины велось уже и П. П. на русскомъ языкѣ. Что касается характера преподаванія намъ П. П. медицины, то надежды наши на этого заслуженнаго профессора далеко не оправдались, такъ что намъ пришлось очень сожалѣть о прежнемъ нашемъ преподавателѣ И. Т. Щербинѣ. Да оно и понятно. П. П., заслуженному отставному профессору, старику, необходимъ уже былъ отдыхъ послѣ продолжительныхъ серьезныхъ трудовъ; между тѣмъ какъ И. Т. былъ еще человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и силъ,—человѣкъ, съ жаромъ изучавшій науку и съ любовью дѣлившійся своими познаніями съ будущими врачами душъ, идеально старался подготовить ихъ, по мѣрѣ возможности, къ умѣнью врачевать и тѣла.

Уроки П. П. проходили зачастую въ разсказахъ его намъ изъ его заграничной жизни, въ изображеніи внѣшняго вида, особенно громадности головъ знаменитостей заграничной медицинской мудрости, нравовъ и обычаевъ нѣкоторыхъ иностранцевъ, особенно англичанъ, которыхъ П. П. прекрасно зналъ, такъ какъ и жену онъ имѣлъ англичанку; много разсказывалъ и о своей семейной жизни, о разныхъ эпизодахъ изъ своей жизни въ Петербургѣ и т. п. [1])

кіевск. Филарета и его племянника, ректора семин. архим. Антонія, былъ назначенъ преподавателемъ медицины вмѣсто И. Т. Щербины и врачемъ въ больницахъ академической, семинарской и кіево-подольскаго дух. училища.

[1]) Небезъинтереснымъ считаю передать одинъ забавный случай, происшедшій на публичномъ экзаменѣ, при выпускѣ насъ изъ богословскаго класса. На этомъ экзаменѣ по медицинѣ одинъ изъ учени-

Въ заключеніе своихъ воспоминаній о времени обученія своего въ кіев. дух. семинаріи скажу нѣсколько словъ о трогательномъ нашемъ прощаніи, по окончаніи семинарскаго курса,

---

ковъ отвѣчалъ о значеніи сна для человѣка. Митр. Филаретъ предложилъ отвѣчавшему вопросъ: «полезно ли спать послѣ обѣда?» Ученикъ отвѣтилъ, что вредно, придерживаясь мнѣнія объ этомъ П. П., такъ какъ онъ часто такъ выражался во время своихъ уроковъ. Владыка возразилъ: «а я, если не посплю послѣ обѣда, то и почью не могу спать». П. П., желая поддержать ученика, послѣ возраженія владыки о пользѣ послѣобѣденнаго сна, обратился къ этому ученику съ такимъ вопросомъ: а скажите, господинъ, что дѣлаютъ животныя, какъ наѣдятся?» Несметливый ученикъ торопливо отвѣтилъ: «животныя, особенно нечистыя, какъ наѣдятся, сейчасъ же и на бокъ валятся у корыта». Такой отвѣтъ, понятно, привелъ всѣхъ въ смущеніе, но владыка мудро нашелся и сказалъ: «вы хотите опровергнуть меня тѣмъ, что только животныя, наѣвшись, предаются сну; а человѣкъ не животное? Животныя слѣдуютъ инстинкту, вложенному въ нихъ Творцемъ ихъ, поэтому и поступаютъ правильно; а вы своимъ мудрованіемъ извращаете этотъ законъ природы. Этимъ замѣчаніемъ въ шутливомъ тонѣ владыка смягчилъ неловкость и выраженія П. П., и выраженія отвѣчавшаго ученика.

Не смотря на упомянутые мною недостатки П. П. по преподаванію намъ медицины, не могу не помянуть его моею личною глубокою благодарностію за его мудрый и отеческій совѣтъ мнѣ, проявленный въ томъ, что онъ отклонилъ меня отъ поступленія студентомъ въ кіевск. духовную академію. Не смотря на продолжительную мою болѣзнь, во время которой я большую часть времени въ богословскомъ отдѣленіи провелъ, то въ отпускѣ въ деревню, въ домѣ своихъ родителей, то въ больницѣ,—о. ректоръ все таки хотѣлъ непремѣнно послать меня казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ кіевск. же дух. акад; неоднократно освѣдомлялся у П. П. о моемъ здоровьѣ, желая, чтобы я поступилъ въ академію, даже не оправившись еще окончательно отъ постигшей меня глазной болѣзни. Но П. П. отцовски-участливо заявилъ мнѣ, что моя болѣзнь, при серьезныхъ научныхъ занятіяхъ, неизбѣжно будетъ возобновляться и ожесточаться и что въ концѣ концовъ она можетъ привести къ совершенной потерѣ зрѣнія. Въ виду этого П. П. посовѣтовалъ мнѣ навсегда оставить мысль объ академіи и поступить на службу, и притомъ на такую, которая менѣе всего требуетъ напряженія глазъ.

съ своимъ уважаемымъ начальникомъ и наставникомъ о. ректоромъ, архим. Антоніемъ.

Выпускные экзамены, на которыхъ присутствовалъ о. ректоръ Академіи, окончились благоуспѣшно. Въ академію назначено было изъ нашего выпуска три студента, два изъ отдѣленія о. ректора,—однимъ изъ которыхъ былъ мой младшій братъ,—и одинъ изъ отдѣленія о. инспектора.

По прочтеніи разрядныхъ списковъ выпускныхъ, мы собрались всѣ, по предложенію о. ректора, въ богословскій классъ. Явившись въ классъ, о. ректоръ прошелся молчаливо нѣсколько разъ по классу, подавляя въ себѣ явственно волновавшія его чувства, и наконецъ обратился къ намъ съ такою приблизительно рѣчью:

„По мѣрѣ силъ моихъ, при помощи Божіей, я употребилъ все зависящее отъ меня, чтобы приготовить васъ быть достойными кандидатами священства,—быть мужами совершенными. Теперь, за исключеніемъ двухъ-трехъ, вы должны вступить въ жизнь самостоятельную, руководиться въ ней собственнымъ умомъ и тѣми началами, которыя я старался внушить вамъ и укрѣпить ихъ въ васъ со всею пламенною ревностью и благожелательствомъ. Утѣшаюсь надеждою, что вы оправдаете эту мою надежду на васъ и послужите въ пользу церкви, во спасеніе будущихъ духовныхъ чадъ вашихъ, а также и въ честь сего учебнаго заведенія, на какихъ бы поприщахъ ни пришлось вамъ трудиться. Благочестное и благополезное служеніе ваше на пользу церкви скрѣпитъ нашу теперешнюю духовную связь и на будущее время; тѣмъ болѣе, что большинству изъ васъ придется проходить пастырское служеніе недалеко отъ Кіева, гдѣ и я нахожусь. Вы можете, и даже совѣтую вамъ, во время исполненія своего пастырскаго служенія, обращаться ко мнѣ, прежнему вашему руководителю, за совѣтами и посильною помощью во всѣхъ тѣхъ трудныхъ случаяхъ, съ которыми часто приходится имѣть дѣло пастырямъ церкви. Ввѣряю судьбу вашу Промыслу Божію; Той васъ да укрѣпитъ, да умудритъ, и удостоитесь стяжать вѣнцы въ небесномъ славномъ царствіи Го-

спода Бога и Спаса нашего І. Христа, послѣ усердныхъ трудовъ вашихъ въ настоящемъ царствѣ Его благодатномъ"...

Подъ конецъ рѣчи голосъ о. ректора сталъ прерываться; слезы струились изъ его глазъ, а мы проливали цѣлые потоки ихъ.

По окончаніи этой трогательной для всѣхъ рѣчи, мы по одиночкѣ стали подходить къ о. ректору за благословеніемъ, которое сопровождалось трогательными поцѣлуями съ каждымъ изъ насъ. Получивъ благословеніе, я палъ на скамью, обнялъ ее обѣими руками и такъ нервно рыдалъ, что обратилъ на себя вниманіе о. ректора, все еще прощавшагося съ учениками. Изъ класса мы проводили о. ректора, послѣ прощанія съ нимъ, чрезъ верхній корридоръ, —дальше онъ не позволилъ сопровождать его. Послѣ этого снова всѣ вернулись въ прежнюю комнату, и началось прощаніе между товарищами. Сцена эта такъ разстроила мои нервы и болѣзненные глаза, что я, выйдши изъ семинарскаго корпуса, едва могъ разобрать дорогу къ своей квартирѣ, и хотя по пути къ квартирѣ пришлось пройти нѣсколько улицъ, но я никого не видѣлъ и какъ бы даже и не встрѣчалъ проходившихъ по этимъ многолюднымъ улицамъ. Еще трогательнѣе была разлука моя съ младшимъ моимъ братомъ, когда онъ послѣ каникулярнаго времени долженъ былъ безъ меня отправляться для поступленія студентомъ въ кіевск. духовную академію. Съ нимъ я одновременно изучалъ грамматику, часословъ, псалтирь, гражданскую печать; вмѣстѣ же съ нимъ, нигдѣ не разлучаясь, мы прошли всѣ классы дух. училища и семинаріи и никогда не удалялись другъ отъ друга даже по разрядному списку. Мы какъ бы инстиктивно чувствовали, что съ этимъ нашимъ разлученіемъ, мы разлучаемся и въ своихъ жизненныхъ поприщахъ; онъ поступалъ туда, куда, при искреннемъ своемъ желаніи, я не могъ поступить по слабости зрѣнія. Много дней до разлуки окончательной мы провели въ саду въ слезахъ. Въ день выѣзда брата въ Кіевъ мы въ томъ же саду такъ плакали, крѣпко обнявши одинъ другого, что только внушительный голосъ отца заставилъ насъ выпустить другъ друга изъ объятій, когда уже и лошадей подали къ отъѣзду.

VII.

Воспоминанія мои о Духовно-учебной моей службѣ за время священства моего въ двухъ приходахъ Кіевской Епархіи до времени выбытія моего въ Привислянскій Край.

По волѣ Божіей не суждено мнѣ было по окончаніи курса семинаріи поступить въ академію для полученія высшаго образованія, и я, простившись съ меньшимъ братомъ Ѳеофаномъ, пробылъ въ домѣ родительскомъ нѣсколько мѣсяцевъ, посвятивъ это время исключительно на лѣченіе постигшаго меня хроническаго воспаленія глазъ. Получивъ нѣкоторое облегченіе отъ сей болѣзни, я явился къ о. ректору семинаріи, архимандриту Антонію, за совѣтомъ, что мнѣ дѣлать, и онъ посовѣтовалъ мнѣ поступить учителемъ Кіево-Софійскаго училища, чтобы черезъ два года поступить волонтеромъ въ академію. На это я отвѣтилъ, что при кіевской жизни хроническая моя болѣзнь можетъ возобновиться, а посему признаю за лучшее для себя—эти два года провести въ богуславскомъ духовномъ училищѣ, находящемся въ санитарномъ отношеніи въ лучшихъ условіяхъ, сравнительно съ прочими училищами. Онъ согласился со мною и обѣщалъ въ скоромъ времени открыть въ этомъ училищѣ учительскую ваканцію исключительно для меня, которую скоро я и занялъ. По истеченіи этихъ двухъ лѣтъ, я явился въ Кіевъ и сдалъ экзаменъ, но, увы по окончаніи экзаменовъ до открытія академическихъ лекцій мнѣ пришлось уже попасть въ академическую больницу, въ которую для освидѣтельствованія благонадежности здоровья студентовъ новаго академическаго курса командированъ былъ П. П. Здѣсь, въ больницѣ, онъ убѣдилъ меня оставить мысль объ академіи окончательно, разъ навсегда. Вслѣдствіе такого его совѣта я отправился къ тогдашнему ректору академіи, архимандриту Димитрію и заявилъ ему самъ о неблагонадежности своего здоровья и, несмотря на его

нерѣшительность удовлетворить моей просьбѣ, испросилъ у него свои документы. Вручая документы, о. ректоръ сказалъ мнѣ: „Очень жаль". Возвратился я, волею судьбы, въ Богуславъ опять на учительское мѣсто. Въ непродолжительное послѣ сего время пріѣхалъ ко мнѣ отецъ мой и объявилъ мнѣ, что подыскалъ для меня подходящую невѣсту, дочь Звенигородскаго уѣзднаго протіерея о. Симеона Ясинскаго. Черезъ недѣлю послѣ этого, неожиданно для меня пріѣхала ко мнѣ тетушка моя по матери съ мужемъ своимъ протоіереемъ г. Липовца И. Д. Шабатовичемъ, и предложила мнѣ обязательно проѣхаться съ ними къ ихъ ближайшему родственнику въ с. Дыбинци, въ 10 вер. отъ Богуслава, на храмовой праздникъ (14 сен.). Въ позднюю вечернюю пору, когда я уже собирался уѣзжать изъ Дыбинецъ, она объявила мнѣ, что въ г. Липовцѣ открылось праздное священническое мѣсто, на которое совѣтовала мнѣ подать прошеніе и сдать ей на руки для удобнѣйшаго отправленія въ Кіевъ. Я уклонялся подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что такъ наскоро не могу составить прошенія. Тогда она сама настрочила красивымъ почеркомъ прошеніе и предложила мнѣ только подписаться,—что я изъ угожденія ей и сдѣлалъ. Взявши на руки прошеніе, она не замедлила отправить его куда слѣдуетъ. Въ скоромъ времени послѣ сего получаю изъ Кіева письмо отъ своего брата Петра Гавриловича такого содержанія: „Митрополитъ Филаретъ призывалъ меня къ себѣ и объявилъ, что ты подалъ прошеніе на второе священническое мѣсто при соборной церкви г. Липовца, и хотя не имѣетъ законнаго основанія отказать тебѣ въ зачисленіи за тобою того мѣста, но находитъ для себя затрудненіе къ удовлетворенію твоей просьбы въ томъ обстоятельствѣ, что, не предвидя сего, возвелъ на это мѣсто своего внука, нѣкоего Солнышкина, который состоитъ тоже учителемъ Елецкаго духовнаго училища Орловской губерніи, и онъ отъ него получилъ уже письмо, что внукъ сей находится уже въ дорогѣ. И такъ, спросилъ меня владыка, можете-ли вы, какъ старшій братъ, дать согласіе за своего брата, что онъ не будетъ претендовать на меня за то, что мною будетъ зачислено

липовецкое мѣсто при соборѣ за моимъ внукомъ?. Я за тебя поручился, и владыка сказалъ, что по своему усмотрѣнію дастъ тебѣ хорошее мѣсто". Въ скоромъ времени я получилъ оффиціальное увѣдомленіе о назначеніи меня, безъ моего прошенія, на священническое мѣсто въ с. Лузановкѣ, Черкасскаго уѣзда. Женившись на дочери Звенигородскаго протоіерея, въ виду наступающаго великаго поста, поспѣшилъ я выѣздомъ своимъ въ Кіевъ для рукоположенія во священники. Явившись къ митрополиту, я имѣлъ дерзновеніе вопросить его о причинѣ немилости его ко мнѣ, выразившейся въ назначеніи меня священникомъ не въ городъ, или мѣстечко, а въ село. Владыка отвѣтилъ на это: „У меня, здѣсь на Печерскѣ, есть, могу сказать, не то что хорошій знакомый, а другъ мой, корпусный командиръ, генералъ Красовскій, очень благочестивый старикъ, дочь котораго въ замужествѣ за помѣщикомъ с. Лузановки, его однофамильцемъ. У тѣхъ господъ Красовскихъ имѣется большая семья въ возрастѣ, требующемъ серьёзнаго воспитанія, а они, въ качествѣ учителей и воспитательницъ, назвали къ себѣ Богъ вѣсть какихъ лицъ— студентовъ университета, англичанокъ, нѣмокъ, француженокъ,— поэтому дѣдушка дѣтей Красовскихъ сильно безпокоится за правильность воспитанія тѣхъ русскихъ православныхъ дѣтей и давно проситъ меня назначить въ с. Лузановку такого священника, который былъ-бы способенъ принять участіе въ воспитаніи его внуковъ и внучекъ. И вотъ я, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что бывшій настоятель Лузановской церкви, старикъ протоіерей Іеремія Обыдовскій, перешелъ въ г. Чигиринъ, назначилъ тебя въ с. Лузановку, въ той надеждѣ, что ты окажешься полезнымъ для Красовскихъ". Я попробовалъ было возражать противъ назначенія меня въ Лузановку, но владыка, видимо, остался недоволенъ этимъ и предложилъ секретарю своему, которому далъ пачку бумагъ, проводить меня къ преосвященному Аполинарію, викарію кіевской митрополіи. На извощикѣ подъѣхали мы къ Михайловскому монастырю и пошли къ преосвященному. Въ пріемной секретарь оставилъ меня одного, а самъ пошелъ въ покои преосвященнаго, отъ котораго скоро

возвратился и уѣхалъ. Когда вышелъ преосвященный, то обратился ко мнѣ съ такими словами: «Владыка митрополитъ, въ виду наступающаго великаго поста (а это было на сырной седмицѣ), поручилъ мнѣ завтра рукоположить васъ во діакона, а послѣзавтра во священника, чтобы вы могли прибыть на приходъ, по крайней мѣрѣ, на второй недѣлѣ великаго поста. Я началъ было объяснять, что къ завтрашнему дню я не готовъ, такъ какъ у меня не сшита была ряса и кафтанъ; но владыка замѣтилъ, что у него въ монастырѣ найдутся и рясы и кафтаны. По предложенію преосвященнаго, келейникъ его проводилъ меня къ какому-то іеромонаху, въ келію котораго принесены были для меня черная ряса и такого-же цвѣта кафтанъ, а вмѣстѣ съ ними и поясъ усменъ на чресла мои. У этого іеромонаха на жесткомъ ложѣ я и переночевалъ, а слѣдующаго дня въ крестовой архіерейской церкви рукоположенъ во діакона, а на слѣдующій день во іерея. Затѣмъ со врученными мнѣ бумагами отправился я къ настоятелю Кіево-Притиской Николаевской церкви, о. протоіерею Іоакиму Орлову, для практическаго изученія богослуженія. Вышедши изъ Михайловскаго монастыря, я, въ монашескомъ облаченіи, окольными путями пробрался въ квартиру, за канавою, своего брата, наставника Кіевской дух. семинаріи. Когда я появился въ томъ облаченіи въ залъ и меня первая увидала жена его, то всплеснула руками и кликнула своего мужа: „посмотри, Петръ Гавриловичъ, въ какомъ маскарадѣ пожаловалъ къ намъ Андрей Гавриловичъ“. Братъ мой, не зная, что я уже рукоположенъ,—такъ какъ эти двѣ ночи провелъ въ монастырѣ,—строго замѣтилъ мнѣ—„что это за маскарадъ!“ Такъ выразился по тому, что за два дня передъ симъ, по случаю масляницы, въ маскарадномъ видѣ являлись въ квартиру его, въ которой и я помѣстился, студенты кіевскаго университета, родственники жены его, съ нѣкоторыми знакомыми барышнями. Я извинился передъ ними за продолжительное отсутствіе изъ квартиры ихъ и разсказалъ имъ всю исторію своего быстраго посвященія. Практическое изученіе богослуженія начато мною въ Притиско-Николаевской церкви съ понедѣльника первой седмицы великаго поста и окончено въ субботу.

За принятіемъ ставленнической грамоты изъ святительскихъ рукъ митрополита Филарета прибылъ я, по особому увѣдомленію секретаря его, въ Кіево-Печерскую лавру зъ 8 часовъ утра, въ первое воскресеніе четыредесятницы, а въ 9 вошелъ въ пріемную. Карета митрополита стояла у подъѣзда; онъ самъ, одѣтый въ полную форму и готовый къ отъѣзду въ Кіево-Софійскій соборъ для совершенія литургіи въ недѣлю православія, сидѣлъ на диванѣ. Преподавъ мнѣ благословеніе и вручивъ ставленническую грамоту, какъ бы угадывая мои мысли, обратился ко мнѣ съ такими знаменитыми словами: „Ты противился прежде сдѣланному мною назначенію о тебѣ, можетъ быть и теперь еще хочешь сказать, что-то вопреки; но я скажу тебѣ, что судьба всякаго человѣка зависитъ отъ воли Божіей, а судьба пастырей совершается по волѣ Божіей волею архипастырей. Пойми сіе. Касательно нехоты твоей идти пастыремъ въ Лузановку, я скажу тебѣ теперь только то, что при объѣздѣ епархіи я былъ самъ тамъ, литургисалъ, ознакомился съ дворомъ помѣщичьимъ и увѣренъ былъ, что не останешься въ обидѣ отъ моего назначенія; за подробностями совѣтую тебѣ обратиться къ о. ключарю, бывшему со мною въ Лузановкѣ“. За симъ владыка, поднявшись къ выходу, еще осѣнилъ меня крестнымъ знаменемъ. По выслушаніи литургіи въ Софійскомъ соборѣ, я отправился къ о. ключарю, протоіерею Сухобрусову, и онъ, росписавши Лузановскую церковь, хоръ пѣвчихъ, дворецъ помѣщичій и многое другое въ самомъ лучшемъ видѣ, окончилъ свой панегирикъ тѣмъ, что еслибъ владыка далъ ему Лузановскій приходъ, то и сегодня отправился бы туда.

Описаніе Лузановскаго прихода, сдѣланное мнѣ въ Кіевѣ, вполнѣ отвѣчало дѣйствительности: церковь каменная, просторная, величественная; резонансъ въ ней такой сильный, что и при слабости голоса, я дѣлалъ прекрасные возгласы; звукъ колоколовъ сильный, мелодичный, хоръ пѣвчихъ превосходный, ризница богатая, клирики—діаконъ и дьячокъ обладали хорошимъ голосомъ. На богослуженіе, кромѣ помѣщичьей семьи, нерѣдко пріѣзжали изъ ближайшихъ мѣстъ отставные генералы—

Дризенъ, Гревсъ, Бѣлокопытовъ. Красовскіе пригласили меня для преподаванія ихъ дѣтямъ Закона Божія и русской и гражданской исторіи. Года черезъ два глава этого семейства умеръ, спустя еще три года—двѣ дочери Красовскихъ вышли замужъ, два сына поступили въ кадетскіе корпуса, мать же ихъ большую часть времени проводила то въ Кіевѣ, то за границей,—отчего положеніе мое измѣнилось. Преосвященный викарій Аполинарій при обозрѣніи церквей, по ревизіи Лузановской церкви, зашелъ ко мнѣ въ домъ и сказалъ, что, по порученію Высокопреосвященнѣйшаго владыки, хочетъ знать, какъ мнѣ поживается въ Лузановкѣ. Я отвѣтилъ, что при измѣнившихся обстоятельствахъ желалъ бы перейти на другой приходъ.

Не прошло и года послѣ сего, какъ я по случаю страшнаго волненія крестьянъ, особенно въ Корсунщинѣ, т. е. въ громадномъ имѣніи князя Лопухина, а преимущественно въ Спасскомъ приходѣ, за смертью священника Спасской церкви м. Корсуня, скончавшагося въ самый разгаръ этого волненія,—помимо всякаго своего прошенія, ордеромъ митрополита Кіевскаго Филарета былъ назначенъ священникомъ Спасской церкви м. Корсуня. Ордеръ о семъ мѣстнымъ благочиннымъ былъ препровожденъ мнѣ, несмотря на 50-ти верст. разстояніе, въ тотъ же день нарочнымъ, съ предписаніемъ немедленно явиться къ мѣсту своего назначенія. Я прибылъ на новое мѣсто, когда, такъ сказать, потоки крови крестьянской, пролитой высланными изъ Кіева воинскими командами, были еще свѣжи, и какъ владѣлецъ Корсунскихъ имѣній, такъ особенно Корсунская паства были рады миротворцу—новому священнику. Объ удачной миссіи моей касательно умиротворенія съ похвалою отзывался, посѣщая м. Корсунь, митрополитъ Кіевскій Арсеній, уже по выбытіи моемъ въ Царство Польское.

Положеніе мое во время священства моего въ Корсунско-Спасской церкви было самою счастливѣйшею порою въ моей жизни во всѣхъ отношеніяхъ. Церковъ нерукотвореннаго образа Христа Спасителя, огромная по размѣрамъ, съ каменною же въ 4 яруса колокольнею и часами на 3-мъ ярусѣ, бой которыхъ

производился въ 150 пудовый колоколъ, была архитектуры рѣдкой. Посѣщавшій ее въ мое время одинъ знаменитый художникъ изъ Петербурга дивился смѣлости возведенія громаднаго купола на ней въ 16 большихъ оконъ безъ столбовъ внутри церкви подъ нимъ. Генералъ-Губернаторъ Кіевскій, Н. Н. Анненковъ, осматривавшій ее въ первый разъ посѣщенія ея въ будничный день, въ личномъ присутствіи моемъ, находилъ въ ней сходство съ храмомъ св. Петра и Павла въ Римѣ. Въ мраморномъ иконостасѣ надъ Царскими вратами высилась икона Тайной вечери Господней—копія Винчи; всѣ образы въ иконостасѣ въ нижнихъ ярусахъ были писаны рукою художника Шубуева—въ Петербургѣ. Митрополитъ Кіевскій Исидоръ, пріѣзжавшій въ Корсунь при мнѣ, попросилъ князя Лопухина снять посредствомъ его художника копію съ образа Св. ап. Павла для какой-то строившейся церкви въ имѣніи графовъ Браницкихъ, кажется, въ м. Бѣлой Церкви на Зарѣчьѣ; но графомъ Браницкимъ былъ командированъ для снятія копіи какой-то художникъ, находившійся при университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ. Архитектурность постройки Корсунско-Спасской церкви и художественность живописи иконостаса зависѣли отъ того, что строителемъ сей церкви былъ отецъ князя Петра Павлов. Лопухина, Петръ Васильевичъ Лопухинъ, предсѣдатель Государств. Совѣта при импер. Павлѣ I, ворочавшій всѣми дѣлами государственными и имѣвшій вліяніе и на всѣхъ лицъ, понадобившихся ему при постройкѣ церкви. Богатая ризница прежняго времени была часто пополняема выпискою на средства князя Лопухина изъ Москвы облаченій новыхъ. Для благолѣпія церковнаго богослуженія содержимъ былъ на счетъ князя хоръ, состоящій изъ разныхъ голосовъ (коихъ я, по предложенію князя, выписывалъ изъ разныхъ мѣстностей); хоръ обходился князю въ годъ 12 тысячъ рублей, несмотря на то, что мальчики для пѣнія были изъ музык. княж. школы; и даже нѣкоторые изъ басовъ были изъ той же школы. Кромѣ діакона изъ штатнаго причта, князь на свой счетъ содержалъ за довольно высокую плату сверхштатнаго діакона, весьма представительной наружности. Самъ митрополитъ Исидоръ при посѣщеніи Кор-

сунско-Спасской церкви, былъ восхищенъ пѣніемъ княжескаго хора, а также какъ внѣшностью, такъ и голосомъ вольнонаемнаго діакона. Мой духовный сынъ, свѣтлѣйшій князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ, родной внукъ императора Петра Великаго, клонилъ свою сѣдую голову, принималъ отъ меня благословеніе, гдѣ-бы я ни видѣлся съ нимъ, и вообще питалъ ко мнѣ глубокое уваженіе [1]). По собственному своему вызову онъ былъ крестнымъ отцемъ всѣхъ моихъ дѣтей во время 12-ти лѣтняго священства моего въ Корсунѣ,—вызывая заблаговременно до родовъ лучшихъ акушерокъ изъ Москвы, и одѣляя щедро золотою монетою родившую и рожденное послѣ его крещенія. Дарилъ для кормленія своихъ крестниковъ и крестницъ голендерскихъ коровъ, а мнѣ, для разъѣзда, по благочинической и наблюдательской должности, по ста приходскимъ школамъ Каневскаго уѣзда, уступалъ по весьма уменьшеннымъ цѣнамъ изъ своего завода экипажныхъ лошадей. Даже и нѣсколько экипажей было сдѣлано по очень удешевленной цѣнѣ въ его мастерскихъ. Квартира моя, какъ и прежде удобно имъ устроенная и обширная по числу комнатъ, ежегодно ремонтировалась и подновлялась внутри окраскою стѣнъ, потолковъ, оконъ и дверей дворскими его людьми и красками изъ его двора, соотвѣтствующими назначенію каждой комнаты. Однажды, по случаю возбужденія вопроса главно-управляющимъ о томъ, кто имѣетъ право на безплатное полученіе лѣкарствъ по рецептамъ доктора изъ княжеской аптеки, онъ собственноручно написалъ на большомъ листѣ о правахъ и моихъ, какъ духовнаго его отца, и велѣлъ повѣсить на видномъ мѣстѣ въ аптекѣ.—Знаменитый врачъ князя, докторъ медицины и акушерства Генрихъ

---

[1]) Памятникомъ сего уваженія его ко мнѣ и доселѣ сохранились въ домашнемъ моемъ письменномъ архивѣ нѣкоторыя изъ писемъ его, въ которыхъ онъ просилъ моего совѣта по предпринимаемымъ имъ дѣламъ или общеблаготворительнымъ учрежденіямъ, особенно въ Псковской губ.—родовомъ его имѣніи, или же по части еще большаго благолѣпія мѣстной Спасско-Корсунской церкви, которой состоитъ прихожанномъ и усернымъ попечителемъ.

Стан. Тритшель, отецъ нынѣшняго профессора Кіевск. университета, Карлъ Генр. Тритшеля, былъ докторъ и моего дома.

Матеріальное обезпеченіе мое, помимо получаемаго мною жалованья по Епархіальной службѣ, увеличивалось отъ князя за преподаваніе Закона Божія въ музыкальной княжеской школѣ мальчикамъ изъ крѣпостныхъ людей, а также благодаря присутствію князя въ качествѣ воспріемника при крещеніи почти всякаго служившаго при дворѣ его, не исключая и сажотрусовъ. Щедро получалъ я отъ лицъ служившихъ въ главной конторѣ по управленію его имѣніями, каковыхъ лицъ въ качествѣ бухгалтеровъ было получавшихъ жалованья по тысячѣ рублей до 30-ти, не считая главно-управляющаго. Немалые доходы имѣлъ я отъ отдаваемой мною въ аренду церковной земли. Вообще получаемое мною содержаніе было такое, какимъ едва-ли кто пользовался изъ священниковъ Кіевской Епархіи.

Климатическія условія мѣстности—превосходны, а къ тому и не безъ пріятныхъ развлеченій.[1]) Ежегодно ко дню Ангела (29 іюня) и ко дню рожденія (4 августа) свѣтлѣйшаго князя пріѣзжали на соборное богослуженіе въ Корсунско-Спасскую церковь Кіевскіе генералъ-губернаторы. Въ числѣ генералъ-губернаторовъ, пріѣзжавшихъ сюда, были князь И. И. Васильчиковъ, Ник. Ник. Анненковъ, Александръ Павловичъ Безакъ; а изъ губернаторовъ Казнаковъ, Гессе. Высокопоставленныя эти лица, гостя у князя дня по два по три, слушали музыку и въ домѣ

---

1) Содержавшійся на счетъ князя оркестръ, подъ управленіемъ капельмейстера, выписаннаго изъ Чехіи, пользовавшійся громкою славою, игралъ въ саду княжескомъ, расположенномъ на 7-ми скалистыхъ островахъ, обтекаемыхъ р. Росью,—всякій воскресный и праздничный день, и по четвергамъ въ лѣтнюю пору. И послушать игру его съѣзжались изъ разныхъ губерній помѣщичьи семейства для лѣтняго пребыванія въ Корсуни, большинство-же и для пользованія у доктора Тритшеля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для купанья въ каскадахъ водъ р. Роси въ мѣстахъ, гдѣ она била волнами о подводные камни.

князя за обѣдомъ и ужиномъ, и въ послѣобѣденное время до вечера въ саду княжескомъ.

Не оставляли безъ особеннаго вниманія князя и церкви Спасской духовные владыки кіевскіе. Выѣзжая для ревизіи церквей, они останавливались, на время пребыванія своего въ Корсунѣ, въ дворцѣ князя, построенномъ въ швейцарскомъ вкусѣ по архитектурѣ и на высокой скалѣ; совершали всегда торжественное богослуженіе въ Спасской церкви, хотя бы пріѣздъ ихъ былъ и въ будничный день; обѣдали въ томъ же дворцѣ со всѣмъ духовенствомъ, участвовавшимъ въ богослуженіи, отъѣзжали въ сосѣднія села для обозрѣнія церквей и опять возвращались къ князю на ночлегъ. За время служенія моего при Корсунско-Спасской церкви, въ ней богослуженіе совершали: митрополитъ Исидоръ,[1]) двукратно—митрополитъ Арсеній и викарій Аполинарій. Въ Корсунѣ, по случаю послѣдовавшаго предъ назначеніемъ меня къ Спасской церкви волненія крестьянъ, преждевременно добивавшихся освобожденія отъ крѣпостной зависимости,[2]) въ теченіи 12-ти лѣтняго служенія моего въ немъ находились всѣхъ сортовъ оружія войска со штабами—дивизіоннымъ, кавалерійскими, бригадными—артиллерійскими, саперными баталіонными и нѣсколькими пѣхотными ротами.

Все это придавало мѣстечку оживленный видъ и отпечатокъ важнаго города.

Въ вечернюю пору, особенно въ дни ангела и рожденія свѣтлѣйшаго князя и его супруги свѣтлѣйшей княгини Іоанны, праздновавшей день своего ангела въ день рожденія крестителя Господня (24 іюня), съѣзжались, для гулянья, въ княжескомъ саду и для слушанія игры оркестра, и семейства священниковъ имѣнія князя (а священниковъ въ имѣніи князя въ одной Кор-

---

[1]) Къ пріѣзду митр. Исидора князь экстренно вызвалъ изъ Кіева знаменитаго пѣвца, Г. Соловцева, который пѣлъ, какъ единолично, такъ и принималъ участіе въ пѣніи кіевскаго хора въ дворцѣ въ вечернюю пору, чередуясь съ музыкальнымъ оркестромъ.

[2]) См. объ этомъ печатаемую въ настоящей книгѣ «Записку» П. Г. Лебединцева.

сунщинѣ считалось 28). Въ сумерки нѣкоторыя изъ этихъ семействъ по приглашенію моему, а другія и безъ приглашенія, сходились въ мою квартиру и были угощаемы чаемъ и ужиномъ, для чего, по распоряженію князя, былъ присылаемъ заблаговременно сахаръ головами, вина изъ погребовъ, пиво, боченками изъ его завода, разные продукты изъ его оранжерей, повара и другая необходимая прислуга. Кондиторъ княжескій за день до наступленія празднествъ въ нѣсколькихъ кадкахъ заготовлялъ для моихъ гостей мороженое.

Жизнь при такихъ обстоятельствахъ могла ли быть скучною, хотя, преимущественно для меня, была и докучливою? Въ общемъ можно сказать, что это было доброе старое время. А потому не естественно-ли мое настоящее желаніе—передать объ этомъ добромъ старомъ времени и отдаленному потомству? А чрезъ посредство чье-же, какъ не черезъ журналъ „Кіевская Старина", такъ какъ всѣ воспоминаемые мною событія совершались въ губерніи Кіевской? Да и основатель сего журнала былъ родной братъ мой Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ, объ коемъ, по обученію его со мною въ Зеленянской школѣ, Богуславскомъ духовномъ училищѣ и въ Кіевск. Духовной семинаріи, говорятъ эти мои воспоминанія.

Протоіерей Андрей Лебединцевъ.

Новая библіографическая находка.

Переводная статья кн. А. М. Курбскаго: **„Ѿ другіє діалектики Іѡна спа́нинъбе́ргера ѡ силогизме вытолковано“** [1]).

Мѣстонахожденіе новооткрытаго *печатнаго* экземпляра статьи кн. Курбскаго: „*От другіе діалектики Иона Спанинъбергера о силогизме вытолковано*“—сборникъ Московской синодальной типографской библіотеки № 4217 [2]). Тутъ онъ помѣщенъ среди другихъ старопечатныхъ произведеній конца XVI и начала XVII ст., въ числѣ которыхъ, рядомъ съ нимъ, находится экземпляръ славянской грамматики, изданной въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей, въ 1586 г. [3]). Послѣднее обстоятельство даетъ ключъ къ опредѣленію мѣста и времени изда-

---

[1]) Сообщеніе въ засѣданіи Императорскаго общества любителей древней письменности 8 января 1899 г.

[2]) Здѣсь находится собственно два экземпляра статьи: полный, изъ шести листковъ in 8-vo, и неполный—изъ четырехъ первыхъ, которые помѣщены между пятымъ и шестымъ листками полнаго экземпляра.

[3]) До сихъ поръ были извѣстны только два экземпляра этого изданія—собора Іоанна Крестителя въ Перемышлѣ и Императорскаго общества любителей древней письменности въ Петербургѣ (*Каратаевъ*, Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами, 1883 г., I, № 113). Найденный нами экземпляръ грам-

нія самой статьи: одинаковые въ грамматикѣ и статьѣ форматъ и качество бумаги, отсутствіе на ней водяныхъ знаковъ, кромѣ линій, тожество шрифтовъ—все это позволяетъ думать, что статья Курбскаго издана въ той-же типографіи и, быть можетъ, въ томъ-же году, что и грамматика, и, вѣроятно, въ связи съ нею.

Содержаніе статьи Курбскаго, извѣстной до сихъ поръ только въ рукописяхъ [1]), слѣдующее. Опредѣленіе силлогизма;

матики—дефектный: въ немъ недостаетъ трехъ первыхъ листковъ, но онъ нѣсколько полнѣе петербургскаго, въ которомъ не хватаетъ четырехъ.

[1]) Таковы: а) Списокъ Московскаго Румянцевскаго музея въ рукописи XVII в., л. 337 об. и слѣд. (Описаніе—*А. Востокова*, 1842 г., стр. 242); б) того-же музея—въ рукописи изъ собранія Пискарева, XVII в., № 189 (Чт. въ Москов. общ. исторіи и древн. Рос., 1888, I. Приложенія къ статьѣ А. С. Архангельскаго: «Борьба съ католичествомъ и зап.-русская литература конца XVI—первой половины XVII в.», стр. 155, 165, 166; здѣсь изложено содержаніе статьи въ видѣ заголовковъ и начальныхъ фразъ ея параграфовъ, по рук. Румянцевскаго музея № 193 съ варіантами по рук. Пискарева); в) Московской дух. академіи въ рук. (?) в. (*Архим. Леонида*, Описаніе вып. II, стр. 122); г) Казанской дух. академіи, изъ собранія Соловецкихъ рукописей, № 102 (по Описанію—№ 260), лл. 215—220 (XVII в.; данный списокъ представляетъ почти точную копію съ печатнаго экземпляра,—даже опечатки нѣкоторыя сохранены); д) Московскаго Никольскаго единовѣрческаго монастыря,—изъ собранія рукописей А. И. Хлудова (по Описанію *А. Н. Попова*—№ 60, стр. 116); е) Московскаго Чудова монастыря, въ сборникѣ 1600 г. № 34, лл. 193—199. Интересно, что послѣдній списокъ заставилъ покойнаго А. Н. Попова сдѣлать нѣсколько поспѣшный выводъ относительно напечатанія данной статьи. Въ сборникѣ Чудова монастыря вслѣдъ за статьей Курбскаго и «сказомъ» помѣщенъ выходъ виленской грамматики 1586 года. А. Н. Поповъ, прочтя въ выходѣ вм. «грамматика»—«грамотка», отнесъ ее къ статьѣ и утверждалъ напечатаніе ея въ Вильнѣ въ 1586 г., въ типографіи Мамоничей («Свѣдѣніе о неизвѣстной книгѣ виленской печати 1586 г.—Чтенія въ Моск. общ. ист. и древн. росс., 1881, II, Матеріалы, XI, 53—55.

раздѣленіе силлогизмовъ на „утверждающіе и прящіе“ (положительные и отрицательные) и примѣры ихъ. Энтимемы,—опредѣленіе ихъ и примѣры энтимемъ безъ большей посылки и безъ меньшей. Опредѣленіе „образца“ (фигуры) силлогизмовъ и примѣры силлогизмовъ трехъ „образцовъ“. Опредѣленіе „чиновъ“ (модусовъ) силлогизмовъ и примѣры ихъ по всѣмъ тремъ фигурамъ. Правила объ отношеніяхъ силлогизмовъ. Въ заключеніи статьи—„Сказъ Андрѣя чего ради сіи (т. е. правила о силлогизмахъ) написаны“. Отсюда читатель узнаетъ, что хотя не всѣ силлогизмы защищаютъ истину,—иные и „сопротивъ правды глаголютъ“, однако знать всѣ ихъ очень важно: во-первыхъ, ради самого знанія („иже-бы есте вѣдали чинъ и мѣру (напечатано—„вѣру“) силлогизмовъ, яко въ нихъ среду изобрести и гдѣ положити“); во-вторыхъ, чтобы умѣть отличить правду отъ неправды и истину отъ лжи; въ третьихъ, чтобы умѣть бороться съ противниками истины, указывая имъ, въ чемъ они отступаютъ отъ нея и какіе логическіе промахи они допустили. Тѣмъ болѣе нужно знать все это, что ложными силлогизмами пользовались всѣ еретики противъ догматовъ истинной вѣры, и ихъ искусно опровергали „святые наше страны премудрые, навыкши тоя словесной силѣ“. Сказъ оканчивается словами „единаго премудраго“: „все потреба вѣдати, да не всему вѣрити, но точію правде и истинне“ [1].

При печатномъ экземплярѣ статьи нѣтъ ни выходного листа, ни послѣсловія, но принадлежность ея кн. Курбскому не подлежитъ сомнѣнію, въ виду, прежде всего, приложеннаго къ ней „Сказа Андрѣя“. Подобнымъ образомъ Курбскій обозначалъ свое авторство и въ другихъ случаяхъ. Такъ надписаны его пояснительныя замѣчанія въ рукописномъ сборникѣ твореній Іоанна Дамаскина, принадлежащемъ къ Хлудовскому собранію [2]; здѣсь-же предисловіе къ твореніямъ надписано: „Пре-

[1]) «Сказъ Андрѣя» полностью напечатанъ А. Н. Поповымъ въ Описаніи рукописей А. И. Хлудова, стр. 117—118, по рукоп. № 60.

[2]) *Поповъ А.*, Описаніе рукописей А. И. Хлудова (М., 1872), стр. 106. 115.

дисловіе Андрея грехми исполънена“ [1]); въ предисловіи къ „Новому Маргариту“ кн. Курбскій называетъ себя „многогрѣшнымъ Андреемъ Ярославскимъ“ [2]). Затѣмъ, что Курбскій—авторъ данной статьи, это доказывается отношеніемъ ея ко всѣмъ переводнымъ трудамъ Курбскаго и къ общему характеру его литературной дѣятельности въ западной Россіи.

Бѣжавъ ночью 30 апрѣля 1564 г. изъ-подъ Дерпта въ Литву, кн. А. М. Курбскій получилъ отъ короля Сигизмунда Августа помѣстья на Волыни и такимъ образомъ попалъ въ самый круговоротъ религіозныхъ движеній, волновавшихъ тогда Польшу и западную Россію. Католики и протестанты различныхъ толковъ, воюя другъ съ другомъ, попутно задѣвали и православную церковь, которая тогда не располагала еще тѣми духовными средствами для борьбы съ своими врагами, развитію которыхъ такъ много содѣйствовали и братства, и отдѣльныя лица, въ родѣ кн. К. К. Острожскаго, Ю. Слуцкаго, А. М. Курбскаго. Князю Курбскому едва-ли не принадлежитъ починъ въ томъ умственномъ движеніи, какое проявило западно-русское православное общество въ сторону защиты своей вѣры. Какъ человѣкъ строго православный, князь Курбскій не могъ подпасть ничьему инославному вліянію; солидное образованіе, полученное имъ подъ руководствомъ знаменитаго писателя-богослова преп. Максима Грека [3]), позволило ему сразу ориентироваться въ массѣ рели-

---

[1]) *Поповъ*, Описаніе рукоп. Хлудова, стр. 100.

[2]) Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, II, 308 (Id. Чт. Моск. общ. ист. и древн. Рос., 1888, I. *А. Архангельскій.* Прилож. къ очеркамъ, стр. 7; ср. 24). Иногда онъ называетъ себя и полнымъ именемъ: «Андрѣя Коурпскаго сказ ѿ лоике (*Поповъ*, ibid., 117).

[3]) Въ предисловіи къ Новому Маргариту Курбскій называетъ Максима «превозлюбленнымъ учителемъ своимъ», «зъ самыхъ преподобныхъ устъ» котораго онъ слышалъ о переходѣ на западъ писаній греческихъ отцовъ (Чт. въ Моск. общ. ист. и древн. росс., 1888, I. Приложеніе къ очеркамъ *проф. Архангельскаго:* «Борьба съ католичествомъ и зап.-рус. литература к. XVI—первой полов. XVII в.», стр. 12).

гіозныхъ движеній, а литературный талантъ и писательская жилка помогли ему принять видное участіе въ разыгравшейся борьбѣ. Не касаясь всѣхъ литературныхъ произведеній кн. Курбскаго [1]), мы остановимся только на переводахъ твореній І. Дамаскина, какъ имѣющихъ непосредственное отношеніе къ нашему предмету.

Толчокъ въ переводческой дѣятельности дали кн. Курбскому пришедшія ему на память слова Максима Грека о томъ, что изъ св. отцевъ немногіе переведены на славянскій языкъ, тогда какъ на латинскій—почти всѣ. Видя, что „нашихъ учителей чуждые наслаждаются, а мы гладомъ духовнымъ таемъ, на свои зряще", кн. Курбскій приложилъ усилія къ тому, чтобы и самому изучить латинскій языкъ, и приготовить себѣ помощниковъ съ знаніемъ славянскаго и латинскаго языковъ. Въ концѣ концовъ при дворѣ его организовалась цѣлая переводческая комиссія. Къ переводу намѣчены были и были пріобрѣтены творенія свв. Василія вел., Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Кирилла александрійскаго, Григорія и Нила, митрополитовъ солунскихъ, хроника Никифора Каллиста и др. [2]). Но главное вниманіе было обращено на творенія св. Іоанна Дамаскина. Причины этого обстоятельно выяснены самимъ Курбскимъ. Въ „Предисловіи Андрея грехми исполнена на книгу св. Іоанна Дамаскина, глаголемую Небеса" [3]), онъ вспоминаетъ, какъ однажды въ собраніи сочиненій Максима Грека

---

[1]) Полный перечень оригинальныхъ и переводныхъ трудовъ Курбскаго, съ указаніемъ, какіе изъ нихъ напечатаны, находится въ статьѣ *А. Ясинскаго*: «Сочиненія кн. Курбскаго, какъ историческій матеріалъ» (Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1889, № 10, стр. 60—61).

[2]) Посланія кн. Курбскаго къ кн. К. Острожскому и Марку Сарыгозину (Сказаніе кн. Курбскаго, изд. 1833 г., II, 158. 164—166); ср. Предисловіе къ «Новому Маргариту» (Чт. въ Моск. общ. ист. и древн. росс., 1888, I, прилож. къ Очеркамъ А. С. Архангельскаго, стр. 10—13).

[3]) Библіографическія записки, 1858, I, 358—361.

натолкнулся на посланіе его къ нѣкоему Егорію, въ которомъ послѣдній предостерегался отъ ложныхъ писаній и утверждался въ правыхъ догматахъ, причемъ ему совѣтовалось читать книгу Дамаскина, „по истинѣ подобную красотѣ небесной и сладчайшую меда и сота“, но, къ сожалѣнію, „не право переведенную“. Князь Курбскій со вниманіемъ прочелъ книгу Дамаскина и нашелъ, что она „зело премудра и много намъ потребна (бо онъ былъ учитель послѣдне(і)й и избираючи отъ всѣхъ учителей вкратце описалъ), яко-бы зерцало церкви и щитъ, альбо броня крѣпкая ото всѣхъ еретиковъ“. У Курбскаго составилось опредѣленное убѣжденіе, что этотъ „свѣтлый и апостолоподобный мужъ“ равняется въ богословіи Діонисію Ареопагиту и Григорію Назіанзину, „въ глубочайшихъ-же духа изысканіяхъ“—Василію Великому, въ защитѣ церковныхъ догматовъ—Іоанну Златоусту, и что въ борьбѣ съ еретиками онъ крѣпко держится Аѳанасія великаго и премудраго Кирилла іерусалимскаго [1]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Курбскій нашелъ, что Дамаскинъ переведенъ „недобре“ и „несполна“, при томъ-же „отъ преписующихъ отнудъ растлѣнъ“ и „ко выразумѣнію неудобенъ и никому же познаваемъ“ [2]). Пріобрѣтши изданіе Дамаскина на греческомъ и латинскомъ языкахъ (Базельское 1548 г.), кн. Курбскій сталъ править по нему древній славянскій переводъ и дополнять его, но по причинѣ „бѣдъ и напастей страньства своего“, не могъ перевести до конца „всю его книгу священную и многополезную“.

Дополненіямъ и исправленіямъ кн. Курбскаго прежде всего подвергся переводъ Богословія Іоанна Дамаскина—третьей части его знаменитаго творенія, обнимающаго всю истину философскаго и богословскаго вѣдѣнія,—„Источника знанія“ (Πηγὴ γνώ-

---

[1]) Ср. посланіе (2-ое) Курбскаго къ К. Мамоничу, гдѣ о Дамаскинѣ говорится, что «онъ паче всѣхъ острѣйше ихъ (латинянъ) новоявленную ересь обличаетъ о прохожденію Духа святаго» (Сказанія кн. Курбскаго. II, 178).

[2]) Ср. Эпистолію ко Кадіану Чаплію (Сказ., II, 189).

σεως) [1]). Переводъ этотъ былъ совершенъ еще въ X в. извѣстнымъ Іоанномъ, экзархомъ болгарскимъ, который впрочемъ изъ 100 главъ перевелъ только 48, наиболѣе важныхъ для новокрещеннаго болгарскаго народа, причемъ дѣлалъ отъ себя дополненія [2]). Курбскому пришлось переведенное уже исправить и обновить, такъ сказать, а прочее—вновь перевести [3]). Но въ системѣ Дамаскина Богословіе составляло заключительную часть и ему не даромъ были предпосланы „философскія главы". Онѣ должны ввести читателя въ кругъ философско-богословскихъ занятій и терминовъ, какіе употреблялись св. отцами греческой церкви для изобличенія еретиковъ и раскрытія праваго ученія и какими злоупотребляли еретики, напоенныя философскими ученіями, на свою и простыхъ людей погибель. Въ виду этого „философскія главы" являются столь важными, что, по выраженію редактора ихъ въ изданіи Миня, кто пренебрежетъ ими, тотъ окажется далекъ не только отъ богословія Дамаскина, но и другихъ учителей восточной церкви (t. XCIV, col. 519—520). Понималъ значеніе ихъ и кн. Курбскій. Въ своемъ „Сказѣ о лоике", ко-

---

[1]) *Migne*, Patrologiae cursus completus, series graeca, t. XCIV, col. 521—1228. Двѣ первыя части—Κεφάλαια φιλοσόφικα (Dialectica) и Περὶ αἱρέσεων. Третья часть въ греческомъ подлинникѣ озаглавлена: Ἔκθεσις ἀκριβὴς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως. Въ славянскихъ переводахъ она называется: «Слово о правѣй вѣрѣ», «Небеса», иногда—Увѣріе (Журн. мин. нар. просв., 1888, іюль, 247. *А. Архангельскій*, Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности).

[2]) Переводъ этотъ сохранился во многихъ спискахъ, изъ которыхъ древнѣйшій—XIII в.—принадлежитъ Московской синодал. библіотекѣ (Описаніе, отд. II, т. 2, № 155). По данному списку переводъ Іоанна экзарха напечатанъ въ Чтеніяхъ Моск. общ. ист. и древн. росс. 1877, IV. См. Журн. мин. нар. пр. 1888, іюль, 246, прим. 1.

[3]) Переводъ Курбскаго сохранился между прочимъ въ рукоп. Румянц. Музея (№ 193) и въ Хлудовскомъ собраніи (№ 60). Совершенъ онъ между 1575 и 1579 гг. (Журн. Мин. нар. пр., 1888, іюль, 260, 261).

торымъ заключается переводъ ихъ, Курбскій выражается, что діалектика—что клещи въ рукахъ кузнеца: „философскіе вещи аще хто хощетъ разоумѣти. на добромъ сердцоу аки-бы на наковалне. оумом-же аки-бы млатомъ оударяетъ троудолюбне со потщателнымъ разоумомъ тѣми словесными клещами аки троудолюбною роукою дѣло духовное держаще прилѣжнымъ разоумомъ изваряетъ и оумяхчаетъ“ [1]). Потому то необходимо было перевести на славянскій языкъ и „философскія главы“ Дамаскина. Правда, уже до Курбскаго существовалъ древній переводъ ихъ, приписываемый въ нѣкоторыхъ рукописяхъ тому-же экзарху болгарскому Іоанну [2]). Но этотъ переводъ не былъ извѣстенъ Курбскому, о чемъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ предисловіи къ переводу твореній Дамаскина („Послѣди-же книги сее (т. е. Богословія) обрѣтохъ діалектику, зело нарочито написану и отъ философіи указанія, послану къ Козьмѣ, еписко-

---

[1]) *А. Н. Поповъ*, Описаніе рукописей А. И. Хлудова, 117. 118.

[2]) Древній переводъ Діалектики Дамаскина существуетъ во множествѣ списковъ. Таковы, напр.: Румянц. музея №№ CXCI и CXCII (Описаніе, стр. 238. 239), Моск. синод. библіотеки №№ 107. 156. 158 (Описаніе, отд. II, ч. 2, стр. 5, 308. 320), Императорской публ. библіотеки № XLIX (Описаніе *А. Ѳ. Бычкова*, ч. I, № 231) и въ рукописи XV в. (Отчетъ библіотеки за 1883 г. № 44), Казанской дух. академіи №№ 119. 247. 251. 257. 259. 260—262. 264. 266. 268 (По описанію рукописей Соловецкой библіотеки), Московской дух. академіи, №№ 22. 23. 25. 26 (по Описанію *архим. Леонида*, т. II, стр. 117. 122. 124. 125), Собранія гр. Уварова № 220 (Описаніе *архим. Леонида*, т. I). Принадлежность этого перевода экзарху Іоанну отрицается Горскимъ и Невоструевымъ (а вслѣдъ за ними—и другими) въ виду того, между прочимъ, что языкъ его новѣе вѣка экзархова, и по причинѣ немалаго количества въ немъ сербизмовъ (Описаніе рукоп. Моск. синод. библ., отд. II, ч. 2, 314—318).—Данный переводъ діалектики Дамаскина представляетъ довольно свободное отношеніе къ греческому оригиналу (о пропускахъ, сокращеніяхъ и добавленіяхъ см. въ Описаніи рукоп. Моск. синод. библ., отд. II, ч. 2, стр. 313—314).

пу Маюмскому, и иные потребные и прекрасные повѣсти, ихже у насъ нѣсть преведено“ [1]) Діалектика Дамаскина переведена Курбскимъ съ латинскаго языка, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ сказѣ о логикѣ, гдѣ объясняетъ и причину этого, со словъ Максима Грека, который сообщилъ ему, что „словесныя науки“, т. е. физика, метафизика и логика, бывъ переведены по разрушеніи греческаго царства на латинскій языкъ, на немъ только и существовали, такъ какъ латиняне „многіе ради зависти пожьгли“ греческіе оригиналы [2]).—Сдѣланный Курбскимъ переводъ Діалектики, подобно переводу, приписываемому Іоанну экзарху, не совсѣмъ совпадаетъ съ греческимъ подлинникомъ,—въ немъ и главы не всѣ (50 изъ 68), и порядокъ ихъ не тотъ, и въ изложеніи ихъ есть разница, кромѣ того есть нѣкоторыя вставки [3]).

Уже эти измѣненія даютъ видѣть, что Курбскій не вполнѣ доволенъ былъ Діалектикой Дамаскина. Въ „Сказѣ о логикѣ“

---

[1]) Библіограф. записки, 1858, I, 360. ср. «Андрѣя Коурпскаго сказъ о логикѣ», гдѣ говорится, что логика Дамаскина «отъ грецка языка к намъ не пріиде, не вѣмъ если по зависти не узычили (греки), або по нашей лѣности не преведено, но отъ дроугаго языка сіе Богъ далъ» (*А. Поповъ*, Описаніе рукописей А. Хлудова, 118).

[2]) *Поповъ*, Описаніе рукописей Хлудова, 118. Переводъ Дамаскиновой Діалектики, сдѣланный Курбскимъ, сохранился въ рукописяхъ Румянц. музея—№№ 193 (лл. 286—336) и 189—изъ собр. Пискарева (Ж. М. Н. Пр. 1888, іюль, 258, прим.), въ Хлудовской № 60, лл. 1—59 (отд. нумер.). Принадлежность этого перевода именно Курбскому можетъ быть доказываема между прочимъ тѣмъ, что въ немъ, въ главѣ: «Толкованіе на тщіцу каѳегорій», приводятся имена Вереса и Катилины (Приложеніе къ Очеркамъ А. Архангельскаго, стр. 164), не встрѣчающіяся ни въ подлинникѣ, ни въ латинскомъ переводѣ Діалектики Дамаскина, но имѣющіяся въ переводной статьѣ Курбскаго: «Отъ другіе діалектики»...

[3]) См. перечень главъ у Миня, т. XCIV, ст. 525—528, и Описаніе рукописей Румянц. музея, № 193—*А. Архангельскаго* (Чт. Моск. общ. ист. и др. росс., 1888, I, III прилож. къ Очеркамъ, стр. 155—156).

онъ выразился, что она „кратко отъ него написана“ [1]). Дѣйствительно, состоя изъ ряда главъ, выясняющихъ основныя философскія понятія „существеннаго“ и „случайнаго“, „сходства и различія“, „количества“ и „качества“, „рода“ и „вида“, „ипостаси“ и „лица“ и т. п., діалектика Дамаскина нѣсколько отдалялась отъ того содержанія этой науки, какое давали западно-европейскіе учебники ея. Въ предисловіи къ твореніямъ Дамаскина Курбскій выразился о логикѣ, что она „учить яко мѣрами слогни (силлогизмы) складати, чѣмъ правду и истинну отъ лжи и потвари раздѣлити“ [2]). Эта именно сторона всего важнѣе была въ то время, когда въ религіозныхъ диспутахъ представителей различныхъ исповѣданій больше успѣвалъ у слушателей не тотъ оппонентъ, который былъ ближе къ истинѣ, а тотъ, кто искуснѣе владѣлъ способностію играть понятіями и строить *хитрорѣчные*, по выраженію Іоанна Вышенскаго, *силогизмы*, кто изучилъ *лживую діалектику, зъ бѣлого черное, а зъ черного бѣлое перетворяти учащую* [3]). Такого рода діалектика изучалась въ инославныхъ школахъ того времени, она-же имѣла мѣсто и въ публичныхъ и частныхъ диспутахъ проповѣдниковъ латинства. Не даромъ кн. Курбскій въ своихъ письмахъ и пояснительныхъ замѣчаніяхъ къ переводамъ изъ Дамаскина такъ часто отмѣчалъ, что враги православія вооружаются противъ истины „ядовитыми слогнями“ (силогизмами), „діалектическими софизматами“, „ораторскими штуками“, что они „софистицки превращаютъ и растлѣваютъ апостольскую теологію“, что книжки ихъ „поваплены поганскими силогизмами“ [4])... Правда, и діалектика Дамаскина не обходила ученія о силлогизмѣ, но оно изложено здѣсь очень кратко, составляя содер-

---

[1]) *Поповъ*, Описаніе рукописей Хлудова, 118.

[2]) Библіограф. Записки, 1858, I, 365.

[3]) «Зачанка». *Голубевъ С. Т.*, Петръ Могила, т. I, Прилож., стр. 73.

[4]) Сказаніе кн. Курбскаго, 1833, т. II, стр. 171. 173. 177. 179

жаніе только двухъ главъ [1]). Все это и побудило кн. Курбскаго дополнить переводъ Дамаскиновой Діалектики статьей „От другіе діалектики Іона Спанинъбергера".

Кто-же такой Спанинбергеръ и въ какое отношеніе къ нему сталъ Курбскій въ своей статьѣ?

Автора той діалектики, изъ которой Курбскій взялъ нѣсколько параграфовъ о силлогизмѣ, еще А. Востоковъ предположительно видѣлъ въ „Іоаннѣ или Іонѣ Спангенбергерѣ" [2]). Независимо отъ него мы въ своемъ изслѣдованіи о западнорусскихъ школахъ XVI и начала XVII в. [3]) высказали предположеніе, что оригиналомъ для этой статьи было изданіе: Trivii erotemata. Hoc est, Grammaticae *Dialecticae*, Rhetoricae quaestiones: Ex doctissimorum nostri seculi virorum libris, in puerorum usum congestae, per *Ioannem Spangenberg*, Herdesianum, apud Northusianos verbi Dei ministrum, вышедшее въ Краковѣ дважды, въ 1544 и 1552 г. [4]), и въ 1560 г.—въ Будишинѣ (Budissinae), у Іоанна Вольбрама [5]).

Сличеніе статьи Курбскаго съ будишинскимъ изданіемъ Спангенберга, гдѣ ученіе о силлогизмѣ, какъ одномъ изъ видовъ

---

[1]) Въ главѣ 64-ой даны опредѣленіе силлогизма, составъ его, опредѣленіе терминовъ, общее требованіе отъ правильнаго силлогизма —истинности посылокъ и соотвѣтствія имъ заключенія, о составѣ посылокъ и о видахъ сужденій; въ 65 главѣ говорится о различномъ положеніи логическихъ терминовъ и кратко о различныхъ видахъ силлогизмовъ.

[2]) Описаніе рукописей Румянц. музея, стр. 242.

[3]) Казань, 1898 г., стр. 428, прим. 6.

[4]) *Th. Wierzbowski*, Bibliographia polonica XV et XVI s., №№ 1225, 1298.

[5]) Экземпляръ послѣдняго изданія имѣется въ Императорской публичной библіотекѣ.—Въ этомъ изданіи перепечатано изъ перваго посвященіе, адресованное авторомъ Modesto et studioso adolescenti Ioanni Meyenburgo, ornatissimi viri D. Michaelis Meyenburgij filio s. d. Northusiae 1541 ad idus Nouembris.

аргументаціи, изложено на 102—112 листахъ, позволяетъ придти къ слѣдующимъ выводамъ относительно характера „толкованія Курбскаго“.

Кн. Курбскій начинаетъ съ понятія о силлогизмѣ, но почему то переводитъ не то опредѣленіе, какое находится на л. 102 подлинника, а находящееся на л. 111 об., гдѣ рѣчь идетъ о „силлогизмѣ вытолкованномъ“ (De syllogismo expositorio). Указавши затѣмъ примѣры силлогизмовъ утвердительныхъ и отрицательныхъ (не всѣ однако, что въ подлинникѣ), Курбскій перескакиваетъ на л. 113 об. и переводитъ отдѣлъ объ энтимемахъ. Послѣ того онъ возвращается къ л. 102 и начинаетъ переводить по порядку—о фигурахъ и модусахъ силлогизмовъ и о превращеніи ихъ. Но при этомъ онъ дѣлаетъ пропуски: не даетъ указанія простыхъ и сложныхъ частей силлогизма (т. е. терминовъ и посылокъ,—л. 102), опускаетъ стишокъ (versus) о томъ, сколько модусовъ даетъ каждая фигура силлогизма, и о мѣстѣ постановки средняго термина (л. 104 об.), раздѣленіе силлогизмовъ на полные и неполные и опредѣленіе тѣхъ и другихъ (л. 105), правило о способѣ превращенія въ каждой фигурѣ (л. 105), правило о превращеніи въ Barbara чрезъ невозможное (per impossibile,—л. 107 об.), параграфъ о сравнительномъ достоинствѣ и значеніи трехъ фигуръ (но оставляетъ евангельскій примѣръ силлогизма по третьей фигурѣ,—л. 108), правила о модусахъ (л. 108 об.), правила о послѣдовательности, причемъ оставляетъ по одному примѣру къ 2 и 5 правиламъ (лл. 109 и 111). Кромѣ перестановокъ и опущеній переводчикомъ были произведены нѣкоторыя незначительныя измѣненія (изъ нихъ самое большое—распространенный заголовокъ §-а De enthymemate.—Ѡе́нтимемах, а̂ погре́цку є̂нти́мии, апослове́нску ѡ̂разоуме ѿбъѧ̂тїю, або и̂зоѡ̀брете́нїю. и̂паки пола́ти́не коме̂нтоумъ а̂бо коме̂нтацыѡ̀, сиреч и̂зоѡ́брете́нїе, а̂бо подпора вещи) и дополненія—не въ текстъ, а на поляхъ. Изъ нихъ первое сообщаетъ, что „Вересъ былъ разбойникъ прелютый въ Римѣ“ (2 стр. ненум.,—къ л. 102 оригинала), второе выясняетъ, въ чемъ состоитъ „отзываніе“ (апелляція; стр. 6—

къ л. 104 об.) и третье сообщаетъ о вертепѣ, въ которомъ родился Христосъ и который есть образъ церкви христіанской (стр. 11—къ л. 109 [1]).

За исключеніемъ отмѣченнаго, все прочее представляетъ буквальный и очень близкій къ подлинному переводъ, кромѣ двухъ мѣстъ: а) res secundae переведено въ меньшей посылкѣ „преизобильными вещами“, въ заключеніи—словомъ „излишные“ (стр. 5—л. 104); б) ignauus переведено—„неискусный“, быть можетъ вслѣдствіе смѣшенія съ ignarus (10—л. 107 об.).

Для ближайшаго ознакомленія съ характеромъ перевода и діалектическими терминами, созданными Курбскимъ, приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ него и Спангенберга и отмѣтимъ самые термины.

1) Quid est Enthymema? Est mutilatus sillogismus: Vel est syllogismus imperfectus, in quo non omnibus praemissis antepositis festina infertur conclusio (л. 113).

Что есть ентимема. Есть окромленыи силогизм або есть силогизмъ нецѣлы, внемже не всѣмъ въ предположенномъ скоро бываетъ полагаемо замкненіе (стр. 1).

2) Quid est figura (sillogismi)? Est ordinatio medij in duabus praemissis, secundum debitum subjectionem et praedicationem (л. 102 об.).

Что есть образецъ. Есть уложеніе восредѣ водву проповѣданыхъ повиновному подлежащему и проповѣданію (стр. 2).

3) Quid est modus? Est ordinatio duarum propositionum, in debita qualitate et quantitate (л. 103).

Что есть чинъ. Естъ оустроеніе дву непреоборимыхъ, въ виновномъ качествѣ и великости (стр. 3).

4) Nulla virtus est fugienda, Omnis virtus paratur labore, Ergo,

Ниедина доброта оставляти подобаетъ. всякая доброта труды оуготовляется. а сего ради

[1]) Эти три замѣчанія Курбскаго напечатаны проф. Архангельскимъ въ приложеніи къ своимъ Очеркамъ (стр. 128) по рук. Румянц. музея. № 193.

Quidam labor non est fugiendus (л. 104).

5) Quid est reducere per impossibile? Est sumere oppositum contradictorium conclusionis, cum altera praemissarum, et inferre oppositum alterius praemissae (л. 105 об.).

medium (средній терминъ)	нѣкоторыхъ трудовъ не подобаетъ возбранятися (стр. 5).
propositio (посылка)	Что естъ относитиси, чрезъ неудобные вещи. Естъ взяти положеніе сопротивное конъклюзіи, содругою предреченною, и вносити положеніе другому предреченному (стр. 6).
conclusio (заключеніе)	„среда“
	„утверждающее“ (въ одномъ мѣстѣ—пропозиція“).
	„замкненіе“, но чаще—„конклюзія“.
syllogismus expositorius	„силогизмъ вытолкованый“.
affirmativus	„укрѣпляющій“.
negativus	„прящій“.
exemplum	„уподобленіе“.
seditiosus	„желатель (въ другомъ мѣстѣ—потщатель) междоусобные брани“.
figura	„образецъ“.
modus	„чинъ“.
praedicatio (сказуемое)	„проповѣданое“.
quantitas	„великость“.
universalis (modus)	„соборный“.
adulteri	„преблудодѣи“.
voluptarius	„сладострастенъ“, „сластемъ (по опечаткѣ—властемъ) парабощенный“.
calamitosus (exitus)	„окаянный (въ др. мѣстѣ—бѣдный) конецъ“.
reductio	„отношеніе“.
perfectus et imperfectus (syllogismus)	„цѣлый и нецѣлый“.
schema Rhetoricum	„вещъ риторъскаа“.

К. Харламповичъ.

ПАЛІИ.

— Уже й не знаю, пани, якъ вамъ и розсказуваты про свое лыхо, бо таке воно болюче, що й казаты важко. Та таки треба казаты... Бо вы-жъ таки, пани, розумни, а панъ на законахъ знаются, то можете мене, невыдющу, напутыты: куды мени податыся, якъ мени своему гореньку гиркому запомогты? Вы-жъ, якъ у Васъ Харыта моя служыла, то насъ разъ-у-разъ запомогалы и добрымъ словомъ пораду давалы. До кого-жъ мени, вдови, теперъ и податыся?

Отъ, думала пры дитяхъ вику дожыты, що й смерты моеи доглянуть, а теперъ онъ якъ!.. Воны й добри до мене— и дочка й зять,—дажъ колы-жъ лыхо не мынуло...

Що й початы—не знаю якъ... И все воно зъ сварки постало,—ото якъ посварылася наша громада зъ окономыческымъ управытелемъ, зъ Паценкомъ. Та дежъ таки й не посварытыся? Скилько годъ мы въ ёго степъ на сино бралы... Вы-жъ знаете, що въ насъ синця того якъ китъ наплакавъ,—уже зъ початку зимы не стае свого. А винъ узявъ та торикъ и не давъ. Винъ и дававъ, та по два карбованця на десятыну накынувъ, та ще каже, щобъ коженъ хазяинъ по тры возы лозы ёму зъ болота прывизъ. Де-жъ таки выдано таку цину та ще й одбуткы? Кынулыся наши по иншыхъ окономіяхъ, такъ де тамъ! Усюды вже повиддавано. Та ще й те: округы насъ усе ціеи та й ціеи окономіи земля, а инши зэмли—хто й зна

де,—якъ-же намъ зъ такои далечыни сино возыты? Шукалышукалы, бидкалысь-бидкалысь, та й зновъ до Паценка.

— Вже й по два карбованци доточымо и лозу прывеземо,—тилько дайте сина!

Такъ де тоби!

— Теперъ,—каже,—дакъ и до мене, а то не хотилы. Не дамъ!

Давай наши просыты, давай благаты—ни! Якъ затявся не даты, такъ и не давъ.

— Треба,—каже,—васъ, мужлаивъ, провчыты, щобъ вы зналы якъ слухатыся. Самъ покосю, а теперъ у городи полкъ стоить,—усе салдатамъ продамъ.

Косаривъ звидкись понаводывъ и покосывъ и все до зилыночкы у двиръ до себе позвозывъ, а въ осены справди все у полкъ продавъ, а намъ не давъ ничого,—щобъ провчыты.

И провчывъ-же!

Наши вжѐ бачуть лыхо, та такъ и зъ тымъ синомъ бережутся та потрошку товарови дають. Та хочъ якъ береглыся, а тилько до половыны зимы дотяглы. А тамъ хочъ поризъ скотынку, хочъ сама хай здыхае. Де-хто попродавъ, а де-хто кынувся по далекыхъ свитахъ сина добуваты. А воно ще, якъ на те, не дуже й уродыло торикъ. Пойихавъ и мій зять Мыхайло. Йиздывъ, йиздывъ и такы добувъ два возы сина. Та хыба-жъ того надовго стане? Пойила скотынка й те, а сама вже така, що й ребра свитются. Якъ глянемо съ Харытою на коривчыну, такъ ажъ слёза побывае. Бычкы въ насъ булы, пара доморослыхъ—сами выгодувалы й у плугъ можна було благословыться,—продавъ Мыхайло. Тилько коривчына та коняка й зосталыся. Насылу ходють.

Молока вже нема,—диты плачуть:

— Недобри баба, недобри мама: то давалы молочка, а то вже й не дають.

А, мои голубята! колы-бъ я прыумила,—я-бъ вамъ свого серця вколупнула!.. Колы-жъ коривка не дае!

Пишлы воны, двое меньшенькыхъ, дивчатка, до коривкы:

— А чого ты молочка не даешъ? га?

А тая коривка стоить, похнюпылась,—тилько жыва. Облылы мене слёзы...

Такъ-сякъ до весны дожылы. Половыны худобы село збулося: попродало.

Прыйшла весна. Повыпускалы бидолашну тую тварыну на зелену зилыночку. А сами до Паценка:

— Помылуйте вже, не карайте! якъ дайте, то дайте!

— А,—каже,—навчылыся слухатыся! Добре, дамъ, да тилько щобъ вы мени байрачокъ одступылы, бо винъ не вашъ, а окономыческый.

А байрачокъ,—то въ насъ такый клаптыкъ середъ поля е. Колысь тамъ лисокъ бувъ, да вырубалы, тилько тры дерева стоить та трава росте. И саме на межи зъ окономыческою землею той байрачокъ. Дакъ ото й зачавъ Паценко позыватыся: „се“,—каже,—„по планахъ выходыть окономыческе“. А мы кажемо—наше. Позывалысь, позывалысь, и довго се було, и такы не выпозывавъ ничого Паценко: намъ той клапоть зостався. Дакъ ото теперъ щобъ оддаты ёго. Чы то-жъ выдано? Тилько-жъ тамъ и е де пастыся худоби нашій, а бильше й нйде. Чы то-жъ можна за такъ оддаты ёго? Ни въ свити Божому!

— Ни,—кажуть наши,—мы байрачка не одступымо.

— Колы-жъ такъ,—винъ одказуе,—дакъ нема-жъ вамъ и степу.

Пъять разивъ ходылы до ёго,—не давъ.

Тоди вже й наши розлютувалыся. Де-жъ такы? Се-жъ усіеи худобы, всёго хозяйства збудься та й иды зъ торбамы попидъ-виконню. Провчаешъ ты насъ,—ну й мы-жъ тебе провчымо! Удруге вже не будешъ такъ надъ намы коверзуваты!

Надумалы воны накараты Паценка.

А мы, жинкы, того й не знаемо, бо воны видъ насъ ховалыся,—се вже теперъ выявылося, якъ воно було.

Посходылыся нышкомъ у громаду та й давай радытыся—що ёго робыты. Рада въ раду, рада въ раду, а дали хтось и каже:

— Спалймо ёму все сино на степу: нехай ни намъ, ни ёму. Знатыме, що якъ намъ не виддасть, то й самъ не пожыве,—то вдруге виддаватыме.

Котри прыстають на се, а котри кажуть—ни. А дали уси й прысталы.

— А хто-жъ,—кажуть,—палытыме?

Прысудылы жеребкы на двохъ кынуты: кому прыпадуть, то ти й пидпалють.

Почалы кыдаты жеребокъ, а нашъ сусида Гапонъ и каже:

— Страшно, якъ піймають: на Сибиръ запровадють. Давайте не сами будемо палыты, а дитей пошлемо.

— Якъ то—дитей?—уси здывувалыся.

— А такъ!—говоре.—Дитямъ ничого не буде, бо то диты: а ни судытымуть ихъ, а ни каратымуть, хыба чуба намнуть, якъ довидаются, та й не довидаются, абы хлопъятъ меткыхъ та розумныхъ на се добраты.

Знову рада въ раду, рада въ раду—и таки врадылы дитей послаты. Тутъ уже годи жеребокъ кыдаты, а заходылыся хлопцавъ перебираты—яки розумниши. И такыхъ, щобъ невелыкыхъ,—щобъ не суджено ихъ. Сама громада й выбрала: Гапонового Стецька, та Васыля кумыного, та нашого Петруся. И такъ громада звелила, щобъ сами батькы ныщечкомъ сынивъ понавчалы, якъ и що треба робыты, та й послалы. И запрысяглысь уси про те мовчаты, никому й словечкомъ не пробовкнутыся.

Ото-жъ якъ Мыхайло запрысягся, то вже винъ ничого й не сказавъ ни жинци, ни мени,—дакъ мы й не знаты, що таке лыхо на нашого Петруся впало. А винъ такый меткый та моторный хлопець, дакъ ёго и обибрано,—бодай-бы того обибрання й до вику не було!

Воно хочъ и мале, тилько восьмый рочокъ ёму, а таке втишне було... Усе було Мыхайло зъ Харытою сварются за ёго: той до себе тягне, а та до себе. А воно своею билявенькою головкою и туды й сюды нырае. И до мене прыбижыть, прымыляется:

— Бабусю! а чого на васъ така свыта драна?

— Бо нема за що новои справыты.

— Я якъ выросту, то зароблю багато-багато грошей та й справлю вамъ свыту теплу-теплу, бо вы стари, дакъ вамъ треба, щобъ тепло.

— А мени-жъ що справышъ, сыну?—вже не втѣрпила маты й озывается.

— А вамъ куплю намыста й дукачивъ, бо вы молоди, дакъ щобъ гарни-гарни булы!..

Маты такъ и засяе.

— А татови шапку смушеву сыву—якъ у старшыны...

Се ще якъ менше було, то такъ утишае насъ. Маты й не наслухается ёго. А пидросло, то вже й до роботы беретця саме, и пидганяты не треба. За погоныча ходыть, а на плугъ поглядае:

— Тату, може-бъ вы одпочылы, а мене-бъ за плугъ пустылы?

А саме таке, що й не выдко буде зъ-за плуга.

Та ще якъ воно одынъ сынъ, то вже такъ ёго вси пестылы...

Дакъ ото-жъ, кажу... Наши люде таки трохы вхопылы травы, та мало и дуже далеко довелося наняты. Да що вже робыть? И тому ради.

Мынае весна, лито вже наступае. Поросты травы высоки, поросла и въ Паценка трава. Скоро й косыты. Поклыкалы батькы своихъ хлопцивъ та й давай ихъ навчаты:

— Отакъ и отакъ,—пидить и пидпалить! Та никóму не кажить—и матиркáмъ.

А хлопцямъ хыба що? Все малеча. Найстаршый кумынъ Васыль, та й тому тилько девъять годъ,—де-жъ имъ розибраты шо й до чого? Воны ще й ради.

Кумынъ Васыль потимъ усе й розсказавъ, якъ воно було.

Середъ степу бувъ зрубóкъ невелыкый. Тамъ помижъ травою хмызъ сухый валявся, а то ще наши трое батькивъ ныш-комъ у ночи туды соломы виднеслы та й роскыдалы помижъ

зрубомъ и дали помижъ травою,—щобъ швыдче зайнялося. И хлопцивъ у той зрубъ направылы,—воно-жъ тамъ и сховатыся лекше.

Набралы хлопци сирныкивъ та й побиглы въ степъ. Зрубокъ одъ шляху далеко, до ёго стежечка—мижныкъ середъ травы бижыть. Воны тіею стежкою хыльци-хыльци помижъ травою та й прыбигли у зрубокъ. Прычаилысь тамъ та й обзырають, чы не иде хто, чы не йиде. Диждалыся такого часу, що ниде никого не выдко—ни середъ степу, ни на шляху, та й ну до роботы. Нагреблы купку соломы, ночалы пидпалюваты,—добре розгоряется. Лито пекуче було, все повысыхало. Стецько-жъ та Васыль изъ цёго краю пораются, а Петрусь:

— Я,—каже,—ще зъ того краю въ зруби пидпалю, щобъ швыдче горило.

Та й побигъ.

А витеръ такый,—ажъ реве. Покы тамъ соломы нагрибъ та покы пидпалывъ,—може не заразъ и зайнялося,—ажъ уже й зъ другого боку полумъя сухымъ хмызомъ та соломою бижыть. Винъ выскочывъ, а товарыши вже геть одъ зруба навколишкахъ у трави попрыпадалы та й дывлются—що зъ того буде. Прыбигъ и винъ до ихъ та й собі ставъ дывытыся якъ огонь огня наздоганяе. А Васыль кумынъ глянувъ на ёго та й каже:

— А де-жъ твій картузъ?

Лапъ винъ за голову,—нема картуза. А ёму батько тилько оце новый картузъ купывъ, дакъ воно страхъ ёму раде було. Мабуть якъ выскакувавъ зо зрубу, якась гилляка збыла, а винъ за поспихомъ и не помитывъ того.

— Це-жъ,—каже,—я тамъ ёго загубывъ. Скочу,—визьму.

— Не ходы,—кажуть,—бо онъ уже якъ блызько вогонь до вогню,—ще сгорышъ.

А вогонь такъ и насуваe, такъ и жере и траву и зрубъ. Зъ одного боку сей огонь розгорився, а зъ другого той наступае. Тилько мижъ имы ще невелычка смужка неспалена.

А ёму-жъ то жалко картуза. Якъ кынется туды!.. А витеръ якъ ирвоне́, мовъ буря, полумъя якъ бухне,—такъ ёго й покрыло... Тилько крыкнувъ та уже й ничо̀го...

Тилько крыкнувъ...

А хлопци злякалысь та назадъ у село. Прыбиглы, захова-лысь у повитку до Гапона та й сыдять нышкомъ,—уже боятся й прызнаватыся, щб скоилось. Прыходыть Гапоныха.

— Вы чого тутъ?

Воны мовчать... Били, били та ажъ трусются. Вона такы въ ихъ допыталась,—усе й розсказалы.

Гапоныха до насъ. Я та Харыта въ хати булы.

— Ой, сусидонькы! Чы знаете-жъ вы, що вашъ Петрусь изгоривъ.

Мы такъ и понимилы. А Харыта шыроко очи роскрыла та дывыться на неи, дывыться... А Гапоныха розсказуе... И не дослухала Харыта—якъ крыкнула, якъ побигла... Я за нею, а вона вже за дворомъ. Диты маленьки гралыся въ двори, поба-чылы, що маты побигла, та въ крыкъ та за нею... Я дитей покы прыпынила, а Харыты вже й не выдно. Побигла-бъ и я за нею,—такъ де вже мени, старій! А теперъ злякалась такъ, що й ногы не служуть. Колы на ворота Мыхайло возомъ.

— Мыхайле, рятуй сына!

Винъ якъ почувъ, такъ и стрепенувся:

— Чого се вы, мамо?

— Казала Гапоныха, шо згоривъ у степу.

Винъ уже й коня завертае. Я вчепылася за визъ:

— Стрывай, не кыдай мене!

Скочыла я на визъ; Мыхайло погнавъ коня такъ, що тилько курà по дорози курыть. Перебиглы селомъ, выбиглы въ степъ,—ажъ усе небо въ дымахъ, а вже геть далеко шырока смуга вогняна, довга-довга, иде по-надъ землею, иде й жéвріе' за собою чорну пожарыну покыдаючы.

Харыты не выдно: мабуть не шляхомъ, а навпростець мижныкамы побигла.

Жене Мыхайло коня, зубы зципывшы, блидый та страшный. Я за полудрабкы держусь.

Середъ пожарыны кущыкы стремлять обгорили. Ото-жъ и Петрусь тамъ.

А може хлопци збрехалы, або може не побачылы, якъ винъ выскочывъ на другый бикъ?

Добиглы до зрубу, вскочылы въ ёго. Мыхайло попереду бижыть, я за имъ плутаюсь... Не выдно Харыты. Добиглы на край зруба...

Лежыть вона тамъ, и Петрусь лежыть,—вона биля ёго впала...

Нахылывся батько надъ сыномъ. Обгорила, почорнила билява головонька... Облыччемъ до земли прыпало. Повернувъ батько голову сынови та й застогнавъ:

— Очи,—каже,—очи!..

Все лыченько спикъ огонь и очи выйивъ.

— Сыну!.. сыну мій!..

Де вже воно озветься!..

Мовчкы пиднявъ батько сына и понисъ до возу. Ручка въ ёго звысла, а въ ій картузыкъ недогорилый... одежа спопелила, опадае... Положывъ сына Мыхайло на визъ, тоди жинку пиднявъ и ій биля сына положывъ,—вона й не почула того.

Завернувъ коня, веде ёго самъ. Я за возомъ насылу иду.

Згодомъ мабуть витеръ Харыту обвіявъ: очутылась, подвелась, мене побачыла.

— Мамо,—каже.

А дали зыркъ на бикъ, а ти выпечени очи на неи якъ глянуть!.. Скрыкнула, зирвалася зъ воза та и подалася просто до села—бижыть и крычыть, бижыть и крычыть... Мы вже ій й не наздогонялы.

Вйихалы въ село,—люде обступають, роспытуются, а мы й слова не промовымо.

Вйихалы въ двиръ, унисъ Мыхайло сына въ хату, положывъ на полу...

Тилько положывъ, а тутъ уже й урядныкъ набигъ... А тамъ становый, слидство, допытують усихъ... И ховаты не дають...

Ажъ на третій день поховалы мы Петруся.

Уси ци тры дни Харыта и словомъ не озвалась ни до кого и до сына не пидходыла и не дывылась на ёго, на двори й ночувала.

Передъ похорономъ пидійшла до труны, глянула.

— Не Петрусь,—каже. И одійшла.

Друга моя дочка вже тужыть по мертвому за матиръ:

Мій небожыку, мій соловеечку!
Мій небожыку, мій риднесенькый!
Мій роботнычку дрибнесенькый!
Мій орачыку, мій косарыку!
Та батько-маты твого зросту дожыдалы,
Якъ сонечка выглядалы,
А теперъ уже й не дíждутся:
Та палке полумъе твое лычко спалыло,
Та жаркы́й огонь твои очи выйнвъ...

Я за слёзамы й свита не бачу, а батько ажъ до земли хылыться. Тилько Харытя якъ нима.

А на́ що-жъ ты такои смутно́и,
Невеселои хаты забажавъ?
Та тамъ-же тебе сонечко не зогріе,
Буйный витеръ не обвіе!..

Народу за труною йде—сыла. Усяке знало, черезъ що Петрусь умеръ, дакъ и шлы, й велыки й мали. Плачуть уси, тилько маты—ни.

И труну въ яму спустылы, и землею засы́палы,—вона ничого. Така й до дому вернулася.

Тилько въ двиръ, а урядныкъ зъ соцькымъ та зъ десятныкомъ за намы та до Мыхайла:

— Ходимъ!

— Чого?

— Ще й роспытуется! Пидпалылы панську траву, хлопця спалылы жывцемъ, а ще й не зна чого!

Потяглы Мыхайла. А Харыта въ хати и не бачыть того. Я вже ій и не кажу. Помынувъ увесь день,—нема Мыхайла, а надъ вечиръ прыбигае Гапоныха, голосыть:

— Ой забралы-жъ, забралы!.. И Гапона забралы, и вашого Мыхайла, и Охрима... Въ острогъ повезлы...

— За що въ острогъ?

— За пидпалъ.

Глянула, а Харыта стоить проты насъ.

— За пидпалъ?—каже.—Ни, ни, тамъ Петруся не було, се не винъ. Его не було: я скризь шукала,—ничого не знайшла. Тилько купочку знайшла... купочку... тилько купочку обгорилу... А волоссячка билявенького нема... Де воно подилося, билявеньке волоссячко?..

И озырается по хати...

Пани моя ласкава та добра! Порадьте-жъ-бо мени—що мени робыты? Мыхайло въ тюрми сыдыть, кажуть,—на Сибиръ заплютъ... Та винъ-же й такъ накараный!.. А якъ-же мы будемо безъ ёго? Чы не можна ёго вызволыты!.. Колы чого не знаете,—въ пана попытайте... Чы мени до ликаривъ дочку везты, чы мени що зъ нею робыты? Бо кажу-жъ вамъ,—отъ уже другый тыждень... Люде говорють, що вона вже въ Божій воли... И ничóго не промовыть, тилько все одно... Возьме двохъ меньшенькыхъ, дивчатокъ, прыпыныть та й пытае:

— Не бачылы Петруся, диткы? Тамъ ёго нема: тамъ купочка тилько, попилець... А дежъ биленьке волоссячко?..

Б. Гринченко.

По поводу нашихъ неолитическихъ находокъ съ церамикой до-микенскаго типа.

Мой уважаемый другъ, проф. Л. Нидерле, въ введеніи къ своей не такъ давно переведенной мною книгѣ, съ большой справедливостью замѣтилъ уже, что «задача доисторической археологіи вовсе не заключается въ выкапываніи и описываніи древнихъ предметовъ» и еще менѣе въ томъ, чтобы «очистивши ихъ отъ земли, разставлять въ музеяхъ съ надписями, кто былъ ихъ великодушнымъ жертвователемъ». Если-же задача доисторической археологіи заключается не въ этомъ, а въ возможно болѣе полномъ возстановленіи типа, происхожденія, миграцій, бытовой обстановки, общественныхъ отношеній, вѣрованій культа и всей вообще соматической и психической дѣятельности или если угодно—культуры древнѣйшихъ обитателей земли, то само собой разумѣется, что и археологическія раскопки должны быть направлены къ достиженію *всѣхъ* этихъ данныхъ и производиться соотвѣтственно *всѣмъ* научнымъ требованіямъ и съ соблюденіемъ всѣхъ пріемовъ, которые-бы обезпечивали возможно полное и всестороннее изслѣдованіе остатковъ старины. Эта возможно большая научность и полнота раскопокъ тѣмъ болѣе необходимы и *обязательны*, что остатки старины далеко не такъ многочисленны и представляютъ собою драгоцѣнность, которую, разрушивши одинъ разъ, возстановить уже невозможно. Производя раскопки, мы, съ одной стороны, спасаемъ древніе памятники, но съ другой стороны—безвозвратно и навсегда *уничтожаемъ* то, чего не съумѣли или не захотѣли спасти по незнанію и небрежности или по одностороннему отношенію къ дѣлу.

Какъ ни нова еще наука доисторической археологіи, но въ Западной Европѣ все-таки успѣли уже выработаться извѣстныя научныя требованія, безъ соблюденія которыхъ ни одинъ сколько-нибудь серьезный археологъ не рѣшится уже ни произвесть раскопку, ни опубликовать ея результаты, зная прекрасно, что такіе результаты не будутъ имѣть ни малѣйшаго научнаго значенія и подвергнутся самому строгому осужденію въ научной критикѣ. Совсѣмъ другое у насъ. Выработавши себѣ путемъ многолѣтнихъ трудовъ почтеннаго В. Б. Антоновича извѣстную научную технику раскапыванія кургановъ, съ которыхъ началась у насъ доисторическая археологія, мы пока не пошли дальше, и если намъ встрѣчается что-нибудь другое то мы теряемся и дѣйствуемъ совершенно ощупью или какъ Богъ на душу положитъ, заботясь только о томъ, чтобы накопать побольше орудій, горшковъ и т. п. музейныхъ предметовъ. [1]) Въ тѣхъ

[1]) Даже при раскопкѣ кургановъ еще не такъ давно находимыя кости или просто оставлялись въ ямѣ, или, въ лучшемъ случаѣ, изъ нихъ брали только черепа, да и то только потому, что находилось учрежденіе (не наше мѣстное даже), которое интересовалось антропологіей курганныхъ племенъ и давало деньги на раскопки съ тѣмъ, чтобы черепа доставлялись ему. У насъ же въ университетахъ тогда еще не было ни лицъ, которыя бы интересовались доисторической антропологіей, ни помѣщеній для находимыхъ костей. Судя, впрочемъ, по замѣткѣ А. М. Покровскаго, помѣщенной въ майскомъ номерѣ Археологич. Лѣтописи, можно думать, что и теперь дѣло обстоитъ немногимъ лучше. Невозможно допустить, чтобы европейски-образованный молодой ученый могъ иначе, какъ только въ отчаяніи просить о томъ, чтобы сохранялись при раскопкахъ хоть нѣкоторыя части скелета, и сердце согласиться на погибель всѣхъ прочихъ... А между тѣмъ, чтобы указать на величайшую научную цѣнность этихъ остатковъ доисторическаго человѣка достаточно только сказать, что, напр., въ богатѣйшихъ въ мірѣ коллекціяхъ парижскаго музеума я могъ найти для своей работы одинъ единственный полный скелетъ въ качествѣ представителя всей славянской расы, да и тотъ съ надписью *Cosaque*, заставляющей сомнѣваться, не принадлежалъ-ли онъ какому-нибудь башкиру, которыхъ въ 1814 году тоже считали въ Парижѣ козаками. Въ Musée Broca при Парижскомъ Антропологическомъ Обществѣ оказался опять таки единственный для всей славянской расы скелетъ какой-то польки, да и тотъ безъ ногъ... И этими двумя скелетами исчерпывается, сколько мнѣ извѣстно, весь матеріалъ для полной остеологіи славянъ, имѣющійся въ цѣломъ Парижѣ! Но истративши нѣсколько сотенъ рублей, или даже просто хорошенько похлопотавши, парижскіе музеи и лабораторіи могутъ очень легко пріобрѣсть прекрасныя коллекціи скелетовъ всѣхъ славянскихъ племенъ, такъ какъ племена эти еще существуютъ... Но интересно знать, гдѣ возьмутъ наши будущіе антропологи (не говоря уже о европейскихъ, которые навѣрно позаботятся объ этомъ раньше) скелеты какихъ-нибудь древлянъ

же чрезвычайно рѣдкихъ и поэтому требующихъ совершенно исключительнаго вниманія случаяхъ, когда намъ приходится имѣть дѣло съ палеолитической находкой, мы довольствуемся общимъ геологическимъ разрѣзомъ мѣстности, не заботясь ни о горизонтальномъ, ни о вертикальномъ разрѣзахъ самого археологическаго пласта, опредѣляемъ его древность по глубинѣ залеганія и оставляемъ спорнымъ вопросъ о его до-, между или послѣ-ледниковомъ возрастѣ, оставляемъ найденныя кости мамонта на «попахъ» по нѣскольку дней, не зная какъ ихъ предохранить отъ разрушенія, не ведемъ этимъ костямъ никакого подсчета, почти ничего не знаемъ о костяхъ другихъ животныхъ—и въ концѣ концовъ должны только сердечно благодарить неутомимаго Ч. В. Хвойку за то, что по милости его чешской любознательности и энергіи *все* содержимое этой, одной изъ рѣдчайшихъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ находокъ, не ушло на планировку какого-нибудь Афанасьевскаго яра или на постройку днѣпровской дамбы...

Не болѣе удовлетворительно производятся у насъ и раскопки мѣстонахожденій неолитической эпохи, особенно если онѣ не обращаютъ на себя почему нибудь общаго вниманія. Богатѣйшія неолитическія станціи въ дюнахъ по берегамъ Днѣпра остаются неизслѣдованными въ теченіе многихъ уже лѣтъ, и мы едва упоминаемъ о нихъ, прибавляя точно въ насмѣшку, что стоитъ только прогуляться по этимъ дюнамъ послѣ дождя и вѣтра, чтобы набрать цѣлую коллекцію каменныхъ стрѣлъ и т. п. Что такое представляютъ собой эти станціи: остатки-ли жилищъ, сорныя-ли кучи, мастерскія-ли для выдѣлки каменныхъ орудій, рыболовныя-ли стоянки—до сихъ поръ совершенно неизвѣстно. Хронологическія наслоенія разрабатываемой такъ усердно хищниками-крестьянами Княжей Горы тоже остаются и до сихъ поръ загадкой, и мы до сихъ поръ не имѣемъ никакихъ ни антропологическихъ, ни культурныхъ данныхъ о составѣ и смѣнѣ народностей у насъ въ неолитическія времена. Этими недостатками

или радимичей, когда при нынѣшнемъ истребленіи кургановъ ихъ больше не останется?!! А вѣдь, по мнѣнію Брока, для того чтобы дѣлать какіе-нибудь антропометрическіе выводы, необходимы серіи *по крайней мѣрѣ* 20 субъектовъ одного и того-же происхожденія... и само собою разумѣется, чѣмъ больше серіи, тѣмъ выводы достовѣрнѣе. А между тѣмъ скелетовъ изъ уничтоженныхъ уже въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ кургановъ можетъ быть хватило-бы уже для снабженія минимальными серіями хоть нашихъ только южныхъ университетовъ...

страдаютъ почти всѣ наши неолитическія раскопки, такъ какъ нигдѣ почти не было обращаемо должнаго вниманія ни на характеръ станцій, ни на точное раздѣленіе и опредѣленіе заключающихся въ нихъ культуръ, и европейскіе ученые, когда имъ приходится имѣть дѣло съ результатами нашихъ раскопокъ, только разводятъ руками при видѣ той каши, которая имъ преподносится... Привыкши имѣть дѣло съ курганами, наши раскапыватели прилагаютъ курганные пріемы, напр., къ неолитическимъ станціямъ, роютъ круглыя или четыреугольныя ямы и затѣмъ вмѣсто плановъ и разрѣзовъ своихъ раскопокъ рисуютъ «землянки» чуть-ли не съ диванами, каминами и т. п. Успокоившись на томъ, что у насъ, напр., желѣзная культура иногда соприкасается съ каменной, они часто совсѣмъ не заботятся о наслоеніяхъ разныхъ культуръ и сваливаютъ все въ одну кучу, какъ это показалъ В. Б. Антоновичъ въ своихъ недавнихъ замѣчаніяхъ по поводу «аборигеновъ кіевскаго края»...

А между тѣмъ очень быстро слѣдующія у насъ одно за другимъ и чрезвычайно интересныя открытія, относящіяся именно къ неолиту, дѣлаютъ изслѣдованіе у насъ этой эпохи все болѣе и болѣе важнымъ, могущимъ пролить свѣтъ на очень многіе загадочные вопросы общеевропейской археологіи. Уже одинъ тотъ фактъ, что каждое изъ этихъ открытій отличается какой-нибудь оригинальностью, указываетъ, что въ нашемъ неолитѣ мы имѣемъ дѣло, вѣроятно, и съ разными племенами, и съ разными періодами долго длившейся у насъ этой эпохи. Поэтому возможно болѣе тщательное изслѣдованіе этихъ нашихъ находокъ является и очень интереснымъ, и настоятельно необходимымъ.

По поводу именно этого-то изслѣдованія я и позволилъ себѣ высказать все предыдущее. Въ настоящее время изслѣдуются, или лучше сказать начинаютъ изслѣдоваться, замѣчательныя находки уважаемаго Ч. В. Хвойки въ окрестностяхъ Триполья и Веремья и вполнѣ аналогическія мѣстонахожденія, открытыя недавно В. Н. Доманицкимъ въ Звенигородскомъ и Уманскомъ уѣздахъ. Предметы, найденные уже г. Хвойкой, обратили на себя особенное вниманіе на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ, и мѣстностямъ, гдѣ производились его раскопки, была посвящена спеціальная экскурсія. По поводу реферата объ этихъ находкахъ А. М. Покровскаго и Ч. В. Хвойки, проф. Милюковъ замѣтилъ, по словамъ «Извѣстій XI Арх. Съѣзда» (стр. 176), что такая-же точно культура была найдена въ Галиціи,

на Балканскомъ полуостровѣ и т. п. и шла, надо полагать, съ юга на сѣверъ и сѣверо-востокъ». Если дополнить это замѣчаніе (вѣроятно, впрочемъ, не съ особенной полнотой переданное «Извѣстіями») указаніями на то обстоятельство, что спиральная орнаментація найденныхъ г. Хвойкой сосудовъ составляетъ исключительное явленіе въ неолитическихъ находкахъ всей Европы и что какъ эти сосуды, такъ и статуэтки обнаруживаютъ несомнѣнное сходство съ подобными же предметами такъ назыв. до-микенской культуры, извѣстнымъ намъ центромъ которой была повидимому Малая Азія и острова Архипелага, что совершенно аналогическія статуэтки и сосуды были найдены затѣмъ г. Шантромъ въ Каппадокіи, гг. Бутдуряну, Діаманди и др. возлѣ Кукутени въ Румыніи, Готфр. Оссовскимъ и другими въ Галиціи, что очень много аналогическаго заключаютъ въ себѣ знаменитыя неолитическія находки покойныхъ Радимскаго и Фіалы въ Бутмирѣ въ Босніи, очень старательно изученныя г. Гёрнесомъ въ его предисловіи къ великолѣпному и потому рѣдкому изданію *Die Neolithishe Station von Butmir* (2 vol. in folio Wien 1895 и 1898) и въ не такъ давно вышедшемъ капитальномъ трудѣ *Urgeschichte der bilden den Kunst in Europa*, и что, наконецъ, культура эта является главнымъ критеріемъ въ вопросѣ о восточномъ или, какъ теперь начали увѣрять нѣкоторые (Sal. Reinach), западномъ происхожденіи чуть-ли не всей европейской культуры вообще,—то находки Ч. В. Хвойки оказываются фактомъ первостепеннаго интереса и гораздо большаго значенія, чѣмъ просто коллекція курьезныхъ и въ первый разъ только найденныхъ въ предѣлахъ Россіи вазочекъ и статуэтокъ. [1]) Въ виду этой то именно важности находокъ Ч. В. Хвойки, и было-бы очень интересно изслѣдовать ихъ со всей подобающей ихъ значенію тщательностью и научной точностью.

Между тѣмъ, не уменьшая ничуть личныхъ заслугъ уважаемаго Ч. В. Хвойки и присоединяясь вполнѣ къ общимъ одобреніямъ, выраженнымъ ему на кіевскомъ арх. съѣздѣ, я не могу не сказать, что судя по реферату, сжато переданному въ «Извѣстіяхъ Съѣзда», и по

[1]) Возможно болѣе полное изложеніе открытій г. Хвойки и ихъ болѣе подробную научную оцѣнку я надѣюсь сдѣлать въ сообщеніи, приготовляемомъ мною къ Парижскому международному археологическому съѣзду настоящаго года, которое потомъ будетъ напечатано in extenso въ львовскихъ „*Матеріялах до українсько-руської етнольогії*".

гораздо болѣе обширнымъ сообщеніямъ, очень любезно сдѣланнымъ мнѣ самимъ Ч. В. Хвойкой, въ этихъ раскопкахъ его довольно многое остается еще далеко не достаточно выясненнымъ. Эти-то именно пробѣлы и тѣ desiderata, которые сами собою являются въ виду этихъ пробѣловъ, а также и въ виду дальнѣйшихъ раскопокъ какъ г. Хвойки, такъ и другихъ, и составляютъ главную цѣль настоящей замѣтки, которая, можетъ быть, окажется небезполезной.

Какъ только что было сказано, всякая научно-производимая раскопка должна имѣть задачей не только извлеченіе изъ земли древнихъ предметовъ, но и возможно полное возстановленіе всей той культуры, остатками которой они являются передъ нами. Въ виду этого, первой заботой археолога должно быть опредѣленіе прежде всего самой структуры находки и затѣмъ ея характера. Главнымъ, такъ сказать, архитектурнымъ признакомъ нашихъ находокъ до-микенскаго типа оказываются такъ наз. «площадки» или, вѣрнѣе, слои обожженной глины на извѣстной глубинѣ подъ нынѣшней поверхностью земли. Что-же представляли собой эти слои: крышу-ли, или полъ сохранившихся сооруженій, или-же, наконецъ, и то и другое, если такихъ слоевъ было два или болѣе? Въ изложеніи реферата гг. Покровскаго и Хвойки въ «Извѣстіяхъ» сказано, что археологическіе предметы находимы были «на площадкахъ и около нихъ», въ рукописномъ сообщеніи мнѣ г. Хвойки—что они находились «ниже поверхности сооруженій», а въ замѣткѣ г. Бѣляшевскаго о раскопкахъ В. Н. Доманицкаго возлѣ с. Колодистаго, что они были «*подъ* пластами обожженной глины». Если принять за болѣе правдоподобное послѣднее или два послѣднихъ заявленія, то приходится полагать, что мы имѣемъ дѣло съ какими-то находившимися подъ землей или по крайней мѣрѣ на уровнѣ поверхности земли сооруженіями. Предположивши это, является вопросъ: какъ же были устроены эти сооруженія и для какой цѣли могли они служить? Отвѣтомъ на первую часть этого вопроса могли бы быть планы и разрѣзы изслѣдованныхъ «площадокъ», но ни о тѣхъ, ни о другихъ даже не упоминается ни въ одномъ изъ названныхъ, доступныхъ намъ источниковъ; не упоминается также и о стѣнахъ сооруженій, если не принимать за остатки ихъ «пирамидальныя кучи камней», о которыхъ говорится въ рефератѣ; хотя если даже и предположить, что сооруженія эти были просто ямами съ дномъ и крышей изъ обожженной глины, то и въ этомъ случаѣ это должно было быть замѣтно при

раскопкѣ, такъ какъ тронутую землю всегда легко отличить отъ нетронутой, какъ по плотности, такъ и по сложенію. [1]) Вторая половина вопроса разрѣшается повидимому различно: самъ г. Хвойка, какъ кажется, считаетъ эти сооруженія жилищами, другіе, сколько намъ извѣстно, полагаютъ, что это скорѣе гончарныя мастерскія, а можетъ быть и печи для обжиганія посуды, наконецъ, раскапывавшій совершенно подобныя же сооруженія въ Галиціи Готфр. Оссовскій считаетъ ихъ мѣстомъ погребенія, увѣряя, что въ каждомъ изъ найденныхъ сосудовъ было, по крайней мѣрѣ, хоть по одному куску обгорѣлой человѣческой кости. Хотя нѣкоторыя находки покойнаго Готфр. Оссовскаго и были сильно оспариваемы очень авторитетными учеными, но все-таки это единственный авторъ, дающій разрѣзъ сооруженій аналогичныхъ трипольскимъ въ нашихъ мѣстностяхъ, и поэтому результаты его изслѣдованія должны быть непремѣнно приняты во вниманіе. Въ пользу его мнѣнія говоритъ, между прочимъ, еще то обстоятельство, что многіе изъ сосудовъ, найденныхъ Ч. В. Хвойкой, были прикрыты или другими сосудами, или плоскими камнями, что обыкновенно бываетъ только съ погребальными урнами, а также и то, что до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, еще ни въ одномъ курганѣ сосѣднихъ съ до-микенской культурой мѣстностей не найдено было ни погребальныхъ урнъ трипольскаго типа, ни статуэтокъ, или другихъ подобныхъ признаковъ, которые бы указывали на существованіе погребенія трипольскихъ гончаровъ, помимо разсматриваемыхъ нами сооруженій. Какъ бы то ни было—будемъ-ли мы принимать объясненіе Г. Оссовскаго или нѣтъ, но вопросъ о назначеніи трипольскихъ и прочихъ сооруженій того же типа все таки остается открытымъ и выяснится, вѣроятно, только будущими раскопками.

Также точно мало выясненнымъ оказывается и соотношеніе между двумя главными типами находимой въ трипольскихъ сооруженіяхъ посуды: сосудовъ съ орнаментаціей изъ вытисненныхъ по свѣжей глинѣ спиральныхъ линій и сосудовъ съ росписной орнаментаціей. Ч. В. Хвойка въ одномъ изъ своихъ любезныхъ сообщеній

[1]) Въ Бутмирѣ, гдѣ уцѣлѣли только основанія построекъ (fonds de cabane), при чемъ археологическій слой прерывался прослойками навесенной водой глины, все таки удалось съ полной ясностью возстановить ихъ планъ и устройство, какъ это можно видѣть на чертежахъ, помѣщенныхъ въ вышеупомянутомъ описаніи Радимскаго и Фіалы.

мнѣ утверждаетъ категорически, что онъ находилъ оба эти типа сосудовъ въ однѣхъ и тѣхъ же сооруженіяхъ вмѣстѣ. Между тѣмъ, извѣстный знатокъ керамики, консерваторъ керамическаго отдѣленія Луврскаго музея г. Потье (Pottier), которому я показывалъ черепки того и другого типа, рѣшительно подтвердилъ мое собственное мнѣніе, что первый типъ имѣетъ несомнѣнно болѣе древній или можетъ быть, лучше сказать, болѣе примитивный характеръ. Какъ ни противорѣчатъ другъ другу эти два отзыва, но тѣмъ не менѣе они не непримиримы. Очень возможно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ нибудь въ родѣ того, что было обнаружено въ Бутмирѣ. Тамъ было найдено два типа посуды съ спиральной орнаментаціей—одинъ, очень тонкой работы съ рельефнымъ орнаментомъ, какъ полагаетъ г. Гёрнесъ, привозный, и другой мѣстный, болѣе грубой работы съ орнаментомъ изъ вытисненныхъ на мокрой глинѣ линій, составляющихъ очевидное подражаніе первому. Но чтобы освѣтить это обстоятельство, опять таки необходимы данныя, которыя могутъ быть получены путемъ очень тщательной статистики всѣхъ найденныхъ керамическихъ предметовъ съ выясненіемъ ихъ назначенія посредствомъ изслѣдованія ихъ содержимаго и путемъ сравнительнаго изученія ихъ орнаментаціи.

Все сводится, слѣдовательно, къ тому, что по крайней мѣрѣ въ будущихъ раскопкахъ желательна была-бы нѣсколько большая методичность.

Указывать какіе-нибудь технические пріемы при раскопкахъ въ высшей степени трудно и даже опасно, такъ какъ пріемы должны неизбѣжно мѣняться въ каждомъ данномъ случаѣ, въ зависимости отъ обстоятельствъ и условій раскопки, и диктуются главнымъ образомъ сознаніемъ самого раскапывателя, который долженъ вполнѣ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ хочетъ привести въ ясность. Тѣмъ не менѣе я позволю себѣ высказать нѣсколько пожеланій, исполненіе которыхъ, по моему мнѣнію, можетъ обезпечить всесторонность и полноту изслѣдованія.

Такимъ образомъ мнѣ казалось-бы очень полезнымъ:

1) Обнаруживши присутствіе слоя обожженной глины, подъ которымъ находятся археологическіе предметы, снять прежде всего какъ можно осторожнѣе покрывающій его пластъ растительной земли и совершенно очистить всю его наружную поверхность настолько хорошо,

чтобъ можно было опредѣлить составъ его и способъ его устройства, а также и замѣтить и срисовать или сфотографировать всѣ могущіе находиться на поверхности его оттиски и т. п. Затѣмъ, точнѣе нанести эту поверхность слоя обожженной глины на планъ въ достаточно большомъ масштабѣ, раздѣляя ее поперечными чертами углемъ или мѣломъ на извѣстномъ разстояніи (10—20 стм.) одна отъ другой и нанеся эти раздѣленія также на планъ. Послѣ этого можно, въ видѣ предосторожности отъ дождя и вывѣтриванія, покрыть обнаженную поверхность пласта обожженной глины брезентомъ, соломой или наконецъ просто опять землей или дерномъ.

2) Затѣмъ, выбравши одну изъ узкихъ сторонъ слоя обожженной глины (предполагая напр., что общее его очертаніе имѣетъ видъ прямоугольника или овала), отступить отъ края его по крайней мѣрѣ на 2—3 метра и начать рыть траншею, углубляя ее постепенно въ видѣ наклонной плоскости по направленію къ основанію предполагаемаго сооруженія и наблюдая при этомъ, чтобъ вынимаемая земля имѣла однообразное сложеніе (была непорушенная). Если земля окажется порушенной, или другого цвѣта, или будетъ заключать въ себѣ что нибудь, надо отступить еще больше, такимъ образомъ, чтобъ начать непремѣнно съ непорушенной земли, и опредѣлить точно, отвуда начинается земля порушенная. Траншея должна быть немного шире самаго широкаго поперечника слоя обожженной глины, и ея бока должны непремѣнно проходить по непорушенной землѣ, въ противномъ случаѣ ее надо расширить. Когда траншея дойдетъ до археологической почвы, стѣны сооруженія или просто порушенной земли, ее надо углубить настолько, что-бъ дно ея въ низкой части дошло до несомнѣннаго «грунта».

3) Когда такимъ образомъ будетъ обнаружена одна изъ сторонъ археологической залежи (или сооруженія), то ее надо какъ можно точнѣе нанести на разрѣзъ № 1, соотвѣтствующій крайней чертѣ плана, и сфотографировать. Разрѣзъ долженъ быть также раздѣленъ по своей высотѣ поперечными линіями въ извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, что даетъ возможность правильно обозначить на немъ всѣ подробности обнаженной стороны залежи (каменную кладку, буде она окажется, остатки деревянныхъ частей и разнообразный составъ земли съ относительнымъ расположеніемъ частей ея).

4) Нанеся обнаженную сторону залежи или сооруженія на разрѣзъ, осторожно снять край слоя обожженной глины до первой поперечной черты. Снимать эту обожженную глину надо возможно большими кусками и затѣмъ, перенеся ихъ въ сторону, уложить ихъ въ прежнемъ порядкѣ, для того, чтобы, перевернувши ихъ потомъ, можно было видѣть передъ собою нижнюю поверхность всего пласта обожженной глины съ могущими быть на ней оттисками и т. п. Если пластъ этотъ состоитъ изъ кусковъ въ родѣ грубыхъ кирпичей или плитъ, то стараться вынимать ихъ цѣликомъ, не разбивая.

5) Удаливши край слоя обожженной глины, снимать находящуюся подъ нимъ землю, идя сверху внизъ и дѣйствуя заступами или лучше ручными лопатками въ горизонтальномъ направленіи. Встрѣченные предметы, расположеніе прослойковъ земли, съ обозначеніемъ цвѣта ея, и проч. остатки наносить на разрѣзъ № 2, соотвѣтствующій, слѣдовательно, 2-ой поперечной линіи плана, точно отмѣчая высоту, на коротой предметъ найденъ, и его поперечное положеніе, названія самихъ предметовъ съ ихъ №№ (которые отмѣчаются на этикеткахъ, наклеиваемыхъ сейчасъ-же по вынутіи изъ земли), и всѣ прочія подробности заносятся, разумѣется, въ дневникъ.

6) Окончивши разрѣзъ № 2, такимъ-же образомъ вести разрѣзъ № 3 (т. е. ту часть земли, которая заключается между 2 и 3 поперечными чертами на поверхности обожженной глины и на планѣ) затѣмъ 4, 5 и т. д. до конца, наблюдая при этомъ неуклонно, чтобъ боковыя стороны траншеи проходили по непорушенной почвѣ, и въ случаѣ надобности расширяя траншею, сколько потребуется, и разумѣется нанося это расширеніе сейчасъ-же на планъ и на разрѣзы, которыхъ получится столько, сколько было проведено чертъ на поверхности площади.

7) Находимые предметы, въ томъ числѣ черепки, кости, уголь, куски дерева, комья обожженной глины, образцы пепла и пр. надо брать *всѣ безъ исключенія* (изъ черепковъ могутъ быть составлены сосуды, кости должны быть опредѣлены, равно какъ уголь и куски дерева, на комьяхъ глины могутъ оказаться отпечатки, а въ пеплѣ остатки сожженія труповъ). По составленіи полнаго инвентаря и послѣ вторичнаго внимательнаго пересмотра, все лишнее можетъ быть отброшено.

8) Всѣ болѣе интересные разрѣзы, особенно заключающіе въ себѣ ниши съ сосудами и т. п., должны быть сфотографированы. Вообще фотографія, какъ документъ, должна предпочитаться рисунку, хотя-бы очень искусно сдѣланному. Такъ-же точно должны быть сфотографированы *на мѣстѣ* всѣ предметы, могущіе при отчисткѣ отъ земли или перевозкѣ подвергнуться разрушенію.

Какъ руководство къ производству раскопокъ и особенно къ сохраненію найденныхъ предметовъ, можно указать упомянутыя уже въ моемъ переводѣ книги Ницерле: *J. Novotny*—Nàvod ku sbiràni a zachranovani predhistorickich pamàtek (Praha, 1894), *Heierli*—Uebersicht ueber die Urgeschichte der Schweiz (Zürich, 1894) и *R. v. Weinzierl*—Die jungere Steinzeit (neolitihsche Culturepoche) in Böhmen (Prag, 1895). Но лучше всего было-бы, разумѣется, составить спеціальное руководство для нашихъ мѣстностей, чѣмъ слѣдовало-бы заняться будущему археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Наконецъ, не достаточно произвесть раскопку и сдать вещи въ музеи, а дневники въ архивы: чтобъ раскопка имѣла научное значеніе, надо ее описать и издать. Наши раскопки заключаютъ въ себѣ не меньше научнаго интереса, чѣмъ самыя крупныя изъ западно-европейскихъ, и если онѣ до сихъ поръ не занимаютъ соотвѣтственнаго ихъ важности положенія въ наукѣ, то только потому, что онѣ неумѣло производятся, небрежно описываются и очень плохо издаются. Недавнія изданія Б. И. Ханенка показали, что у насъ возможны и роскошныя изданія, но эти изданія, какъ они не важны съ документальной и художественной стороны, будутъ имѣть вполнѣ серьезное значеніе только тогда, когда они будутъ также и *научны*, заключая въ себѣ *всѣ* необходимые элементы для возстановленія древней культуры.

Парижъ. Іюнь, 1900.

Ѳ. Волковъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Истребленіе еврейскихъ безцензурныхъ книгъ и судебное преслѣдованіе евреевъ за ихъ утайку. Въ 1830-хъ годахъ, въ эпоху общаго усиленія цензурныхъ строгостей въ Россіи, и особенно въ западномъ краѣ (послѣ польскаго возстанія), было обращено вниманіе и на еврейскія книги, результатомъ чего явился указъ Правит. Сената отъ 27 ноября 1836 года, въ которомъ объявлялось, что, по положенію Комитета министровъ, высочайше повелѣно: 1) объявить чрезъ кого слѣдуетъ евреямъ, что всѣ имѣющіяся у нихъ книги, напечатанныя безъ цензуры или привезенныя изъ-за границы безъ дозволенія, они должны въ теченіе года представить мѣстнымъ начальствамъ, не опасаясь за то наказанія, но что по прошествіи этого срока съ тѣми изъ нихъ, у которыхъ такія книги окажутся, поступлено будетъ по строгости законовъ, для чего градскимъ и земскимъ полиціямъ вмѣнялось въ обязанность разыскивать и арестовывать такія книги, а ихъ владѣльцевъ представлять начальству для преданія суду; 2) пересмотръ представляемыхъ евреями книгъ поручить надежнымъ раввинамъ съ тѣмъ, чтобы они, подъ личною отвѣтственностью, одобренныя цензурою книги означали надписью, а неодобренныя представляли свѣтскому начальству для доставленія въ министерство внутреннихъ дѣлъ на дальнѣйшее по усмотрѣнію онаго распоряженіе. Черезъ годъ (29 ноября 1837 г.) былъ изданъ дополнительный указъ, которымъ разрѣшалось мѣстнымъ главнымъ начальствамъ, по надлежащемъ разсмотрѣніи еврейскихъ книгъ, тѣ изъ нихъ, которыя будутъ признаны подлежащими уничтоженію, не отсылать въ Петербургъ,

а предавать сожженію на мѣстѣ, сообщая въ министерство лишь о количествѣ сожженныхъ книгъ и представляя по одному экземпляру каждаго уничтоженнаго сочиненія для храненія въ библіотекѣ министерства внутр. дѣлъ.

Въ исполненіе этихъ указовъ, такой пересмотръ еврейскихъ книгъ производился въ теченіе 1837—1844 г. г. и въ Кіевѣ, при управленіи генералъ-губернатора, и много ихъ подверглось сожженію. Были случаи, что евреи, преимущественно раввины, скрывали имѣвшіяся у нихъ безцензурныя книги, и въ такихъ случаяхъ ихъ предавали суду. Но тутъ совершалась удивительная метаморфоза, столь характерная для тогдашняго бюрократическаго режима. Правительство издавало суровые указы, мѣстное главное начальство разсылало съ своей стороны строжайшія предписанія о неуклонномъ ихъ исполненіи, и, казалось, что нарушителямъ закона грозитъ неминуемая и жестокая кара. Но лишь только открывалось преступленіе и въ ходъ пускалась тогдашняя неуклюжая административно-судебная машина, тотчасъ начиналась неизмѣнно и все на одинъ ладъ повторявшаяся картина какъ-бы намѣреннаго издѣвательства надъ закономъ со стороны его непосредственныхъ блюстителей, и рѣдкое дѣло, послѣ безконечной волокиты, не оканчивалось изморомъ. Такъ было и съ преслѣдованіемъ евреевъ за утайку безцензурныхъ книгъ. Для примѣра разскажемъ одинъ изъ такихъ процессовъ.

Въ ноябрѣ 1841 года, т. е. спустя пять лѣтъ послѣ указа 27 ноября 1836 года, приставъ 2-го стана Таращанскаго уѣзда арестовалъ въ еврейской школѣ м. Животова книгу въ 3-хъ экземплярахъ подъ названіемъ Бахъ, оказавшуюся въ спискѣ запрещенныхъ. Привлеченный къ слѣдствію, мѣстный раввинъ Лейба Бурда показалъ, что въ должности казеннаго раввина въ Животовѣ онъ состоитъ съ 1836-го года и съ того времени постоянно, одинъ разъ въ мѣсяцъ, пересматриваетъ находящіяся въ его школѣ еврейскія книги, нѣтъ-ли между ними вредныхъ, запрещенныхъ законами и не пропущенныхъ цензурою, и никогда такихъ не находилъ. Но въ 1841 году онъ однажды замѣтилъ въ школѣ новыя книги, подъ названіемъ Бахъ, коихъ до того времени здѣсь не было, и спросилъ бывшаго въ то время старостою школы еврея Барскаго, откуда онѣ взялись. Оказалось, по словамъ Барскаго, что эти книги за нѣсколько дней передъ тѣмъ принесъ еврей-корчмарь Шулимъ Ружичанскій и сообщилъ, что его отецъ Янкель, умирая, завѣщалъ ему передать эти книги въ Живо-

товскую школу. Онъ, раввинъ, не успѣлъ еще хорошенько пересмотрѣть эти книги, какъ пріѣхалъ приставъ и арестовалъ ихъ.

По обычаю того времени, слѣдствіе велось весьма вяло и необыкновенно медленно, такъ что, когда въ 1847 году слѣдователи надумались провѣрить ссылку раввина на бывшаго школьнаго старосту Барскаго и жертвователя Ружичанскаго, то ни того, ни другого уже не оказалось въ живыхъ.

Первоначально раввинъ Бурда, по опредѣленію кіевскаго губернскаго правленія, былъ преданъ суду Таращанскаго городового магистрата, который постановилъ таковой о немъ приговоръ: такъ какъ Бурда по дѣлу сему въ знаніи и принятіи въ школу книгъ не изобличенъ, то на основаніи т. XV ст. 1169 оставить его по дѣлу сему свободнымъ. Но кіевская палата уголовнаго суда не соглашалась съ такимъ приговоромъ и, имѣя въ виду, что дѣла по преступленіямъ должностныхъ лицъ предварительно должны разсматриваться губернскими правленіями, препроводила и настоящее дѣло для разсмотрѣнія дѣйствій раввина Бурды въ кіевск. губерн. правленіе, гдѣ оно собственно говоря, уже раньше разсматривалось. Губ. правленіе долго не могло рѣшить, куда еще направить это злополучное дѣло, наконецъ въ январѣ 1851 г. надумалось: такъ какъ раввинъ Бурда обвиняется въ непредставленіи начальству запрещенной книги, то для разсмотрѣнія означеннаго поступка и произнесенія о немъ приговора назначить, согласно 1283 ст IX. т. св зак., собраніе изъ трехъ раввиновъ: таращанскаго, липовецкаго и каневскаго, которымъ велѣть явиться въ таращанскій городовой магистратъ и, по разсмотрѣніи сказаннаго дѣла, произнести о раввинѣ Бурдѣ приговоръ, который затѣмъ представить въ губ. правленіе. Это постановленіе, составленное какъ-будто по рецепту извѣстной крыловской басни о судѣ надъ щукой, менѣе всего могло страшить подсудимаго. Прежде всего оказалось почти невозможнымъ понудить трехъ раввиновъ съѣхаться къ назначенному сроку въ Таращу: то каневскій раввинъ не пріѣдетъ, то липовецкій не явится, то таращанскій не кстати отлучится изъ дому.

Пять разъ назначались новые сроки, посылались раввинамъ грозныя предписанія; каневскій раввинъ, какъ особенно неисправный, былъ замѣненъ бѣлоцерковскимъ; наконецъ соборъ раввинскій былъ собранъ, и въ іюлѣ 1851 г. произнесъ приговоръ: «Какъ изъ дѣла видно, что найденныя въ 1841 г. въ Животовской еврейской школѣ книги были подброшены въ оной школѣ старостою Барскимъ, уже умершимъ,

раввинъ же Буда о таковыхъ книгахъ не былъ свѣдомъ, то оставить его по сему дѣлу свободнымъ».

Губернское правленіе никакъ не могло согласиться, будто Бурда не былъ свѣдомъ о книгахъ, которыя самъ же просматривалъ, но оно рѣшительно недоумѣвало, какому же суду и взысканію подвергнуть животовскаго раввина. По его мнѣнію, слѣдовало бы взыскать съ него по 15 рублей за каждый экземпляръ утаенной имъ книги, да и дѣлу конецъ; но такъ какъ въ ст. 1286 IX т. св. зак. опредѣляющей порядокъ разсмотрѣнія должностныхъ проступковъ раввиновъ, не объяснено, какому именно взысканію губернское начальство можетъ подвергнуть ихъ, если не будетъ согласно съ приговоромъ, произнесеннымъ собраніемъ раввиновъ, то посему губ. правленіе рѣшило представить это недоумѣніе на разсмотрѣніе генералъ-губернатора и просить у него руководства. Но генералъ-губернаторъ тоже затруднился рѣшеніемъ этого судебнаго казуса и представилъ его на усмотрѣніе Сената.

Долго пришлось ожидать сенатскаго разъясненія. Лишь въ концѣ 1855 года полученъ былъ указъ, разъяснившій, что за преступленія по должности раввины должны быть предаваемы губернскимъ начальствомъ суду уголовной палаты. Такъ было поступлено и съ Животовскимъ раввиномъ. Не скоро кіевская уголовная палата разсмотрѣла его дѣло; лишь въ іюлѣ 1857 года послѣдовалъ ея приговоръ слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ въ дѣлѣ нѣтъ доказательствъ на обвиненіе раввина Бурды въ утайкѣ и непредставленіи начальству книги подъ названіемъ Бахъ, которая потомъ признана подлежащею запрещенію, по объясненію же Бурды книга эта была при напечатаніи пропущена цензурою Виленской академіи, а таковое объясненіе Бурды по дѣлу ничѣмъ не опровергнуто, то посему угол. палата, руководствуясь 1169 ст. XV т. зак. угол., опредѣляетъ: раввина Бурду отвѣтственности не подвергать».

Выходитъ, что дѣла, длившагося въ теченіе 16-ти лѣтъ и разросшагося въ канцелярскомъ производствѣ до нѣсколькихъ сотъ листовъ, вовсе не слѣдовало и начинать. Хотя изъ мотивовъ приговора уголовной палаты вовсе не вытекало заключенія о невинности Бурды, а вытекало лишь заключеніе о необходимости дополнить слѣдствіе по его дѣлу и выяснить, точно ли арестованныя у него книги были пропущены цензурою и не были раньше арестованія включены въ списокъ запрещенныхъ изданій, но администраціи это

безконечное дѣло, повидимому, такъ надоѣло, что она и не подумала опротестовать приговоръ палаты, обычно восходившій на утвержденіе губернатора, и Животовскій раввинъ, послѣ многолѣтней волокиты, вѣроятно не мало ему стоившей, могъ наконецъ вздохнуть свободно, не опасаясь болѣе столь долго грозившей ему отвѣтственности «по всей строгости законовъ».

О. Л.

Могила гетмана Дорошенка. *(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).* Пишущій эти строки родомъ оттуда, гдѣ проживалъ на закатѣ своей жизни и погребенъ гетманъ войска запорожскаго Петро Дорошенко. Какъ извѣстно, послѣ гетманства, Дорошенко проживалъ сначала въ г. Сосницѣ, а затѣмъ въ пожалованномъ ему, вмѣстѣ съ 1000 р. содержанія въ годъ, въ с. Яропольцѣ, Московской губ., въ ста тридцати верстахъ отъ нелюбившей его и не любимой имъ Москвы. Объ этомъ упоминаетъ и украинскій поэтъ:

«Иды, Петре, въ Межыгорье,
Молытыся Богу!
Не пустылы Дорошенка,
У ряси пизналы,
Закувалы у кайданы,
Въ Сосныцю послалы,
А зъ Сосныци въ Яронолье
Вику дожываты».

(«Кобзарь». 445—446 стр.)

А великорусскій поэтъ Пушкинъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ женѣ отъ 1833 года, изъ того же Яропольца пишетъ о мѣстной владѣлицѣ: она живетъ очень недалеко и тихо въ своемъ разоренномъ дворцѣ и разводитъ огороды надъ прахомъ своего прадѣдушки Дорошенки, къ которому ходилъ я на поклоненіе. Сем. Фед., съ которымъ мы большіе пріятели, водилъ меня на его гробницу и показывалъ мнѣ прочія достопамятности Яропольца.» (Сочин. А. С. Пушкина. Томъ 8. Письма. стр. 408. Изд. Суворина). Извѣстенъ и еще одинъ этапъ скитаній Дорошенка, а именно: онъ былъ, до заключенія въ Яропольцѣ, еще и воеводою въ Вяткѣ.

Могила знаменитаго гетмана, какъ я ее помню въ с. Яропольцѣ, будучи 9—10-лѣтнимъ мальчикомъ, представляла часовню сажня въ четыре въ вышину, считая и крестъ, и сажень трехъ въ квадратѣ въ ширину, съ яблокообразной крышей коричневаго цвѣта—не то отъ ржаваго желѣза, не то такъ она была выкрашена; подъ ней стоялъ покачнувшійся на бокъ деревянный крестъ въ аршинъ вышины. Это было въ 1887—88 году. У меня и теперь еще въ памяти удержались стихи мѣстнаго деревенскаго стихоплета, уходившаго съ родины на заработки:

«Прощай, могила Дорошенки,
Что въ одиночествѣ стоитъ...
Въ плохой, убогой часовéнкѣ
Забытый прахъ его лежитъ»...

Часовня никогда не запиралась, хотя и имѣла желѣзныя двери. Стояла она среди села, на берегу рѣки Ламы. Много дѣтскихъ проказъ и приключеній, много воспоминаній изъ беззаботнаго дѣтства связаны у меня съ этой часовенкой. Въ ней были иконы и рѣзные изъ дерева золоченые херувимы съ распростертыми крылышками. Почти всю часовню занималъ огромный камень, лежавшій надъ прахомъ гетмана, пудовъ въ полтораста. На немъ лежалъ черный суконный покровъ, превратившійся отъ времени въ клочья, бурыя отъ пыли; стояла кружка для денегъ и копѣечки, грошики, полушки лежали покрытыя пылью, прямо на камнѣ: это проходящіе и богомольцы заходятъ молиться о его душѣ и кладутъ на свѣчку. На выступахъ подъ куполомъ внутри часовни жили голуби, а снаружи подъ крышей воробьи, и вся часовня, и иконы, и камень были усыпаны ихъ пометомъ. Въ Пасху камень бывалъ уставленъ разноцвѣтно-раскрашенными яйцами.

Когда-то на мѣстѣ часовни этой стояла церковь, подъ правымъ клиросомъ которой и лежалъ гетманъ, но изъ опасенія-ли, что высокій берегъ все болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ подмывался рѣкою и угрожалъ церкви, такъ что даже въ мое дѣтство подъ берегомъ часто послѣ половодья видны были гробы, кости, черепа, крестики вслѣдствіе размыва древняго кладбища, бывшаго около церкви, или по другой причинѣ,—церковь была далеко перенесена къ барскому дому; надъ прахомъ же гетмана соорудили часовню, какъ говорили тогда старожилы, по совѣту Пушкина, а въ двухъ шагахъ отъ часовни

стоитъ низенькая колонка, сложенная изъ кирпича, надъ мѣстомъ бывшаго церковнаго престола, а въ двадцати—трактиры, кабаки и лавочки.

Когда бывали въ селѣ ярмарки, отличавшіяся осенью многолюдствомъ и оживленіемъ, благодаря производству и сбыту льна въ широкихъ размѣрахъ, то часовенку едва было видать изъ-за лѣса оглобель и телѣгъ. Она едва огорожена жердочками, къ которымъ и привязываются крестьянскія лошади; и часто вѣтеръ надуваетъ въ нее массу травы, сѣна, соломы, шелухи сѣмячекъ изъ подсолнуховъ. Въ десяти шагахъ въ сторону, противоположную трактирамъ, раздается шарманка, бубенъ паяцовъ и писк петрушки на вышкѣ ярмарочнаго балагана, совмѣщавшаго въ себѣ и циркъ, и театръ... А тутъ и не одна могила Дорошенка! Тутъ, подъ трактирами и балаганами, видны слѣды древняго кладбища, вокругъ бывшей церкви, на что указываютъ торчащіе бѣлые камни—памятники, по которымъ тогда стучали колеса телѣгъ и подковы лошадей, превращая ихъ въ порошокъ. И на часовнѣ никакой надписи. Часто бывало, напримѣръ, кавалькада офицеровъ остановившагося въ селѣ дневной полка отправится сначала къ церкви, потомъ на сельское кладбище—діаметрально противоположные концы, въ оба раза мимо этой часовни, а потомъ вернутся да и станутъ спрашивать какого-нибудь мальчугана: «гдѣ могила гетмана Дорошенка»? и не сразу найдутъ даже среди взрослыхъ знающаго человѣка, что за часовня стоитъ вблизи лавокъ и трактировъ.

Крестьянскія дѣти, устраивая игру въ солдаты, таскали оттуда херувимовъ на знамя и такъ и ходили по селу съ пѣснями, пока кто нибудь изъ взрослыхъ, поймавъ коновода за вихорь, заставлялъ херувима или икону пустить по водѣ или отнести обратно въ часовню. Или, напримѣръ, накладутъ благочестивые люди, можетъ быть по преданію сохранившіе какое-либо представленіе о Дорошенкѣ, на камень-памятникъ надъ гетманомъ въ Пасху яицъ, копѣекъ и грошиковъ, а дѣти подберутъ яйца и начнутъ ихъ съ азартомъ спекулянтовъ катать изъ лубка—кто чье яйцо стукнетъ своимъ, тотъ и беретъ себѣ; а копѣечки и грошики превращали въ пряники, конфекты и сѣмячки подсолнуховъ. Пишущій эти строки во времена своего дѣтства во всемъ этомъ участвовалъ и потому свидѣтельствуетъ о точныхъ фактахъ.

Въ такомъ видѣ стояла часовенка лѣтъ около ста, простояла бы и еще полтораста, не мозоля глаза равнодушныхъ обывателей, не препятствовавшихъ ей разрушиться, а дѣтямъ мародерствовать и кощунствовать въ ней, и голубямъ съ воробьями плодиться и множиться и засиживать выступы внутри ея и карнизы крыши снаружи,—если-бы не случилось событіе, взволновавшее всю округу и апатичныхъ обывателей, на цѣлые мѣсяцы приковавшее самое напряженное вниманіе къ этой забытой часовенкѣ, усердно пытавшееся приподнять завѣсу минувшаго относительно судьбы и личности гетмана и возбудившее безконечные толки и догадки. Все, что лежало подъ спудомъ времени и передавалось лишь шепотомъ въ саранхъ или на полатяхъ еще во времена барщины—«крѣпатства», всплыло теперь наружу и горячо обсуждалось на завалинкахъ около избъ, въ трактирахъ, на ярмаркахъ... Смыслъ и значеніе этого событія, всколыхнувшаго всю округу и круто измѣнившаго отношенія къ часовенкѣ, стали ясны мнѣ лишь теперь, когда я очутился въ Украйнѣ и видѣлъ, съ какимъ горячимъ интересомъ слушали меня, выспрашивали самыя малѣйшія подробности событія, уже тускнѣвшаго въ моей памяти, потомки славныхъ героевъ—сподвижниковъ Дорошенка.

Вотъ что случилось въ концѣ осени или въ началѣ зимы 1887—88 года. Я тогда учился вторую зиму въ земской школѣ и жилъ на противоположномъ концѣ села, такъ что часовенка была мнѣ по пути въ школу. Однажды, идя изъ школы, мы, кучка мальчиковъ—школьниковъ, остановились около часовни—просто такъ, посмотрѣть, нельзя-ли чѣмъ поживиться—грошикомъ, копѣечкой, и увидали небольшую кучку свѣжевзрытой земли между боковою стѣной и камнемъ. У насъ въ селѣ былъ въ то время Арсеній—юродивый, ходившій зимой босикомъ и купавшійся въ Крещенье въ проруби,—такъ мы и порѣшили, что это онъ хочетъ тутъ спасаться и роетъ себѣ пещеру. Какъ хорошо и сейчасъ помню, это было наканунѣ какого-то праздника; а на другой день, идя отъ обѣдни, мы опять подошли къ часовенкѣ и увидали земли еще больше, и за обѣдомъ я сказалъ своему дѣду, что молъ Арсеній-дурачекъ роетъ себѣ пещеру въ часовнѣ. А на другой день къ вечеру меня вызвали изъ школы къ мировому судьѣ, жившему въ нашемъ селѣ. Тамъ было много народа въ мундирахъ—это пріѣхали изъ города чиновники для производства слѣдствія и меня вызвали давать свидѣтельскія показанія о видѣнномъ въ часовнѣ; подъ протоколомъ, помню хорошо, меня заста-

вили подписаться. Слѣдствіемъ было выяснено, что такъ какъ въ народѣ ходили толки, что гетманъ былъ погребенъ со всѣми знаками своего сана и достоинства: драгоцѣнною булавою, шапкою съ бриліантами и алмазами и дорогимъ оружіемъ, то злоумышленники и устроили подкопъ подъ тяжелый камень, чтобы добраться къ праху гетмана и похитить сокровища. Когда производилось слѣдствіе, то кости гетмана были извлечены изъ могилы и выложены на камнѣ, и я отчетливо помню лязгъ и стукъ желѣзнаго лома о склепъ и какую-то металлическую плиту, и хрустѣнье костей, когда ихъ веревками извлекали изъ земли, потому что камень, вѣроятно, плотно притиснулъ ихъ, и кости потомъ (кстати сказать, хорошо сохранившіяся и богатырскихъ размѣровъ, какъ говорили тогда кругомъ), съ черепомъ вмѣстѣ, лежали мѣсяца два непреданными землѣ на верху камня, наводя страхъ на насъ, дѣтей, и мы далеко обходили часовенку, когда случалось вечеромъ идти за виномъ въ трактиръ, или за чѣмъ въ лавочку. Что установило слѣдствіе, найдены ли злоумышленники,—мнѣ тогда не могло быть извѣстно. Съ тѣхъ поръ часовня заперта цѣпью и на замокъ.

Изъ массы слуховъ и толковъ народныхъ, носившихся тогда относительно личности гетмана, мнѣ помнится такое представленіе, что это онъ, Дорошенко, ушелъ изъ монастыря и былъ на Полтавской битвѣ и ранилъ въ ногу Карла XII. Этому способствовалъ бывшій тогда въ обращеніи среди населенія романъ «Таинственный монахъ». А камень-памятникъ надъ гетманомъ былъ своего рода мѣстомъ вздоховъ, во времена крѣпатства. Говорили тогда, что была на томъ камнѣ какая-то надпись—завѣщаніе гетмана, да исчезла, какъ говорили, по желанію помѣщиковъ стараго времени, и если-бы та надпись была цѣла, то въ селѣ и округѣ не было-бы крѣпатства, и что гетманъ, умирая, завѣщалъ свободу крестьянамъ, что и было написано на камнѣ. Лично я слышалъ тогда отъ своего дѣда, старика, умершаго лѣтъ пять тому назадъ въ глубокой старости, что онъ самъ помнилъ и указывалъ на жившихъ еще тогда стариковъ, участвовавшихъ нѣкогда, по приказу помѣщика, въ уничтоженіи этой надписи;—по его словамъ, они стесывали ее топорами,—камень былъ бѣлый, извѣстковый. При этомъ дѣдъ вспоминалъ сосѣдняго богатаго землевладѣльца графа Чернышева, вельможу Екатерининскаго времени, котораго онъ считалъ потомкомъ гетмана Дорошенка, и такъ объяснялъ происхожденіе его фамильнаго прозвища. Была-де у него рана,

полученная въ походѣ, межлу бровью и ухомъ, которую онъ, по обычаю запорожцевъ, затеръ порохомъ, отчего и остался на ея мѣстѣ черный шовъ. Когда впослѣдствіи его возвели въ графы, то бывшая его кличка «Черный шовъ» была дана ему въ фамилію, и онъ сталъ называться графъ Чернышовъ.

В. Красновъ.

На могилѣ Е. П. Гребенки. На дняхъ намъ пришлось посѣтить могилу Е. П. Гребенки, погребеннаго на отдѣльномъ кладбищѣ въ саду, принадлежащемъ гг. Мазараки при х. Убѣжищѣ, пирятинскаго уѣзда, полтавской губ. Грустно было видѣть, въ какомъ видѣ находится могила человѣка, въ свое время игравшаго видную роль въ литературномъ мірѣ и занимающаго не послѣднее мѣсто въ исторіи украинской литературы.

Небольшое фамильное кладбище Гребенокъ окопано рвомъ и одной стороной прилежитъ къ проѣзжей дорогѣ. Черезъ ровъ отъ дороги перекинуты кладки, ведущія къ запертымъ на замокъ воротамъ.

Когда сторожъ находящагося неподалеку земскаго училища, присматривающій и за кладбищемъ, отперъ ворота, то нашимъ взорамъ представился небольшой квадратный участокъ земли, окруженный съ трехъ сторонъ вѣковымъ садомъ и усѣянный рядомъ могилъ, изъ которыхъ только на одной—могилѣ Анны Павловны Свѣчко, урожденной Гребенка, имѣется металлическій крестъ, съ соотвѣтствующей надписью, на другихъ же вкопаны обыкновенные деревянные кресты безъ всякихъ надписей. Когда сторожъ указалъ намъ могилу Е. П. Гребенки, то онъ добавилъ при этомъ, что находящійся на ней ветхій деревянный крестъ перенесенъ съ сосѣдней могилы, гдѣ онъ замѣненъ новымъ,—а что до того на могилѣ Е. П. Гребенки нѣсколько лѣтъ никакого креста не было, такъ какъ первоначально поставленный давно подгнилъ и прибранъ. Кромѣ того, сторожъ сказалъ, что подъ сравнительно высокой могильной насыпью покоятся два праха—Е. П. Гребенки и его жены.

Неужели наша интеллигенція, всегда такъ отзывчиво относящаяся къ сохраненію памятниковъ родной старины, не соберетъ средствъ для сооруженія соотвѣтствующаго надгробнаго памятника

на могилѣ Е. П. Гребенки для увѣковѣченія его имени въ памяти потомства.

Н. Стороженко.

С. Великая Круча. 1 іюля 1900 г.

Чудотворная икона Божіей Матери въ с. Ржавцѣ, Прилуцкаго уѣзда, Полтавской губерніи. Въ церкви с. Ржавца у сѣверныхъ дверей въ алтарѣ почѣщается въ отдѣльномъ кіотѣ икона Богородицы стараго южно-русскаго рѣдкой красоты письма. Изображеніе Богоматери, поясное, съ младенцемъ на рукахъ, непорочно-скорбное, съ исходящими изъ очей слезами, производитъ неотразимое впечатлѣніе.

Объ этой иконѣ имѣется слѣдующее, занесенное изъ церковной лѣтописи, преданіе:

Въ XVII в. икона эта находилась въ церкви въ с. Мошнахъ Черкасскаго уѣзда, Кіевской губ. Когда однажды около 1715 г. козаки с. Ржавца и сосѣдняго мѣстечка Ични, Иванъ Даценко, Даніилъ Полувоный, Іеремія Голикъ, Иванъ Чистый и Ѳедоръ Фастовецъ, возвращаясь изъ похода въ Турцію, проходили черезъ с. Мошны, то они нашли эту икону въ опустѣлой церкви этого села и, взявши ее съ собою, передали ее священнику с. Ржавца Якову Кушакевичу. Послѣдній, видя, что икона потерта, такъ что мѣстами исчезло самое изображеніе, рѣшилъ ее обновить, если найдетъ жертвователя. Таковымъ оказался сторожъ при царинѣ (въѣздныхъ воротахъ) при въѣздѣ въ с. Ржавецъ по имени Григорій. Выразивши желаніе дать необходимыя для обновленія иконы средства, Григорій, съ согласія священника, отвезъ икону для обновленія въ Густынскій монастырь въ томъ же Прилуцкомъ уѣздѣ, гдѣ и передалъ монастырскому иконописцу, іеродіакону Венедикту. «Когда работа была окончена и иконописецъ собирался отвезть икону въ с. Ржавецъ, по словамъ церковной лѣтописи, произошло необыкновенное явленіе. Ночью противъ того дня, въ который іеродіаконъ намѣренъ былъ отвезть икону, онъ былъ разбуженъ необыкновеннымъ свѣтомъ, наполнявшимъ его келію. Прійдя немного въ себя, онъ увидѣлъ, что отъ стоящей въ келіи иконы исходили лучи на подобіе солнечныхъ и самое изображеніе было теперь гораздо въ благолѣпнѣйшемъ видѣ, чѣмъ прежде. Пораженный такимъ необыкновеннымъ явленіемъ, иконописецъ на дру-

гой же день поспѣшилъ въ Ржавецъ». Пріѣхавши въ Ржавецъ, иконописецъ разсказалъ объ этомъ священнику, а когда 24 мая 1716 г. икона была поставлена въ Ржавской церкви, то-опять таки по словамъ церковной лѣтописи—«изъ глазъ Пречистаго лика Богоматери начали течь слезы, которыя въ теченіе трехъ дней видимы были всѣми приходящими»... На четвертый день, когда священникъ отеръ ликъ покровцемъ, капляшіяся слезы далѣе видимы уже не были, только изъ праваго глаза длинная струя долго оставалась, и знакъ ея до сихъ поръ замѣтенъ на иконѣ».

Объ иконѣ сообщили митрополиту Іосафу Кроковскому, и онъ назначилъ комиссію для удостовѣренія въ чудодѣйственной силѣ ея изъ священниковъ м. Ични Константина Соколовскаго, Іоанна Тимоѳеева и с. Ноевки Василія Миловича, а также сотника Иченскаго Григорія Стороженка.

Послѣ этого была выстроена, существующая понынѣ, каменная церковь, въ которой и была поставлена икона 9 мая 1723 года.

Н. Стороженко.

Засѣданіе музыкально-этнографической комиссіи въ Москвѣ.

Въ публичномъ засѣданіи музыкально-этнографической комиссіи, состоящей при этнографическомъ отдѣлѣ общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, 13 мая сего года было сдѣлано два сообщенія о народной музыкѣ—Н. А. Янчукомъ и А. Л. Масловымъ. Доклады того и другого имѣютъ отношеніе къ народной музыкѣ малороссовъ, а потому содержаніе ихъ, полагаю, будетъ не безъинтересно и для читателей «Кіевской Старины».

Сообщеніе г. Маслова „О лирѣ и лирникахъ въ Орловской губерніи“ не отличалось особенной новизною и интересомъ. Дѣло въ томъ, что, будучи три года тому назадъ въ Ливенскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, онъ имѣлъ возможность въ одномъ изъ селъ этого уѣзда встрѣтить лирника, игрою котораго, а также и инструментомъ докладчикъ заинтересовался. Изъ разсказовъ лирника выяснилось, что лира получила въ этомъ уѣздѣ права гражданства, по крайней мѣрѣ, лѣтъ сорокъ тому назадъ: лирникомъ были указаны нѣкоторыя села и деревни, въ которыхъ обитаютъ его товарищи по ремеслу. Производствомъ, лиръ занимаются или сами лирники, или особые спеціалисты.

Самъ инструментъ по формѣ такой же, какъ и у малороссійскихъ лирниковъ, но по размѣрамъ значительно меньше; имѣетъ девять клавишей. Докладчикъ затѣмъ вошелъ въ подробное разсмотрѣніе исторіи происхожденія лиры и постепеннаго ея распространенія въ Западно-европейскихъ государствахъ и, наконецъ, въ Россіи. Появленіе лиры въ нашемъ отечествѣ докладчикъ относитъ къ началу XV столѣтія, куда она сперва черезъ Польшу попала въ Малороссію, а уже отсюда проникла и въ Великороссію. Существованіе лиры въ Великороссіи отмѣчается хотя бы тѣмъ обстоятельствомъ, что во время Новгородскаго погрома при Іоаннѣ IV мѣстнаго епископа возили по городу, увѣшаннаго всевозможными шутовскими и скоморошническими принадлежностями, и среди нихъ между прочимъ фигурировала и лира. Упоминаніе о лирѣ встрѣчается и в эпоху патріар. Никона, когда, по распоряженію послѣдняго, для поддержанія благочестія въ народѣ и духа религіозности отъ всѣхъ московскихъ обывателей отбирались всѣ музыкальные инструменты, въ томъ числѣ лиры, и на берегу р. Москвы были преданы торжественному аутодафе, во славу Всевышняго. Хотя лира, какъ музыкальн. инструментъ, и былъ знакомъ въ Великороссіи въ XVI и XVII столѣтіи, но дѣлать отсюда выводы о ея распространенности между населеніемъ великорусскимъ было-бы ошибочнымъ,—ея существованіе, по крайней мѣрѣ при дворѣ московскихъ царей, носило скоморошній оттѣнокъ. Далѣе, докладчикъ упомянулъ о нѣкоторыхъ чертахъ жизни лирниковъ Ливенскаго уѣзда, чертахъ, ничѣмъ не отличающихся отъ таковыхъ у малороссійскихъ лирниковъ: тѣ-же „поводатыри“, свой языкъ, своеобразная школа выучки и т. п. Докладчикъ заставлялъ лирника нѣсколько разъ пропѣть свой репертуаръ, состоящій изъ пьесъ религіозно-просвѣтительнаго характера, такъ напримѣръ—„о Егоріи“, «Алексіи Божьемъ человѣкѣ» и т. д. Въ заключеніи доклада нѣсколько отрывковъ пьесъ были пропѣты однимъ изъ любителей подъ аккомпаниментъ піанино. (Напѣвы были записаны самимъ докладчикомъ). Самое чтеніе сопровождалось демонстраціей тѣневыхъ картинъ.

Докладъ г. Маслова представляетъ изъ себя обыкновенное сообщеніе безъ всякой претензіи на научность. Въ немъ только вскользь упомянуто о постепенномъ распространеніи лиры въ Европѣ и затѣмъ высказаны кое-какія, впрочемъ уже давно извѣстныя, соображенія о появленіи этого инструмента въ Великороссіи. Не можемъ не высказать нашего сожалѣнія, что докладчикъ не потрудился болѣе

подробно войти въ разсмотрѣніе этого имѣющаго на нашъ взглядъ весьма важное значеніе вопроса. Прежде всего интересно было-бы прослѣдить, какими путями лира проникала въ великорусскую среду, и получаетъ-ли она тамъ распространеніе, и въ какой степени? Принимая во вниманіе, что Ливенскій уѣздъ расположенъ въ восточной части Орловской губерніи и окруженъ уѣздами (Новосильскимъ, Землянскимъ, Малоархангельскимъ и Елецкимъ), въ которыхъ малорусскаго населенія нѣтъ, интересно было-бы выяснить всѣ особенности въ языкѣ духовно-нравственныхъ пьесъ, ихъ музыки, манеры передачи напѣвовъ, мимики, жестикуляціи и т. д., словомъ отмѣтить всѣ признаки, дающія возможность прослѣдить измѣненія, которымъ пьесы подвергаются въ случаѣ появленія ихъ изъ Малороссіи, или самобытныя ихъ черты, присущія великорусскимъ пьесамъ. Этимъ вопросамъ мы придаемъ существенное значеніе, и полная разработка ихъ была-бы цѣннымъ вкладомъ въ исторіи народной музыки, какъ Великороссовъ, такъ и Малороссовъ. Этими соображеніями мы, конечно, не ставимъ въ упрекъ докладчику неполноту его сообщенія, а высказываемъ единственно пожеланія, чтобы начинающій изслѣдователь народной музыки по возможности прослѣдилъ интересующій насъ вопросъ на мѣстѣ и собралъ весь относящійся къ нему матеріалъ, какъ въ видѣ пьесъ, языка, обстановки, такъ равно и общественнаго положенія орловскихъ лириковъ.

Докладъ Н. А. Янчука «Изъ поѣздки въ Полтавскую губернію» съ исполненіемъ новыхъ музыкальныхъ записей, сдѣланныхъ самимъ докладчикомъ, былъ прослушанъ съ большимъ интересомъ. Сущность доклада г. Янчука заключалась въ слѣдующемъ.

Отправляясь на лѣтнюю экскурсію въ Полтавскую губернію, докладчикъ не имѣлъ въ виду разработать или изучать какую-либо сторону народной жизни, а просто замѣчалъ и къ свѣдѣнію принималъ все то, что по его мнѣнію заслуживало вниманія. Главное, что бросается въ глаза для наблюдателя мѣстной жизни, это рѣзкая перемѣна въ самомъ строѣ жизни—какъ внутреннемъ, такъ и внѣшнемъ малоросса. Отошли въ область преданія семейныя добродѣтели малороссовъ, главными признаками коихъ были чувства сыновней признательности и послушанія родителямъ; авторитетъ послѣднихъ, какъ главъ семействъ, окончательно палъ или падаетъ. Чувство солидарности, уваженія между членами одной и той же семьи исчезли безвозвратно: братъ въ братѣ, сынъ въ отцѣ и матери и т. п. видятъ

опасныхъ претендентовъ на свое «добро»; является затаенная и глухая борьба, которая не можетъ не отразиться деморализующимъ образомъ на самомъ укладѣ деревенской жизни. И подобная деморализація семейныхъ нравовъ совершается на нашихъ глазахъ, въ теченіе какихъ-нибудь 10—20 лѣтъ. Главныя причины этого прискорбнаго явленія коренятся въ неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, въ коихъ поставлена современная малорусская деревня, о которыхъ докладчикъ, разумѣется, не распространялся. Затѣмъ развитіе желѣзно-дорожныхъ путей сообщенія, отечественной промышленности, наконецъ, усложненіе самой жизни повели къ тому, что многіе отрасли домашняго производства и др. уступаютъ мѣсто предметамъ фабричныхъ издѣлій; прежнія мазанки—хаты изъ камыша или лозы, обмазанныя глиною, уступаютъ мѣсто каменнымъ домамъ или деревяннымъ на городской ладъ. Словомъ, подъ воздѣйствіемъ вышеуказанныхъ причинъ деревня все болѣе и болѣе проникается вліяніями города. Пройдутъ еще 10—20 лѣтъ, и по всей вѣроятности многія характерныя черты малоросса, какъ въ костюмѣ, такъ и въ воззрѣніяхъ, канутъ въ вѣчность. Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что въ послѣднее время все настойчивѣе и настойчивѣе, ну хотя бы въ интересахъ науки, чувствуется потребность въ самыхъ тщательныхъ этнографическихъ изысканіяхъ. Не смотря на то, что Малороссія, какъ ни одна мѣстность въ Россіи, издавна привлекала къ себѣ вниманіе туристовъ, ученыхъ и т. п., все таки въ устахъ народа этого, а также и въ особенностяхъ его жизни есть еще многое, что представляло-бы изъ себя значительный интересъ. Отъ этнографической, выставки, устройство которой предполагается въ Харьковѣ въ 1902 г., нужно ожидать весьма важныхъ результатовъ, такъ какъ по полнотѣ коллекцій и серьезности требованій, представляемыхъ къ ней, она будетъ единственная въ своемъ родѣ. Вообще подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій, въ Малороссіи и до сихъ поръ нигдѣ не имѣется общественныхъ и казенныхъ музеевъ, тогда какъ во многихъ даже уѣздныхъ городахъ, положимъ, Сибири, Кавказа таковыя существуютъ. Съ особеннымъ вниманіемъ и любовью остановился докладчикъ на музеѣ и библіотекѣ г-жи Скаржинской въ Лубенскомъ уѣздѣ, при чемъ какъ зданіе музея, или лучше дома г. Скаржинской, такъ и внутренній видъ комнатъ съ витринами, а также нѣкоторыя витрины были демонстрированы тѣневыми картинами. По словамъ докладчика, въ библіот. г-жи Скаржинской ему попадались такія рѣдкія книги, кото-

рыхъ ему уже не приходилось встрѣчать даже въ Петербургской и Румянцевской москов. библіотекахъ. Для тѣхъ, кто желаетъ ознакомиться съ національными чертами малоросса, авторъ рекомендуетъ производить наблюденія во время ярмарокъ. Одной изъ такихъ ярмарокъ въ с. Крыницкихъ, Лубенскаго уѣзда, авторъ посвятилъ довольно картинное описаніе. Эта ярмарка, продолжающаяся три дня, по мнѣнію докладчика, ведетъ свое начало съ языческихъ временъ, въ честь какого-то бога, принявшаго потомъ подъ воздѣйствіемъ христіанской религіи видъ святой Пятницы, которая понынѣ и является покровительницей этой ярмарки. Съ этой ярмаркою и св. Пятницей связывается много легендъ и разсказовъ. На этой ярмаркѣ докладчику пришлось услышать много пѣсенъ отъ «хлопцивъ и дивчатъ». У докладчика явилось было намѣреніе фонографировать ихъ, но фонографа съ резонаторами не оказалось. Вообще же, для болѣе яснаго представленія объ особенностяхъ народныхъ пѣсенъ, слѣдовало-бы всѣ пѣсни фонографировать или по крайней мѣрѣ ея лучшіе и типичнѣйшіе образцы. Докладчику удалось записать на ноты нѣсколько пѣсенъ; изъ нихъ только три историческихъ, затѣмъ нѣсколько любовныхъ, сатирическихъ и веселыхъ. Послѣ окончанія доклада—соло, дуэтомъ и хоромъ было исполнено нѣсколько пѣсенъ. Хоромъ дирижировалъ самъ докладчикъ. Фуроръ произвела пѣсенка «Ой у лузи, лузи червона калына, тожъ не калына—а молода дивчына», спѣтая безукоризненно двумя любительницами.

Доклады г. г. Маслова и Янчука, а также пѣніе любителей, принявшихъ на себя трудъ разучить пьесы, были покрыты шумными рукоплесканіями и вызвали въ присутствующей публикѣ оживленные разговоры и горячую признательность комиссіи за интересные доклады.

А. Г. Хат—ъ.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. *Недовѣріе, внушаемое молодыми людьми «изъ разныхъ мѣстъ» каневскимъ обывателямъ.* Въ мартѣ 1862 г. елисаветградскій 3-й гильдіи купецъ, Варѳоломей Шевченко, вошелъ въ переговоры съ каневскою думою относительно уступки ему, подъ проектированное художественное училище, земельнаго участка на горѣ *Чернечей*, въ части города «*Мо-*

настырки», неподалеку отъ могилы художника Тараса Шевченка, памяти котораго предполагается посвятить заведеніе.

Но каневскіе граждане, едва о томъ прослышавъ, пришли въ ужасъ и возбудили предъ генералъ-губернаторомъ ходатайство, съ цѣлью воспротивиться осуществленію задуманной уступки цѣлыхъ 10 десятинъ, якобы крайне нужныхъ городу.

Каневцы при этомъ откровенно признаются, что ихъ не мало страшитъ возможность возникновенія подъ городомъ заведенія «гдѣбы было много молодыхъ людей изъ разныхъ мѣстъ», а потому просятъ главнаго начальника края для сказанной надобности указать какой-либо другой городъ...

Между тѣмъ, торги на облюбованныя Варѳоломеемъ Шевченкомъ четыре десятины, по несоблюденію какихъ-то формальностей, утверждены не были, и встревоженные обыватели свободно вздохнули.

—

Отношеніе станового пристава и земскаго судьи къ чудесному явленію. Въ послѣднихъ числахъ мая 1846 года, въ Уманскомъ у., въ с. Легезинѣ, крестьянка Евдокія Крайсвитня (40 л.) пошла по обыкновенію по-воду. Но едва наполнила ведро, какъ въ колодцѣ, на глубинѣ полуаршина, увидѣла икону съ изображеніемъ Божіей Матери, держащей на правой рукѣ Спасителя нашего Іисуса Христа, а въ лѣвой крестъ; *каковая икона была въ маломъ масштабѣ, въ золотомъ и серебряномъ украшеніи.*

Вѣсть о чудесномъ явленіи быстро разнеслась по селенію. Къ колодцу стали стекаться богомольцы и любопытные. Нѣкоторые видѣли икону, но уже на бо́льшей глубинѣ, другіе ничего различить не могли, и въ народѣ пошелъ о нихъ говоръ, будто «недостойны того у Бога».

Когда доложили о случившемся помѣщику, онъ распорядился тщательно очистить колодезь, при чемъ иконы обрѣсти не удалось...

Тѣмъ не менѣе, народъ съ неослабнымъ усердіемъ шелъ на молитву, умывался водою изъ источника и возжигалъ вокругъ него свѣчи...

Становой приставъ счелъ, по долгу службу, необходимымъ распорядиться: *чтобы на будущее время никто не впріль о чудесномъ явленіи въ колодцѣ иконы и не приходилъ къ оному для принощенія молитвъ и другихъ жертвъ.*

При производствѣ затѣмъ дознанія исправникомъ, показаніями двадцати душъ удостовѣрено явленіе иконы, вслѣдствіе чего земскій судъ *распоряженіе пристава съ воспрещеніемъ вѣровать въ таковое явленіе* потому только, что иконы въ колодцѣ не обрѣтено—призналъ преждевременнымъ и неосновательнымъ, предписавъ Легезинской экономіи *не препятствовать желающимъ приносить молитвы Всевышнему при означенномъ колодцѣ*, такъ какъ это не противно религіи. *Съ жертвоприношеніемъ-же, объявить имъ, воздержаться, впредь до дальнѣйшаго распоряженія Духовной Консисторіи.*

—

Средство къ отклоненію тучъ. Въ 1847 году Заславскій земскій судъ рапортовалъ генералъ-губернатору:

...«Арендный владѣлецъ с. Великихъ Каленичъ, Оберманъ, какъ только собираются дождевыя тучи (во время уборки), приказываетъ своимъ крестьянамъ звонить во всѣ колокола, дабы *отклонить* тучу, чѣмъ причиняетъ убытокъ церкви, ибо, звоня продолжительно и сильно, повредилъ цѣлость большого колокола»...

На всѣ увѣщанія приходского священника Оберманъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія...

Начальнику губерніи предложено: въ случаѣ *если по слѣдствію поступки Обермана подтвердятся—немедленно сдѣлать распоряженіе къ законному воздержанію его отъ оныхъ*, а церковь удовлетворить за причиненные убытки.

—

Татаринъ-психіатръ на Волыни. Осенью 1846 г., до генералъ-губернатора дошелъ слухъ, будто въ м. Коростышевѣ проживаетъ татаринъ, излѣчивающій сумасшествіе.

Получивъ запросъ, исправникъ донесъ, что дворянинъ Брацлавскаго уѣзда, изъ татаръ, Александръ Иванов. Юзефовичъ, жительствуетъ въ м. Коростышевѣ около 9 лѣтъ, занимаясь лѣченіемъ однихъ только сумасшедшихъ, при чемъ—удачно вылѣчилъ сына и дочь Овручскаго помѣщика Матусѣвича (юный М. удачно послѣ того окончилъ Кіевскій университетъ); возвратилъ сознаніе капитану Добровольскому, а нынѣ пользуетъ Бердическаго у. помѣщичьяго сына Боярскаго, но, зная, что за нимъ слѣдитъ полиція, ходитъ къ паціенту неохотно, тайкомъ, отъ чего страдаетъ самое лѣченіе.

Принимаясь за врачеваніе, какъ дознано изъ-подъ рукъ, «онъ вываривает извѣстное ему количество карточекъ, писанныхъ татар-

скими красными буквами, которыхъ пріуготовленіемъ самъ занимается, и вываренную воду даетъ пить больному. Входятъ-ли въ составъ сей какіе медикаменты—неизвѣстно... Ибо въ томъ ни самъ, ни родственники пользуемыхъ имъ лицъ не сознаются. Сверхъ напитка, употребляемаго больнымъ, онъ, Юзефовичъ, что-то говоритъ по-татарски, а послѣ такого лѣченія сумасшедшій возвращается къ здоровому разсудку»...

—

„*Видимая простота*". Въ іюлѣ 1845 года, въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви, крестьянка Домна Голобоярова, придя къ о. протоіерею, объявила, что во дворѣ ея произошло нѣчто необычайное.

Въ ея хатѣ, свыше 30 лѣтъ, имѣется писанная масляными красками икона, изображающая Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, Воскресеніе Господне и Григорія (?) Побѣдоносца; отъ давности лики на ней были потемнѣлые. Надумавшись ту икону омыть, она бережно это исполнила, а затѣмъ отерла воду полотенцемъ, послѣ чего, къ величайшему ея изумленію, лики показались ей обновившимися...

О. протоіерей и мѣстный приставъ, тщательно осмотрѣвъ предъявленную имъ икону, нашли таковую лишь аккуратно вытертою и, ради прекращенія «народной молвы и истеченія», образъ взятъ въ приходскую церковь.

Въ заключеніи сего рапорта приставъ объясняетъ: «настоящее объявленіе Голобояровой ни отъ какихъ либо другихъ видовъ произошло, какъ отъ *видимой простоты*».

Сообщилъ А. Мёрдеръ.

Въ Лебединскомъ „будынкѣ" Г. П. Галагана. Въ прошломъ маѣ мнѣ пришлось посѣтить Дегтяревскую земскую ткацкую мастерскую. По пути изъ Дегтярей на желѣзную дорогу, я завернулъ въ с. Лебединецъ съ цѣлью осмотрѣть, по возможности обстоятельно, «будынокъ», сооруженный незабвеннымъ Г. П. Галаганомъ. Благодаря любезности г. управляющаго имѣніемъ, я получилъ доступъ въ будынокъ и могъ составить приводимое ниже описаніе.

Экономическая усадьба отличается весьма просторнымъ дворомъ или скорѣе площадью, но бросается въ глаза лишь густою зеленью мощныхъ дубовъ и др. лиственныхъ деревьевъ. Всѣ экономическія

постройки, жилыя и хозяйственныя, крыты исключительно соломой. При въѣздѣ въ обыкновенныя деревянныя ворота, съ правой стороны расположены въ послѣдовательномъ порядкѣ: одноэтажныя деревянныя, выбѣленныя мѣломъ, экономическая контора, домъ для управляющаго и „будынокъ". Далѣе, по другую сторону двора, расположены конюшни, и противъ будынка—два корпуса рубленныхъ коморъ (амбаровъ) съ открытыми галлерейками на колонкахъ.

«Будынокъ» имѣетъ видъ старосвѣтскаго панскаго обиталища. Параднымъ подъѣздомъ служитъ широкій «кганокъ» подъ соломенною крышею, на винтообразныхъ точеныхъ столбахъ съ рѣзьбою. Потолокъ зашитъ досками, безъ побѣлки ихъ. Входная дверь старосвѣтскаго типа, въ видѣ шестиугольника, окаймлена рѣзнымъ бордюромъ на некрашенныхъ дубовыхъ луткахъ. По бокамъ двери имѣются окна въ 8 стеколъ, съ своеобразно расположеннымъ переплетомъ между стеклами. По фасаду съ правой стороны такое-же двойное окно съ витою рѣзною колонкою; съ лѣвой стороны два такихъ же окна. Входная дверь снаружи имѣетъ вороненыя желѣзныя массивныя «шпуги» съ украшеніемъ въ видѣ завитковъ. Дверныя и оконныя лутки дубовыя съ рѣзнымъ бордюромъ, небѣленыя. Дверь открывается съ помощью обычной «клямки», а извнутри запирается надежнымъ желѣзнымъ «засовомъ.» Просторная передняя, выбѣленная мѣломъ, имѣетъ двѣ двери въ комнаты. Налѣво—широкая дугообразная дверь открываетъ входъ въ залъ; эта дверь отдѣлана широкимъ дубовымъ наличникомъ съ рѣзнымъ двойнымъ бордюромъ и розетками вверху. Наличники оконъ также съ бордюрами. Комната имѣетъ 10 шаговъ въ длину и 7 шаговъ въ ширину; стѣны изъ тщательно выстроганныхъ широкихъ липовыхъ брусьевъ, плотно сфугованныхъ. Потолокъ закрытъ сосновыми чистыми досками на пяти «слежахъ», поддерживаемыхъ массивнымъ липовымъ «сволокомъ». Посрединѣ сволока съ лицевой стороны художественно исполненное рѣзное изображеніе св. креста въ кругу. Съ лѣвой стороны рѣзная надпись громаднымъ шрифтомъ: «Благословеніемъ Бога Отца, изволеніемъ Сына и содѣйствіемъ Святаго Духа, аминь». На правой сторонѣ: Року Божого ѧѡн создася сей домъ коштомъ пана Григорія Галагана, місяца Іуніа 1 числа». На оборотной сторонѣ сволока посрединѣ рѣзное звѣздообразное украшеніе въ кругу и надпись: «Домъ сей сооруженъ для оживленія преданія о жизни предковъ въ памяти потомковъ». Съ лѣвой стороны: «Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе труждающіеся и зиждущіе. Соломонъ

пѣснь PBS». Низъ сволока украшенъ широкимъ бордюромъ съ двумя розетками и въ кругѣ звѣздообразно расположенные дубовые листья. Въ переднемъ углу комнаты дубовый треугольникъ для образовъ съ рѣзьбой. Ниже божницы, въ простѣнкѣ межлу окнами большой фотографическій портретъ Г. П. Галагана, въ рѣзной дубовой рамкѣ съ щитомъ и его иниціалами. Подъ портретомъ помѣщено слѣдующее стихотвореніе, безъ рамки:

«Въ будынкъ Галагана».

Раскрыта здѣсь передо мной
Забытой повѣсти страница;
Тутъ вѣетъ давней стариной,
Встаютъ событія и лица.
Вотъ гдѣ святая простота
Съ изящнымъ вкусомъ сочеталась!
И эта дивная чета
Въ нашъ вѣкъ бездѣтною осталась!
Счастливъ, кто можетъ воскресить
Давно забытыя дѣянья,
И также просто станетъ жить,
Храня завѣтныя преданья».

Н. П. П—ръ.

18 Іюня 1893 г.

Заднюю стѣну занимаетъ массивная печь изъ кафель зеленаго цвѣта во всю вышину стѣны, съ карнизами. Кафли гладкія, съ рельефными украшеніями въ видѣ медальона посрединѣ. Подъ окнами два дубовыхъ дивана съ точеными ножками; спинка съ переплетами и балясинами; посрединѣ спинки рѣзныя звѣздообразныя украшенія. Подъ стѣнками разставлены 14 стульевъ съ высокими спинками съ рѣзными украшеніями. На диванахъ и стульяхъ сидѣнья изъ некрашенной кожи. Изъ зала прямо ходъ въ гостинную, въ которой простой столъ, широкій большой диванъ, два меньшихъ дивана и 10 креселъ—всѣ съ точеными ножками и рѣзными украшеніями, какъ и въ залѣ, съ кожаными сидѣньями изъ краснаго сафьяна. Печь здѣсь съ бѣлыми кафлями съ цвѣтной маіоликой въ видѣ герба, съ изображеніемъ въ щитѣ стрѣлка съ лукомъ и фантастическаго четвероногаго съ змѣевидною головой. Верхній этажъ печи съ зелеными

и желтыми полосками на кафлях. Изъ гостинной выходъ на крытую широкую веранду съ рѣзными колонками. Противъ веранды тянется далеко и теряется въ перспективѣ широкая липовая аллея. Налѣво ходъ, можно думать въ уборную, съ боковымъ крыльцомъ. Здѣсь печь изъ зеленыхъ кафель и прибитый къ стѣнѣ висячій большой умывальникъ изъ массивнаго бѣлаго металла съ оригинальными чеканными украшеніями. Отсюда входъ въ диванную, въ которой двѣ стѣны заняты турецкими диванами съ подушками полосатаго тика и 4 дубовыхъ точеныхъ стула съ красными сафьянными сидѣньями. Направо ходъ въ выбѣленный мѣломъ корридоръ, а затѣмъ въ комнату съ широкою кирпичною лежанкою. Слѣдующая комната—спальня, съ двумя деревянными некрашенными кроватями съ выгнутыми оконечностями, простымъ дубовымъ столомъ съ ящикомъ и 4 стульями съ красными сафьянными сидѣньями.

Изъ первой передней ходъ въ комнату, какъ мы сказали, покойнаго «Павлуся» Галагана, но здѣсь ничего не осталось, кромѣ двухъ стульевъ и диванчика. Столы въ залѣ и гостинной покрыты килимами, какъ мнѣ показалось, далеко не важными, и помнится—не тѣми, которыя я видѣлъ раньше. Изъ украшеній остались рушники на образахъ, но посуды и т. п. нѣтъ. Домъ снаружи обнесенъ кругомъ широкою «призьбою» изъ досток; поверхность призьбы и стѣны подъ окна смазаны желтою глиной. Крыша на домѣ уже порядочно обветшала, такъ-же, какъ и нѣкоторая мебель, такъ что не мѣшало бы произвести основательную ремонтировку.

Въ домѣ для управляющаго подъѣздъ и входная дверь въ такомъ-же родѣ, какъ и въ будынкѣ; окна-же и все остальное—современные. Въ одной комнатѣ изразцовая печь изъ бѣлыхъ кафель съ тою-же маіоликой, какъ и въ будынкѣ.

Обширный тѣнистый паркъ при будынкѣ носитъ слѣды запущенія: нѣкоторыя деревья на аллеяхъ имѣютъ уже сухія или усыхающія вершины и вѣтви; фруктовыя деревья значительно запущены и дичаютъ. Садовника не держатъ. Арендаторъ имѣнія по договору обязанъ содержать паркъ въ порядкѣ, но ограничивается тѣмъ (да едва-ли и можно больше требовать), что во время моего посѣщенія (14 мая) на дорожкахъ были убраны листья, убраны сваленныя бурей старыя яблони, и главныя дорожки прочищены—въ ожиданіи пріѣзда г. директора Коллегіи Галагана, которой принадлежитъ теперь имѣніе. Въ паркѣ нѣсколько липовыхъ и смѣшанныхъ съ кле-

номъ и т. п. аллей; изрѣдка встрѣчаются березы и одиночные дубы, между которыми есть одинъ гигантъ, широко раскинувшій свои могучія вѣтви. По окраинѣ парка тянется длинный рядъ громаднаго роста и объема вербъ съ прямыми стволами.

Пѣніе многочисленныхъ соловьевъ и другихъ птичекъ способствовало оживленію нѣсколько сумрачнаго парка. Бросается въ глаза совершенное отсутствіе около будынка цвѣточныхъ грядъ или клумбъ, хотя-бы изъ многолѣтнихъ растеній и цвѣтущихъ кустарниковъ, требующихъ сравнительно меньше ухода. [1]) Мнѣ говорили, что много лѣтъ управлявшій имѣніемъ г. Хуторненко, послѣ смерти Гр. П. Галагана, нѣсколько измѣнилъ видъ парка, засадивъ нѣкоторыя куртины фруктовыми деревьями, которыя теперь закрыли виды на окрестность. И дѣйствительно, теперь съ веранды взоръ теряется лишь въ густой зелени парка, но, напримѣръ, сельской церкви, расположенной на возвышенности за паркомъ, совсѣмъ не видно.

Нельзя не пожалѣть, что въ настоящемъ его видѣ будынокъ не въ достаточной мѣрѣ соотвѣтствуетъ намѣренію строителя—содѣйствовать «оживленію преданія о жизни предковъ въ памяти потомковъ»: отсутствіе домашней утвари оставляетъ въ нѣкоторомъ родѣ гнетущее впечатлѣніе. Я слышалъ, что семья покойнаго Г. П. Галагана иногда живала въ будынкѣ и что здѣсь было много старинной утвари.

Неизвѣстно, въ какомъ видѣ будынокъ перешелъ въ собственность Коллегіи, которая обладаетъ теперь чуть-ли не 12 тыс. десятинъ земли въ Полтавщинѣ и Черниговщинѣ, но позволительно думать, что наслѣдники такого огромнаго состоянія не могутъ считаться свободными отъ нравственной обязанности, изъ уваженія къ памяти и стремленіямъ щедраго наслѣдодателя, принять зависящія мѣры къ возможно полному возстановленію обстановки будынка, какъ историческаго памятника, назидательнаго во многихъ отношеніяхъ.

Я хорошо понимаю, что предложенное мною описаніе слишкомъ безцвѣтно, чтобы удовлетворить читателей, но я разсчитываю главнымъ образомъ на то, что прекрасно сохранившійся рѣзной орнаментъ будетъ сфотографированъ или воспроизведенъ спеціальнымъ художникомъ. По желанію г. директора Миргородскаго Гоголевскаго

[1]) Въ паркѣ, возлѣ дома для управляющаго, устроенъ сарай для скота и еще какія-то мелкія постройки. Это совсѣмъ не кстати и портитъ впечатлѣніе.

училища я входилъ въ 1896 г. въ сношеніе съ г. директоромъ Коллегіи и получилъ благосклонное разрѣшеніе на снятіе рисовальщикомъ училища образцовъ кафель въ Погарщинѣ и въ Лебединцѣ, но почему-то командировка не состоялась. Конечно, отъ училища зависитъ воспользоваться образцами кафель, рѣзныхъ украшеній, килимовъ, рушниковъ и т. п., но не менѣе желательно водвореніе въ Лебединскомъ будынкѣ вывезенныхъ вещей или воспроизведеніе ихъ въ иллюстрированномъ видѣ къ настоящему посильному описанію.

В. Василенко.

Текущія извѣстія.

Премія Одесскаго общества исторіи и древностей. Еще въ 1889 году, по поводу 50-тилѣтія существованія Одесскаго общества исторіи и древностей объявленъ былъ конкурсъ на премію въ 500 руб. за лучшее сочиненіе по исторіи или археологіи Украины. Такъ-какъ на этотъ конкурсъ въ теченіе 10 лѣтъ не представлено ни одного сочиненія, то Одесское Общество разсчитываетъ выдать премію за лучшій трудъ по исторіи или археологіи, явившійся въ печати въ теченіе послѣднихъ 5 лѣтъ. (Kwartalnik Histor. № 2).

Русины, которыхъ судьба загнала за океанъ, въ Бразилію (въ Парану), въ количествѣ до 30000 чел., начинаютъ пробуждаться къ народной жизни. Такъ напр., въ колоніяхъ— Ріо-Кларо и Прудентополисъ, гдѣ наиболѣе сгруппировано семействъ русиновъ, благодаря неусыпнымъ стараніямъ священника Роздольскаго, построены 4 церкви. Затѣмъ, въ главномъ городѣ Куритыбѣ, гдѣ имѣется также до 200 душъ русиновъ, преимущественно ремесленниковъ, основалось недавно русинское общество «Руска читальня въ Куритыби», цѣлью котораго служитъ сплотить всѣхъ здѣшнихъ русиновъ, насколько возможно, въ одну «громаду» для общей народной работы. Въ цѣляхъ сохраненія чистоты языка и вѣры, распространенія образованія, общество основало библіотеку, выписало нѣкоторыя русинскія газеты: «Дѣло» (Діло), «Свободу», но незначительныя средства не позволяютъ производить болѣе крупныя затраты на пріобрѣтеніе желательнаго количества книгъ и періодическихъ изданій. Поэтому «Русская чи-

тальня» въ Куритибѣ обращается съ просьбой ко всѣмъ землякамъ и редакціямъ газетъ не отказать въ своемъ содѣйствіи. Всякія пожертвованія (книжки и проч.) просятъ присылать по адресу секретаря общества: Antonio Tymcio. Gurityba, Rua Comandatore Aranio en casa de St. Emanuel Miro Iunior.

—

Чествованіе украинцами памяти А. С. Пушкина. Извѣстный П. Драгановъ, неоднократно писавшій въ газетахъ о Пушкинѣ, между прочимъ о переводахъ произведеній послѣдняго на малорусскій языкъ (см. Кіев. Стар. 1899 г., май, стр.), помѣстилъ недавно въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 150) статью «Пушкинъ въ оцѣнкѣ соединенныхъ обществъ Гётевскаго, Шиллеровскаго и Шекспировскаго въ Веймарѣ и Комитета международнаго союза писателей и артистовъ въ Парижѣ», которая заканчивается слѣдующими словами:

«Кстати сказать, нашей юбилейной печатью прошлаго года было обойдено молчаніемъ слѣдующее телеграфное привѣтствіе изъ Львова, на имя Императорской Академіи Наукъ, отъ общества имени Шевченка: «Українско-руске Наукове Товариство імени Щевченка у Львові засилає свій привіт на велике свято братнёго Великоруского народа в сотй роковини уродин великого поета, батька нової великоруської літератури. Бажаемо братам Великорусам і всім народамъ Росиї успішного розвою в дорозі свободи, вказаній геніемъ Пушкина».

Подпись: За Товариство секретар Володимир Гнатюк.

—

Вопросъ о народныхъ примѣтахъ о погодѣ. Послѣдній метеорологическій съѣздъ въ Петербургѣ возбудилъ вопросъ о народныхъ примѣтахъ о погодѣ и передалъ его на обсужденіе въ Императорское русское географическое Общество. Въ настоящее время при названномъ Обществѣ уже образована для разработки возбужденнаго вопроса особая спеціальная коммиссія. Между прочимъ, коммисіей рѣшено собрать литературный матеріалъ по вопросу о народныхъ примѣтахъ о погодѣ, а также выработать особую программу для собиранія примѣтъ и напечатать ее въ «Метеорологическомъ Вѣстникѣ» и журналѣ общества «Живая Старина». (Полт. Губ. Вѣд.).

—

Участіе русиновъ въ юбилеѣ Ягеллонскаго университета (въ Краковѣ). 25 іюня происходило въ Краковѣ великое торжество—чество-

ваніе пятисотлѣтней годовщины открытія университета. Въ этомъ торжествѣ, среди огромнаго количества делегатовъ и депутацій отъ различныхъ государствъ, учрежденій и обществъ, приняли участіе также и галицкіе русскіе: Пр. Колесса—отъ Товарищества имени Шевченка и И. Шараневичъ—отъ лица Ставропигіальнаго института. Проф. Колесса въ своей рѣчи отмѣтилъ, что «праздникъ поляковъ является праздникомъ и для русиновъ, ибо и дѣти Украины помогали зажечь тотъ огромный очагъ просвѣщенія, который кидалъ искры на востокъ, создавая меньшіе очаги, какъ напр.—кіевск. Академія. Желаемъ, чтобы Ягеллонская Академія лелѣяла далѣе идеалы правды и науки и чтобы существовалъ всегда союзъ народа польскаго съ украинскимъ». Послѣднія слова проф. Колессы были покрыты бурными аплодисментами. (Gazeta Lwowska, № 131).

—

Юбилей Генр. Сенкевича. По случаю 25-лѣтія юбилея литерат. дѣятельности Генр. Сенкевича, выдающіеся представители славянскихъ народностей и редакціи славянскихъ періодическихъ изданій въ Австро-Венгріи рѣшили поднесть юбиляру художественно исполненный альбомъ съ соотвѣтствующими выраженіями признательности. Въ альбомѣ подписалось болѣе 80 редакцій наиболѣе солидныхъ изданій политическихъ и научныхъ и множество лицъ съ высокимъ положеніемъ. Здѣсь можно видѣть, наравнѣ съ подписями Сербовъ, Хорватовъ, Словинцевъ и Словаковъ, подписи Чеховъ и Моравянъ, Русиновъ и Лужичанъ. (Gazeta Lwowska, № 130).

—

На какомъ языкѣ написана «Наталка-Полтавка» Котляревскаго? Въ г. Иваново-Вознесенскѣ (Влад. губ.) недавно прибыла труппа русско-малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Португалова. Для открытія сезона должна была итти оперета «Наталка-Полтавка». Афиши были расклеены; артисты поѣхали въ Шую къ исправнику за разрѣшеніемъ, но послѣдній не разрѣшилъ ставить именно эту пьесу, говоря, что онъ имѣетъ отъ губернатора циркуляръ, чтобы подобнаго рода пьесы не игрались въ его уѣздѣ. Въ данномъ случаѣ отказъ мотивируется тѣмъ, что «Наталка-Полтавка написана на *иностранномъ языкѣ*. Вслѣдствіе этого вмѣсто объявленной «Наталки-Полтавки» сыграна была другая пьеса, къ великому удивленію публики, пришедшей послушать «Наталку-Полтавку». (Сѣв. Край).

—

Третій съѣздъ польскихъ историковъ. 22, 23 и 24 іюня происходилъ въ Краковѣ съѣздъ польскихъ историковъ, третій по счету (1880 г.—въ Краковѣ, 1890 г.—во Львовѣ). Съѣздъ распадался на 4 секціи: 1) исторія политическая и исторія права; 2) исторія литературы, 3) археологія и исторія искусства; 4) этнографія. Всѣхъ докладовъ было представлено 63: 25—по 1-ой секціи, 15—по 2-ой, 13—по 3-ей и 11—по 4-ой. Число участниковъ съѣзда превышало 200. Большинство изъ нихъ были поляки изъ Галиціи; изъ Россіи прибыли: г. г. Яблоновскій, Корзонъ, Бодуэнъ де-Куртенэ и друг. Кромѣ хозяевъ—поляковъ, на съѣздѣ были и гости: чехи—профессора изъ Праги (Голль, Поливка, Бидло), равно какъ русскіе профессора Львовскаго университета г.г. Колесса и Студзинскій; первые явились во имя «исконной чешско-польской научной взаимности и внѣ всякихъ связей съ политикой», вторые—какъ «люди, не отрекшіеся отъ своего народа отъ Карпатъ до Дона и идущіе охотно рука объ руку тамъ, гдѣ видны научная работа и серьезный обмѣнъ мысли, гдѣ народы мѣряютъ крылья своего духа».

Изъ докладовъ, имѣющихъ отношеніе къ нашей области вѣдѣнія, можно отмѣтить—въ первой секціи: «Монографіи городовъ, какъ матеріалъ для познанія внутренней стороны края» (г. Витановскаго); «О необходимости изслѣдованія и собиранія муниципальныхъ, цеховыхъ, братскихъ и др. памятниковъ» (г. Чоловскаго); «Что сдѣлано до сихъ поръ въ Галиціи для сохраненія архивныхъ матеріаловъ городскихъ и сельскихъ гминъ и что еще остается сдѣлать» (г. Виняржа); «Историческій атласъ русскихъ земель Короны въ эпоху перехода изъ XVI въ XVII вѣкъ (г. Яблоновскаго). (Послѣдній докладъ имѣетъ выдающійся интересъ). «Главныя направленія въ развитіи науки сравнительной исторіи славянскихъ правъ и ея основныя задачи» (проф. Бальцера).

Во второй секціи: «Центральность (środkowość») польщизны среди славянскихъ языковъ (г. Карловича); «Русскій элементъ въ польской литературѣ» (проф. Третьяка). Въ этомъ послѣднемъ докладѣ авторъ внимательно прослѣживаетъ всѣ произведенія польской литературы, гдѣ говорится о Руси-Украйнѣ, начиная отъ латинскаго трактата краковскаго богослова Секрана (кон. XV в. и нач. XVI в.) и кончая произведеніями Сенкевича. «Взглядъ на современное состояніе изученія исторіи украинско-русской литературы» (г. Колессы) «Украинско-русская и польская ритмика» (г. Колессы).

«Въ третьей секціи «Инвентаризація памятниковъ искусства въ Польшѣ и особенно въ Галиціи» (г. Пагачевскаго), «Значеніе христіанской археологіи (К. С. Пильчевскаго); «Значеніе научныхъ работъ на полѣ доисторической археологіи въ Польшѣ и вопросъ объ ихъ улучшеніи» г. (Деметрикевича), «Доисторическія внѣшнія отношенія кіевской земли» (г. Хамеца), «Сарматы и Роксоланы въ римскомъ искусствѣ (г. Беньковскаго), «Древнѣйшіе памятники христіанства на Руси» (г. Болсуновскаго).

Въ четвертой секціи: «Объ изслѣдованіи границъ и числа населенія на границахъ польской этнографической территоріи (г. Шарчевскаго), «О современномъ названіи «ляхъ» и значеніи его для этнографическихъ изученій (г. Млынска), «О народной орнаментикѣ и ея значеніи для искусства и промышленности края» (г-на Удзели).

—

Вечеръ въ память М. П. Драгоманова. 1 іюля во Львовѣ товариществомъ «Академічна Громада» при участіи хора «Львівский Боян» въ залѣ отеля «Belle vue» устроенъ былъ вечеръ въ память 5 годовщины смерти М. П. Драгоманова. Программа вечера была слѣдующая: 1) Вступительная рѣчь, 2) Вязанка народних писень,—хоръ, 3) Рефератъ, 4) «Килько думъ ту переснилось»,—соло, слова Ю. Шнайдер, муз. Д. Січинського, 5) Зъ писень болю, В. Пачовскаго,—декланація, 6) «Молитва козакивъ», слова Шевченка, и «На морю» слова Конисського,—хоръ. (Русланъ, ч. 145).

Библіографія.

Юбилейный сборникъ въ честь Всеволода Ѳедоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. *Подъ редакціей Н. А. Янчука. Москва, 1900, I—XXII, 1—368, in 4°. Цѣна 3 рубля.*

Лежащій передъ нами Юбилейный сборникъ въ честь 30-лѣтней научной дѣятельности В. Ѳ. Миллера, исполнившейся въ настоящемъ году, заключаетъ въ себѣ статьи (болѣе 40) учениковъ и почитателей юбиляра по тѣмъ именно отдѣламъ, которые составляютъ предметъ научныхъ интересовъ его,—преимущественно языкознаніе, востоковѣдѣніе, этнографія вообще и кавказская въ особенности, также древняя письменность, народная словесность и пр. Уже одинъ рядъ именъ стяжавшихъ литературно-научную извѣстность авторовъ, принявшихъ участіе въ изданіи „Юбилейнаго Сборника", свидѣтельствуетъ о солидности и важности настоящаго крупнаго изданія, представляющаго рѣдкое явленіе въ русской литературѣ. Не касаясь цѣнныхъ изслѣдованій, преимущественно по востоковѣдѣнію, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ задачамъ нашего журнала, мы остановимся лишь на тѣхъ, которыя входятъ въ сферу подлежащаго намъ изслѣдованія.

Прежде всего отмѣтимъ, что кромѣ чисто-научныхъ статей, въ видѣ исключенія, помѣщены въ сборникѣ также три стихотворенія, спеціально посвященныя юбиляру и помѣщенныя вслѣдъ за очеркомъ его научной дѣятельности (составл. В. М. Михайловскимъ). Въ числѣ этихъ стихотвореній находится «*Приходъ Кобзаря въ село*» (изъ неоконченной поэмы Шевченка: «Черныця Марьяна»), перевe-

денное на русскій языкъ А. Грузинскимъ (переведено лишь вступленіе, оканчивая словами подлинника: «слухайте-жъ, дивчата, та кайтеся»...) Переводъ исполненъ довольно удачно, съ сохраненіемъ ритма оригинала, во многихъ мѣстахъ довольно близокъ къ послѣднему, хотя и не всегда.

Весьма солиднымъ изслѣдованіемъ является статья *А. А. Шахматова «Начальный Кіевскій лѣтописный сводъ и его источники»*.

Исходя изъ того, что сравнительное изученіе «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и первой части (до 1074 года включительно) Новгородской 1-й лѣтописи, показываетъ, что въ основаніе лѣтописнаго свода начала XII вѣка, озаглавленнаго «Повѣсти временныхъ лѣтъ» положенъ другой, болѣе древній сводъ, сохранившійся до насъ въ *позднѣйшей* передѣлкѣ и съ *позднѣйшими* добавленіями въ Новгородской 1-й лѣтописи, авторъ, идя регрессивнымъ путемъ, къ отысканію первоисточниковъ, достигъ слѣдующихъ результатовъ. Составитель начальнаго свода для разсказовъ о греко-русскихъ событіяхъ пользовался не Повѣстью временныхъ лѣтъ, а какимъ-то первоисточникомъ, т. е. хроникой Амартола или въ отдѣльномъ ея видѣ, или въ составѣ какой-нибудь хронографической компиляціи; возможнѣе всего, что это былъ протографъ рукописи Троицко-Сергіевской лавры № 728. Такъ какъ составъ этого послѣдняго ничѣмъ не разнится отъ состава знаменитой рукописи собранія Ундольскаго, № 1, то необходимо предположить, что обѣ онѣ восходятъ къ одному общему оригиналу, которымъ является памятникъ, названный А. Н. Поповымъ 2-ю редакціею Еллинскаго лѣтописца. Этотъ-же послѣдній возникъ изъ появившейся въ X в. въ Болгаріи своеобразной энциклопедіи историческихъ знаній, извѣстной въ Россіи уже въ XI в. Такимъ образомъ, дойдя до первоосновы, авторъ устанавливаетъ слѣдующую хронологическую послѣдовательность для разсмотрѣнныхъ имъ памятниковъ и отдѣльныхъ ихъ редакцій: 1) Еллинскій лѣтописецъ возникъ въ Болгаріи. 2) Первая редакція начальнаго свода (не содержащая ни разсказовъ о несчастныхъ походахъ Руссовъ, ни также, въ древнѣйшей своей части—хронологическихъ датъ и не оставшаяся безъ вліянія греческихъ переводныхъ источниковъ. 3) Особая редакція Еллинскаго лѣтописца, пользовавшаяся первою редакціей Начальнаго свода (гдѣ главное мѣсто отводилось библейскимъ книгамъ—протографъ Ундольскаго № 1 и Троицкаго № 728); составитель этой редакціи прибавилъ въ концѣ своего труда два разсказа о русскихъ событіяхъ,

извлекши ихъ изъ первой редакціи начальнаго свода. 4) Вторая редакціи начальнаго свода, дошедшая до насъ въ позднѣйшемъ соединеніи съ Новгородской лѣтописью, пользовавшаяся указанною редакціею Еллинскаго лѣтописца; сюда внесены изъ Еллинскаго лѣтописца разсказы о столпотвореніи Вавилонскомъ и о несчастныхъ походахъ Руссовъ; въ связи съ этимъ установлена хронологія древнѣйшихъ русскихъ событій, передававшихся въ первой редакціи начальнаго свода внѣ хронологической связи; наконецъ, 5) Первая редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ, составленная въ 1116 году игуменомъ Сильвестромъ на основаніи второй редакціи Начальнаго свода.

Этимъ изслѣдованіемъ почтеннаго автора уясняется многое въ сложномъ составѣ Кіевскаго Лѣтописнаго свода, надъ чѣмъ уже давно безуспѣшно останавливался не одинъ пытливый умъ изслѣдователя.

«Къ вопросу о бытѣ геродотовскихъ будиновъ» Ѳ. Мищенка. Въ этой небольшой статейкѣ уважаемый авторъ, прекрасный знатокъ древне-классическаго міра, даетъ разъясненіе бытовыхъ особенностей будиновъ, засвидѣтельствованныхъ Геродотомъ.

«Апокрифы, собранные въ Кубанской области» А. М. Дикарева.

Въ статьѣ покойнаго М. А. Дикарева, составляющей предисловіе къ собраннымъ имъ апокрифамъ и написанной имъ незадолго до смерти, путемъ сравнительной филологіи доказывается, что большая часть разнообразныхъ религіозныхъ взглядовъ, излагаемыхъ въ апокрифахъ, являлось уже въ языческомъ мірѣ въ связи съ понятіемъ о дняхъ счастливыхъ и несчастливыхъ; самый терминъ «Богородица» существовалъ ранѣе введенія христіанства въ Европѣ, и на апокрифическую Богородицу перенесенъ культъ хтоническихъ божествъ; затѣмъ «небесная эпистолія» («Іерусалимскій листъ», или «свитокъ»), гдѣ излагаются обстоятельства, при которыхъ она найдена, и указаны лица, черезъ руки которыхъ она проходила,—также въ подробностяхъ можетъ быть объяснена непосредственнымъ вліяніемъ міра языческаго.

Вообще-же разсмотрѣніе данныхъ апокрифовъ въ свѣтѣ филологической критики приводитъ автора къ тому заключенію, что апокрифы стоятъ въ непосредственной связи съ языческой миѳологіей и языческимъ культомъ, и такъ какъ хранительницы этого культа были Эриніи, каравшія людей нечестивыхъ, неисполнявшихъ священныхъ уставовъ, то и самые апокрифы представлены какъ-бы исходящими изъ рукъ хтоническихъ богинь, властвовавшихъ надъ Эриніями.

Такое перенесеніе языческаго культа на христіанскую почву лучше всего наблюдать въ малорусскихъ щедривкахъ, несомнѣнно заимствованныхъ съ греческаго и представляющихъ отраженіе мѳа о «хожденіи Богородицы по мукамъ». Наконецъ, если-бы мы стали разсматривать ветхозавѣтныя событія, пріуроченныя къ пятницамъ по «Сказанію о двѣнадцати пятницахъ», то увидѣли-бы, что эти событія имѣютъ дополненія не изъ библейскихъ сказаній, а изъ греко-языческой мѳологіи, при чемъ въ весьма широкихъ размѣрахъ примѣнена игра словъ.

Какимъ образомъ апокрифы перешли на русскую почву? На это авторъ даетъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что авторы апокрифовъ, еретики, производя интерполяцію языческихъ мѳовъ и языческаго культа, старались эксплоатировать ихъ въ свою пользу. Греческое-же духовенство, очистивъ апокрифы отъ еретическихъ ученій, признало описываемыя въ апокрифахъ чудеса и событія совершившимися и подлежащими распространенію въ средѣ христіанъ. Въ такомъ очищенномъ видѣ многіе апокрифы перешли и на русскую почву.

Въ заключеніе авторъ приводитъ 6 апокрифовъ: 1. Сонъ Богородицы. 2. Іерусалимскій листъ. 3. Іерусалимскій свитокъ. 4. Страсти Господни. 5. Великія пятницы. 6. Бракская небесная эпистолія.

Мы могли-бы высказать нѣкоторое сомнѣніе въ безусловномъ объясненіи изъ міра языческаго каждой подробности въ содержаніи апокрифовъ, не оставляющемъ мѣста для непосредственнаго вліянія на послѣднія христіанскаго міра; но, какъ заявляетъ и редакція Сборника,—«статья покойнаго автора подлежала переработкѣ, но за смертью автора осталась неисправленною, исключить-же ее изъ состава Сборника редакція не рѣшилась изъ уваженія къ памяти покойнаго, который одинъ изъ первыхъ съ горячимъ сочувствіемъ отнесся къ мысли настоящаго изданія».

За статьей М. А. Дикарева слѣдуютъ, въ качествѣ прибавленія, «*Апокрифы, записанные въ Волынской губерніи*» (А. Н. Малинкой) (Изъ рукописи, находящейся у мѣщанки Рощукъ въ г. Острогѣ, Волынской губ.) Этихъ апокрифовъ всего лишь три: 1. Сонъ Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи. 2. Свитокъ Іерусалимскій. 3. 12 пятницъ.

«*Боюродица въ народной поэзіи*» А. Кирпичникова (отрывки и замѣтки).

Авторъ приводитъ замѣтки, собранныя имъ отовсюду при работѣ о Богоматери въ средневѣковомъ искусствѣ и литературѣ: о слѣдѣ

ноги мула Богоматери, о ревности Іосифа, объ особыхъ правахъ, которыми пользуются женщины въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи въ богородичные праздники, и т. п. Онъ указываетъ, что тотъ особый почетъ, который въ Рождественскую ночь воздается скоту (между прочимъ и у насъ),—легко объясняется изъ иконографіи Рождества Христова; иконографическіе оселъ и быкъ въ драматическомъ изображеніи Р. Христова естественно влекутъ за собою всѣхъ другихъ млекопитающихъ и птицъ, которыя, подъ предводительствомъ льва и орла, являются на поклоненіе новорожденному; буквальное пониманіе Евангелія и церковныхъ пѣснопѣній характерно выступаетъ въ редакціи вертепа въ Купянскомъ уѣздѣ, гдѣ послѣ волхвовъ къ Ироду является *бабка Рахиль* съ ребенкомъ на рукахъ и проситъ пощадить ея дѣтей.

«*Древне-русское жилище по былинамъ*» (къ матеріаламъ для изслѣдованія бытовой стороны русскаго эпоса) С. Шамбинаго.

Цѣлью автора было—представить, на основаніи былинныхъ описаній, картину древне-русскаго жилища и попутно сравнить ее съ тѣмъ матеріаломъ, который собранъ г. Забѣлинымъ для исторіи царскаго дворца XVII-го вѣка (Бытъ русскихъ царей и царицъ, 2 тома). Онъ предупреждаетъ, что его очеркъ — не изслѣдованіе, а лишь опытъ сводки матеріаловъ былиннаго и историческаго. Его очеркъ имѣетъ своимъ содержаніемъ описаніе наружной стороны двора со всѣми строеніями, самого жилища внутри: расположеніе комнатъ, меблировка, украшенія. Сопоставленіе былиннаго описанія съ историческими свидѣтельствами привело автора къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Былинное изображеніе жилища вѣрно исторической дѣйствительности. 2) Это жилище—богатый домъ XVI—XVII вѣка. 3) Окончательная редакція описанія принадлежитъ скоморохамъ XVI—XVII вв. 4) Форма и содержаніе былинъ, какъ мы имѣемъ ихъ въ настоящее время, выработались въ XVI—XVII вв. 5) Въ настоящее время эпосъ, не имѣя «питательнаго источника», старѣетъ и замираетъ.

«*Одинъ русскій анекдотъ и его западный источникъ*» Ю. Поливки.

Авторъ говоритъ объ извѣстномъ анекдотѣ о томъ, какъ, забредшій къ мужику на ночь солдатъ предложилъ ему отдагать три загадки: 1) что такое *чистота?* (кошка), 2)—*благодать?* (вода), 3)—*красота?* (огонь). Указавъ великорусскіе, бѣлорусскіе, малорусскіе и польскіе варіанты этого анекдота и оттѣнивъ оригинальный элементъ

въ каждомъ, авторъ высказываетъ предположеніе, что русскіе пересказы—варіанты, можетъ быть, одного общаго оригинала, въ довольно самостоятельной передѣлкѣ изъ юго-западнаго анекдота, знакомаго по крайней мѣрѣ отъ половины XVI вѣка въ Западной Европѣ и до сихъ поръ любимаго въ южныхъ краяхъ, особенно въ Италіи, *идя, можетъ быть, была его родина.* На востокъ, въ Польшу и Россію, онъ проникъ, несомнѣнно, книжнымъ путемъ, благодаря посредничеству помѣщичьихъ дворовъ и западно-русскихъ бурсъ. Польскій пересказъ гораздо ближе къ подлинному разсказу, который записали два иностранные разсказчика XVI вѣка. Затѣмъ авторъ приводитъ двѣ наиболѣе старыя записи этого анекдота: 1) въ сборникѣ французскаго писателя Bonaventura Des Périers (+1544): Nouvelles récréations et joyeux devis (№ 22) и 2) въ книгѣ италіанскаго разсказчика Страпаролы «Piacevoli notti», № 4 (ночь IX), изд. 1577 г.

Вообще-же выводъ автора тотъ, что разница между русскими пересказами и западно-европейскими настолько велика, что врядъ-ли можно предполагать между ними какое нибудь отношеніе Анекдотъ не могъ проникнуть въ Россію устною передачей отъ одного народа къ другому, но только на основаніи книжнаго разсказа могла гдѣ-нибудь въ Западной Россіи возникнуть передѣлка его, изъ которой произошли разсказы, до сего дня распространенные въ средѣ простого народа.

«*Повѣсть о томъ, какъ чортъ разсорилъ супруговъ*». (Литературная родня разсказа А. П. Стороженка: «Се така баба, що чортъ ій на маховыхъ вылахъ чоботы подававъ») Н. Ф. Сумцова.

Авторъ приводитъ сходные варіанты: сказка, записанная въ Смоленской губ., литовская сказка, польскій пересказъ, чешскій, испанскій разсказъ дона Жуана Мануэля Conde Lucanor, № 42, первой половины XIV в. Очевидно, что повѣсть о злой бабѣ и чортѣ—захожая. Проникла она къ русскимъ изъ западной Европы; но какъ, какими путями, когда?—*трудно отвѣтить опредѣленно*,—говоритъ авторъ. Это не совсѣмъ правильно: различные варіанты этой повѣсти изъ различныхъ эпохъ извѣстны въ европейской литературѣ указываютъ болѣе или менѣе на родство нашей повѣсти съ протопипами. (см. замѣчаніе г. Перетца въ «Сѣв. Курьерѣ», въ одномъ изъ апрѣльскихъ №№ наст. года).

«*Очеркъ сказокъ, обращающихся среди одесскаго простонародія*» Ал. Маркевича.

Авторъ записалъ около 50 сказокъ со словъ дѣтей, обучавшихся въ одесскихъ народныхъ училищахъ; огромное большинство этихъ дѣтей принадлежитъ къ одесскому простонародію, и сказки, сообщенныя ими, стали извѣстны имъ путемъ устной передачи отъ родителей или родственниковъ; хотя, какъ усматривается изъ самаго сюжета сказокъ, нѣкоторыя уже имѣютъ книжный источникъ, эти сказки, нарочно записанныя безъ всякой системы, почти всѣ сходны съ тѣми, которыя обращаются вообще въ Малороссіи, или даже по всей Россіи. Въ данной статьѣ авторъ ограничился лишь указаніемъ, какія *лица* дѣйствуютъ въ сказкахъ, группируя ихъ приблизительно по системѣ, указанной О. Контомъ. Нѣсколько наиболѣе оригинальныхъ сюжетовъ авторъ передаетъ и указываетъ частности, заслуживающія, по его мнѣнію, быть отмѣченными.

«*Вовкулаки*» (Матеріалы для характеристики міровоззрѣнія крестьянъ-малороссовъ) П. Иванова.

По мнѣнію автора, ближайшимъ источникомъ вѣрованія въ оборотничество, въ превращенія, слѣдуетъ считать не религіозно-миѳическія представленія славянъ сѣдой старины, а апокрифическія сказанія и нравоучительныя повѣствованія христіанской эпохи. Онъ собралъ матеріалъ объ оборотняхъ въ Малороссіи—вовкулакахъ. Эти послѣдніе бываютъ: «родыми» и «зробленi»; родымый обращаетъ другихъ людей въ вовкулаковъ большею частью на свадьбахъ; этой способностію обладаютъ также «москали», а нерѣдко и знахарки-чаровницы, большею частью старыя бабы. Чтобы сдѣлаться вовкулакой, нужно перекинуться черезъ «сокиру»; кромѣ того, колдуны знаютъ такія слова, что только взглянетъ онъ на человѣка да скажетъ это слово,—человѣкъ тотъ сейчасъ-же сдѣлается волкомъ, и т. п. Авторъ собралъ очень интересный матеріалъ для даннаго вѣрованія Можно лишь поставить ему въ упрекъ то, что, сообщая матеріалъ, онъ указываетъ лишь слободу и фамилію разсказчика,—а этого далеко недостаточно для опредѣленія мѣста записи матеріала.

„*О малорусскихъ отлагольныхъ существительныхъ на* **єннє** и **їннє**“. А. Крымскаго.

По важнѣйшему закону малорусской фонетики прарусскіе звуки **є** и **о**, въ положеніи передъ павшими глухими гласными (**ъ** и **ь**), удлинились и, прошедши черезъ стадію дифтонговъ, дали современный малорусскій і (прарусское **каменьє** обрат. у малороссовъ сперва въ камѣнье, затѣмъ, вѣроятно сейчасъ-же,

въ каміенье, и наконецъ,—повидимому, не позже 14-го вѣка въ современное камінне). Но иногда правило малорусскаго языка о замѣстительной долготѣ, обыкновенно въ силу какихъ-нибудь нефонетическихъ причинъ, имѣло свои исключенія. Однимъ изъ такихъ исключеній являются современные малорусскіе рефлексы формъ отглагольныхъ сущ. ср. р. на **еные**: эти формы съ окончаніемъ **еные** не дали въ малор. яз. окончанія **інне**, а дали **енне**, напр. ходити: прамалорусс. (и, вѣроятно, общая прарусская) форма—**хо̑женые**, однако теперь говорится не **хо̑жінне**, но **хо̑женне**; а параллельно съ **хо̑женне** живетъ особая, своеобразная форма на **інне**: **ходінне**. Для уясненія особенностей такихъ отглагольныхъ существительныхъ авторъ приводитъ огромное количество глаголовъ и образуетъ отъ каждаго, если это допустимо, оба отглагольныя существительныя. Разбирая рядъ приведенныхъ имъ примѣровъ, равно припоминая себѣ множество другихъ, онъ устанавливаетъ правило: а) если при образованіи отглагольнаго существительнаго согласный звукъ глагольнаго корня испытаетъ переходное смягченіе, отсутствующее въ неопредѣленномъ наклоненіи, то существительное оканчивается только на **енне**: **хо̑женне** (отъ ход—ити), **ловленне** (отъ лов—ити), **ношенне** (отъ нос—ити) и т. д.

б) и в) Если-же согласный звукъ глагольнаго корня не подвергнется переходному смягченію, отсутствующему и въ неопредѣленномъ наклоненіи, то—или допускаются оба окончанія **енне** и **інне** (везенне и везінне), или употребляется исключительно **інне** (говорится только **ходінне**, **ловінне** и вовсе не существуетъ **ходенне ловенне**.

Но такъ какъ образованіе отглагольныхъ существительныхъ на **ные** однородно съ образованіемъ страдат. причастій на (**енъ**, **енній**), гдѣ звукъ **е**, не предшествуя слогу съ павшей глухою, долженъ сохраниться въ чистотѣ и не измѣниться въ і, то, принимая это въ соображеніе, можно формулировать правило объ образованіи отглагольныхъ существительныхъ на *енне* и *інне* такъ:

1) тѣ формы отглагольн. существит., которыя ясно напоминаютъ о своей близости къ страдат. причастіямъ на *енный*, сохранили свой звукъ *е* и оканчиваются на *енне*. При переходномъ смягченіи эта близость *вполнѣ* чувствительна (напр. моло-

ченій и молоченне при корнѣ „молот“) и потому имена существительныя типа молоченне, хоженне всегда оканчиваются на *енне*. При отсутствіи переходнаго смягченія эта близость не такъ очевидна (вед—ений и вед—енне при корнѣ „вед“), и потому при *веденне* можетъ быть и *ведінне*, при *говоренне*—*говорінне* и т. д.

2) тѣ формы отглаг. сущ. на **ныє**, связь которыхъ съ прич. страд. на *еный* не очевидна, имѣютъ *інне*. Въ вышеприведенныхъ отглаг. сущ. отъ „вести“ и „говорити“ эта связь хоть и замѣчается, но она *мало очевидна*,—оттого параллельно существ. *двѣ* формы. Если-же форма отглагольн. существ. не содержитъ въ себѣ *никакихъ* указаній на связь съ прич. на *еный*, то она никогда не оканчивается на *енне*; потому, напр., отглагольныя существит. отъ „ходити“ и „молотити“, образованныя безъ переходнаго смягченія (котор. въ страд. прич. вѣдь есть), звучатъ всегда *ходінне*, *молотінне* и никогда не *ходенне*, *молотенне*.

Въ слѣдующей затѣмъ главѣ авторъ разрѣшаетъ вопросъ: каково происхожденіе звука *і* въ ходінне, молотінне, робінне и друг.?

По его мнѣнію это *і* въ малорусскихъ формахъ восходитъ не къ *е*, а къ основному *ѣ* и этотъ послѣдній происходитъ отъ глаголовъ 4-го класса (на—*ѣти*) или прямо, или путемъ аналогіи, путемъ взаимодѣйствія, существующаго между глаголами классовъ 4-го (на—*ѣти*) и 3-го (на—*ити*).

Статья представляетъ большой интересъ не только въ научномъ отношеніи, но и въ смыслѣ примѣненія ея выводовъ къ нуждамъ малорусскаго языка, испытывающаго насущную потребность въ подобнаго рода филологическихъ изслѣдованіяхъ.

«*Нѣсколько мелочей*». 1. Перецъ. 2. Вьсь, вьсе, вьса. 3. Человѣкъ. 4. Акцентныя крохи. Романа Брандта.

Не останавливаясь на содержаніи самой статьи, имѣющей слишкомъ общій характеръ, не можемъ не выразить удивленія по поводу терминологіи, употребляемой авторомъ: напр., «теперешній *назывникъ* перецъ есть *новотворка* къ *косвенникамъ*»; падежи именуются: назывный, давальный, творный; множный назывникъ, родникъ, давальникъ; двоины, назывно-винильный и т. п.

Нѣсколько догадокъ и соображеній по поводу «Слова о полку Игоревѣ» Вл. Каллаша.

Авторъ прежде всего указываетъ рядъ чертъ, сближающихъ «Слово о полку Игоревѣ» съ «Пѣснью о Роландѣ», какъ по обычной цѣли, поставленной ими—воспѣть національное горе, такъ и по формѣ: въ томъ и другомъ можно найти богатые слѣды народно-поэтической техники; въ томъ и другомъ замѣтно смѣшеніе такихъ элементовъ, какъ: вѣра въ знаменія, въ таинственную и вѣщую силу предзнаменованій, близость человѣка къ природѣ.

Относительно личности автора «Слова» можно несомнѣнно утверждать, что онъ не принадлежалъ къ духовенству, но нѣтъ основаній причислять его и къ князьямъ; онъ могъ быть только дружинникомъ, но не Игоря, а скорѣй всего Святослава Кіевскаго; онъ не былъ участникомъ несчастнаго похода. Что до обвиненія его въ проникновеніи языческимъ настроеніемъ, въ «двоевѣріи»,—оно не заслуживаетъ вѣроятія. Авторъ «Слова» генетически связанъ съ народной поэзіей, и въ своемъ отношеніи къ природѣ идетъ по проторенной тропѣ, которой шли, идутъ и будутъ итти поэты всѣхъ временъ и народовъ. Съ какой цѣлью написано «Слово»?

«Слово» дѣлится на двѣ неравныя части разнаго происхожденія и характера: одна оканчивается плачемъ Ярославны, другая—поѣздкой Игоря въ Кіевъ и описаніемъ общей радости. Послѣднія строчки—позднѣйшая, очень неумѣстная и неумѣлая приписка. Вся первая часть «Слова»—призывъ на помощь Игорю; но такъ какъ Святославъ одинъ управиться не могъ, а между тѣмъ ему очень хотѣлось помочь Игорю, другіе-же князья туго шли на его приглашенія, то нашъ поэтъ и задумалъ прійти на помощь своему «князю-господину» и русской землѣ горячимъ поэтическимъ призывомъ. Вторая часть была написана позднѣе, когда распространились слухи о бѣгствѣ Игоря. Обѣ части возникли, одна за другой, съ небольшимъ промежуткомъ, въ концѣ 1185 и началѣ 1186 г.

«Къ исторіи и характеристикѣ женскихъ типовъ въ героическомъ эпосѣ» Н. Янчука.

Подмѣтивъ въ поэтическомъ народномъ творчествѣ рядъ женскихъ типовъ, созданныхъ народной фантазіей,—женщинъ-воительницъ и женщинъ-героинь въ смыслѣ ихъ необычайной смѣлости, соединенной нерѣдко съ хитростью,—авторъ имѣетъ въ виду прибавить нѣсколько новыхъ данныхъ къ этому вопросу и обратить вниманіе

на нѣкоторыя менѣе изслѣдованныя стороны его. Онъ указываетъ на то, что подъ установившимся названіемъ дѣвушки-воина смѣшивается часто двѣ разновидности типа воинственной женщины: настоящая дѣвица-воинъ, замѣняющая на войнѣ старика отца (въ пѣсняхъ романскихъ, южно слав. и др.), и затѣмъ—когда она выручаетъ не отца, а безпомощную мать, которая получаетъ приказъ поставить отъ своего двора на войну солдата, между тѣмъ у нея нѣтъ сыновей, а одна только дочь, которая и отправляется на войну (главнымъ образомъ въ малорусскихъ пѣсняхъ). Этотъ простой и, повидимому, болѣе первичный типъ пѣсни иногда осложняется: вмѣсто одной дочери является три, изъ которыхъ первыя двѣ отказываются итти на войну, и только меньшая принимаетъ это рѣшеніе.

Авторъ отмѣчаетъ варіанты этого сюжета, указанные Антоновичемъ и Драгомановымъ (по поводу пѣсни о Марусѣ Богуславкѣ), Созоновичемъ («Пѣсни о дѣвушкѣ воинѣ) и дополненія акад. А. Веселовскаго (Жур. М. Н. Пр. 1890, мартъ), и приводитъ два варіанта волынскихъ пѣсенъ изъ Львовскаго журнала «Жите і Слово» (1894, кн. II, стр. 280 и 283—4) и варіантъ г. Гринченка въ брошюрѣ «Смилыва дивчына» (Черниговъ, 1899).

Съ своей стороны мы могли-бы указать варіанты въ Запискѣ. Имп. Геогр. Общ., 1873, V, № 43, 258; И. Романовъ, Бѣлор. Сб. Витебскъ, 1886, I и II, № 60 и наиболѣе интересные варіанты, недавно помѣщенные г. В. Милорадовичемъ въ нашемъ журналѣ (1900, май, отд. II, стр. 82—86).

Переходя далѣе, ко второму (собственно первому) типу женщинъ-воительницъ, авторъ подмѣчаетъ здѣсь также двѣ разновидности: женщина-воительница первой категоріи, переодѣтая мущиной, отличается своей отвагой, между тѣмъ какъ второй—хитростью: переодѣтая въ костюмъ мущины, пріобрѣтаетъ симпатіи врага и затѣмъ, согласно обѣщанію, выбираетъ любого изъ плѣнниковъ,—конечно того, за кѣмъ пришла. Этотъ типъ извѣстенъ съ давнихъ поръ, еще съ конца XV в. въ Западной Европѣ, у насъ-же въ Малороссіи, сохранился въ думѣ о «княгинѣ—кобзарѣ». Остановившись на послѣднемъ, авторъ приводитъ цѣликомъ эту думу изъ брошюры «Колоски» (Одесса, 1891), отмѣчаетъ балладу на эту-же тему г. Кононенка («Княгиня—Кобзарь». Кіевъ, 1893), «Думу» про княгиню—кобзаря. В. Чайченка (Харьковъ 1893 и галицкій «Дзвінок», 1891). Автору, очевидно, не извѣстенъ интересный варіантъ въ «Літерат.

Науков. Вістникъ» за 1899 г. май, стр. 117—140—«Поэма про білу сорочку» Івана Франка.

Въ концѣ своей статьи авторъ касается вопроса о тѣхъ условіяхъ, какія способствовали если не созданію типа женщины-богатыршы, то во всякомъ случаѣ удержанію въ народной памяти такого образа,—подъ ними онъ разумѣетъ историческо-бытовыя. Въ частности, по отношенію къ Малороссіи, не трудно найти въ народѣ отголоски преданій о воинственныхъ женщинахъ прежнихъ временъ, такъ напр., въ Смилянщинѣ (Черк. у.) о женщинахъ-правительницахъ, своего рода амазонкахъ, много ходитъ старыхъ сказокъ, хотя всѣ онѣ коротки и однообразны. Даже самое названіе мѣстечка «Смила» произошло будто-бы отъ имени защитницы бывшей здѣсь польской крѣпости, княжны Любомирской, которая сама вела защиту крѣпости противъ Зализняка, такъ что послѣдній, безуспѣшно осаждавшій продолжительное время, наконецъ отступилъ, похваливъ Любомирскую: «та и *смила*-жъ баба!»

Въ заключеніе авторъ напечаталъ житіе «святыя Марины и отца ея Евгенія, списанъ отъ Метафраста» по неизданной еще рукописи XVII вѣка, изъ собранія гр. Румянцева, на западно-русскомъ нарѣчіи. Житіе это, очевидно, переведено съ польскаго и вѣроятнѣе всего Петра Скарги. Здѣсь также есть эпическій мотивъ переодѣванія мужчиной.

Статья г. Янчука представляетъ немалый интересъ для этнографа.

Таковъ краткій пересказъ цѣлой серіи цѣнныхъ статей, имѣющихъ извѣстное отношеніе къ прошлому и настоящему нашего юга, освѣщающихъ многія темныя стороны въ разработкѣ духовнаго богатства нашего народа. Юбилейный Сборникъ сдѣлается безъ сомнѣнія необходимой книгой для каждаго, дорожащаго судьбами своего народа, будучи въ то-же время достойнымъ привѣтомъ въ день юбилея почтенному учителю.

В. Д.

Иванъ Левицкый. *Повисти й оповидання. Т. II, Старосвитськи батюшкы та матушкы. Повисть. Зъ портретомъ автора. Кіевъ, 1900.*

Прекрасное изданіе сочиненій извѣстнаго малорусскаго писателя Ив. Сем. Левицкаго продолжается. Вышелъ недавно второй томъ

его, заключающій въ себѣ длинную повѣсть автора про «старосвитськихъ батюшокъ та матушокъ» на малороссійскомъ языкѣ. Повѣсть эта въ восьмидесятыхъ годахъ была напечатана въ «Кіевской Старинѣ» на русскомъ языкѣ, только съ разговорами по малорусски.

Содержаніе повѣсти заимствовано, какъ показываетъ самое заглавіе, изъ хорошо вѣдомой нашему автору среды сельскихъ священниковъ первой половины настоящаго столѣтія. Вѣдаетъ Ив. Сем. Левицкій эту среду, какъ лицо, происходящее изъ духовнаго званія, жившее среди «батюшокъ и матушокъ», и какъ воспитанникъ Кіевской Духовной Академіи. Мѣсто дѣйствія тоже взято изъ предѣловъ Кіевской губерніи, окрестностей м. Богуслава, родины автора. При такихъ условіяхъ повѣсть преисполнена реальными чертами и вполнѣ уясняетъ положеніе духовенства въ нашемъ краѣ въ первой половинѣ настоящаго вѣка.

Открывается повѣсть смертью священника с. Вильшаныци Моссаковскаго. Идутъ поминанія его собравшеюся во дворѣ покойнаго громадою, и вслѣдъ за поминаніями вся громада приступаетъ къ выбору себѣ новаго священника, руководясь въ данномъ случаѣ давнимъ православнымъ обычаемъ всѣмъ обществомъ избирать себѣ пастыря. Въ началѣ настоящаго столѣтія такой обычай держался еще въ Кіевщинѣ, въ Полтавщинѣ, на Волыни, и вслѣдъ за избраніемъ кого-либо на данное священническое мѣсто слѣдовало утвержденіе избраннаго отъ архіерея. Избранъ былъ въ Вильшаныци на священничество сынъ покойнаго отца Моссаковскаго Харитонъ, въ то время состоявшій въ дьячкахъ, но успѣвшій полюбиться громадѣ своею простою, немудрою рѣчью и хорошимъ отношеніемъ къ людямъ. Онъ не былъ ни въ какомъ училищѣ, но учился дома подъ руководствомъ отца и готовъ былъ теперь держать экзаменъ на право быть священникомъ.

Оставалось только ему жениться и тогда подвергнуться рукоположенію. Не долго искалъ онъ себѣ невѣсту. Ему уже раньше на ярмаркѣ въ Богуславѣ приглянулась дочь священника Прокоповича въ с. Чаплях. Однажды онъ несмѣло поѣхалъ въ Чапли, понравился тамъ отцу Прокоповичу, выслушалъ отъ него повѣствованіе о томъ, какъ онъ украшаетъ свою церковь, и между прочимъ о томъ, что «Страшный судъ» онъ началъ рисовать для церкви мѣстнаго богомаза, причемъ обязалъ его нарисовать въ пеклѣ станового да столоначальника духовнаго правленія, извѣстнаго «хапутрыка», «що бере зъ па-

нивъ хабары». О предложеніи дочкѣ Прокоповича Онисіи Степановнѣ Харитонъ еще и не помышлялъ.

Но Онисія Степановна была предметомъ ухаживанія еще и семинариста философа Марка Павловича Балабухи. Отецъ и мать больше склонялись имѣть зятемъ семинариста философа, ибо знали, что такіе всегда успѣютъ получить лучшій приходъ и скорѣе пойдутъ по степенямъ духовнаго служенія. Впрочемъ, когда съ слѣдующимъ пріѣздомъ Харитона онъ объявилъ, что избранъ въ Вильшаницы на попа прихожанами, то и сама Онися, и родители ея не прочь были на замужество съ Харитономъ. Да и еще бы было не торопиться съ бракомъ! Она была уже невѣста «на выданіи», а между тѣмъ и другимъ женихамъ отказала, и не такъ давно еще надавала гарбузивъ Балабухѣ, такъ что и онъ пересталъ уже за нею ухаживать. Разсерженный Балабуха, узнавши отъ своего отца, что Вильшаныця свободный приходъ и при томъ большой, и что на приходъ этотъ мѣстится его счастливый соперникъ у Онисі, немедленно рѣшилъ отправиться въ Кіевъ къ архіерею и просить у него себѣ Вильшаныці.

Архіерей, руководясь своими соображеніями относительно выбора священника, счелъ удобнымъ предоставить Вильшаницьку парафію Балабухѣ, какъ человѣку, обучавшемуся въ Кіевской семинаріи, и утвердилъ за нимъ Вильшаныцю. Между тѣмъ Моссаковскій пріѣхалъ къ архіерею вмѣстѣ съ титаремъ и двумя старыми парафіянами изъ Вильшаныці проситься, основываясь на избраніи его громадой, въ Вильшаницкіе священники. Но архіерей сказалъ, что Вильшаницкая парафія уже отдана другому, болѣе ученому, что онъ, архіерей, вообще большіе приходы намѣренъ замѣщать людьми, прошедшими извѣстную школу. Моссаковскому же пообѣщалъ рукоположить его въ священники и во вниманіе къ тому, что онъ «вчывся дома въ батька та въ карапышанського дяка, вывчивъ часословець, псалтырь, вміе чытаты апостола и евангеліе, знае добре церковный уставъ, вміе спиваты на гласы: и на «Господи возвахъ» и на «Богъ Господь»—во вниманіе ко всему этому, обѣщалъ дать ему небольшой приходъ. Бѣдный Харитонъ вышелъ отъ владыки, какъ въ воду опущенный. Онъ разсчитывалъ быть попомъ на старомъ отцовскомъ мѣстѣ, въ старомъ своемъ домѣ. Боялся онъ также, что Онися не пойдетъ за него замужъ, если ему дадутъ только малую парафію. Утѣшили его титарь да два старыхъ прихожанина: они сказали, что все равно они не пу-

стятъ къ себѣ въ попы Балабухи, и что они еще разъ будутъ просить владыку назначить къ нимъ Харитона.

Дѣйствительно, пріѣхалъ въ Вильшаницю Балабуха, но ему тамъ не позволили поселиться въ домѣ Моссаковскаго, построенномъ на ружной землѣ, сказавши, что ключи отъ дома у избраннаго громадой на эту парафію Моссаковскаго, и что онъ самъ запечаталъ домъ и уѣхалъ. Напрасно Балабуха и благочинный удрашивали громаду дать квартиру вновь поставленному священнику и сплатить за домъ покойнаго панъ-отця,—громада упорно твердила, что она выбрала себѣ священникомъ Харитона и намѣрена еще разъ просить владыку, чтобы онъ назначилъ къ нимъ его. Балабуха нѣсколько времени побылъ въ Вильшаницы, а потомъ счелъ за лучшее уѣхать оттуда; онъ рѣшилъ самъ попросить у владыки другого прихода. Тогда, послѣ усиленныхъ просьбъ посланцевъ отъ Вильшаницкой громады, архіерей согласился отдать Вильшаницкій приходъ Моссаковскому.

Еще раньше, до полученія іерейскаго чина, Балабуха долженъ былъ жениться. Онъ, отклоненный Онысею Прокоповичевною, направилъ стопы свои въ с. Хохитву, къ тамошнему батюшкѣ, женатому на какой-то шляхтянкѣ, силившейся не допустить въ своей семьѣ старыхъ священническихъ обычаевъ, не одѣвавшейся по простому, не кормившей у себя гостей до сыта. Очень претило семинаристу жениться на дѣвушкѣ, хотя и красивой, но преисполненной шляхетскихъ фанаберій и цуравшейся, подобно матери, старыхъ дѣдовскихъ порядковъ. Но онъ женился: Олеся, чувствуя, что ей пора выйти замужъ, согласилась на этотъ бракъ. Ничего хорошаго новое супружество не обѣщало, ибо невѣста въ день самихъ заручинъ кокетливо хихикала съ пріѣзжимъ шляхтичемъ, служившимъ у какого-то пана, Бонковскимъ. Косился на этого Бонковскаго Балабуха, но все же стерпѣлъ ухаживанія за своей невѣстой.

Выпихнувши Балабуху изъ Вильшаной и получивши отъ владыки обѣщаніе дать Вильшаницкую парафію ему, Моссаковскій немедленно поѣхалъ въ Чапли и скоро сыгралъ тамъ свадьбу. «Весилье» справлено было на славу. Ѣли, пили, шумѣли тамъ батюшки въ волю. Затѣмъ переѣхалъ Моссаковскій съ женою Онысею въ Вильшаницу. Оныся оказалась хорошей хозяйкой. Жили они по давнимъ обычаямъ своей среды, близкой къ простому народу; Оныся, носила свою малорусскую одежду, обвязывала голову платкомъ.

Тутъ началась рабочая жизнь и Моссаковскихъ, и Балабухъ. Моссаковскій говорилъ крестьянамъ нѣкоторыя проповѣди, но говорилъ просто, ясно, на ихъ родномъ языкѣ, который только и зналъ, и тѣмъ, да и всей жизнью своею, своею невзыскательностью большой платы за требы онъ былъ любимъ крестьянами и жилъ съ ними мирно. Матушка его, Онися, какъ очень рьяная хозяйка, нерѣдко враждовала съ наймытами, которые ея не любили за крайнюю ея взыскательность. Какъ женщина, едва умѣвшая читать, Онися не думала и дѣтей своихъ обучать чему-нибудь. Она отдала всего на годъ въ мѣстный богословскій пансіонъ сперва одну дочку, а затѣмъ на такой же срокъ другую. Тамъ научили дѣтей одѣваться по панскому, говорить съ кавалерами всякій вздоръ, немножко грамотѣ. Большая собственница, Онися послѣ смерти мужа ревностно оберегала вишни въ своемъ саду отъ сельскихъ дѣтей, которыхъ подчасъ била, и въ большихъ неладахъ жила съ первымъ зятемъ своимъ, желавшимъ «такъ якъ у городи» пить утромъ чай, обѣдать въ полъ-дня, а не утромъ, какъ обѣдали по старому обыкновенію Моссаковскіе.

Интересно, что вся жизнь Харитона Моссаковскаго прошла въ вѣчныхъ опасеніяхъ утратить Вильшаницкую парафію; онъ оказался въ зависимости отъ давняго врага своего Балабухи, поставленнаго благочиннымъ въ Богуславѣ да еще и протопопомъ, и вѣчно подвергался нареканіямъ за неисправное веденіе церковныхъ книгъ. Онъ нерѣдко прибѣгалъ къ взяткамъ, которыя давалъ и благочинному Балабухѣ, отправивъ ему «глечикивъ» производства Вильшаницкаго старосты, давалъ и столоначальнику уѣзднаго Духовнаго Правленія, великому хапугѣ, провѣрившему иногда церковныя записи отца Харитона и пріѣхавшему однажды къ нему на ревизію вмѣстѣ съ дочками своими, изъ которыхъ двухъ оставилъ на долго гостить у Моссаковскихъ. Давалъ ему Харитонъ не мало мѣшковъ ржаной и пшеничной муки. Въ общемъ жизнь Моссаковскаго оставляетъ тяжелое впечатлѣніе, впечатлѣніе жизни человѣка, не подходящаго для высокой роли пастыря народнаго по своему малому образованію. Умеръ онъ послѣ пріѣзда въ Вильшаницю архіерея, который всѣмъ остался въ Вильшаницы недовольнымъ, подговоренный отчасти къ строгому отношенію къ Харитону благочиннымъ Балабухой.

Въ иномъ родѣ шла жизнь Балабухи. Его супруга, Олеся, была мало расположена къ веденію хозяйства. Она все мечтала о любви къ подходящему къ ней человѣку и то ухаживала за шляхтичемъ Бонковскимъ,

то вѣшалась на шею становому приставу Ломачевскому, то наконецъ увлекалась сильно гусаромъ изъ числа прибывшихъ на зимнюю стоянку въ Богуславъ. Большія непріятности терпѣлъ вслѣдствіе этого Балабуха Онъ страдалъ нравственно за жену, когда ее якобы увезъ гусаръ, ей полюбившійся, и когда она была больна потомъ; страдалъ онъ и вслѣдствіе необходимости добывать много средствъ на жизнь свою и своей семьи, и долженъ былъ постоянно увеличивать плату за требы, къ неудовольствію прихожанъ своихъ. Была у Балабухи дочь, которую Олеся воспитала по своему, съ шляхетскими фанаберіями, въ мѣстномъ пансіонѣ въ Богуславѣ. Предстояли огромныя траты на выѣзды и пріемы гостей изъ сосѣдней Мироновки, гдѣ существовалъ сахарный заводъ. Одно время уже Олеся совсѣмъ думала, что выдастъ дочь за сына директора сахарнаго завода, но и самъ директоръ, и чинная семья его, разсорившись съ владѣльцемъ завода, неожиданно должны были уѣхать за границу. Въ концѣ концовъ выдала она дочь за новаго станового, человѣка обремененнаго дѣтьми и далеко не молодого.

Балабуха, прошедшій философію въ семинаріи, игравшій въ свое время въ семинаріи комедіи, писавшій вирши и охотно вспоминавшій о томъ времени, когда онъ выступалъ на сценѣ,—былъ человѣкъ вполнѣ неподходящій для руководства нравственною жизнью простого народа въ селѣ. Въ годы семейнаго несчастья своего, онъ только и отводилъ душу веденіемъ «діаріуша». Это была большая книжка, переплетенная въ деревянныя доски, величиною примѣрно въ церковную минею. «Въ тому діаріушови винъ запысувавъ, по звычаю людей того часу, ще якъ винъ бувъ студентомъ—то *жанты*, то всяки вирши, то писни, то латынськи фразы, такъ написано квадратомъ, що ихъ можно було чытаты на вси чотыры боки зъ усихъ бокивъ, и вгору и внызъ, и выходыла та сама фраза; то булы позапысувани квадраты зъ цыфръ такъ, що на всихъ стовпчыкахъ выходыло однакове чысло. Ставшы священникомъ, Балабуха почавъ запысуваты туды про погоду, про урожаи хлиба й сина, запысувавъ, де проявылася яка чудотворна икона, запысувавъ часомъ свои думкы, свои погляды, навить компонувавъ вирши, хочъ и поганеньки, на усяки выпадкы зъ свого життя». Тутъ же была записана имъ исторія про злыхъ женъ и исторія ухаживанія Дафниса за Хлоей по поводу видѣннаго имъ въ собственномъ садку ухаживанія станового Ломачевскаго за Олесей. «Господы, просты навиженну Хлою!»—закончилъ

Балабуха это писаніе: наведы ій на розумъ и сокрушы ребра Дафнисови! Прискорбна душа моя навить до смерты. Господы, дай мени сылы й терпиння, да не погыбну до кинца!»

Таково содержаніе «Старосвитськыхъ батюшокъ та матушокъ», Несомнѣнно, мы имѣемъ въ этомъ произведеніи талантливую фотографію жизни, вполнѣ точную, съ знаніемъ тогдашнихъ людей, съ знаніемъ мѣстности. Передъ нами, какъ живые, встаютъ и Харитонъ, и Оныся, и Балабуха. Съ наслажденіемъ прочитываемъ мы такія художественныя описанія, какъ описаніе «весилья» Оныси, сопровождавшагося незамысловатыми шутками одного стараго іерея. Необыкновенно удачно изображенъ приходъ въ Богуславъ гусарскаго полка, препровожденіе времени гусарами въ попойкахъ, балахъ и ухаживаніяхъ и за попадьями, и за молодыми еврейками, дочерьми содержателей кабаковъ. Прекрасно очерченъ семинаристъ Балабуха, воспоминающій вмѣстѣ съ отцомъ Терлецкимъ давнюю игру свою въ комедіи «Суета». Хорошъ и діаріушъ Балабухи. Не дурно изображена хозяйственная сутолока, въ которой пребываетъ неустанно Оныся, и вѣчное опасеніе за свою парафію отца Харитона. Яркой чертой проходитъ предъ глазами читателя крайняя необразованность и Моссаковскаго, и Балабухи, ихъ непригодность для выполненія великой миссіи—просвѣщать народъ. Но гдѣ найти образованіе, при условіи, что и выучившійся въ кіевской семинаріи непригоденъ для жизни—этого вопроса авторъ не касается. Видимъ мы также, какая образованность перепадаетъ въ священническую среду изъ Богуслава, изъ тамошняго пансіона, гдѣ обучаются дочки іереевъ.

Все это прекрасно изображено Ив. Сем. Левицкимъ. Но какое тяжелое выводное положеніе изъ всего этого выходитъ. Невольно при такихъ условіяхъ склоняешься на сторону неученаго отца Харитона, умѣющаго хотя кой-какъ говорить съ своими прихожанами, хотя и не умѣющаго вести нѣкоторыхъ церковныхъ записей. Невольно предпочтешь также сварливую Онысю, усердно хозяйничающую, якобы просвѣщенной Олесѣ, убѣгающей съ гусаромъ. Иныхъ, лучшихъ людей нѣтъ въ повѣсти.

Данное произведеніе если и можно упрекнуть въ чемъ нибудь, то развѣ въ томъ, что здѣсь видимъ болѣе фотографическое воспроизведеніе жизни, чѣмъ типическое. Ни Харитонъ, ни Оныся, ни Балабуха, ни Олеся не представляютъ въ произведеніи изъ себя

типовъ, ни положительныхъ, ни отрицательныхъ. Между тѣмъ въ художественномъ произведеніи типичность есть первое условіе.

Л. Ч.

«Отчетъ благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1899». *С.-Петербургъ, 1900, 1—37,* in *36°*.

Предъ нами лежитъ первый отчетъ открывшагося 27 декабря 1898 года «Благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ», издавшаго понынѣ пять брошюръ на малорусскомъ языкѣ: «Корыстни звиратка» —о. Степовыка, «Про городыну»,—его же, „Молодыча боротьба"—Ганны Барвинокъ, «Спасенна пора,—Вирна пара.—Въ осены лито»—ея же, «Орыся»—Кулиша, изъ которыхъ первыя двѣ составляютъ цѣнный вкладъ въ нашу народную литературу. Изъ отчета явствуетъ, что общество, еще молодое, хотя и не успѣло достичъ особенно выдающихся результатовъ, какіе были-бы желательны для основателей его и участниковъ, тѣмъ не менѣе постепенный ростъ какъ числа лицъ, сочувствующихъ дѣлу его, такъ и матеріальныхъ средствъ, ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что положенная въ основу дѣятельности Общества идея нравственнаго и экономическаго подъема народной массы уже нашла сочувственный отзывъ въ средѣ нашей интеллигенціи.

Въ началѣ текущаго года въ обществѣ состояло 4 почетныхъ члена—(Софья Абрамовна Драгомирова, генер. А. И. Косичъ, Алекс. Михайл. Кулишъ, Иванъ Семен. Левицкій), 9 членовъ сотрудниковъ и 250 дѣйствительныхъ членовъ. Средства общества составлялись изъ членскихъ взносовъ и пожертвованій, составившихъ къ концу 1899 года 799 р. 19 к.; изъ этой суммы на изданіе первыхъ трехъ брошюръ и печатаніе устава, протокола и другіе расходы Общество издержало 511 р. 39 к.,—сумма не такъ ужъ большая, если принять во вниманіе, что печатаніе брошюръ производится въ количествѣ 5000 экземпляровъ (кромѣ первой, которой напечат.—3000), съ иллюм. и въ художеств. обложкѣ.

Въ теченіе года состоялось 4 засѣданія правленія и 4 Общихъ собранія. Въ числѣ обсуждавшихся правленіемъ вопросовъ принципіальной важности, заслуживаетъ упоминанія вопросъ о необходимости изданій духовно-нравственныхъ и популярно юридическихъ брошюръ

на единственно доступномъ толковому пониманію населенія малорусскихъ губерній—природномъ его языкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ признано было необходимымъ, для возможно широкаго развитія дѣла и для живого обмѣна съ сочувствующими обществу и его задачамъ лицами, изданіе спеціальнаго печатнаго органа Общества. Выполненіемъ этихъ предположеній обществу предстоитъ заняться въ будущемъ.

Въ Правленіе Общества избраны на 1900 годъ: предсѣдателемъ Д. Л. Мордовцевъ, товарищемъ предсѣдателя П. П. Пелехинъ, казначеемъ В. В. Игнатовичъ, секретаремъ П. Я. Стебницкій.

Пожелаемъ отъ души этому симпатичному и полезному Обществу дальнѣйшаго широкаго развитія и надѣемся, что всякій дорожащій задачами, которыя преслѣдуетъ оно, внесетъ свою лепту, въ видѣ-ли матеріальной поддержки, записавшись въ члены его, въ видѣ ли сотрудничества,—безразлично.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русская Старина, № 6 и 7; 2) Вѣстникъ Европы, № 6 и 7; 3) Историческій Вѣстникъ № 6 и 7; 4) Русск. Филологическій Вѣстникъ № 1—2; 5) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 6; 6) Записки Императ. Харьк. Унив. кн 2 и 3. 7) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 5 и 6; 8) Русскій Архивъ, № 6; 9) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 6; 10) Літературно-Науковий Вістник, № 6—7; 11) Kwartalnik Historyczny № 2; 12) Восходъ, № 5—6; 13) Slovanský Přehled, № 9—10; 14) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 5 и 6; 15) Biblioteka Warszawska, № 6; 16) Ateneum № 6; 17) Варшавскія Университетскія Извѣстія № 3 и 4; 18) Przewodnik naukowy i literacki, № 6; 19) Wisła, № 3.

Русская Старина № 6 и 7.

Въ статьѣ *«Состояніе царства Польскаго въ 1861 и 1862 г.г.»* (№ 6-й, стр. 621—642), представляющей донесенія генералъ-адъютанта Лидерса военному министру, есть нѣсколько строкъ, характеризующихъ положеніе въ Галиціи святюрской партіи, которой польскіе помѣщики приписывали всю вину своихъ неудачъ въ примире-

ніи съ крестьянами. Вмѣстѣ съ тѣмъ «польскіе помѣщики не могутъ хладнокровно смотрѣть на усилія русиновъ выбиться изъ польскихъ оковъ и злятся, что русины, въ ожиданіи, пока выработается ихъ языкъ, хотятъ лучше учиться въ школахъ по-нѣмецки, нежели по-польски».

Записка слободско-украинскаго губернатора Муратова о статскомъ совѣтникѣ Каразинѣ (№ 7-ой, стр. 153—154) знакомитъ насъ съ тѣмъ, въ какомъ положеніи очутился извѣстный Василій Каразинъ послѣ освобожденія его изъ Шлиссельбургской крѣпости въ 1821 году и водворенія его на жительство въ своемъ имѣніи Кручикѣ, въ Богодуховскомъ уѣздѣ. По мнѣнію слободско-украинскаго губернатора, В. Каразинъ, хотя ничего предосудительнаго не дѣлалъ, но «безпокойный и затѣйливый характеръ его останется въ немъ, кажется, навсегда неизлѣчимымъ», а «самолюбивыя его умствованія въ людяхъ, менѣе укрѣпленныхъ зрѣлымъ разумомъ, могутъ иногда поселить и противныя общему порядку мнѣнія, особенно при томъ дарѣ слова и литературной способности, которыми Каразинъ обладаетъ въ высокой степени».

—

Русскій Архивъ № 6 и 7.

Подмосковная старина (Петровско-Разумовское). *П. Б.* (№ 6-й стр. 159—165). Въ этой маленькой замѣткѣ сообщается краткая исторія знаменитой подмосковной дачи *Петровско-Разумовское*, такъ тѣсно связанной съ графомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, малороссійскимъ гетманомъ. Благодаря ему, а особенно трудамъ его земляковъ, малороссовъ-крестьянъ, разведенъ былъ тамъ великолѣпный садъ, выкопаны пруды, устроены оранжереи и создался великолѣпный для того времени гетманскій домъ, рисунокъ котораго, сдѣланный по картинѣ, принадлежащей автору замѣтки, приложенъ тутъ-же.

—

Вѣстникъ Европы № 6 и 7.

Статья «Учебные контрасты и нужды» *Л. К—ка* разсматриваетъ отчетъ кіевскаго учебнаго округа за 1898-й годъ и обращаетъ особенное вниманіе на положеніе учебнаго дѣла въ неземскихъ и земскихъ губерніяхъ округа, особенно что касается народныхъ училищъ, при чемъ преимущество, конечно, отмѣчается въ губерніяхъ земскихъ. (стр. 604—619).

Въ «Литературномъ обозрѣніи» (№ 6 й) помѣщенъ отзывъ о книгѣ Т. Осадчаго «Силы деревни», написанной главнымъ образомъ на основаніи наблюденій надъ деревней въ Новороссіи (стр. 804—809).

—

Историческій Вѣстникъ № 6 и 7.

Въ маленькой статейкѣ *Д. Миллера* «В. Н. Каразинъ и князь Ц. И. Трубецкой» дается еще одна страничка, въ дополненіе къ прежнимъ (см. № 3 Истор. Вѣстн.), изъ печальнаго житія В. Н. Каразина, когда онъ, послѣ заточенія въ Шлиссельбургской крѣпости, поселившись въ своемъ имѣніи Кручикѣ, долженъ былъ дать подписку въ томъ, что «будетъ воздерживаться отъ всякаго сужденія, къ нему не принадлежащаго». Однако, затѣявъ изданіе рукописнаго журнала «Гражданинъ вѣрноподанный», онъ одинъ номеръ его послалъ Харьковскому губернатору, князю П. И. Трубецкому, что и вызвало грозное распоряженіе губернатора, приводимое полнымъ текстомъ въ статьѣ Д. Миллера (стр. 887—889).

—

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 6.

О поученіи Владиміра Мономаха. Н. Шлякова (продолженіе). Въ этой главѣ авторъ пытается опредѣлить болѣе точно время написанія Владиміромъ Мономахомъ своего поученія, т. к. въ предыдущей главѣ было только установлено, что оно написано зимою 6613-го мартовскаго года. Здѣсь, на основаніи очень кропотливаго анализа цитатъ, внесенныхъ Мономахомъ въ поученіе, авторъ приходитъ къ заключенію, что поученіе написано въ великій постъ, т. е. весною 1106 года, а болѣе точно—въ концѣ первой недѣли поста, т. е. въ первыхъ числахъ февраля. (№ 6 й, стр. 209—258).

—

Записки Императорскаго Харьковскаго Университета № 2 и 3.

Лѣтопись Харьковскаго Университета проф. М. А. Попова. Профессоръ Иванъ Дмитріевичъ Книгинъ, его служебная и литературная дѣятельность (Матеріалы для исторіи Императорскаго Харьковскаго университета) (стр. 1—46).

Проф. Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета. Томъ II (1815—1835). 1-я глава. Университетское самоуправленіе *(Продолженіе).* Попечительство Е. В. Карнѣева и Алексѣя Алексѣевича Перовскаго (кн. 2-ая, стр. 47—126); окончаніе періода попечительства А. А. Перовскаго и начало попечительства В. И. Филатьева (кн. 3-я, стр. 1—64).

Труды Харьковскаго предварительнаго комитета по устройству XII-го археологическаго съѣзда (кн. 3-я, стр. 1—37). Кромѣ протоколовъ трехъ засѣданій комитета, напечатаны здѣсь: 1) Письмо Ив. Щелкова съ указаніемъ тѣхъ мѣстностей въ Харьковщинѣ, которыя могутъ представлять интересъ по части старины; 2) статья г. Леваковскаго о подземныхъ ходахъ въ г. Харьковѣ; 3) статья о нѣкоторыхъ мѣстныхъ древностяхъ, *Е. Г. Ходской*; 4) программы для собиранія свѣдѣній: по первобытнымъ древностямъ, по древностямъ историческимъ, по церковнымъ древностямъ; программы для собиранія этнографическихъ предметовъ къ выставкѣ, для собиранія свѣдѣній о кобзаряхъ и лирникахъ, для собиранія писанокъ и свѣдѣній о нихъ.

—

Варшавскія Университетскія Извѣстія № 3 и 4.

Е. Ѳ. Карскій. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. (Продолженіе).

Исторія славянскаго кирилловскаго письма.—Изобрѣтеніе кирилловской азбуки, сравненіе ея съ греческой. Типы письма: уставъ, полууставъ, скоропись. Различіе между полууставомъ и скорописью западнорусскими и восточнорусскими. Древнѣйшіе печатные шрифты: 1) Краковскіе, венеціанскіе, пражскіе, несвижскіе и древнѣйшихъ юго-слав. изданій; 2) шрифтъ русскихъ изданій—въ западн. и южн. Руси (напоминаетъ младшій полууставъ); 3) шрифтъ литовскаго статута (курсивъ къ полууставу).—Начертаніе и употребленіе отдѣльныхъ буквъ въ разное время, начиная съ устава и оканчивая скорописью. (кн. 3, стр. 153—192; кн. 4-я, стр. 193—216).

—

Труды Кіевской Духовной Академіи № 5 и 6.

Свящ. Ѳ. Титовъ. О русскомъ сектантствѣ вообще и въ частности о томъ, чѣмъ опасно современное наше русское сектантство (стр. 3—39).

Существованіе ересей и сектъ въ древне-русской церкви. Раціоналистическія секты въ XIX столѣтіи: духоборы, штундисты; мистическія; скопцы. Причины возникновенія сектантства. Стремленіе въ послѣднее время въ русскомъ сектантствѣ превратиться изъ чисто религіознаго движенія русской народной жизни въ соціально-политическое броженіе.

Н. И. Петровъ. Объ упраздненной стѣнописи великой церкви Кіево-Печерской Лавры (Окончаніе) (стр. 40—70).

Важныя указанія по данному вопросу въ описаніи великой лаврской церкви у Павла Алеппскаго, изображающаго состояніе ея въ Могилянскую эпоху ея исторіи.—Новый элементъ въ стѣнописи, принесенный реставраторами 1720-хъ гг. въ сравненіи съ прежней росписью.—Переписка заново обветшалой стѣнописи въ 1772—1777 гг. іеромонахомъ Захаріей Голубовскимъ, начальникомъ «малярни» Кіево-Печерской лавры. Частичное поновленіе работы Голубовскаго въ 1813, 1824, 1829, 1830 и 1831 гг., общее—въ 1840—42. Уничтоженіе этой послѣдней стѣнописи въ 1893 году.

—

Книжки Восхода № 5 и 6.

А. Я. Гаркави. Изгнаніе евреевъ изъ Кіева и другихъ городовъ Литвы (1495—1503) (По еврейскимъ источникамъ) (стр. 3—20).

Авторъ, на основаніи литературныхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ раввинистской и караимской литературъ и изъ памятниковъ, хранящихся въ рукописи, доказываетъ, что въ концѣ 15 и нач. 16 вв. произошло всеобщее изгнаніе евреевъ изъ Литвы и изъ Кіева въ частности.

—

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи № 4.

Къ вопросу о суевѣрномъ почитаніи народомъ пятницы. А. Черемискаго (стр. 95—104). Здѣсь разсматривается извѣстный издавна на Руси вообще, а въ Малороссіи въ частности, обычай чествованія *Пятницы*, при чемъ авторъ приходитъ къ выводу, что почитаніе пятницы имѣетъ свое основаніе въ міросозерцаніи славянъ-язычниковъ, а именно—оно объясняется культомъ языческой богини Фреи или Сивы.

Въ *приложеніи* продолжается печатаніе «Генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ Нѣжинскаго полка», подъ редакц. *Н. П. Василенка* (стр. 81—112).

—

Przewodnik naukowy i literacki, № 6.

Br. Lozinski. Agenor hr. Gołuchowski w pierwszym okresie rządów swoich (1846—1859). (Прододженіе) (стр. 529—548) 1848 годъ. Положеніе Львова послѣ бомбардировки.—Революціонныя дѣйствія

русской народной Рады и антагонизмъ ея по отношенію къ гр. Голуховскому.

Korespondencya Józefa Bohdana Zaleskiego (Продолженіе) (стр. 549—561). На стр. 556—557 приведена выпись изъ метрическихъ книгъ с. Ставищъ, Кіевск. губ. о крещеніи Józef'a Залескаго.

Rawita-Gawroński. Uposażenie duchowieństwa rzymsko-katolickiego na kresach ukrainnych w końcu XVIII w. (стр. 562—570). (Продолженіе слѣдуетъ).

Авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи часть списковъ инвентаря духовныхъ имуществъ, монастырскихъ и свѣтскихъ, доставшихся Россіи въ концѣ прошлаго столѣтія; на основаніи этого матеріала онъ задался цѣлію описать состояніе имуществъ духовныхъ въ концѣ прошл. столѣтія въ Кіевскомъ воеводствѣ. При описаніи костеловъ и монастырей, онъ придерживается географическаго порядка, подвигаясь съ сѣвера на югъ. Въ данной статьѣ касается овручскихъ базиліанскихъ монастырей, ихъ матеріальнаго положенія и общественныхъ повинностей.

I. Horoszkiewicz. Pamiętnik o stroju narodowym w rzeczypospolitej polskiej (стр. 606—613) (Продолженіе).

Авторъ излагаетъ исторію шапки (четырехугольной—кучма у малороссовъ). По его мнѣнію фактъ сохранности донынѣ этого типа шапки у народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе, какое она имѣла у высшихъ сферъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что она—единая народная шапка.

—

Kwartalnik Historyczny № 2.

Въ отдѣлѣ «Recenzye i Sprawozdania» даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) *Bieliński Józef.* Uniwersytet Wileński (1579—1831 r.) Tom. I, II, i III. Krakow 1899—1900. Рецензъ. *Antoni Karbowiak* (стр. 262—270; 2) *Wolyniak.* O Bazylianach w Humaniu. Lwow. 1899. Рецензъ. *Henryk Ułaszyn* (стр. 271—274); 3) *Ясинскій М.* «Матеріалы для исторіи Луцкаго трибунала. Кіевъ 1899 г. *Его-же.* «Луцкій трибуналъ, какъ высшая судебная инстанція для волынскаго, брацлавскаго и кіевскаго воеводствъ въ послѣдней четверти 16-го вѣка. Кіевъ. 1900 г. Рецензъ. *O. Balzer* (стр. 292—296); 4) *Gawroński Rawita Franciszek.* «Michał Czaykowski (Sadyk-Pasza), jego życie, działalność wojskowa i literacka. Petersburg. 1900. Рецензъ. *Stanisł. Schnür-Popłowski* (стр. 313—314).

—

Ateneum № 6.

Ernest Luniński. Na Huculszczyźnie (Garść wrażeń) (стр. 487—515).

Авторъ посѣтилъ родныя мѣста извѣстнаго галицкаго опрышка Олексы Довбоша (Довбощизну), Яремче съ селомъ Ямной и присел-комъ Вахровцемъ. Послѣ краткаго, но интереснаго описанія образа жизни и характера современныхъ гуцуловъ, куда между прочимъ вошелъ подробно изложенный сказочный мотивъ о трехъ задачахъ: прійти такъ, чтобы ни идти, ни ѣхать, ни голымъ, ни одѣтымъ, пріятелемъ и непріятелемъ, а также пѣсня о жолнѣрѣ: «Похылився дубъ, до дуба явиръ зелененькый» (9 куплетовъ). Авторъ записалъ разсказы о похожденіяхъ наиболѣе выдающихся мѣстныхъ опрышковъ: Стефана Капитаньчука и Олексы Кабалюка (Довбоша).

—

Літературно-Науковий Вістник № 6 и 7.

№ 6. Наш альбомъ: Із поэзій Г. Комарівни, Одарки Романовои, Тарана, Богдана Лепкого (стр. 243—248).

Палій. Оповиданне Василя Стефаника (стр. 249—261) Художественное изображеніе народной психологіи: отношенія богачей къ бѣднякамъ, месть одного изъ послѣднихъ богачамъ (поджогъ).

Тихі драми. Студиі Марти: I. Лист. II. На порозі (стр. 262—279).

Двѣ душевныхъ драмы молодой дѣвушки.

Перехресні стежки. Повість Івана Франка (стр. 280—301) (Продолженіе).

Ескізи і малюнки. V. Сільский вертоград. В. Доманицького. (стр. 302—305).

Картинка изъ общественной жизни села.

VI. *Пташенята.* М. Дерлиці. (306—309).

Картинка изъ жизни городского пролетаріата.

Переспівы з Г. Гайне. (стр. 310—315). I. Бойовище біля Гастингсу. II. Лорелея. III. Die holden Wünsche blühen. IV. An dem stillen Meeresstrande. V. Mit schwarzen Segeln segelt mein Schiff. Б. Гринченко; VI—X—Осипа Доброхольского.

Із оповидань Марії Янічек. I. Подорож на Гарц. II. Хлопський син (стр. 316—348). Переклали А. К. і І. Ф. Художественные разсказы молодой нѣмецкой писательницы.

Із оповідань Анатоля Франса: І. Оловяний салдат (стр. 349—356). Переклав К. Пилинський.

Із Дантовою «Пекла»: І. Вхід до пекла і пробуток байдужних. ІІ. Франческа з Ріміні (стр. 357—362).

Панько Олелькович Куліш. Огляд його діяльности. Написав Осип Маковей (стр. 169—188) (Продолженіе).

Пребываніе Кулиша въ Петербургѣ въ 1845—1847 и 1851—1853 гг. Знакомство съ московскими славянофилами. Вліяніе Грабовскаго.—Отношенія Кулиша къ Русскимъ и Полякамъ.

Данте Аліґіері. Студия Альфреда Жанруа (стр. 189—199). Переклав із французького Іван Франко.

Юбилейная статья о Данте, извлеченная изъ «La grand Encyclopedie», t. XIII.

Улиця Шевченка у Львові. М. Грушевского (стр. 200—202). Небольшая статейка съ фотографіей такъ называемой улицы Шевченка во Львовѣ,—грязнаго закоулка, гдѣ-то за городомъ, извѣстнаго подъ именемъ ulicy Blotnej, наименованіемъ котораго «улицей Шевченка» львовскій магистратъ *почтилъ* память поэта.

Хроніка і бібліографія (стр, 203—220).

№ 7. Кромѣ беллетристики, какъ оригинальной, такъ и переводной, помѣщены статьи: 1) *Юрія Кмита* «Карпенко-Карый», представляющая оцѣнку драматическихъ піесъ этого писателя (стр. 1—22); 2) *Б. Гринченка* «Народный театръ», дающая свѣдѣнія о томъ, какія малорусскія піесы ставились на народныхъ сценахъ въ разныхъ мѣстахъ Украины, и какое впечатлѣніе производили онѣ на публику. Статья эта еще не окончена. (стр. 23—46). Изъ беллетристики напечатаны слѣдующія произведенія: 1) *М. Чернявскаго* «Панъ-Падура»—поема; 2) *Ив. Стешенка* «На заводѣ» —нарысъ; 3) *Марка Черемшыны* «Образки зъ гуцульського жытя. Ш. Основины; 4) *В. Кравченка* «Чому»?—нарысъ; 5) *Ив. Франка* «Перехресни стежкы» —повисть (продолженіе); 6) *Роберта Борнса* «Старчача гульня»—кантата, переспивъ *Павла Грабовського*; 7) Изъ оповидань *Жана Рипена:* «Жертва науки», «Вымушене», «Майстерный злочынъ»; 8) Изъ циклю «симъ легендъ» *Готфрида Келлера:* «Марія и монахыня» «Легенда про танець».

—

Slovansky přehled. č. № 9 и 10.

№ 9. Въ отдѣлѣ „Rozhledy a zprávy“ (стр. 441—442) говорится о херсонскихъ артеляхъ, основанныхъ Н. В. Левитскимъ, объ эмиграціи крестьянъ изъ Буковины, объ ассигновкѣ 130000 коронъ на просвѣтительныя цѣли галицкихъ русиновъ, о дѣятельности школьной коммиссіи въ Галиціи.

№ 10. Přehled literatur slovanskych za r 1899. Ukrajinsko-ruska. D-r Ivan Franko (стр. 475—480). Дается краткое обозрѣніе того, что въ минувшемъ году представила въ дѣлѣ литературно-научномъ Галиція, въ такомъ учрежденіи, какъ „Наукове товариство имени Шевченка“, и Украина съ ея журналомъ „Кіевская Старина“. Сверхъ того, данъ перечень отдѣльныхъ изданій, выпущенныхъ, какъ въ Россіи, такъ и въ Галиціи.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 66 газеты «Буковина» помѣщенъ біографическій очеркъ *Владиміра Бонифатьевича Антоновича*, по случаю 30-лѣтняго юбилея профессорской и 40-лѣтней литературно-научной его дѣятельности.

Въ № 21 американской «Свободы» нѣкто А. Гончаренко, кіевлянинъ по происхожденію, помѣстилъ статью «На спомыны по праведному Тарасу Шевченку» (Лепта видъ убогой вдовицы).

Статья эта замѣчательна тѣмъ, что въ ней нѣтъ ни одной строчки правды о Шевченкѣ, хотя авторъ, быть можетъ и не имѣлъ въ виду вводить читателей въ заблужденіе. Здѣсь сообщаются, напримѣръ, такіе факты, что Шевченко былъ арестованъ въ 1844 году въ Броварахъ за пѣніе имъ недозволенныхъ пѣсенъ. Десятскій схватилъ его за шиворотъ и велъ изъ Броваровъ въ Кіевъ. По дорогѣ билъ Тараса „кіемъ“ по головѣ. Шевченка сослали въ Оренбургскую губ. въ Новопетровскую крѣпость (!) Изъ острога онъ прислалъ въ Кіевъ рисунокъ, изображающій, какъ его, бьютъ нагаями: «Такъ мене бьютъ, и самъ не знаю за що и про що». Этотъ рисунокъ его пріятели въ Кіевѣ передали о. Антонію Сосновскому, *великому патріоту, любимцу граф. Орловой.* По его просьбѣ, обращенной къ графинѣ,

и по просьбѣ графини, обращенной къ ея брату, Шевченко былъ освобожденъ въ 1857 году, но здѣсь его снова постигла бѣда. Какой-то «лыхый попъ» (?), во время исповѣди назначилъ ему эпитимію: нарисовать намѣстныя иконы: Спасителя и Богородицы. Шевченко не захотѣлъ, и за это его отдали подъ надзоръ полиціи за «вольнодумство». Тогда Семиренко и другіе перевели Шевченка въ Петербургъ, гдѣ онъ и умеръ 26 февраля 1861 года. Передъ смертью онъ прислалъ автору въ Лондонъ гостинецъ на новый годъ (1861 г.) „Кобзарь“ съ собственноручной подписью.

—

Въ № 11 «Кіевскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей» помѣщена статья прот. В. Липковскаго: „Канунный медъ“.

Авторъ указываетъ на важное историческое значеніе кануннаго братскаго меда въ западной Руси, говоритъ о его приготовленіи и освященіи, сыченьи меду при церквахъ съ конца прошлаго столѣтія, о состояніи пчеловодства въ то время и въ первой половинѣ истекающаго столѣтія. Статья заканчивается пожеланіемъ, чтобы вновь возродилось сыченіе кануннаго меда въ храмовой и другіе праздники при всѣхъ церквахъ Кіевской епархіи.

—

Въ № 12—13 „Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ помѣщена статья «Происхожденіе и значеніе пасхальныхъ яицъ».

Упоминается о приготовленіи и употребленіи писанокъ въ Малороссіи.

Тамъ-же: «Обычай освящать въ праздникъ Св. Пасхи нѣкоторыя пасхальныя снѣди».

Историческая справка о пасхальныхъ снѣдяхъ: осужденіе чрезмѣраго уваженія къ нимъ южно-русскаго народа патріархами Іоакимомъ и Іереміею, опредѣленіе по этому поводу Гедеона Балабана, состояніе этого вопроса послѣ Сагайдачнаго.

—

Въ «Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» продолжается печатаніе интересныхъ матеріаловъ г. Гульдмана «Памятники старины въ Подоліи»: Городища (№ № 40, 41, 42), сторожевыя башни (№ 43), курганы (№ № 43—48).

—

Въ № 4467 газ. „Кіевское Слово“ и въ одномъ изъ іюньскихъ № № газ., «Русскія Вѣдомости» помѣщены сочувственные отзывы о

недавно вышедшемъ въ свѣтъ сборникѣ стихотвореній на малорусскомъ языкѣ „Викъ“ (1798—1898).

—

Въ № 864 газ. «Приднѣпровскій Край» помѣщенъ весьма сочувственный отзывъ о 2-мъ томѣ собран. сочиненій И. С. Левицкаго: «Старосвицьки батюшкы и матушкы».

—

Въ послѣднемъ (XXII) томѣ нѣмецкаго журнала «Archiv für slavische Philoloqie» между прочимъ помѣщена статья проф. Брикнера: Urzitze der Slaven und Deutschen», въ которой авторъ разбираетъ новѣйшіе взгляды на первоначальное разселеніе славянъ, изложенные въ изслѣдованіи Кентшинскаго, Богуславскаго и Брауна, и, насколько эти взгляды основаны на этимологіи давнихъ названій, остроумно разбираетъ ихъ, нерѣдко съ ѣдкимъ юморомъ, не оставляя отъ нихъ камня на камнѣ.

Въ той-же книгѣ проф. Браунъ помѣстилъ статью, посвященную оцѣнкѣ дѣятельности Наукового Товарищества (стр. 291—300) и далъ отзывъ о новомъ трудѣ Ал. Яблоновскаго. «Akademija Kijovska Mohilańska», а проф. Поливка помѣстилъ богатыя параллели къ сказкамъ и анекдотамъ, опубликованнымъ въ послѣднихъ номерахъ «Этнографічного Збірника» и далъ краткій отзывъ о I т. «Етнольогічних Матеріялів» и I т. «Розвідок М. Драгоманова».

Археологическая лѣтопись.

Къ Археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

25 мая въ университетѣ состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Оно посвящено было исключительно выработкѣ плана раскопокъ въ Харьковской губ. и распредѣленію различныхъ научныхъ экскурсій съ цѣлью изученія прошлаго въ краѣ. Засѣданіе было въ присутствіи заслуженнаго профессора университета св. Владиміра В. Б. Антоновича.

Проф. *В. Б. Антоновичъ* въ обширномъ, весьма важномъ докладѣ, послѣ указанія на весьма малое изслѣдованіе Харьковской губ. въ археологическомъ отношеніи, намѣтилъ, какъ опытный ученый и изслѣдователь курганныхъ древностей южной Россіи, даже на основаніи пока скуднаго матеріала, какого рода курганы можно встрѣтить на почвѣ этой губерніи. По словамъ почтеннаго ученаго—эта почва должна дать отвѣты на многіе вопросы, освѣтить такіе пункты въ русской научной археологіи, которые пока остаются въ темнотѣ, благодаря отсутствію матеріала. Весьма важный матеріалъ, можно надѣяться, найдется здѣсь для рѣшенія вопроса о курганахъ степныхъ кочевниковъ, погребальнаго ритуала ихъ (хазары, печенѣги, тюрки и половцы). На принадлежность нѣкоторыхъ кургановъ кочевникамъ указываютъ предметы, найденные въ четырехъ случаяхъ, при раскопкахъ;—

равно присутствіе на многихъ изъ нихъ (извѣстны пока 20) каменныхъ бабъ.

Этого рода курганы извѣстны пока главнымъ образомъ въ Старобѣльскомъ, Купянскомъ, Изюмскомъ уѣздахъ. Не менѣе интересный матеріалъ можно ожидать въ курганахъ *славянскихъ*, въ сѣверной части губерніи (уѣздахъ Сумскомъ, Лебединскомъ, Ахтырскомъ); аналогію предполагаемаго содержимаго этихъ кургановъ можно найти въ предметахъ кургановъ бывшаго Переяславскаго княжества. Можно ожидать въ этой части губерніи нахожденія и кургановъ каменнаго вѣка, хотя пока извѣстны лишь стоянки; въ этихъ курганахъ съ погребеніемъ—покойникъ лежитъ глубоко, на боку, со скорченными ногами; кости его окрашены охрой. Въ сѣверной области возможно нахожденіе небольшихъ кургановъ, съ покойникомъ на незначительной глубинѣ, на подсыпкѣ бѣлаго вещества; равно возможно, но только случайно, нахожденіе не въ курганахъ—ящиковъ изъ плитъ, покрытыхъ плитами, съ сосудами, заключающими въ себѣ жженныя кости, угли, отъ 2 до 10 каменныхъ орудій и полированные топоры. При наличности стоянокъ каменнаго вѣка, возможно нахожденіе кургановъ этого времени.

Что касается кургановъ такъ называемыхъ *скиѳскихъ*, то желательно, по мнѣнію докладчика, установленіе ихъ сѣверной границы: раскопки же ихъ стоятъ, при ихъ громадной величинѣ, весьма дорого и требуютъ много времени; составъ же вещей, находимыхъ въ нихъ, типъ погребенія, устанавливаемый ими, уже достаточно извѣстенъ въ научной литературѣ. Послѣ замѣчаній проф. Д. И. Багалѣя о томъ, что историческія данныя идутъ въ параллель съ данными археологическими, была выражена благодарность почтенному докладчику и постановлено: просить проф. В. Б. Антоновича и г-жу Е. Н. Мельникъ принять на себя трудъ производства раскопокъ въ Старобѣльскомъ и Купянскомъ уѣздахъ; въ помощь къ нимъ командировать проф. Е. К. Рѣдина, проф. В. И. Савву и г. г. Е П. Трифильева, Н. А. Ѳеодоровскаго; а въ Изюмскомъ уѣздѣ проф. А. М. Покровскаго, для сл. Райгородки Н. А. Ѳеодоровскаго.

Для изученія архивовъ рѣшено командировать въ Харьковскую губ. Д. П. Миллера, Е. М. Иванова, М. М. Плохинскаго. Для собиранія этнографическаго матеріала, составленія инвентаря вещей, необходимыхъ къ пріобрѣтенію для этнографической выставки при съѣздѣ

и для общаго знакомства съ населеніемъ въ этнографическомъ отношеніи рѣшено командировать въ Харьковскій уѣздъ проф. А. Н. Краснова, въ Изюмскій уѣздъ проф. А. М. Покровскаго, въ Старобѣльскій уѣздъ г-жу Е. П. Рудакову, въ Ахтырскій уѣздъ проф. Н. Ѳ. Сумцова.

Для изученія діалектовъ населенія Курской губ. и нѣкоторыхъ памятниковъ древности рѣшено командировать проф. М. Г. Халанскаго; для изученія архивовъ церквей и монастырей Бѣлгорода и Курска—проф. А. С. Лебедева; для изученія древностей церквей Бѣлгорода—проф. Е. К. Рѣдина.

Кромѣ того, еще въ предыдущемъ засѣданіи состоялось постановленіе о командированіи проф. Е. К. Рѣдина въ Харьковскую губ. для изученія церковныхъ древностей.

Для совершенія всѣхъ указанныхъ научныхъ экскурсій рѣшено ходатайствовать предъ московскимъ археологическимъ обществомъ о доставленіи денежныхъ средствъ; а для безпрепятственнаго совершенія ихъ и объ оказаніи помощи и содѣйствія со стороны мѣстнаго свѣтскаго и духовнаго начальства—обратиться съ соотвѣтствующей просьбой къ высокопреосвященнымъ харьковскому, курскому, и начальникамъ губерній харьковской и курской.

Проф. *М. Г. Халанскій* познакомилъ съ своими наблюденіями надъ славянской рукописью, присланной для выставки при археологическомъ съѣздѣ; рукопись XVII в., заключаетъ въ себѣ переводъ твореній Іоанна Дамаскина, сдѣланный княземъ Курбскимъ; переводъ имѣетъ сходство съ тѣмъ, что въ хлудовскомъ спискѣ; рукопись имѣетъ значеніе для критики текста.

Проф. *Е. К. Рѣдинъ* доложилъ о согласіи харьковской духовной консисторіи и канцеляріи попечителя округа—разослать программы комитета всѣмъ священникамъ епархіи и народнымъ учителямъ и учительницамъ Харьковской губ.

Постановлено выразить за это благодарность, равно и лицамъ, приславшимъ комитету предметы для выставокъ при съѣздѣ, при чемъ частью уже пожертвововавшимъ ихъ музею изящныхъ искусствъ при университетѣ. (Харьк. Вѣдом.).

Желая возможно шире распространить свѣдѣнія объ *этнографической выставкѣ*, устраиваемой при съѣздѣ, какъ предварительными комитетами, такъ и отдѣльными лицами, принимающими близкое участіе въ устройствѣ выставки, время отъ времени помѣщаются въ мѣстныхъ газетахъ статьи, предназначенныя для широкой публики,

гдѣ указываются значеніе и цѣли выставки и способы ея осуществленія. Обращеніе за помощью къ обществу—единственный надежный путь, ведущій къ цѣли; только при широкомъ участіи общества, особенно тѣхъ представителей его, которымъ часто приходится наблюдать народную жизнь, имѣть близкія сношенія съ народомъ,—и можно положить начало этому вообще новому у насъ дѣлу, а по отношенію къ Украинѣ—первому опыту.

Въ газетѣ „Южный Край", отъ 5-го іюня, проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ помѣщена обширная статья по вопросу о выставкѣ, гдѣ, между прочимъ, высказываются нижеслѣдующія соображенія. «Устройство этнографической выставки—предпріятіе настолько трудное, сложное и хлопотливое, что невольно возникаютъ сомнѣнія, «unde ingenium par materiae»?—по силамъ ли задача? Но съ другой стороны, было бы чрезвычайно жаль упустить исключительно благопріятный моментъ—археологическій съѣздъ въ Харьковѣ, моментъ, когда могутъ быть созданы новые научные интересы, и къ поддержанію ихъ могутъ быть привлечены новыя нравственныя и матеріальныя средства. Харьковскому комитету, въ числѣ другихъ его трудныхъ и многосложныхъ задачъ, прійдется считаться съ живой народной стариной и позаботиться о приведеніи ея въ извѣстность. Большая трудность широкой постановки этнографической выставки обусловлена тѣмъ, что вездѣ и во всемъ нужно работать заново, собирать впервые матеріалы и при этомъ вырабатывать попутно самые пріемы и методы реальной этнографіи, отрасли знанія, у насъ еще совершенно новой. Есть у насъ описательная этнографія; есть небольшіе опыты сравнительной этнографіи, захватывающіе и мѣстные матеріалы; но гдѣ у насъ собраніе вещественныхъ памятниковъ народнаго быта? гдѣ коллекціи рисунковъ и моделей жилищъ, одежды, дѣтскихъ игрушекъ, свадебныхъ караваевъ и шишекъ, обрядовыхъ весенних игръ и проч.? Такихъ коллекцій нѣтъ нигдѣ, ни въ музеяхъ, ни въ собраніяхъ частныхъ лицъ. А между тѣмъ, такія коллекціи имѣли бы и научный, и живой общественный интересъ. Старина и даже глубокая древность вовсе не такъ далеки, какъ это можетъ казаться. Возьмите въ руки глиняныя дѣтскія свистульки или пастушьи свирѣли, и вы будете имѣть параллель къ ассирійскимъ и египетскимъ древностямъ. Войдите въ курную лѣсную сторожку, безъ трубы, съ очагомъ въ углу на землѣ, и вы имѣете передъ собой одну изъ первыхъ стадій древне-славянскаго жилища. Но вотъ сосѣдняя хата,

чисто выбѣленная, съ кирпичнымъ поломъ, съ изразцовой печкой, съ рѣзнымъ сволокомъ—это ужъ хата XVII столѣтія, съ очевидными нѣмецкими культурными вліяніями, что обнаруживается изъ такихъ названій, какъ грубка (Grube—яма, потомъ печь), ганокъ (Gang—ходъ), шибка (Scheibe,—стекло въ окнѣ), комора (Kammer) и др. И тутъ же рядомъ можетъ быть XIX столѣтіе въ видѣ домика подъ желѣзной крышей, съ занавѣсками, цвѣтами на окнахъ и стѣнными часами. И такъ во всемъ, въ одеждѣ, орудіяхъ, повѣрьяхъ, обрядахъ—вездѣ обнаруживаются разные слои культуры, разныя наслоенія; вѣка древніе стоятъ рядомъ съ вѣками новыми; но новизна уже сильно тѣснитъ и стираетъ старину, и съ каждымъ годомъ новизна одерживаетъ все большія и большія побѣды, благодаря громадному содѣйствію торговли и промышленности. Старое, доморощенное, иногда прочное и красивое, исчезаетъ подъ напоромъ новаго, привозного, болѣе дешеваго, подчасъ гнилого и фальшиваго»

—

Для выставокъ при съѣздѣ и для музея изящныхъ искусствъ и древностей при Харьковскомъ университетѣ продолжаютъ поступать различные предметы. Изъ послѣднихъ поступленій упомянемъ о нѣкоторыхъ предметахъ старины: серьги, пожертвованныя г-жей А. В. Стороженко; бумажникъ, вышитый гладью, 1798 г.—отъ П. В. Иванова, картина масляными красками съ изображеніемъ бандуриста—отъ г-жи Т. К. Гавриловой, и т. п.

Засѣданія обществъ.

6-го іюня состоялось засѣданіе *Комиссіи по описанію и изданію памятниковъ мѣстной старины* подъ предсѣдательствомъ проф. В. Б. Антоновича, предсѣдателемъ было доложено, что Московскимъ Археологич. Обществомъ присланы деньги на расходы во время экскурсій лицъ, изъявившихъ желаніе совершить таковыя въ теченіе настоящаго лѣта (см. «Лѣтопись», іюнь,—засѣданіе Комиссіи 3-го мая), но еще не присланы программы отъ того-же общества и «метрики» изъ Имп. Археологической Комиссіи. На этомъ-же засѣданіи многіе изъ лицъ, обѣщавшихъ отправиться въ экскурсію, заявили, что въ виду небольшого времени, имѣющагося въ распоряженіи на подготовку

къ экскурсіямъ, они не считаютъ возможнымъ начать описаніе памятниковъ на мѣстѣ, такъ какъ не собраны и не обработаны еще и относящіеся сюда матеріалы, имѣющіеся въ литературѣ. Въ результатѣ, изъ 17-ти лицъ, отправляются въ экскурсіи лишь 3: о. Е. Сѣцинскій—по Подольской губерніи, О. А. Фотинскій—по Волыни и Н. Ф. Бѣляшевскій—по Кіевской губ.

---

22 мая было *засѣданіе церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи.* Въ виду предположенныхъ причтомъ Кіево-Андреевской церкви работъ по укрѣпленію холма, на которомъ основана эта церковь, и придавая особое значеніе сохранности этого сооруженія, г. кіевскій губернаторъ Ѳ. Ѳ. Треповъ образовалъ техническую комиссію подъ предсѣдательствомъ кіевск. губ. инженера В. А. Безсмертнаго, и просилъ церковно-археологическое общество назначить въ составъ этой комиссіи представителя церковно-археологическаго общества. Такимъ представителемъ общество назначило профессора С. Т. Голубева, въ послѣднее время спеціально изучавшаго вопросъ о мѣстоположеніи Андреевской церкви.

Изъ новыхъ поступленій въ музей Общества заслуживаютъ вниманія кирпичи, цѣнныя плитки и куски мозаики и фресокъ изъ недавно открытыхъ развалинъ древней церкви въ г. Гадячѣ, Полтавской губ., и нѣсколько такихъ-же предметовъ изъ древней церкви Гнилецкаго монастыря у с. Лѣсниковъ, Кіевскаго у.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки могильника у д. Богданова, Глуховскаго у. Черниговской губ. У. д. Богданова, въ 8-ми верст. отъ г. Глухова, въ полуверстѣ отъ господской усадьбы, находится небольшой курганный могильникъ, въ настоящее время, благодаря распашкѣ, почти совсѣмъ сравнявшійся съ землей. Желая изслѣдовать этотъ памятникъ старины до его полнаго уничтоженія, владѣлецъ Богданова А. П. Литвиновъ предложилъ мнѣ произвести раскопку кургановъ. Въ среднихъ числахъ іюня мной, совмѣстно съ А. Н. Малинкой, и были произведены раскопки, краткія предварительныя свѣдѣнія о которыхъ состоятъ въ слѣдующемъ.

Могильникъ лежитъ на возвышенности, составляющей правый берегъ рѣчки Вербовки, до которой отъ могильника не болѣе полуверсты. На лѣвомъ, также возвышенномъ, берегу рѣчки расположено село Полошки, и съ могильника открывается прекрасный видъ на село. Площадь могильника окружена съ трехъ сторонъ лѣсомъ (кромѣ сѣверо-восточной, гдѣ спускъ къ рѣкѣ); лѣтъ 50 тому назадъ и самъ могильникъ былъ занятъ лѣсомъ, какъ объ этомъ разсказываютъ старики и какъ это видно на старомъ планѣ Богдановскаго имѣнія.

Въ настоящее время курганы, какъ уже упомянуто, сильно распаханы и ихъ едва можно примѣтить; одинъ курганъ болѣе или менѣе представлялъ замѣтную возвышенность, будучи высотой около метра, остальные-же, очень немногіе, положеніе которыхъ удалось установить, имѣли высоту, немногимъ превышающую $^1/_2$ метра; по разсказамъ стариковъ, въ прежнее время курганы достигали высоты двухъ аршинъ. Благодаря той-же распашкѣ, несомнѣнно измѣнилась и форма кургановъ: теперь это плоскія, расплывчатыя возвышенности, 40—50 шаговъ окружностью, у которыхъ поперечная кривая почти совпадаетъ по величинѣ съ діаметромъ.

Могильныя насыпи настолько незначительны, что, приступая къ раскопкамъ, за исключеніемъ одного кургана, трудно было быть увѣреннымъ, дѣйствительно-ли начинаешь раскапывать могилу и правильно-ли опредѣленъ центръ ея. Вслѣдствіе этого, пришлось ограничиться раскопкой всего четырехъ возвышенностей, изъ которыхъ три, лежащія поблизу одна отъ другой на разстояніи 10-ти—15-ти шаговъ, дѣйствительно оказались могилами, четвертая-же, взятая немного въ сторонѣ отъ предыдущихъ, кромѣ нѣсколькихъ пережженныхъ косточекъ не дала ничего, вслѣдствіе чего очень вѣроятно, что могила лежала гдѣ-то далѣе отъ раскопаннаго мѣста.

Число кургановъ, при теперешнемъ состояніи могильника трудно, почти невозможно, опредѣлить: кромѣ трехъ раскопанныхъ, замѣтно было еще 3—4 возвышенности, по словамъ-же мѣстныхъ людей, кургановъ въ прежнее время было до 12-ти.

Раскопки производились колодцами, діаметр. въ 4—5 метровъ, и дали во всѣхъ трехъ случаяхъ аналогичные результаты: начиная съ глубины 40—50 стм. въ различныхъ частяхъ, особенно же у центровъ, начали встрѣчаться пережженныя человѣческія кости, очень измельченныя; встрѣчались онѣ или спорадически, или небольшими скопленіями. Такой пластъ чернозема съ костями шелъ до глубины

90 стм.—1 метра, далѣе залегалъ черноземъ съ примѣсью глины, а еще ниже—чистая глина; два послѣднихъ слоя имѣли характеръ непорушенной земли. Кромѣ пережженныхъ костей, наряду съ ними, встрѣчались черепки отъ сосудовъ, сравнительно хорошей выдѣлки, но не съ равномѣрнымъ обжигомъ и повидимому приготовленныхъ безъ гончарнаго круга. Кости и черепки—главное содержаніе культурнаго пласта; кромѣ нихъ, встрѣчены еще небольшіе кусочки угля, обломки бронзовыхъ колецъ и пластинокъ, кусочекъ бронзоваго сплава, часть желѣзнаго ножика и глиняная пряслица. Въ одномъ случаѣ (курганъ № 3) у края колодца обнаружены 2 сосуда, раздавленные землей, сравнительно большихъ размѣровъ; въ одномъ изъ нихъ помѣщался большой кусокъ угля.

Какъ въ общемъ ни незначительны находки, но онѣ позволяютъ вполнѣ возстановить типъ погребенія даннаго могильника. Нахожденіе пережженныхъ человѣческихъ костей указываетъ на сожженіе; отсутствіе на мѣстѣ большой массы углей, которые непремѣнно остались-бы отъ погребальнаго костра, говоритъ за то, что сожженіе происходило гдѣ-то въ сторонѣ отъ могильника. Послѣ сожженія, оставшіяся кости, пепелъ и уцѣлѣвшія отъ огня части предметовъ переносились на мѣсто могильника, клались прямо на поверхность земли, или, б. м., на небольшой точекъ, возлѣ этихъ остатковъ ставились сосуды, б. м., съ пищей, въ одинъ сосудъ помѣщались угли отъ погребальнаго костра, и надъ всѣмъ этимъ насыпался небольшой холмъ. Очень интересной ритуальной особенностью здѣсь является сосудъ съ углемъ отъ костра.

Всѣ вышеизложенныя обстоятельства не оставляютъ никакого сомнѣнія въ вопросѣ о принадлежности Богдановскаго могильника: могильникъ—славянскій, датируемый IX—X вв.

Н. Б.

—

Раскопки на мѣстѣ неолитическаго поселенія съ керамикой дожикенскаго типа у. с. Колодистаго, Звенигородскаго уѣзда Кіевской губ. Будучи очень заинтересованъ въ выясненіи различныхъ сомнительныхъ вопросовъ, на которые бывшія до сихъ поръ раскопки «площадокъ трипольской культуры» не дали пока отвѣта, а также желая хотя отчасти помочь въ этомъ дѣлѣ уважаемому Ѳ. К. Волкову, такъ ревниво относящемуся ко всѣмъ находкамъ доисторической культуры на нашемъ югѣ, умѣющему оцѣнить ихъ и страстно доби-

вающемуся истины, я охотно принялъ предложеніе В. Н. Доманицкаго произвесть раскопки на площадкахъ у с. Колодистаго, открытіемъ которыхъ мы обязаны ему-же. Раскопки производились въ 20-хъ числахъ іюня; къ этому-же времени прибылъ въ Колодистое членъ Имп. Археолог. Комиссіи А. А. Спицынъ съ той-же цѣлью—на мѣстѣ, путемъ раскопокъ, разъяснить, наконецъ, что такое представляютъ изъ себя пресловутыя «площадки»? Къ сожалѣнію и А. А. Спицынъ, и я располагали очень незначительнымъ временемъ, но и при такомъ положеніи все таки удалось добыть нѣкоторые положительные результаты.

Не сомнѣваясь, что А. А. Спицынъ своевременно подѣлится съ публикой своими наблюденіями, въ нижеслѣдующихъ бѣглыхъ наброскахъ я буду говорить лишь о моихъ раскопкахъ.

Мѣсто раскопокъ было выбрано на возвышенности, окаймленной съ одной стороны р. Гнилымъ Тикичемъ, а съ другой—ручьемъ Колодистымъ, впадающимъ въ этомъ мѣстѣ въ Тикичъ. Здѣсь въ прошломъ году В. Н. Доманицкимъ была уже раскопана одна площадка; рядомъ съ ней при помощи щупа опредѣлено присутствіе другой и начаты раскопки. Характеръ мѣстности, гдѣ лежитъ площадка—небольшая покатость къ р. Колодистому. При производствѣ раскопокъ имѣлась въ виду инструкція Ѳ. К. Волкова, помѣщенная выше, но на практикѣ пришлось сдѣлать отъ нея нѣкоторыя отступленія; въ общемъ-же, инструкція сослужила большую службу. Во все время раскопокъ, въ нужныхъ моментахъ, пускалась въ ходъ фотографія, и я вполнѣ согласенъ съ Ѳ. К. Волковымъ, что въ каждый рисунокъ всегда привносится извѣстная доля фантазіи, фотографія-же является надежнымъ и, прибавимъ, необходимымъ помощникомъ каждаго, кто занимается раскопками.

Опредѣливши щупомъ границы площадки, приступлено было къ снятію верхняго слоя почвы, толщиной въ среднемъ въ $^1/_2$ метра; работу эту производили рабочіе, однако съ той предосторожностью, чтобы съ площадки снималась не вся земля, а оставался небольшой слой—это легко было дѣлать, пуская въ ходъ щупъ. Дальнѣйшая очистка отъ земли производилась уже маленькими лопатками, лично мной, а также В. Н. и П. Н. Доманицкими, принимавшими самое горячее участіе и въ дальнѣйшей работѣ, благодаря чему и работа двигалась быстрѣе. Мнѣ кажется, что вообще при раскопкахъ площадокъ, если можно думать, что онѣ не испорчены (плугомъ, рытьемъ), необходимо примѣнить такую очистку и пустить въ дѣло не рабочихъ,

а отчищать самолично, или опытными рабочими,—въ данномъ случаѣ этотъ моментъ работы можно сравнить съ очисткой костяка въ могилѣ.

Благодаря тщательной очисткѣ, при которой всѣ предметы, находившіеся сверху, остались на своихъ мѣстахъ, площадка предстала въ томъ видѣ, въ какомъ была вѣроятно оставлена нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, измѣнивъ лишь немного, благодаря дѣйствію времени, свой внѣшній видъ. Это былъ четыреугольникъ, 12 метр. длиной и $4^1/_2$—5 м. шириной, расположенный въ длину съ в. в. с. на з. з. ю. (къ р. Колодистому); края четыреугольника не составляли прямыхъ линій, что по всей вѣроятности зависитъ отъ разрушенія площадки временемъ.

Верхъ площадки представлялъ изъ себя бугристую поверхность, состоящую частью изъ комьевъ пережженной глины, частью изъ кирпичныхъ плитокъ неправильной формы, расположеніемъ своимъ очень напоминавшихъ растрескавшійся и покоробившійся ледъ.

Въ различныхъ мѣстахъ на поверхности лежали черепки отъ сосудовъ (м. п. отъ двойного), цѣлые сосуды (горшочекъ и перевернутая вверхъ дномъ плошка), большіе камни съ одной сглаженной поверхностью (одинъ на самой площадкѣ, другой немного въ сторонѣ) и полировочные небольшіе камни; тутъ же на поверхности найдена одна миніатюрная кремневая стрѣлка треугольной формы, $1^1/_2$ стм. высотой.

Послѣ нанесенія на планъ и снятія фотографіи съ обнаруженной площади, было приступлено къ разборкѣ и изслѣдованію того пласта, изъ котораго она состояла. Здѣсь въ особенности требуется внимательность и осторожность, дѣло касается конструкціи сооруженія, а это нужно имѣть на первомъ планѣ,—добыча въ видѣ сосудовъ и другихъ предметовъ должна быть второстепеннымъ дѣломъ. Разработка данной площади заняла 5 дней усиленной работы и въ результатѣ дала возможность, если не вполнѣ опредѣлить характеръ сооруженія, то во всякомъ случаѣ близко подойти къ цѣли.

Въ вертикальномъ разрѣзѣ пластъ состоялъ изъ кирпичныхъ плитокъ и кусковъ пережженной глины, на которыхъ иногда были отпечатки въ видѣ продольныхъ полосъ—широкихъ и узкихъ, круглыхъ и съ прямыми и косыми углами; обжигъ этихъ кусковъ глины очень неравномѣренъ—начиная отъ самаго незначительнаго, давшаго

пористую массу чернаго цвѣта, легко разламываемую руками, и кончая кирпичнымъ стекловиднымъ шлакомъ, очень большой крѣпости.

Въ большинствѣ случаевъ кирпичныя плитки были смѣшаны съ комьями глины въ безпорядкѣ: лежали сверху, между и подъ ними, въ горизонтальномъ, вертикальномъ и косомъ направленіяхъ; пустота между плитками и глиной были заполнены землей, измельченной обожженной глиной, и изрѣдка кусками пережженнаго камня. Слой этотъ былъ отъ 20 до 30 стм. толщиной, спорадическіе-же кусочки обожженной глины, шли иногда до глубины 65—70 стм., залегая въ почвенной желтоватой глинѣ. Въ слоѣ, въ разныхъ частяхъ площадки встрѣчались черепки, цѣлые и распавшіеся сосуды, камни съ сглаженной поверхностью и кусочки костей, преимущественно пережженныхъ.

Вышеописанное состояніе культурнаго пласта пока не давало мѣста никакимъ заключеніямъ. Но на разстояніи $3^1/_2$ метр. отъ западнаго края площадки, въ лѣвой ея части, подъ этимъ слоемъ впервые встрѣтился нетронутый слой почти необожженной растрескавшейся глины, представлявшій изъ себя гладко смазанный точекъ (по выраженію рабочихъ— «чирипь» —подъ печи); слой этой смазки имѣлъ 5 стм. толщины; подъ нимъ шла непорушенная почва.

Осторожно разбирая пластъ обожженной глины и плитокъ, лежащій подъ смазкой, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно было констатировать еще несдвинувшіеся съ мѣста и неперемѣшанные куски этого пласта, и здѣсь порядокъ залеганія слоевъ, составлявшихъ пластъ, былъ слѣдующій: сверху—плитки, толщиной въ 5 стм., далѣе слой хорошо обожженной глины, толщиной въ 15 стм., также гладко смазанный сверху и растрескавшійся, подъ этимъ слоемъ—вторая смазка, о которой говорено выше, составлявшая основу пласта.

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи верхняго пласта до конца площадки можно было еще установить, что: 1) верхнія плитки иногда шли въ два ряда, 2) толстый промежуточный слой глины въ самомъ низу, непосредственно надъ первоначальной смазкой, заключали куски съ отпечатками, прилегавшими къ смазкѣ и 3) между смазкой и слоемъ обожженной глины, а иногда между этимъ слоемъ и плитками изрѣдка встрѣчались черепки отъ посуды.

Что касается плитокъ, то они встрѣчены разной толщины: 1,8—$2^1/_2$—$3^1/_2$—$4^1/_2$—5 стм.; у иныхъ изъ нихъ обѣ поверхности совершенно гладки, у другихъ—одна гладкая, другая-же хотя и ровная,

но шероховатая; обжигъ почти всегда очень хорошій—разбить плитку можно только молоткомъ; въ изломѣ, какъ и сверху, плитки различныхъ оттѣнковъ краснаго цвѣта; приготовлены изъ хорошо размѣшанной глины.

Второй слой—обожженная глина разной консистенціи; въ нетронутыхъ мѣстахъ слой представлялъ изъ себя довольно компактную массу краснаго цвѣта, отъ напора лопатки разсыпавшуюся на довольно крупные куски; этотъ слой хорошо обожженъ—иногда до степени шлака, но, матеріалъ, его составляющій, повидимому, не подвергался предварительной обработкѣ—не былъ измельченъ, размѣшанъ.

Послѣдній слой—смазка—иногда совсѣмъ не обожженъ, иногда обожженъ очень слабо, легко разламывается руками, въ изломѣ даетъ черную, пористую массу.

Тотъ «чирипь», о которомъ упоминалось выше, занималъ площадь въ квадратный метръ; стороны его не имѣли правильныхъ очертаній и непосредственно сливались съ землей,—несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло лишь съ частью болѣе обширнаго смазаннаго пространства, которое отъ времени разрушилось. На разстояніи $4\frac{1}{2}$ м. отъ западнаго края площадки, съ правой стороны ея, открыта снова небольшая часть обмазки.

Подвигаясь далѣе, на разстояніи 8-ми метр. отъ того-же края, посреднѣ площадки обнаруженъ уступъ, имѣющій видъ ступеньки, сдѣланный изъ слабо обожженной глины; уступъ, какъ и предыдущая смазка, лежалъ подъ слоями плитокъ и обожженной глины. Направленіе уступа—с. с. з.—ю. ю. в.—совершенно перпендикулярное направленію площадки; длина сохранившейся части уступа (концы его не имѣли правильной отдѣлки)—1, 60 стм., ширина 23 стм., толщина 8 стм. По отношенію къ раньше открытой смазкѣ уступъ лежалъ выше ея на 15 стм.

Еще далѣе на 2,45 м.—новый уступъ въ лѣвой части площадки, по направленію параллельный первому. Этотъ уступъ составлялъ край довольно большой площади смазки, шедшій далѣе къ восточному краю площадки; какъ уступъ, такъ и смазка покрыта сверху такими-же слоями плитокъ и глины. Уступъ длиной 1 м., лѣвый край его разрушенъ, правый-же закругленъ, и въ этомъ мѣстѣ ширина уступа 35 стм. при толщинѣ 8—9 стм.; отъ этого мѣста уступъ, все время окаймляя смазку, послѣ новаго закругленія принимаетъ направленіе въ. в. с. и на разстояніи 1,40 м. соединяется съ новымъ уступомъ,

занимающимъ уже среднюю часть площади и идущимъ на протяженіи 1,40 м. параллельно предыдущимъ, т. е. поперекъ площадки. Второй уступъ выше перваго на 22 стм., а третій выше второго на 15 стм.

За третьимъ уступомъ культурный слой продолжался не болѣе, какъ на 1 метръ и площадка оканчивалась.

Вотъ тѣ наблюденія, касающіяся конструкціи сооруженія, которыя дала раскопка *одной лишь площадки*.

Добытые факты не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ поломъ, или правильнѣе, съ наслоеніями нѣсколькихъ половъ древняго жилища. Эти-же факты даютъ возможность болѣе или менѣе правдоподобно возстановить и процессъ устройства пола—единственной, дошедшей до насъ части жилища. Выбиралось мѣсто, поверхность земли немного расчищалась и выравнивалась и затѣмъ смазывалась глиной. Въ настоящемъ случаѣ мѣстность была выбрана съ небольшимъ уклономъ и вслѣдствіе этого основаніе жилища пришлось разбить поперекъ на нѣсколько частей и устроить уступы иногда съ выгибами, о которыхъ говорилось выше. Слѣдующій моментъ работы еще достаточно не выясненъ,—имѣемъ въ виду непосредственно прилегавшіе къ обмазкѣ куски обожженной глины съ отпечатками въ видѣ полосъ. При раскопкахъ А. А. Спицына былъ открытъ правильный рядъ такихъ отпечатковъ, доходившихъ въ ширину, если не ошибаемся, до 12—13 стм., и ихъ съ большой долей вѣроятности можно принять за отпечатки расколотаго и уложеннаго рядомъ дерева, а также и вѣтокъ; такимъ образомъ, можно предположить, что смазка покрывалась слоемъ дерева, на которое затѣмъ накладывался пластъ глины, толщиной 10—12 стм.; пластъ этотъ выравнивался, смазывался и подвергался сильному обжиганію, вслѣдствіе чего истлѣвалъ и слой дерева и отчасти обжигалась и первая нижняя смазка. Послѣдующая стадія—этотъ пластъ покрывался гораздо болѣе тонкимъ слоемъ хорошо размѣшанной глины, который снова обжигался; впослѣдствіи этотъ слой растрескался на неправильной формы куски, которые я называлъ плитками. И этотъ слой, въ свою очередь, иногда былъ покрытъ другимъ тонкимъ, также хорошо обожженнымъ слоемъ, давшимъ такія-же плитки, но факта покрытія новымъ слоемъ въ данномъ случаѣ съ точностью нельзя было установить.

Вскрытое мной сооруженіе повидимому является простѣйшимъ видомъ, здѣсь культурный слой достигалъ не болѣе какъ 30—40 стм; въ другихъ случаяхъ, какъ напр. у Триполья, онъ былъ гораздо большей мощности; реставрировать конструкцію сооруженія здѣсь было легче, но и тутъ выдвигаются нѣкоторые вопросы, отвѣтить на которые пока трудно, напр.: устраивались-ли эти напластованія пола одновременно, въ одинъ пріемъ, или изношенный полъ чинился путемъ новой обмазки и обжиганія въ послѣдующее время, чрезъ болѣе или менѣе длинные промежутки времени? Выступаютъ и болѣе существенные вопросы: каковы были стѣны и крыша даннаго сооруженія—глинобитныя, изъ обмазаннаго хвороста или изъ дерева? каково было расположеніе жилищъ—рядами-ли или кругами? каково количество жилищъ, составлявшихъ одно поселеніе? и т. п. На эти вопросы несомнѣнно дадутъ отвѣты дальнѣйшія *систематическія* раскопки, веденныя, какъ справедливо требуетъ этого Ѳ. К. Волковъ, съ необходимой научной точностью.

При изслѣдованіи даннаго основанія жилища найдено было болѣе 20-ти сосудовъ, какъ цѣлыхъ, такъ преимущественно распавшихся, кромѣ того, много черепковъ отъ сосудовъ. Сосуды эти требуютъ еще очистки, склейки и систематизаціи по выдѣлкѣ и формамъ. На основаніи поверхностныхъ наблюденій посуду можно раздѣлить на три сорта: 1) тонкая хорошаго обжига, преимущественно въ формѣ горшковъ разной величины, нерѣдко украшенная росписью черной краской въ видѣ параллельныхъ полосокъ, толстыхъ полосъ съ завитками и рѣшетчатаго орнамента, 2) съ толстыми стѣнками (до 1 стм.), сѣраго цвѣта въ изломѣ, замѣчательно плотнаго обжига, форма—главнымъ образомъ миски, плошки и двойники, 3) всего только нѣсколько черепковъ—пористая, слабаго обжига, съ выдавленнымъ по сырой глинѣ орнаментомъ, вполнѣ напоминающая посуду изъ извѣстныхъ стоянокъ неолитическаго періода (какъ дюнныхъ, такъ и не дюнныхъ).

Что касается мѣстъ нахожденія посуды, то, какъ уже сказано, она встрѣчена на поверхности, въ смѣшанномъ слоѣ обожженной глины и даже (одинъ горшочекъ) подъ этимъ слоемъ; бывало и такъ, что верхняя часть сосуда находилась на поверхности, нижняя-же, отломившаяся, залегала гораздо ниже. Во всѣхъ случаяхъ, когда посуда находилась въ слоѣ пережженной глины, слой этотъ потерялъ свою первоначальную консистенцію; послѣдовательные пласты, наблюдаемые въ нетронутыхъ мѣстахъ, были перемѣшаны, лежали въ безпо-

рядѣ. Все это даетъ право положительно утверждать, что первоначально, когда основаніе жилища еще не подверглось разрушенію, *вся сосуды, какъ и другіе предметы, находились на поверхности* и только впослѣдствіи попали въ слой обожженной глины и даже подъ него.

Какимъ-же путемъ произошло такое перемѣщеніе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ послужитъ также отвѣтомъ и на то, почему пласты въ непотонутомъ состояніи сохранились лишь въ видѣ незначительныхъ оазисовъ, повсюду-же были разрушены, а также, почему кусочки обожженной глины встрѣчались гораздо ниже линіи культурнаго слоя, спускаясь иногда до глубины 70-ти стм. Раскопки объяснили причину: разрушеніе площадки произведено малыми и большими грызунами, проводившими въ теченіе тысячелѣтій норы и ходы къ нимъ подъ основаніемъ жилища; ходы заваливались, трескался и опускался и полъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все, помѣщенное сверху; во время раскопокъ, разбирая пластъ, то и дѣло приходилось наталкиваться на такія норы, еще незаваленныя землей; нѣкоторыя изъ нихъ были до 15 стм. діаметромъ, шли они въ разныхъ направленіяхъ; въ двухъ случаяхъ можно было наблюдать, какъ плитки и обмазка образовали какъ бы своды надъ норами,—черезъ нѣкоторое время сводики бы обвалились и произошли бы перемѣщенія и сдвиги слоевъ.

Кромѣ посуды, культурный слой далъ нѣсколько камней (преимущественно гранитъ) съ одной сглаженной поверхностью, служившихъ для растиранія зеренъ или для шлифовки каменныхъ орудій. Камни круглой и овальной неправильной формы, нѣкоторые изъ нихъ были до $^1/_2$ метра длиной; какъ ни бережно вынимались камни, они обыкновенно на воздухѣ распадались на нѣсколько кусковъ.

Изъ органическихъ остатковъ найдена всего лишь одна фаланга быка, нѣсколько мелкихъ необожженныхъ костей и сравнительно больше обожженныхъ, наконецъ, раковина Unio pictorum. Нигдѣ не найдено ни кусочка угля.

На этомъ заканчиваю настоящій краткій отчетъ о раскопкахъ. Продолжать раскопки у Колодистаго будетъ В. Н. Доманицкій, и можно надѣяться, что его изысканія послужатъ къ еще большему выясненію конструкціи данныхъ сооруженій, такъ и другихъ деталей.

Н. Бѣляшевскій.

Разныя извѣстія.

Находки въ урочищѣ «Церковщина» у с. Лѣсниково, Кіевск. у. Въ «Археолог. Лѣтописи» (іюнь 1899 г.) мы передали содержаніе статьи покойнаго П. А. Лашкарева, посвященной этой мѣстности, гдѣ былъ Гнилецкій монастырь, и гдѣ въ до-татарскій періодъ существовала каменная церковь. П. А. Лашкаревъ высказалъ предположеніе, что церковь существовала и въ литовскій періодъ и окончательно разрушена въ XV вѣкѣ. Послѣ этого, мѣстность, гдѣ былъ Гнилецкій монастырь, принадлежала, въ качествѣ угодія, то кіевскому митрополиту, то Выдубицкому монастырю, пока, наконецъ, не отобрана была при Екатеринѣ II, вмѣстѣ съ другими монастырскими имѣніями, въ казну. Въ 1830-хъ годахъ бывшій настоятель Кіево-Братскаго монастыря и ректоръ кіевской духовной академіи архимандритъ Иннокентій выпросилъ у казны эту мѣстность во владѣніе Братскаго монастыря и предпринималъ нѣкоторыя мѣры для поддержанія пещеры и приведенія самой мѣстности въ порядокъ. Нынѣшній настоятель Братскаго монастыря преосвященный Димитрій задумалъ очистить пещеру, построить небольшой храмъ на мѣстѣ древняго и при немъ жилье для престарѣлыхъ и немощныхъ монаховъ изъ своего монастыря.

Проф. В. З. Завитневичъ, вполнѣ правильно полагая, что при выемкѣ земли подъ фундаментомъ для новой церкви могутъ встрѣтиться остатки старины, испросилъ разрѣшеніе у преосвящ. Димитрія присутствовать при земляныхъ работахъ и о своихъ наблюденіяхъ помѣстилъ замѣтку въ «Кіевлянинѣ» (№ 152), слѣдующаго содержанія. Число найденныхъ предметовъ оказалось не велико, но научная цѣнность ихъ несомнѣнна. Такъ, прежде всего удалось добыть нѣсколько цѣлыхъ кирпичей, изъ которыхъ, какъ есть основаніе думать, построена была древняя церковь; длина кирпича 7 вершк., шир. 5 в., толщина 1 в. Ясно, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ древнѣйшей формой кирпича княжеской эпохи. Затѣмъ, найдено нѣсколько цѣнныхъ плитокъ, которыми, повидимому, вымощенъ былъ полъ церкви; по своему типу онѣ тожественны съ тѣми, которыя открыты были на хорахъ великой лаврской церкви и отличаются отъ нихъ только нѣсколько большимъ объемомъ: каждая сторона нашихъ плитокъ равняется

$3^1/_2$ вершк., онѣ также покрыты цвѣтною глазурью; глазурь нашихъ плитокъ желтаго и темно-коричневаго цвѣта. Найдено, далѣе, нѣсколько кусковъ фресковой штукатурки краснаго, желтаго, темно-синяго, зеленаго и свѣтло-голубого цвѣта; слѣдовъ орнамента на штукатуркѣ не видно; только на нѣкоторыхъ кускахъ замѣтны слѣды ясно очерченной каймы. Найдена, наконецъ, узкая оловянная, пробитая желѣзнымъ гвоздемъ, полоска, подобная той, какая раньше здѣсь-же встрѣтилась покойному проф. П. А. Лашкареву. Наша полоска служила, повидимому, для скрѣпленія какого-то шва. Оказалось также при выемкѣ земли много человѣческихъ костей, но безъ гробовъ и безъ слѣдовъ погребальныхъ ямъ. Кости эти, при внимательномъ изслѣдованіи ихъ положенія, не производятъ, однако-же, впечатлѣнія случайно набросаннаго мусора: большею частью это болѣе или менѣе цѣльные костяки, которымъ недостаетъ лишь нѣкоторыхъ частей, напримѣръ, головъ, рукъ и др. членовъ, находимыхъ тутъ-же по сосѣдству. Вообще, наблюдатель выноситъ такое впечатлѣніе, что эти кости принадлежатъ людямъ разныхъ половъ и возрастовъ, погибшихъ во время какой-то катастрофы, правдоподобнѣе всего войны.

Вотъ и все, что вынуто было въ моемъ присутствіи изъ земли. Находки эти въ количественномъ отношеніи незначительны; но онѣ цѣнны въ томъ отношеніи, что, независимо отъ свидѣтельства письменныхъ источниковъ, даютъ основаніе для несложнаго, но вполнѣ точнаго вывода. Именно, онѣ свидѣтельствуютъ, что этотъ, теперь глухой и забытый, уголокъ въ до-татарскую эпоху былъ предметомъ особаго вниманія и любви кіевлянъ и что здѣсь сооружена была каменная церковь, полъ которой былъ устланъ цепинными плитками, а стѣны были расписаны фресками.

Новая церковь строится на мѣстѣ старой, которая сооружена была въ центрѣ сравнительно незначительной площадки, какъ вѣнцомъ окруженной высокимъ подъемомъ горъ, покрытыхъ въ настоящее время вѣковымъ лѣсомъ. Ходъ на эту площадку идетъ съ востока, отъ Днѣпра, который въ этомъ мѣстѣ приблизительно на полверсты удаляется отъ своего естественнаго крутого берега и на пологіе, покрытые зеленою муравою, берега котораго съ высотъ урочища открывается очаровательный видъ. При движеніи названнымъ ходомъ на площадку, съ правой стороны, надъ прудомъ, наблюдается крутой подъемъ, на склонѣ котораго виднѣются какъ-бы двѣ норы, это ходы въ пещеры: одинъ съ юго-западной, другой—съ юго-восточной сто-

роны. Пещеры эти въ настоящее время еще мало расчищены и потому невполнѣ доступны изслѣдованію. Но то, что доступно наблюденію, даетъ основаніе предполагать, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ цѣлою, довольно сложною, системою пещеръ, расположенныхъ къ тому-же въ два яруса одинъ надъ другимъ. Въ расчищенной части пещеръ открыты три келіи съ лежанками въ двухъ изъ нихъ и церковь. При выемкѣ земли для церкви посрединѣ вставленъ былъ сплошной столбъ, который, на высотѣ въ поясъ человѣка, прорѣзанъ накрестъ двумя траншеями (одна широкая, другая узкая); образовавшіеся по угламъ четыре столба съ потолкомъ составили такимъ образомъ естественный киворій надъ престоломъ. Стѣны пещеръ испещрены въ позднѣйшее время проникавшими въ нихъ посѣтителями. Но въ кельяхъ и церкви сохранилось на стѣнахъ нѣсколько вырѣзанныхъ крестовъ, несомнѣнно принадлежащихъ древности: кресты четырехконечные, на постаментахъ, вышиною въ $^1/_4$ арш. Надъ верхнею перекладиною, отчетливо начертано уставными буквами: іс. хс. съ титломъ; а на крестѣ въ церкви, подъ поперечною перекладиною, сверхъ того имѣется надпись: ника. Съ этихъ крестовъ необходимо снять фотографическіе снимки.

Изолированность урочища «Церковщина» отъ остального Божьяго міра, какой-то своеобразный шумъ дѣвственнаго лѣса, обиліе въ немъ пернатыхъ обитателей, нашедшихъ здѣсь мирный пріютъ послѣ опустошенія окрестностей, прекрасный видъ съ высоты горъ на Днѣпръ и на Кіево-Печерскую Лавру,—все это на любителя природы производитъ чарующее впечатлѣніе и до нѣкоторой степени объясняетъ причину того, почему этотъ уголокъ сдѣлался предметомъ любви и вниманія нашихъ древнихъ подвижниковъ».

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДАЕТСЯ

во всѣхъ книжныхъ магазинахъ книга *„Драмована Трылогія“ П. А. Кулиша.* Харьковъ. 1900. Ц. 2 руб. безъ пересылки, а съ пересылкой 2 р. 40 коп. Трилогія состоитъ изъ трехъ драмъ: 1) Байда, князь Дм. Вышневецькій; 2) Гетьманъ Петро Сагайдачный; 3) Наказный гетьманъ Северынъ Наливайко.

МУЗЫКАЛЬНАЯ НОВОСТЬ:

Только что вышла изъ печати и поступила въ продажу у **Леона Идзиковскаго въ Кіевѣ.**

УТОПЛЕНА

(*Майська Ничъ*):

Лирычно-фанастычна опера у трёхъ дiяхъ и четырёхъ одминахъ; текстъ по Гоголю склавъ

Мих. Старыцькый,

музыка

М. ЛИСЕНКА.

Цина 4 руб. съ пересылкою 4 руб. 40 коп.

—

Левко (Теноръ). *Галя* (Лиричне-сопрано). *Горпына* (зовыця) (Меццо-сопрано). *Голова* (Спивочный басъ). *Пысарь* (Барытонъ). *Виннык* (2-й басъ). *Каленык* (2-й басъ). *Панночка* (Утоплена). (Драматычне-сопрано). *Русалкы* (Жин. хоръ). *Соцьки* (хоръ).

Парубкы (хоръ) й *дивчата* (хоръ). Справа 1-ой дiи ведется въ сели на Украини, 2-ои дiи въ Головыній хати, 3-ёи дiи коло ставу, поблизу руинъ Сотникового будынку.

Дiеви особы.

ДІЯ ПЕРША.

Интродукція.

1. Хоръ. *Туманъ хвылямы лягае.*
2. Писыня Левка. *Ой, ты мисяцю зоре.*
3. Речитативъ и серенада Левка. *Ниченька спускается.*
4. Арія Левка. *Не лякайся и не гайся.*
5. Кантилена Гали. *Козаченьку мылый.*
6. Дуетъ Левка й Гали. *Дивчыно кохана.*
7. Балляда Левка. *Давно въ тимъ будынку.*
8. Парубочый хоръ (a capella). *Та туманъ яромъ.*
9. Парубочый хоръ. *Туманъ яромъ котыться.*
10. Дивочый хоръ (Троицька). *Ой, завью винкы.*
11. Писыня Каленыка. *Колы-бъ мени зранку.*
12. Трiо (Галя, Левко, Голова). *Боже ,щожъ мени початы?*
13. Финалъ 1-ои дiи. Парубочый хоръ. *А въ нашого Головы.*

ДІЯ ДРУГА.

Антрактъ.

14а. Писыня Горпыны. *Ой, выйду я на морижокъ.*
14б. Писыня Горпыны. *Доры жъ мени журытыся.*
15. Романсъ Пысаря. *Горпыно Стахивно, горыть.*
16. Писыня Пысаря. *Якъ вступывъ я въ цю свитлыцю.*
17. Дуэтъ Пысаря й Горпыны. *Ой капусто, ой розсадо моя.*
18. Терцетъ (Голова, Выннык, Горпына). *Въ мене, ой бида!*
19. Парубочый хоръ. *А въ нашого Головы.* (Дыв. № 13. першои дiи).
20. Финалъ 1-и одслоны (Голова, Пысарь, Выннык, Горпына, Соцьки). *Свят! Свят! це зовыця!*

Одслона друга.

21. Левко и парубочый хоръ. *А въ Головы зъ нашого села.*
22. Парубочый хоръ. *Ой, гопъ таки такъ.*
23. Финалъ 2-и дiи (Горпына, Голова, Пысарь, Вынныкъ, Каленыкъ, Соцькы, Левко, и парубочый хоръ), *А! Безокый сатанюко!*

ДІЯ ТРЕТЯ.

24. Интродукція и письня Левка. *Ой, не спытся й не лежытся.*
25. Чаривный сонъ. Сцена Левка и утопленои. *Ой, мисяцю ясный.*
26. Сцена. Панночка, Левко й русальный хоръ. *Вже мисяць надъ намы высоко.*
27. Тановъ русальчынъ. *Охъ, и глупои поры.* Сцена. (Панночка, Левко, русалкы).
28. Сцена й арія. Гра у „ворона“ й остання арія панночкы. *Спасыби, спасыби: я вильна рыбчына.*
29. Финалъ. Сцена. Левко, Галя, Голова, Пысарь, Горпына, Вынныкъ, Каленыкъ, парубочый й дивочый хоръ. а) Дивочый хоръ *Гоминъ по диброви.* б) Септетъ съ хоромъ. *Я не стямлюсь зъ того дыва.*
30. Сцена заручынъ. *Батько насъ благословляе,* и прославный хоръ (мишаный) до Головы: *Честь тоби, пане Голово, й слава!*
31. Финальный прославный хоръ до Левка и Гали, *Слава нашымъ молодятамъ!*

Отдѣльныхъ номеровъ въ продажѣ нѣтъ.

Также имѣются на складѣ всѣ инструментальныя и вокальныя сочиненія *М. Лисенка* и вообще всѣ малороссійскія музыкальныя произведенія, которыхъ подробный каталогъ по требованію высылается безплатно.

членъ „весельной компаніи"), думающій сегодня поспѣть на ночь въ Хомутецъ, и такимъ образомъ опередить насъ, успѣетъ сообщить вм. м. пану нужныя объ этомъ свѣдѣнія. А мы, по выѣздѣ отсюда, донесемъ, кто съ нами „въ приданѣхъ", (т. е. въ сопровождающей „молодыхъ" компаніи) будетъ находиться...[1])

Относительно замысла Мазепы Носъ, повидимому, находился въ единомыслiи съ своимъ патрономъ; по крайней мѣрѣ, когда Дмитрій Г—ко пошелъ вслѣдъ за Мазепою къ шведамъ, то Носъ оставался въ Батуринѣ, въ составѣ его гарнизона, причемъ преданіе прибавляетъ, что будто бы Носъ указалъ Меншикову—какимъ путемъ можно безъ препятствій проникнуть въ городъ..... Во всякомъ случаѣ, Носъ оказалъ русскому войску при осадѣ Батурина какую то важную услугу, такъ какъ за эту услугу Носъ, по царскому указу, поставленъ былъ Прилуцкимъ полковникомъ.[2]) Надежда Носа получить вмѣстѣ съ этимъ урядомъ и маетности своего предмѣстника, какъ мы видѣли, не сбылась. Сорвалъ Носъ свое сердце, по этому случаю, тѣмъ только, что побилъ этого, самого Андрея Горленка, котораго онъ за девять лѣтъ передъ тѣмъ возилъ въ Сорочинцы для вѣнчанья съ Апостоловною... Не удалось Носу и досидѣть на полковничьемъ урядѣ до смерти, какъ это обыкновенно водилось; урядъ этотъ потребовался, въ 1714 г., для человѣка еще болѣе ловкаго, чѣмъ былъ Носъ, и послѣдняго поремѣстили на урядъ *второго* генер. судьи; по два генер. судьи, бывало при Самойловичѣ, а потомъ, урядомъ генер. судейства правило всегда одно лицо. Но такъ какъ Носа некуда было дѣвать, то для него опять возобновили урядъ второго генер. судьи, при чемъ дали на этотъ урядъ и маетность.[3]) Нельзя не замѣтить, что Носъ менѣе всего годился въ генер. судьи, будучи неграмотнымъ... Но Носъ недолго оставался на этомъ урядѣ: черезъ годъ онъ умеръ.[4])

---

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. янв., 138. Приведенное письмо прочтено или напечатано—очень неисправно.

[2]) Истор. Мал. Рос., Б.-Каменск., изд. 1842 г., III, примѣч. 130.

[3]) См. Генер. слѣдствіе о маетн. Прилуцкаго полка, въ XI-й кн. Чтен. въ Общ. Нестора-Лѣтописца, *село Липовое*.

[4]) Позднѣйшее преданіе говоритъ, что Носъ умеръ «на 105 году», но это преданіе, сообщаемое г. Маценкомъ въ его «*Прилукщинѣ*»

Отъ брака съ Настасьей Раковичъ, Носъ имѣлъ сына Степана и дочь Меланью. Степанъ Носъ былъ человѣкъ „ума несовершеннаго“, и кромѣ того „пьянственный“; отъ пьянства онъ и умеръ: „какъ ѣхалъ пьянъ изъ шинку, лошади ему голову разбили и отъ этого бою и умре“. Степанъ былъ женатъ и оставилъ дѣтей. Дочь Меланья была сначала замужемъ за какимъ-то панкомъ Быстрановскимъ, а оставшись послѣ него вдовою, вторично вышла замужъ за державцу с. Гирявки Радича. (*См. с. Гирявка*).

Не успѣвъ захватить маетностей своего предмѣстника, Носъ не получилъ отъ Скоропадскаго и никакихъ другихъ. Владѣлъ онъ только Голубовкою и Щуровкою. Видимо, что Носъ не смогъ заслужить расположенія у нового гетмана, вѣроятно, за его настойчивость въ домогательствѣ Горленковскихъ маетностей. Не нажилъ Носъ большого богатства и въ деньгахъ. При спорѣ вдовы сына его Степана съ свекровью, за неполный выдѣлъ ей части изъ свекровской движимости, „господарь“ (управляющій) умершаго полковника Михаилъ Гондзакъ на судѣ показалъ, что Носъ незадолго передъ смертью, идя въ походъ, отдавалъ ему на сохраненіе всего 12 тысячъ золотыхъ... (ок. 2500 р.).

Оставшимися послѣ Носа маетностями владѣла его вдова до своей смерти въ 1721 г.; а когда она умерла, то сынъ Носового пасынка выпросилъ себѣ у Скоропадскаго (при помощи гетманскаго „господаря“, а своего зятя, Даровскаго универсалъ на с. Щуровку, и владѣлъ ею до смерти; но когда потомъ Щуровка перешла къ дѣтямъ Петра, то вдова Степана Носа начала въ 1743 г. противъ Носенковъ судебный споръ, доказы-

---

(стр. 77), видимо не вѣрно, какъ не вѣрны и многія другія свѣдѣнія о Носѣ, приводимыя въ этой плохо составленной книжкѣ,— напр., г. Маценко говоритъ: «отъ второй жены Носъ имѣлъ сына Ивана бывшаго въ Сѣчи кошевымъ атаманомъ». Очевидно, что здѣсь, дано слишкомъ много вѣры *семейнымъ преданіямъ позднѣйшаго времени*... Тутъ же можно упомянуть и о томъ, что не вѣрны свѣдѣнія о Носѣ и въ «Истор. Русовъ» (стр. 202 и 206); свѣдѣніе о полковничествѣ Носа въ охочекомонномъ полку—явно выдуманное, а о сношеніяхъ съ Меншиковымъ изъ Батурина—преукрашено *преданіями*...

вая, что село это неправильно отдано Скоропадскимъ Носенку, и процессъ свой выиграла: Щуровка была ей возвращена. Сыновья Степана Носа умерли бездѣтными и маетности полковника перешли къ его внукѣ, Марьѣ Степановнѣ, бывшей замужемъ за бунч. тов. Николаемъ Троцкимъ. [1])

Преемникомъ Носа былъ **Игнатъ Галаганъ**, тоже прошедшій запорожскую школу. Галаганы были родомъ изъ м. Омельника (Кременч. у.); у тамошняго, должно быть, козака Ивана Галагана было два сына: Игнатъ и Семенъ; семья была бѣдная, такъ какъ оба эти брата были неграмотны. Старшій Игнатъ, желая выбиться въ люди, пошелъ на Запорожье; въ 1706 году онъ былъ тамъ уже полковникомъ и начальствовалъ запорожскимъ отрядомъ, который былъ высланъ изъ Сѣчи на помощь Петру В. противъ шведовъ. Затѣмъ Г—нъ является полковникомъ одного изъ охочекомонныхъ полковъ; полковниковъ этихъ выбиралъ самъ гетманъ; значитъ, Г—нъ былъ выбранъ Мазепою.

При отходѣ Мазепы къ шведамъ, Г—нъ пошелъ за гетманомъ, но, кажется, скорѣе другихъ распозналъ тщету замысла патрона и—вернулся къ царю. Слѣдовавшіе затѣмъ удачные „поиски“ Г—на за шведскими отрядами, заслужили ему новое довѣріе Петра В., и въ мартѣ 1709 г., въ самое тревожное значитъ время, Г—нъ былъ назначенъ Чигиринскимъ полковникомъ. Въ гетманскомъ универсалѣ объ этомъ назначеніи говорится, что Чигиринскій сотникъ Григорій, съ товариществомъ, просилъ, чтобы въ виду происходившей на Украинѣ смуты, назначить имъ въ Чигиринъ полковникомъ, „якого подуфалого и въ войсковыхъ дѣлахъ искусного товарища“, почему и выбранъ былъ Г—нъ. Выборъ этотъ принадлежалъ, конечно, самому Петру В., который въ это время за всѣмъ слѣдилъ самъ. Съ Чигиринскимъ полкомъ Г—нъ принималъ дѣятельное участіе въ изгнаніи шведовъ изъ Малороссіи и за эту службу, въ августѣ 1709 г., получилъ, по царскому указу, на правомъ берегу Днѣпра, четыре

---

[1]) Кіевск. Стар. 1888 г., октябрь, 370. О спорахъ невѣстки полковника Носа, Марьи «Степанихи» съ Бѣлецкими-Носенками за Голубовку и Щуровку—см. ниже, при описаніи этихъ селъ.

села: Боровицу, Худяки, Шабельники и Вороновку; [1]) а въ слѣдующемъ году Скоропадскій прибавилъ къ нимъ еще и с. Липовое, [2]) на лѣвомъ берегу, въ Чигириндубровской сотнѣ.

Но когда, по Прутскому договору, правый берегъ Днѣпра отошелъ къ Польшѣ, то Г—нъ долженъ былъ лишиться и своего уряда, и полученныхъ тамъ маетностей. За эти потери Г—на въ правобережныхъ маетностяхъ, Скоропадскій далъ ему на лѣвомъ берегу большое мѣстечко Веремѣевку. Новый полковничій урядъ для Г—на найденъ былъ тоже на лѣвомъ берегу: для него перемѣстили Носа на другой урядъ (с. 33.), и въ к. 1714 г. Г—нъ былъ назначенъ Прилуцкимъ полковникомъ. Все это было сдѣлано, конечно, по высшему указанію.

Неожиданное это назначеніе всполошило всю Прилуччину: слава о Г—нѣ, какъ о человѣкѣ крутомъ и самовластномъ, извѣстна была по всей Украйнѣ. О произшедшемъ по этому поводу смятеніи между Прилуцкими полчанами, разсказывалъ впослѣдствіи (въ 1722 г.) полковой есаулъ Панкевичъ, что когда въ Прилукѣ прослыхали о назначеніи Г—на, то „видя, что тотъ полковникъ не ихъ полку родимецъ и никакихъ тамъ своихъ грунтовъ не имѣетъ, просили гетмана и стольника Протасьева, чтобъ онъ обидъ и налоговъ имъ, полчанамъ, не чинилъ.“ Эту просьбу Прилучанъ относительно Г—на—Скоропадскій нашелъ уважительною, зная конечно и самъ, что это былъ человѣкъ, котораго необходимо было сдерживать. Вотъ по этой то причинѣ гетманъ, при врученіи Г—ку полковыхъ клейнодовъ, далъ ему „за своею рукою пункты, которые полковникъ публично читавъ, обязался ихъ исполнять, послѣ чего пункты тѣ были отданы на сохра-

---

[1]) «Объявляю указомъ царскаго величества въ селахъ Боровицы, Худяковъ, Шабельниковъ и Вороновки войтомъ, бурмистромъ и всей старшинѣ и черни, кромѣ козаковъ, вел. государь, его ц. в—во пожаловалъ Чигиринскаго полковника Галагана..... указалъ вамъ, помянутыхъ селъ жителямъ быть въ подданствѣ... И вамъ бы сей указъ вѣдать и всякое послушаніе и повинность ему отдавать... Данъ въ Чигиринѣ, 31 авг. 1709 г. Князь (Дм. Мих.). Голицынъ». Не смотря на этотъ «указъ», Скоропадскій выдалъ Г—ну на тѣ же села и свой универсалъ, въ октябрѣ того-же года. *Дѣло о Галаганахъ въ Полтавск. дворянск. архивѣ.*

[2]) Чтенія въ Общ. Нестора-Лѣтоп., XI, отд. 3-е, стр. 192.

неніе судьѣ". Такимъ образомъ, при вручении Г—ну полковничьяго пернача, ему вмѣстѣ съ тѣмъ вручены были отъ гетмана и особые „пункты", для руководства, и главнымъ образомъ для ограниченія его произвола... Эти „пункты", которые въ гетманщинѣ ни прежде, ни послѣ не практиковались, сразу оказались нужными для ограниченія того ожидавшагося отъ полковника произвола, въ которомъ никто, повидимому, не сомнѣвался. Получивъ эти „пункты", Г—нъ тутъ-же нашелъ нужнымъ попросить у гетмана позволенія—перемѣнить полковую старшину, которая, какъ онъ успѣлъ прослыхать, уже заранѣе возбуждаетъ полчанъ противъ него. Гетманъ такого разрѣшенія Г—ну однако-жъ не далъ. Далѣе—спасенія Прилучанъ оказались справедливы. Начать съ того, что сейчасъ-же, по прибытіи въ Прилуку, Г—нъ отобралъ отъ судьи гетманскіе „пункты", желая конечно тѣмъ развязать себѣ руки и, какъ кажется, прежде всего для того, чтобы не стѣсняться при перемѣнѣ полковой старшины. Это видно изъ письма Г—на къ гетману, писаннаго въ октябрѣ 1714 г., въ которомъ читаемъ: „Было мнѣ устное ваше панское росказаніе, чтобъ только Михайло Мовчанъ урядъ свой есаульства полкового сохранилъ, а о другихъ урядникахъ, вельможность ваша, тогда не вспоминали; *теперь же выданъ указъ вашъ*, чтобъ и другой есаулъ (Панкевичъ) и писарь полковой—также оставались при своихъ урядахъ. Хотя я не противлюсь вашей волѣ, но ничего добраго отъ этихъ урядниковъ себѣ не ожидаю." [1]) Особенно Г—нъ желалъ перемѣнить полкового писаря, потому что будучи неграмотнымъ, онъ долженъ былъ въ лицѣ писаря имѣть человѣка вполнѣ довѣреннаго. Поэтому, не смотря на приказъ гетмана не трогать тогдашняго полкового писаря Андрея Себастіановича, Г—нъ уже въ декабрѣ 1714 г. перемѣстилъ его на урядъ судейства, а писаремъ назначилъ Федора Галенковскаго. Остальную старшину Г—нъ лишалъ всякой дѣятельности и она жаловалась въ 1717 г., гетману, что послѣ того, какъ отобралъ полковникъ гетманскіе „пункты", полковые урядники три года не допускаются къ „правленію опредѣленныхъ дѣлъ". Поставленная въ такое положеніе Прилуцкая старшина обратилась къ гет-

[1]) См. Русск. Арх. 1875 г., I, 319, гдѣ по ошибкѣ сказано—въ 1717 г.

ману съ просьбою—выдать ей „оборонный“ противъ своего полковника универсалъ. Хотя такой универсалъ и былъ выданъ, но онъ ничего не помогъ, какъ это видно изъ слѣдующаго донесенія старшины гетману, писаннаго въ январѣ 1720 г.—„Просили мы передъ симъ у ясневельможности вашей поважного рейментарского универсалу, чтобы его мил. п. полковникъ нашъ—попрежнему до насъ былъ склоненъ, каковой универсалъ и получили. Но прибывши съ нимъ въ Прилуку, два раза ходили съ нимъ въ домъ полковника, желая универсалъ тотъ, при нижайшемъ нашемъ поклоненіи, ему объявить; однако его м—ть очей своихъ до насъ не явивши, отъѣхалъ за какимъ то своимъ дѣломъ въ Кіевъ. А когда оттуда возвратился, то мы снова пошли къ нему и отдали вашъ панскій универсалъ до рукъ его м—ти; взявъ ту бумагу, полковникъ положилъ ее въ карманъ („въ кишеню“) и ушелъ, ничего намъ не сказавши. А черезъ три дня возвратилъ универсалъ чрезъ писаря „мѣского“, сказавъ: „нехай собѣ его держатъ...“ И отъ того времени никакихъ дѣлъ не сталъ намъ поручать, а когда прійдемъ къ полковнику во дворъ, то онъ ни добрымъ, ни злымъ насъ не трогаетъ, повторяя, что у него ни есауловъ, ни писаря (?)—нѣтъ. И такъ, милостивый пане, писали Прилучане, еще горше на насъ теперь сталъ гонити п. полковникъ, ибо и сихъ мимошедшихъ святъ (праздниковъ) не только приказалъ п. войту Прилуцкому, чтобы, по обычаю святочному, въ домы наши съ хлѣбомъ-солью не смѣлъ ходить, но и всѣмъ цеховымъ велѣлъ пригрозить, чтобы тоже не смѣли идти къ намъ съ поклономъ [1])“...

Такимъ образомъ для безусловнаго подчиненія старшины, Г—нъ старался лишить ее возможности пользоваться тѣми доходами, которыми старшина жила... Мѣра была дѣйствительная.

Такъ-же точно поступалъ Г—нъ и съ сотнянами. Тутъ, прежде всего, онъ увеличилъ *ралецъ* и другіе „датки“, которые обязаны были сотенныя ратуши подносить полковнику. Сотняне большею частью молчали. Одинъ только Сребрянскій сотникъ Троцина, вышедшій въ сотники изъ царскихъ пѣвчихъ и потому

[1]) Прошеніе подписано: «Старшина полковая Прилуцкая и сотники того-жъ полку съ товариствомъ и посполствомъ обидимыми». Изъ рукопис. нашей б—ки.

бывшій смѣлѣе другихъ, обратился къ гетману съ жалобсю на увеличеніе Г—номъ сотенныхъ „датковъ“ и на другія его притѣсненія. Гетманъ выдалъ и Троцинѣ свои универсалы, предписывавшіе Г—ну удовлетворить жалобы Сребрянъ. Но и эти универсалы остались безъ результатовъ. „Получивъ въ Глуховѣ два ваши универсала, доносилъ Троцина Скоропадскому,—одинъ на уменьшеніе *ральця* и другихъ „датковъ“, которые беретъ полковникъ съ нашей ратуши, а другой,—о заплатѣ жалованья старымъ полевымъ сторожамъ, оба тѣ универсале я передалъ полковнику, который, прочитавъ ихъ, ничего не сказалъ и замолчалъ до сего времени... А теперь онъ, п. полковникъ, желая заспокоить подданныхъ своего села Сокиринецъ, за долгъ ихъ въ 600 золот. Сребрянской ратушѣ, приказалъ мнѣ съ моею старшиною—пріѣзжать въ Прилуку; а по пріѣздѣ нашемъ туда, обругалъ полковникъ старшину мою, какъ самъ хотѣлъ, и затѣмъ отпустилъ ее по домамъ, а изъ-подъ меня взявши коня, оставилъ въ Прилукѣ, пока я не заплачу жалованья новымъ полевымъ сторожамъ. Послѣ этого полковникъ поѣхалъ по своимъ хуторамъ, а я сижу въ Прилукѣ и теряю дорогое для хозяйства время“... Молчаливо, но настойчиво преслѣдовалъ Г—нъ свою цѣль—добиться отъ полчанъ безпрекословнаго повиновенія...

Подчиняя мало-по-малу старшину своей власти, Г—нъ въ тоже время ревностно накоплялъ свои богатства въ разныхъ его видахъ. На первомъ мѣстѣ стояли, конечно, *маетности*.

Вслѣдъ за полковничествомъ, Г—нъ получилъ, въ ноябрѣ 1716 г., с. Сокиренцы да сталъ распоражаться селомъ Рясками, считавшимся урядовымъ. Затѣмъ, посредствомъ искусныхъ ухищреній, завладѣлъ двумя селами—Озерянами и Дехтярами. Кромѣ того, Г—нъ успѣлъ устроить нѣсколько хуторовъ и водяныхъ мельницъ. Подробности о томъ, какъ пріобрѣтались эти имѣнія разсказаны будутъ ниже, при описаніи селъ, а здѣсь только скажемъ, что получивъ отъ гетмана одно село Сокиренцы, Г—нъ сталъ хлопотать о полученіи царской грамоты на другія свои пріобрѣтенія, для чего въ нач. 1722 г. отправился въ Петербургъ. Въ это время тамъ находился и Скоропадскій. Г—нъ просилъ коллегію иностранныхъ дѣлъ укрѣпить за нимъ:

Сокиренцы, Ряски и Озеряне, пять водяныхъ мельницъ и два хутора. Коллегія потребовала заключенія гетмана, который отвѣчалъ: 1) Сокиренцы отдать можно, 2) Ряски принадлежатъ на полковничій урядъ и потому въ вѣчность отдавать ихъ нельзя и 3) селомъ Озерянами полковникъ завладѣлъ невѣдомо коимъ образомъ, ибо на тое село универсалъ ему не выдавался; о мельницахъ, показаннымъ купленными, гетманъ отвѣчалъ, что если они куплены, то должны быть представлены урядовыя купчія, но ихъ нѣтъ. Вслѣдствіе такого отвѣта коллегія Г—ну въ грамотѣ на маетности отказала, кромѣ Сокиренецъ. Г—нъ увидѣлъ, что нужно подождать, тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ это время умеръ Скоропадскій и для гетманщины настали трудныя времена. Учрежденная въ 1722 г., Глуховская коллегія почти уничтожала гетманскую власть, а вмѣстѣ съ нею подрывались и старые порядки, при которыхъ козацкая старшина царила надъ народомъ. Назначенный сенатомъ временный (наказный) гетманъ Полуботокъ сталъ прилагать было свои усилія къ спасенію „давнинъ“ и для этого прежде всего хотѣлъ сплотить воедино высшую старшину, чтобы дѣйствуя отъ имени ея, показать высшему правительству, что его домогательства идутъ отъ лица всѣхъ представителей гетманщины. Полковниками въ этотъ моментъ оставались: Данило Апостолъ, Михайло Милорадовичъ, Андрей Марковичъ, Игнатъ Галаганъ, Антонъ Танскій и Петръ Толстой. Всѣ они хорошо понимали, что протесты Полуботка противъ распоряженій президента Глуховской коллегіи—могутъ оказаться очень опасными для личнаго благосостоянія каждаго изъ нихъ, и на призывъ наказнаго гетмана—дѣйствовать сообща—откликались крайне неохотно. Видя неуспѣхъ частныхъ своихъ ходатайствъ—предъ высшимъ правительствомъ—о разрѣшеніи избрать новаго гетмана, Полуботокъ задумалъ, весною 1723 г., послать къ царю депутацію, состоящую изъ всѣхъ наличныхъ полковниковъ, которые должны были повезти съ собою челобитныя, подписанныя всѣми ихъ полчанами. Такая депутація, являясь представительницею всего народа, должна была, по мнѣнію Полуботка, обратить на себя вниманіе царя. Рѣшивъ собрать такую депутацію, Полуботокъ сталъ звать полковниковъ въ Глуховъ, но они—не ѣхали... Не ѣхалъ и Га-

лаганъ, „отмовляясь“ разными полковыми дѣлами. Полуботку особенно хотѣлось привлечь къ депутаціи Г—на, конечно, потому что послѣдній пользовался вниманіемъ царя. Вслѣдствіе этого нак. гетманъ сталъ было пугать Прилуцкаго полковника коллегіей: на отговорки Г—на Полуботокъ отвѣчалъ, что если Г—нъ отказывается отъ поѣздки въ Петербургъ, то пусть пріѣзжаетъ въ Глуховъ для отвѣта противъ поданныхъ на него въ судъ жалобъ, а если и засимъ не пріѣдетъ въ Глуховъ, „*то когда челобитчики на него удадутся въ коллегію*, то большая учинится ему трудность и турбація.“ [1]) Но разумѣется Г—нъ не боялся этихъ угрозъ, понимая, что Глуховской коллегіи пріятнѣе было видѣть у полковниковъ не единомысліе, а разномысліе съ Полуботкомъ... Затѣмъ, когда, лѣтомъ того же 1723 г., Полуботокъ былъ вызванъ въ Петербургъ, то онъ все-таки попробовалъ повезти съ собою челобитную (о выборѣ гетмана), подписанную главною старшиною, а въ томъ числѣ, разумѣется, и полковниками. Снова сталъ звать Полуботокъ послѣднихъ въ Глуховъ, уже только—лишь для одной подписи челобитной. Но пріѣхали немногіе, а въ числѣ непріѣхавшихъ былъ и Г—нъ. Тогда Полуботокъ рѣшилъ, по близости Прилуцкаго полка къ Глухову, послать челобитную для подписи въ Прилуку, но уже не къ Г—ну, а „до п. обознаго Прилуцкого съ предложеніемъ, что такъ какъ, *послѣ троекратнаго писанія*, тамошній полковникъ (т. е. Г—нъ) для свиданія пріѣхать въ Глуховъ не захотѣлъ, то въ Прилуку посылается самая челобитная для подписи ея обознымъ и другою старшиною.“ [2]) Какъ видно, Полуботокъ понималъ, что Г—нъ и въ Прилукѣ не подпишетъ челобитной!.. Изъ всего этого разсказа ясно, что Г—нъ въ своей общественной дѣятельности держался правила—„моя хата скраю“, хорошо понимая, что это самое лучшее средство для устройства личнаго благосостоянія.

Дождавшись новаго гетмана въ лицѣ Апостола, Г—нъ немедленно обратился къ нему съ просьбою—о прибавкѣ,

[1]) Русск. Архивъ, 1880 г., I, 175.

[2]) Тамъ-же, 182.

къ прежнимъ своимъ маетностямъ, с. Толкачовки. Просьба эта была уважена; но вслѣдъ затѣмъ село это отъ Г—на было и отобрано, вслѣдствіе полученныхъ гетманомъ свѣдѣній, что у Г—на и безъ того уже есть въ „подданствѣ“ болѣе 800 дворовъ. „Понеже по справцѣ въ генер. канцеляріи явилось (писалъ Апостолъ Г—ну) что, ваша милость, многія маетности наданнія имѣешъ, именно: Сокиренцѣ—192 дв., Озеряне—150 дв., Дехтяри—48 дв., Веремѣевка съ д. д. Погорѣлою и Миклашевкою—283 дв. и Липовое—128 дв., итого 806 двор., а панове старшина енералная, оставивши домы свои, при насъ тутъ въ Глуховѣ незъиздно живутъ и всякія войсковыя дѣла отправляютъ, а на чинъ свой жадного (никакого) опредѣленія, чѣмъ, тутъ живучи, контентоватись—не имѣютъ и (потому) просятъ, абы на ихъ чины маетностей учинить опредѣленіе; того ради и тое село Толкачовку, кому зъ нихъ п. п. старшины енералной опредѣлить, назначилисмо, для того объ ономъ селѣ намъ стужати болшъ не имѣешь“. Такъ заключилъ свой отказъ Апостолъ.—Затѣмъ, Г—нъ опять началъ хлопотать о царской грамотѣ на маетности и для того снова отправился, въ началѣ 1732 г., въ Петербургъ. Узнавъ объ этомъ, Апостолъ поспѣшилъ отправить туда же уже извѣстнаго намъ Троцину для собранія свѣдѣній—о чемъ Г—нъ будетъ просить коллегію. Исполняя это порученіе, Троцина въ нач. апрѣля доносилъ гетману: „заледво зъ великою трудностью получилъ видѣть челобитную п. полковника (т. е. Г—на), въ коллегію поданную, въ которой коротко написано—просить монаршой грамоты на всѣ свои села и грунта, въ вѣчность ему, женѣ и дѣтямъ, а вѣдѣніе особо подалъ, въ которомъ написаны: Веремѣевка, село Липовое, хут. подъ Горошиномъ, хут. подъ Переводомъ, хут. Озерянскій, с. Сокиринцѣ и проч. И то вѣдѣніе полковника показано мнѣ въ коллегіи по приказу Курбатова (членъ коллегіи), и я прочитавъ то вѣдѣніе п. Галагана, подалъ отъ себя въ коллегію спорную челобитную, въ которой изъяснилъ и письмомъ Прилуцкой старшины подтвердилъ, что хуторъ Озерянскій, который въ челобитной прописанъ подъ именемъ „селища“ Озерянъ, есть старинное село, заключающее въ себѣ больше 150 хатъ, которымъ селомъ п. полковникъ самовластно завладѣлъ; да къ тому же хутору и другой хуторъ,

купленный п. п. Сабастіановичами, съ поселенными въ немъ людьми, п. полковникъ насильно отнялъ и уничтоживъ гетманскіе на тотъ хуторъ универсалы, таковымъ завладѣлъ... И въ виду той моей челобитной коллегія п. Галагану отвѣтила, что такъ какъ возникаетъ споръ объ указанныхъ имъ маетностяхъ, то грамота ему не можетъ быть выдана, а потому пусть п. полковникъ ѣдетъ на Украину и тамъ очиститъ судомъ всѣ свои маетности, выпроситъ на нихъ универсалъ, да тогда уже пусть и проситъ грамоты.—Но затѣмъ, продолжаетъ Троцина, я снова черезъ нѣсколько дней, зашелъ въ коллегію, желая еще разъ посмотрѣть „вѣдѣніе“ п. полковника; а когда мнѣ его показали, то я увидѣлъ, что то „вѣдѣніе“ уже перемѣнено, такъ, напр., хуторъ Переводскій написанъ Гнилицкимъ. Узнавъ, что я постерегъ сдѣланныя полковникомъ измѣненія въ его „вѣдѣніи“, онъ сейчасъ же, послѣ этого, послалъ своего племянника въ Прилуку... Догадываюсь, что ищетъ п. полковникъ какой то, въ своей неправдѣ, тамъ помощи“... Но главная помощь Галагану всецѣло зависѣла отъ Курбатова, который будучи первымъ въ коллегіи дѣльцомъ, [1]) распоряжался тамъ съ просителями по своему усмотрѣнію. Быть можетъ, не получивъ изъ Прилуки желаемыхъ дополненій, Г—нъ, какъ видно, еще разъ попробовалъ склонить Курбатова на свою сторону, безъ всякихъ дополнительныхъ свѣдѣній о маетностяхъ, и—успѣлъ: въ коллегіи было рѣшено, что протестъ Троцины для нея не можетъ имѣть значенія, почему и было рѣшено—выдать Г—ну просимую грамоту...

Кромѣ маетностей, Г—нъ нажилъ и большіе для того времени капиталы. [1]) Наживалъ онъ ихъ разными способами, но, разумѣется, пользуясь при этомъ своею большой властью.

---

[1]) Какъ видно изъ дневника Як. Марковича, Курбатовъ былъ всемогущимъ въ коллегіи дѣльцомъ и пріѣзжавшіе въ Петербургъ украинцы считали непремѣннымъ долгомъ—явиться къ нему съ «поклономъ».

[2]) Сынъ Иги. Г—на говоритъ, въ своемъ завѣщаніи, что въ одной изъ Прилуцкихъ церквей онъ поставилъ *отческій сундукъ*, «въ которомъ всей суммы было 6400 рублей...» Кіевск., Стар. 1883 г. окт., 461.

Однимъ изъ такихъ способовъ была переписка крестьянъ въ козаки. Въ 1732 г. гетманъ Апостолъ писалъ генер. хоружему Горленку: „Зъ певного донесеня вѣстно намъ учинилось, что п. полковникъ Прилуцкій, мимо тамошней полковой старшины, природныхъ мужиковъ, которыхъ отцы и дѣды посполитую отбывали тяглость и сами они въ мужицкомъ пребывали званіи, кого похощетъ, вписываетъ въ козацкій компутъ (реестръ), имѣя себѣ совѣтника своего полкового писаря (Галенковскаго), который въ дворѣ его полковника, край конюшни, полковою канцеляріею правитъ, такъ, что старшина тамошняя никогда ни о чемъ не вѣдаетъ... И хотя старшина многократно указывала полковому писарю, что по просьбѣ о возращеніи въ козачество неправильно записанныхъ въ крестьяне, слѣдуетъ о козачествѣ такихъ просителей публично спрашивать свидѣтелей, а не такъ какъ у п. полковника Прилуцкаго дѣлается, что какъ слышатъ (чуютъ) у кого деньги, то хотя и не слѣдуетъ, но писарь—по пристрастію—„производитъ“ ихъ въ козаки, а п. полковникъ „поставляетъ“... И много они напринимали такимъ образомъ мужиковъ въ козаки изъ разныхъ селъ, но мало кого по справедливости, а больше все—ради денегъ“... Далѣе гетманъ писалъ, что, желая получить точныя свѣдѣнія о справедливости этого донесенія, онъ поручаетъ генер. хоружему произвести слѣдствіе—объ этихъ нововписавшихся въ полку Прилуцкомъ до компуту козацкихъ мужикахъ—были-ли дѣды и отцы ихъ въ козацкой службѣ, и гдѣ, и въ какихъ походахъ они служили и пр. По слѣдствію Горленка открылось, что Г—нъ болѣе ста человѣкъ вписалъ въ козацкіе компуты, при чемъ нѣкоторые изъ „нововписныхъ“ указали во сколько обошлось имъ козачество. Напр., крестьянинъ с. Дальн. Сорочинецъ Мажола показалъ, что желая записаться въ козаки, онъ „положилъ“ п. полковнику: сперва, 4 рубля, а какъ „принято у значокъ“, далъ ему еще 3 рубля; п. писарю, какъ принято въ „козацство“, далъ рубль, а какъ „принято у значокъ“, далъ другого рубля.—Харченко изъ Смоши, показалъ, что далъ п. полковнику 3 рубля 50 коп., полковому писарю—три „деревѣ великихъ“ и денегъ рубля, сотниковѣ полковому—три копи денегъ, писарю сотенному—полтину и т. д. Слѣдствіе произведено было успѣшно, потому что Г—на въ это время не было дома, онъ былъ въ походѣ. Несомнѣнно,

что это обстоятельство имѣлось въ виду, когда Горленко ѣхалъ въ Прилуку на розыскъ, такъ какъ Г—нъ врядь-ли допустилъ бы, чтобы „нововписные“ давали такія обстоятельныя показанія о его взяткахъ...

Получивъ о результатахъ слѣдствія донесеніе, Апостолъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы взятыя съ „нововписныхъ“ Г—номъ и его подручными—деньги, были съ нихъ „доправлены“... Но разумѣется, что такого распоряженія, при тогдашнихъ порядкахъ, исполнить нельзя было...

Переписывая такъ легко крестьянъ чужихъ маетностей въ козаки, Г—нъ въ своихъ маетностяхъ поступалъ наоборотъ. Вотъ интересный въ этомъ отношеніи документъ, показывающій какъ это у Г—на дѣлалось. Въ 1723 г. два козака с. Дегтярей Манджуренко и Грищенко даютъ такую подписку Г—ну: „хотя покойные отцы наши, а по нихъ и мы, козацко, а не посполито служачи, до сихъ временъ воинскую повинность отбували, однако, теперь до крайняго убожества и скудости пришедши и не могучи впредь козацкой службы отбывать, продали мы его мил. п. Игн. Ив. Г—ну дворовое мѣсто, на которомъ хаты наши построены, гдѣ мы оставаясь жить, обязываемся полковнику посполито, а не козацко служить и всякія повинности отбывать, и не повинны уже будемъ въ будущія времена „до козацкого чину отзываться“. Интересно, что эту подписку Г—нъ взялъ какъ разъ въ то время, когда Глуховская коллегія принимала строгія мѣры къ огражденію козаковъ отъ „подданства“ старшинѣ. Какъ много Г—нъ въ своихъ маетностяхъ переписывалъ козаковъ въ крестьяне и какія мѣры практиковалъ онъ при этомъ, видно изъ того, что въ богатотъ м. Веремѣевкѣ—онъ переписалъ въ крестьянство чуть не половину козачьяго населенія. Уже будучи „абшитованнымъ полковникомъ“, Г—нъ продолжалъ принимать самыя крайнія мѣры для того, чтобы заставить тамошнихъ козаковъ „подписаться ему въ подданство“: „высылаетъ своихъ „куренчиковъ“ съ оружіемъ въ рукахъ, по козачьимъ дворамъ и дворы тѣ разоряетъ, въ хатахъ двери и окна снимаетъ, забираетъ скотъ и возитъ имъ въ свой дворъ всякое дерево... А кто съ того принужденія ему, Г—ну, быть подданнымъ подпишется, тому все забратое возвращаетъ“... Такъ разсказывалъ мѣстный сотникъ Бутов-

скій, добавляя, что не видалъ онъ, сотникъ, нигдѣ, не только межъ христіанами, но и по чужимъ землямъ, чтобъ противъ зимы козаковъ можно было выгонять изъ ихъ дворовъ безъ указа и безъ суда или—чтобы можно насильно писать ихъ въ подданство...[1]) Но Г—нъ зналъ что̀ дѣлалъ. Когда по жалобѣ Бутовскаго произведено было въ Веремѣевкѣ слѣдствіе и донесеніе сотника подтвердилось, то Г—нъ выхлопоталъ (1747 г.) въ Глуховѣ разрѣшеніе, чтобы бывшіе Веремѣвскіе козаки были спрошены: *желаютъ ли они остаться подъ сотнею, т. е. въ козачествѣ, или согласны перейти въ подданство къ Г—ну?*—При этомъ 23 двора галагановскихъ „бояръ“ (козаковъ, исполнявшихъ разныя службы во дворѣ) заявили, что они желаютъ остаться у Г—на въ подданствѣ... И ген. канцеярія утверждала такія заявленія, не смотря на то, что тутъ же рядомъ, въ другой маетности, преслѣдовала переписку козаковъ въ крестьянство, чтобы „не убавлялось количество людей воинскаго чина.“

Практиковалъ Г—нъ и тотъ способъ легкаго добыванія денегъ, который былъ измышленъ еще Горленкомъ (стр. 21) и который заключался въ освобожденіи тяглыхъ ратушныхъ подданныхъ отъ общественныхъ повинностей за опредѣленный денежный „чиншъ“, уплачиваемый лично полковнику. Послѣ Г—на остались, выданые имъ по этому случаю „листы“, которые даютъ намъ возможность ближе познакомиться съ этимъ видомъ полковничьяго произвола. Приводимъ здѣсь одинъ изъ этихъ листовъ, выданный Г—номъ, повидимому, тотъ часъ же по прибыеги въ Прилуку на полковничество. „Листъ“ былъ выданъ 29 декабря 1714 года, жителю м. Журавки Бущаку: „Всѣмъ кому вѣдать будетъ слѣдовать, а именно—сотнику Журавскому съ товариствомъ и войтови съ посполитыми людьми, симъ нашимъ писаніемъ извѣщаемъ, что Василь Бущакъ, житель Журавскій, далъ намъ годовой чиншъ копъ шесть, съ братомъ своимъ, за 1714 годъ, которого Василя и брата его увольняемъ отъ всякихъ общественныхъ повинностей, „такъ поборовыхъ, яко воженя подводъ, отъ стаціи (постоя) компанейцевъ и великоросійскихъ

[1]) Чтенія въ общ. Нестора-Лѣтоп., кн. XI, отд. 3, стр. 152.

людей, всякихъ тяглостей мірскихъ и сторожовщины", на цѣлый годъ отъ нижеписаннаго числа..."[1])

Изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ видно, что Г—нъ былъ типическимъ представителемъ того старшинскаго круга людей въ гетманщинѣ XVIII в., члены котораго, видя безсиліе или равнодушіе мѣстной власти, стали употреблять всякія средства для наживы путемъ притѣсненія подчиненнаго имъ народа. Направляя такимъ образомъ свою дѣятельность исключительно къ личному обогащенію, Г—нъ правилъ полкомъ *двадцать пять лѣтъ*. Времени было достаточно, чтобы разбогатѣть.

Скажемъ нѣсколько словъ о семьѣ Г—на. Женился онъ, повидимому, очень поздно, такъ какъ первое (и единственное) дитя родилось у него въ 1716 году, т. е. уже во время его Прилуцкаго полковничества. Женою его была вдова Елена Антоновна, происходившая изъ стариннаго Кіевскаго рода Тадринъ.[2]) Отъ нея Г—нъ имѣлъ единственнаго сына Григорія.

---

[1]) Кіевск. Стар. 1883 г., окт., 450. На приведенномъ «листѣ» имѣются слѣдующія надписи Г—на: «За сей рокъ 1715 дали чинша Василь конъ 6, съ братомъ своимъ, волни во всемъ. Дек. 9. —И за сей 1716 отдалъ Василь конъ 6, уволенъ зостаетъ отъ тяглостей посполитыхъ». Такихъ «листовъ», выданныхъ Игнат. Г—номъ, мы видѣли въ семейномъ архивѣ покойнаго Г. П. Галагана, въ Сокиренцахъ, около 30-ти.

[2]) Хотя семейное преданіе и желаетъ произвести Елену Ант—ну изъ рода Тупталовъ, къ которому принадлежалъ святитель Димитрій Ростовскій, но никакими историческими данными преданіе это не подтверждается. По тому-же семейному преданію, Елена Ант—на была вдовою Кіевскаго сотника Акександровича (Записка о родѣ Галагановъ, напечатанная въ книгѣ «*25-лѣтіе Коллегіи Павла Галагана*», стр. 5), но такого Кіевскаго сотника мы не встрѣчали. (См. ниже, о полков. писарѣ Ив. Александровичѣ). О своемъ родствѣ съ Тадринами, Елена А—на сама говоритъ, называя Петра Тадрину своимъ братомъ. (Русск. Арх. 1875 г., I., 324). Изъ Тадринъ намъ извѣстны: Федоръ Ждановичъ Тадрина, Кіевскій бурмистръ, 1657 г., Жданъ Федоровичъ Т—на, Кіевскій войтъ, 1677—1684 г., Захарій Тадрина, Кіевскій бурмистръ, 1693 г., Иванъ Герасимовичъ Т—на, Кіевск. житель, 1714 г.—Въ Сокиренской усадьбѣ сохранился портретъ Елены А—ны, показывающій, что это была замѣчательная красавица. Преданіе говоритъ, что эта красота была замѣчена и Петромъ Велик.

Въ концѣ 1739 г. императрицею былъ утвержденъ докладъ тогдашняго правителя Малороссіи А. И. Румянцева—объ увольненіи отъ службы Игната Г—на и объ опредѣленіи на мѣсто него—сына его **Григорія Галагана.**[1]) Полковничій перначъ новому полковнику врученъ былъ, по словамъ Як. Марковича, самимъ Румянцовымъ, 26 февраля 1740 г.

Увольненіе Игн. Г—на, какъ видно, не было вынужденно, такъ какъ вмѣсто отца—назначался сынъ. Новому полковнику въ это время было всего только 23 года (род. 1716 г.). Такого молодого полковника на Украинѣ еще не бывало... Причину этого небывалаго назначенія можно объяснить такъ. Въ это время правилъ Малороссіею А. И. Румянцовъ, при чемъ правителемъ письменныхъ дѣлъ у него былъ извѣстный Безбородко, въ то же время правившій и урядомъ ген. писаря, за смертью Турковскаго. Пользуясь полнѣйшимъ довѣріемъ Румянцова, Безбородко очень скоро сталъ злоупотреблять своимъ положеніемъ и началъ раздавать разные войсковые уряды за взятки. Доносъ Яготинскаго сотника Купчинскаго раскрылъ любопытныя подробности этого взяточничества.[2]) Едва-ли ошибочно будетъ предположеніе, что назначеніе 23-лѣтняго Григорія Г—на на Прилуцкое полковничество устроено было при помощи Безбородка и должно было обойтись старому Г—ну не дешево... Никакихъ такихъ обстоятельствъ, по которымъ Григорій Г—нъ могъ получить полковничій перначъ безъ какой-нибудь чрезвычайной помощи, повидимому, не было.—Къ этому можно добавить, что Румянцовъ—докладъ свой о молодомъ Г—нѣ—послалъ въ Петербургъ изъ похода (въ Глуховъ Румянцевъ вернулся 22 декабря 1739 г.), а слѣдовательно вопросъ о назначеніи молодого Г—на на мѣсто отца, рѣшенъ былъ уже раньше, при чемъ послать докладъ изъ похода, а не изъ Глухова, представлялось почему нибудь удобнѣе...

Григорій Г—нъ былъ человѣкъ, повидимому, душевно-больной; болѣзнь его выражалась сначала, какъ кажется, маніей преслѣдованія, а потомъ обратилась въ меланхолію. Видно это изъ

---

[1]) Архивъ Правит. Сената, Баранова, II, № 7218.

[2]) Русск. Архивъ, 1875 г., I, 313.

коротенькой автобіографической записки Григорія Г—на, которую мы здѣсь и приводимъ въ сокращеніи.[1]) Въ этой запискѣ инте-

[1]) «1716 года родился, въ окончаніи года.—Въ три года убитъ былъ мало не до смерти.—Въ пять лѣтъ боленъ былъ цѣлый годъ.—Въ семь лѣтъ паки упалъ и зъ того убился.—Въ 11 лѣтъ въ Кіевѣ былъ боленъ горячкою.—Въ 15 лѣтахъ былъ боленъ отчаянно, а послѣ годъ въ Пѣтербурхи былъ.—Въ 18 лѣтахъ убился съ коня мало не до смерти, отчего и теперь во весь вѣкъ не въ состояніи здоровья.—Въ 20 лѣтахъ паки боленъ цѣлый годъ.—Въ 22 года оженился некстати и не по своей волѣ, и терпѣлъ неудоволство чрезъ десять лѣтъ.—Въ 1740 г. пожалованъ околнимъ (?) полковникомъ.—Въ 1741 г. в розграниченю коло Азова, (при) подорваніи его мѣнами, и во всѣхъ сихъ походахъ претерпѣвалъ несказанную трудность и бѣды.—1747. Жена моя умре и дѣтей, трое (покинула?) Въ сей годъ много претерпѣлъ печали.—1748. Отецъ мой умре. Послѣ сей несностной печали претерпѣлъ еще превеликія клопоти и напасти.—1749. Также не меншій клопотъ и бѣда была мнѣ по ложному дѣлу Сгрутинцкого.—1760. Отправленъ былъ съ тисячною командою въ Прусскій походъ, и тамъ чрезъ цѣлый годъ при арміи, въ чрезвычанныхъ трудахъ и бѣдахъ, з немалимъ убиткомъ имѣній, моихъ, обритался.—1763. Матка моя скончалась, отъ якой несносной печали я и самъ толко не луснувъ. И того жъ того году, все оставивши, переселился на свое уединеніе вѣчно.—1764 и 1765. Сіи годы оба прожилъ въ своемъ уединеніи якъ-бы благополучно; и казалось, что *судьбина утомившись мене гнать*, оставила на нѣсколко въ покои; но и тутъ не совсѣмъ спокоенъ былъ, яко же сусѣду одному по мировой принужденъ заплатить напасти 2700 рублей напрасно.—1766 Сей безщаснѣйшій годъ всѣхъ годовъ въ жизни своей окаянной; обещещенъ, обезславленъ, зовсѣмъ негоднимъ здѣлався в свѣтѣ человѣкомъ.—1767. Еще мнѣ годъ не лучше прошлого былъ, яко жъ еще и отъ того шпари не отошли, а тутъ немного прежней печали и безчестія вновь послѣдовало отъ болшихъ сусѣдовъ, которіе пронесли имя мое по всему свѣту, отчего уже и на свѣтъ не хочется ходить.—1770. И сей годъ былъ в великом страхи по нѣкоторому случаю. Однако-жъ Богъ и Мати Божія недовѣдомими судбами мене грѣшника не допустили у вѣчное посрамленіе.—1771. Сей годъ окончилъ слава Богу спокойно, кромѣ скуки и обыкновенной моей слабости, нѣчого болшъ не претерпѣлъ. И такъ, якъ разсмотрѣть мою жизнь обстоятелно, которая уже продолжается 55 лѣтъ, то немного въ ней можно найти благополучныхъ лѣтъ, которія за нѣчто почестся могутъ.»—Ср. Кіевск Ст. 1883 г., окт., 459, гдѣ нѣкоторыя фразы изъ 1766 и 1767 г.г. были опущены по желанію покойнаго Г. П. Галагана.

ресно указаніе Г—на, что женился онъ „некстати и не по своей волѣ“, вслѣдствіе чего и терпѣлъ „неудовольство“ до смерти жены. Къ сожалѣнію, никакихъ поясненій тутъ нѣтъ, а между тѣмъ женился Г—нъ на очень видной невѣстѣ. Это была дочь бунч. товар. Михайла Борковскаго (сынъ генер. обознаго) и жены его Прасковьи Даниловны Апостолъ (дочь гетмана); отецъ ея Борковскій рано умеръ и его вдова вторично вышла замужъ за Михайла Скоропадскаго, но пожила недолго и умерла. Оставшаяся круглою сиротою Елена Михайловна Борковская была взята на воспитаніе бабкою гетманшею Апостолъ, которая ее и замужъ выдавала за Г—на. Значитъ, невѣста была и богата, и знатна. Но бракъ этой дѣвушки былъ почему-то неудаченъ; быть можетъ, вслѣдствіе душевной болѣзни мужа. Овдовѣвъ въ 30 лѣтъ, Г—нъ во второй уже разъ не женился не смотря, на то, что на рукахъ у него осталось трое малыхъ дѣтей. Въ уходѣ за ними вдовцу Г—ну, конечно, помогала его мать, которая жила съ сыномъ еще 16 лѣтъ послѣ смерти невѣстки. Не смотря на свой тогда 50-лѣтній возрастъ, Г—нъ послѣ смерти этой матери и „самъ только что не луснувъ“... Настойчиво жалуется Г—нъ, въ своей запискѣ, на свои бѣды,—что былъ онъ и обезчестенъ, и обезславленъ, что безчестіе его какіе то большіе сосѣди „пронесли“ по всему свѣту... На всѣ эти жалобы никакихъ объясненій не имѣется. Можемъ дать здѣсь лишь нѣкоторое поясненіе о личности Струтинскаго, который тоже причинялъ Г—ну „клопотъ“ и „бѣду“. Лукьянъ Струтинскій былъ у Игната Г—на старостою его Веремѣевскихъ крестьянъ. У этого Лукьяна былъ сынъ Романъ, который какъ то попалъ въ Петербургъ въ придворные служители, и въ 1743 г. писался—„двора ея имп. в-ва гайдукомъ“. Вѣроятно, сначала ростъ Струтинскаго доставилъ ему придворную службу; но кромѣ роста онъ, повидимому, обладалъ и проворствомъ, такъ какъ въ 1757 году Струтинскій былъ уже капитанъ-поручикомъ и лейбъ-кампаніи вице-капраломъ. Возможно, что Струтинскому въ его карьерѣ помогло его землячество съ старшимъ Разумовскимъ, такъ какъ въ 1758 году Струтинскій былъ уже полковникомъ. Живя въ Петербургѣ, Струтинскій скупалъ землю у своихъ земляковъ—

Веремѣевскихъ козаковъ.[1]) Въ это время право на Веремѣевку у Галагановъ оспаривалъ Пустынно-Николаевскій монастырь; очень можетъ быть, что Струтинскій, по своимъ близкимъ сношеніямъ съ вліятельными царедворцами, имѣлъ возможность помочь монахамъ—отнять у Галагановъ родное Струтинскому мѣстечко. Въ 1749 г. сенатъ рѣшилъ этотъ процессъ въ пользу монастыря и Веремѣевка у Галагановъ была отобрана.

Не смотря на тотъ душевный гнетъ, о которомъ Г—нъ такъ настойчиво говоритъ въ своей запискѣ, онъ велъ свое хозяйство, повидимому, такъ же ревниво и заботливо, какъ и отецъ. Потерявъ Веремѣевку, Г—нъ успѣлъ выпросить (въ 1752 г.) взамѣнъ этого богатаго мѣстечка не менѣе богатую Ичню, въ которой по ревизіи 1764 года значилось болѣе тысячи крестьянъ—мужчинъ.

Передъ уходомъ въ свое „уединеніе", Гр. Галаганъ оставлялъ своему сыну болѣе *четырехъ тысячъ* крестьянъ м. п.[2])

Семья Г—на состояла изъ сына Ивана и дочерей Елены и Прасковьи. Сына Г—нъ женилъ въ 1754 г. на племянницѣ гетмана, Катеринѣ Ефимовнѣ Дараганъ, за которою въ приданое даны были богатыя маетности.[3]) Дочери были выданы за-

[1]) Свѣдѣнія о Струтинскомъ взяты нами изъ его купчихъ, находившихся при (Румянцовской) описи м. Веремѣевки, которою мы когда-то пользовались въ Полтавск. каз. палатѣ. О Струтинскомъ есть свѣдѣніе, что въ 1758 г. онъ, въ чинѣ полковника, посланъ былъ въ Польшу, при чемъ ему дано было на дорогу 500 р. *Оп. Сенатск. Арх.*, Баранова, III, № 11156.

[2]) По ревизіи 1764 г. за Г—номъ значилось: г. Прилука и хутора—204 муж. пола душъ, с. Рудовка—32, с. Сергіевка—4, х. Гнилицкій—269, м. Монастырище—30, с. Заудайка—14, с. Андреевка—14, м. Ична—1101, с. Озеряне—542, с. Остановка—37, с. Дехтяри—231, с. Иванковцы—88, с. Леляки—2, с. Оробьевка—5, с. Сокиренцы—704, м. Веремѣевка—13, с. Липовое и х. Криворудскій—408 и д. Селичовка (Переясл. п.)—316. *Всего 4014 душъ м. п.* Интересно, что изъ перечисленныхъ здѣсь маетностей только Липовое, Сокиренцы и Ичня получены были Галаганами по универсаламъ; остальное было пріобрѣтено *рукою властною*... Подробности о пріобрѣтеніи нѣкоторыхъ изъ этихъ маетностей приведены ниже при описаніи селъ. См., напр., с.с. Дегтяри и Озеряне.

[3]) См. записку о родѣ Галагановъ, напеч. въ книгѣ *«25-лѣтіе Кол. П. Галагана»*, стр. 11.

мужъ: Елена за бунч. тов. Петра Андреевича Миклашевскаго, а Прасковья—за Ст. Ив. Лашкевича. [1]) Здѣсь же слѣдуетъ замѣтить, что дочери Г—на были хорошо грамотны, судя по нѣсколькимъ письмамъ Прасковьи Лашкевичъ, писаннымъ ею къ дѣтямъ. [2])

Въ 1769 г. умерла у Гр. Г—на мать. Какъ видно, въ это время онъ уже оставался одинъ, такъ какъ всѣ дѣти были устроены. Можетъ быть, оттого смерть матери такъ и подѣйствовала на Г—на, что онъ рѣшилъ удалиться въ „давно на-

---

[1]) См. Опис. Ст. Малорос., I, 182. Изъ реестра приданаго, которое получено было Прасковьей, при выходѣ ея замужъ за Лашкевича, видно, что кромѣ разныхъ драгоцѣнностей, сребра («подъ гербомъ Борковскихъ») и богатой одежды, ей было дано деньгами: 1000 червонцевъ и 2000 «рублевъ». Кіевск. Стар. 1883, ноябрь, 466.

[2]) Приводимъ здѣсь одно изъ такихъ писемъ, интересное для исторіи женскаго образованія въ старой Малороссіи.—

«Любезнѣ дѣти Иванъ Степановичъ и Настасія Петровна. Слава Богу, досунулась кой какъ до логва теперъ. Выходитъ на тую пословицю: хто людей не слухаетъ, то и Бога не боѣца. Вчера поехала въ восѣмъ часовъ поутру з Ломаковки, а приехала сюда въ десять санками. Где хотя маленкой ложокъ, то и бѣда. Карету оставила въ Ломаковцѣ; кибитку вашу оставила здесь, она будетъ вцѣлости, ибо колесами не доедете (за?) цѣлой день до Брахлова. Дай Боже, чтобъ стали морози, а безъ того очень худая дорога, врасуженіѣ болшой води по ложкахъ. Раставшись с вами, не могу вамъ, любезнѣ дѣти, вообразить, какая тоска и скука. Дай Богъ, чтобъ дорога направилась, чтобъ ви благополучно доехали до Савинокъ, куда и я приташчусь. А теперъ прошчайте, любезнѣ дѣти, дай Богъ вамъ благополучной путь и здравие, чего отъ матерняго сердца желаю, пребивая вамъ усердная и доброжелателная мать Параскевия Лашкевичева.

Любезнихъ дѣтей вашихъ, а моѣхъ дражайшихъ внучокъ цѣлуйте отъ мене. Да благословить ихъ Всевышняго десница! Посилаю вамъ булокъ три, желаю во здравие кушать, а карасѣ спортились.

Здесь досѣдева нѣчево отъ предводитель нема; однакъ я стараюсь зъготовить рекрута; теперъ посилаю двохъ человѣкъ въ Любечане, тамъ здешнихъ два молодцѣ волочаця; говорятъ про нихъ, что преискусниѣ, в кого не служили, то пообъкрадали. Посилаю дѣвки на сподници мухояру, а кохъточка отъдана Матвѣю.

Galagановка. Ноября 20 (ок. 1790 г.). *(Съ подлинника).*

мѣренное уединеніе"... По этому случаю онъ написалъ слѣдующее письмо сыну: „Я иду въ давно намѣренное уединеніе, куди мене Богъ приведетъ, не дожидаясь лѣта, *когда мой рокъ сталъ сиръ*. Вамъ же желаю всякаго благополучія и тихого, мирного житя, дабы щасливѣе жите было отъ моего ваше. А не дай Богъ такого, якъ мое било, *и татарамъ не желаю*. Притомъ все вамъ и тое, чимъ я владѣлъ, препоручаю. Владѣйте и користи со всего отбирайте себѣ и обстоюйте, такъ какъ найлутче". Затѣмъ Гр. Галаганъ перечисляетъ тѣ „провента", которые сынъ долженъ былъ доставлять отцу въ его „уединеніе" и говоритъ, что если ему понравится уединеніе, то можетъ быть онъ „и вѣкъ" тамъ останется. „Ежели же, продолжаетъ Г—нъ, паче чаянія, не понравится и не схочется тамъ, въ пустынѣ умѣрать, а между тимъ *бура вьющая утихнетъ* и Богъ насъ помилуетъ чимъ добрымъ, то може и къ вамъ еще навернуся. Ежели вамъ батько надобенъ и непротивенъ, то ви его увѣдомьте повремени обо всемъ чрезъ того человѣка, который будетъ знать, *гдѣ я обрѣтаюсь*"... [1]) Какъ видно изъ записки Г—на, въ „уединеніи" онъ пробылъ два года—„якъ бы благополучно; казалось, что судьбина утомившись мене гнать, оставила на нѣсколько времени въ покоѣ"... Но первый же годъ, послѣ возвращенія изъ уединенія, былъ для Г—на „безчаснѣйшимъ изъ всѣхъ годовъ жизни его; ему пришлось испытать такую напасть, страхъ, печаль и клопотъ, что уже не радъ былъ жизни своей"... И десять лѣтъ еще прожилъ Г—нъ послѣ этого, жалуясь на „судьбину". Умеръ онъ въ 1777 году въ Сокиренцахъ и похороненъ въ тамошней „старой" церкви. Надъ его могилой и донынѣ виситъ обычный для того времени „эпитафіонъ"... [2])

Передъ уходомъ въ свое „уединеніе", въ 1763 г., Г—нъ просилъ гетмана уволить его отъ уряда. Разумовскій отвѣчалъ: „мы по той просьбѣ вашей нынѣ отъ исправленія полку При-

---

[1]) Кіевск. Стар. 1883 г., ноябрь, 461.

[2]) Напечатанъ въ Кіевск. Стар., указ. выше. Авторомъ эпитафіона подписался *Петръ Тарновскій*. Это былъ бунчук. товар. Петръ Даниловичъ Т—ій (р. 1736 г.), жившій въ м. Варвѣ.

луцкого полковыхъ дѣлъ, по причинѣ слабости и болѣзни вашой, впредь до разсмотрѣнія, васъ увольняемъ; а дабы за онымъ вашимъ увольненіемъ въ дѣлахъ по полку Прилуцкомъ остановки быть не могло, для того къ присутствію въ полковой Прилуцкой канцеляріи обще съ старшиною полковою до того времени, пока вы дѣйствительно отъ всѣхъ службъ увольненіе, по желанію вашему, получите, опредѣленъ отъ насъ бунч. тов. Иванъ Галаганъ". [1])

Вѣроятно, Ив. Галаганъ завѣдывалъ полкомъ не долго, [2]) потому что въ 1767 году полкомъ правилъ уже бунчуковый товарищъ Петръ Горленко (см. с. Заиздъ). Засимъ, по спискамъ Прилуцкаго шляхетства за 1772 г., значится полковникъ **Иванъ Даниловичъ Тарновскій** (р. 1738 г.) съ отмѣткою, что онъ находится (въ 1772 г.) „въ заграничномъ походѣ *полковымъ командиромъ надъ козаками полку Прилуцкого*". Значитъ ли это, что онъ былъ назначенъ, послѣ Гр. Г—на, Прилуцкимъ полковникомъ или же—только то, что имѣя чинъ полковника, командовалъ козаками Прилуцкаго полка во время турецкой войны—неизвѣстно; другихъ свѣдѣній о Прилуцкомъ полковничествѣ Тарновскаго мы не встрѣтили.

Послѣднимъ Прилуцкимъ полковникомъ былъ **Александръ Яковлевичъ Якубовичъ** Это былъ старшій сынъ генер. есаула Якова Якубовича (см. *Журавскіе сотники*), начавшій и продолжавшій службу въ великорусскихъ полкахъ. Участвуя въ первой турецкой войнѣ, Якубовичъ, въ чинѣ подполковника, особенно отличился въ 1771 г. взятіемъ крѣпости Гирсова, а потомъ—какой-то батареи, за что получилъ Георгія 4-го. [3]) Румянцовъ обратилъ на него вниманіе и Я—чъ въ 1773 г., будучи „отъ арміи полковникомъ", былъ назначенъ Прилуцкимъ полков-

---

[1]) Изъ семейнаго архива Галагановъ въ с. Сокиренцахъ.

[2]) По спискамъ Прилуцкаго шляхетства за 1772 г. Иванъ Галаганъ значится «отставнымъ коллежскимъ асессоромъ».

[3]) Истор. Россіи, Соловьева, изд. Т-ва О. Н., VI, 733. Георгій былъ данъ за «дѣло» 20 окт. 1771 г., когда Я—чъ взялъ какую-то «береговую батарею съ 8-ю пушками и 6 знаменъ турецкихъ». (*Ркпсь*).

никомъ. Изъ дальнѣйшей общественной дѣятельности Я—ча, намъ извѣстно его участіе въ усмиреніи Пугачевскаго бунта, причемъ онъ былъ едва-ли не начальникомъ особаго тысячнаго отряда малороссійскаго войска, отправленнаго на востокъ въ 1774 г., и остававшагося тамъ до 1781 г. [1]) Послѣ упраздненія полковаго управленія въ Малороссіи въ 1781 г., Я—чъ продолжалъ службу въ регулярныхъ полкахъ и былъ произведенъ въ генеральскій чинъ. Я—чъ былъ живъ еще и въ 1810 году, когда въ Прилуцкомъ земскомъ судѣ производилось дѣло по обвиненію его, Я—ча, однимъ изъ его сыновей „въ разныхъ чародѣйствахъ“... Я—чъ былъ женатъ на Маріѣ Михайловнѣ Иваненко (племянницѣ Переяславскаго полковника Григорія Иваненка), отъ которой имѣлъ двухъ сыновей, Ивана и Александра, и дочь Надежду. Послѣдняя была замужемъ за извѣстнымъ богачемъ Дем. Дем. Оболонскимъ, владѣльцемъ м. Горошина, а сыновья Я—ча служили въ военной службѣ, дослужившись въ ней до чиновъ ротмистровъ. Между младшимъ изъ этихъ сыновей, Александромъ, и отцомъ существовали какіе-то нелады, слѣдствіемъ которыхъ была жалоба отца въ Полтавскій совѣстный судъ на этого сына—„о порицаніи послѣднимъ его, отца, богоотступникомъ и чародѣемъ“. На это обвиненіе сынъ отвѣчалъ, что отецъ его г.-м. Александръ Я—чъ „возымѣлъ къ нему недоброхотство съ давнихъ временъ, имѣя внутрь себя нечистый, заразительный духъ и одержимъ (будучи?) всѣми нечистыми духами, такъ что многихъ уже крестьянъ своихъ подобя (sic) и тому (sic) привелъ къ общевредительнымъ дѣяніямъ; первое, разныя чародѣянія, ворожбы и другія врагу подобныя дѣянія (чинитъ?), да и самъ тотъ-же отецъ его, какъ уже не

---

[1]) Въ этомъ отрядѣ, кромѣ Якубовича, участвовалъ Стародубскій полков. обозный Кондратъ Лайкевичъ и «малороссійскихъ войскъ за полковника», полков. хоружій Прокопъ Адасовскій. Свѣдѣніе объ участіи малороссійскаго отряда въ усмиреніи Пугач. бунта и о нахожденіи въ немъ Якубовича взято изъ рукописн. аттестата Глинскаго сотеннаго атамана Емельяна Шрамкова, выданнаго ему изъ Лубенск. полк. к—ріи въ 1781 г.

безъизвѣстно и стороннимъ, вблизи его живущимъ въ сосѣдствѣ, запрашиваетъ къ себѣ всякаго встрѣчающагось случайно (изъ?) людей и при угощеніи оныхъ, при питьи водки и кушаньи, въ повиновеніе нечистому и сильному духу (отдаетъ?), а къ тому изъ чернокнижества его приговариваетъ всякому человѣку у жолудокъ..... чрезъ что самое уже немалое количество людей изъ числа крестьянъ подвергло(сь?) несчастному подобному бѣдствію, которыхъ употребляетъ и упрочиваетъ для пользы своей, а роду христіанскому къ одному вреду....“! Это малопонятное обвиненіе отца сыномъ—мы приводимъ по копіи оффиціальнаго документа, [1]) не имѣя возможности дать при этомъ никакихъ разъясненій, по отрывочности тѣхъ бумагъ, въ которыхъ найдено приведенное обвиненіе.—Отецъ возражалъ, что обвинитель его, ведя „распустную“ жизнь, вообще не имѣетъ „здраваго разсудка“. Сынъ отвѣчалъ, что онъ ведетъ жизнь „честную, соотвѣтственную званію и вообще благородному дворянству“ и имѣетъ здравой разсудокъ, въ подтвержденіе чего ссылался на сосѣдей: кн. Андр. Ив. Кекуатова, Дан. Ив. Ключаревскаго, Дем. Дем. Оболонскаго, Ник. Ант. Милорадовича, Гр. Ал. Смирнова, Андрея и Николая Богдановичей Брежинскихъ, Григ. и Ив. Ив—чей Мазаракіевъ и друг. Но когда земскій судъ потребовалъ отъ сына представленія фактовъ о „чародѣяніяхъ“ его отца, то молодой Я—чъ отвѣчалъ: „Отступство и чародѣйство истцево (т. е. отца) заключаетъ отвѣтчикъ изъ того, что въ одно время, ввечеру, въ селѣ Алексинцахъ (гдѣ жилъ старикъ Я—чъ), въ саду истцевомъ, а когда именно не припомнитъ, въ шинелѣ истцевой малиноваго цвѣту, садомъ, отъ рѣчки, неизвѣстно что прошло и повѣсившись на винокуренной крышѣ, висѣло... что онъ, отвѣтчикъ, и жена его видѣли, а какъ скоро послали туда человѣка, то оное изчезло“... Тутъ же сынъ добавляетъ, что „онъ, отвѣтчикъ, прошлого 1809 г., въ маѣ мѣс., хотя былъ въ домѣ истцевомъ Алексинскомъ, но въ ономъ никакова разбою и грабежа не производилъ“. О дальнѣйшей судьбѣ этого дѣла свѣдѣній у насъ не имѣется.

---

[1]) Сборникъ бумагъ о Якубовичахъ, рукись нашей б—ки.

Полковые обозные. Малошъ Вовченко, 1658. Григорій Филипповъ, 1672. Василій Собастіановичъ, 1672, 1674. Иванъ Носъ, 1677, 1706. Михаилъ Низкоглядъ, 1678. Григорій Дмитріевичъ Чернявскій, 1685, 1688, 1693, 1697–699. Семенъ Федоровичъ, 1709—1716. Михаилъ Григорьевичъ Огроновичъ, 1717–737. Федоръ Галенковскій, 1741–755. Яковъ Михайловичъ Огроновичъ, 1767 – 770. Яковъ Дмитріевичъ Кисель, 1771 — 77. Никита Уминь, 1779–1781.

Собастіановичъ, (полонизов. Севастьяновичъ), извѣстенъ съ 1669 г., когда онъ, при Выговскомъ, занималъ урядъ полковаго писаря; затѣмъ, повышаясь на полковыхъ урядахъ, С—чъ послѣдовательно былъ судьею и обознымъ. Это былъ несомнѣнный дѣлецъ, котораго цѣнили и въ Батуринѣ, такъ какъ Самойловичъ давъ С—чу двѣ маетности, с. Гурбинцы и д. Игнатовку. С—чъ оставилъ двухъ сыновей Ивана и Андрея, которые были потомъ послѣдовательно полковыми писарями. См. ниже.

Носъ. О его обозничествѣ сказано выше, с. 30.

Чернявскій Григорій былъ сынъ полковника Дмитрія Ч—аго. Обозничество Ч—аго продолжалось (повидимому, непрерывно) не менѣе пятнадцати лѣтъ. Извѣстенъ сынъ Григорія Ч. — Никита, постригшійся въ Густыни монахомъ: по акту 1697 г. Григорій Ч—ій, отдавая часть своего имѣнія этому м—рю, говоритъ: „гдѣ и сынъ мой Никита принявъ габѣтъ и нареченъ Нифонтомъ".

Семенъ Федоровичъ, не сохранившій своего прозвища, сначала былъ полков. писаремъ (1688 г.), а потомъ есауломъ, причемъ Мазепа далъ ему, въ 1691 г., с. Обичевъ; обознымъ С. Ф—чъ былъ назначенъ послѣ Мазепиной измѣны и оставался на этомъ урядѣ до 1716 г., когда долженъ былъ уступить его Огроновичу. По смерти С. Ф—ча (1721 г.), половину Обичева Скоропадскій отдалъ преемнику С. Ф—ча по уряду, а другую половину утвердилъ за зятемъ С. Ф—ча, бунч. тов. Захаріемъ Прокоповичемъ.

Огроновичъ былъ сынъ Прилуцкаго войта Григорія Корнѣенка, который вышелъ въ люди, женившись на дочери Лубенскаго полковника Леонтія Свѣчки. Сыновья этого Корнѣенка стали прозываться Огроновичами. Старшій изъ нихъ Михайло

сначала значился въ числѣ значковыхъ товарищей, но по родству съ Свѣчками былъ настолько замѣтенъ, что Дмитрій Горленко далъ ему д. Рудовку, въ которой Огроновичи посредствомъ „скупли“ остались замѣтнымы владѣльцами и послѣ того какъ Рудовка отдана была другому лицу. При нашествіи шведовъ О—чъ получилъ урядъ полк. судьи, а потомъ поставленъ обознымъ. Послѣдній урядъ О—чъ занималъ болѣе 20-ти лѣтъ. Въ какое положеніе становились иногда эти высшіе полковые урядники, показываетъ жалоба О—ча, поданная гетману въ 1727 г.: „прошедшаго октоврія 24 д., пришелъ я, пишетъ О—чъ, въ ратушу (Прилуцкую) къ правленію государственныхъ судовыхъ дѣлъ и при моей въ ратуши бытности, прислалъ прапорщикъ прозваніемъ Вѣтень, племенникъ генерала Роппа, хлопца къ нашему къ войтови, требуючи подводъ, а войтъ сказалъ, чтобъ ему сначала показали „указъ“ (на право брать подводы). Послѣ этого въ ратушу явился самъ Вѣтень и на личное требованіе подводъ, получилъ отъ войта тотъ-же отвѣтъ.—Затѣмъ произошелъ такой между ними разговоръ.—*Вѣтень*. „Я съ дикреціи прошу!“ *Войтъ*. „А когда съ дикреціи, то нужно просить полковника“. *Вѣтень*. „А почему ты самъ не явился ко мнѣ на квартиру?“ *Войтъ*. „Мнѣ некогда было отлучаться отъ правленія дѣлъ“... И какъ только войтъ сказалъ эти слова, Вѣтень сейчасъ-же „ударилъ его въ щеку“... Тогда я обратился, говоритъ далѣе О—чъ, къ прапорщику съ такими словами: „для чего въ палатѣ государевой онъ дѣлаетъ такой разбой и не поважаетъ ни грамоты монаршой, ни универсалу рейментарского, которыми мы защищаемся (отъ самоволія чиновниковъ при требованіи подводъ)? И тогда прапорщикъ, оставивши войта, подскочивъ ко мнѣ и подобравъ („изобгавши“) канчукъ (нагайку), ударилъ мене плетью и кнутовищемъ (держалномъ) по головѣ и пробилъ мнѣ голову...“ [1]) Это грубое насиліе прошло безнаказаннымъ, какъ это почти всегда бывало въ тѣ времена, особенно, если виновными оказывались нѣмецкіе генералы или ихъ родственники ..

Одинъ изъ сыновей Мих. О—ча, **Яковъ Огроновичъ** занималъ урядъ обозничества уже при Румянцовѣ. Объ этомъ О—чѣ

[1]) Арх. Генер. канц., по Черниг. оп. № 3923.

извѣстно лишь, что уволенъ онъ былъ въ отставку по старости, такъ какъ по вѣдомости отставныхъ Прилуцкихъ чиновниковъ за 1772 г., о немъ сказано: „обрѣтается за старостью и слабостью его здоровья, а особливо, что на его мѣсто обозный опредѣленъ, въ домѣ своемъ подъ г. Прилукою, надъ р. Удаемъ, на фольваркахъ Пескахъ.“ Як. О—чъ женатъ былъ на дочери протопопа м. Краснополья (Харьк. губ.) Коколевской и оставилъ трехъ сыновей: Василія, который въ 1772 г. былъ подсудкомъ въ Прилуцкомъ земскомъ судѣ, Ивана, который женившись на родинѣ матери въ с. Купьевахъ, тамъ и служилъ поручикомъ въ Ахтырскомъ слободскомъ полку, и Якова, который, называясь войск. товарищемъ, жилъ ок. брата въ Слободской Украинѣ.—Послѣ Якова О—ча осталось 62 „подданыхъ“ м. п., въ хут. Яценковскомъ (около с. Малютинецъ), и кромѣ того, подсосѣдковъ: на Пескахъ, около Прилуки,—14, въ самой Прилукѣ—3, въ хут. Нежировскомъ, около с. Колесниковъ—4, въ с. Рудовкѣ—45, въ с, Сорочинцахъ—9, въ с. Городнѣ—10 и въ с. Переволочной—3.—Видно, что и Михаилъ, и Яковъ О—чи, занимая долгое время вліятельные въ полку уряды, „скупали“ понемногу грунта, чтобы туда-же садить на нихъ подсосѣдниковъ, которыхъ такимъ образомъ и насобирали къ к. XVIII в.—84 челов.

Кисель. Прилуцкіе Кисели ведутъ свой родъ отъ Журавскаго сотника Ивана, внукъ котораго, Яковъ К—ль началъ службу въ полк. канцеляріи въ 1737 г., затѣмъ въ 1740 г. поставленъ былъ сотникомъ (?), въ 1757 г.—полк. хоружимъ, въ 1754 г.—есауломъ и въ 1771 г.—обознымъ. Женатъ былъ К—ль на дочери польскаго шляхтича Бродовскаго и оставилъ трехъ сыновей: Андрея, Федора и Дмитрія. Оставилъ онъ также 50 д. „подданныхъ“ (въ с. Дѣдовцахъ?).

Умнь былъ послѣднимъ обознымъ; это былъ совсѣмъ незамѣтный человѣкъ, начавшій службу въ канцеляріяхъ, а потомъ получившій, въ 1747 г., мѣсто Прилуцкаго городничаго. Въ 1764 г. У—нь назначенъ хоружимъ, въ 1771 г.—есауломъ, и затѣмъ закончилъ собою Прилуцкое обозничество. За всю свою службу У—нь могъ нажить только 6 двор. подсосѣдковъ (въ с. Заиздѣ).

Полковые судьи. **Федоръ Лавриновичъ, 1657. Вурой, 1669. Лазарь Горленко, 1671, 1678. Иванъ Мацепко, 1672, 676, 680. Василій Себастіановичъ, 1677. Янъ Христофоровичъ, (Иванъ Грекъ), 1685, 687. Тарасъ Кондратенко, 1688, 693. Иванъ Носъ, 1695, 697, 699, 1701, 703. Михаилъ Григорьевичъ Огроновичъ, 1709—1716. Андрей Васильевичъ Себастіановичъ, 1715—1719. Иванъ Марковичъ, 1719—1721. Василій Зеленскій, 1728. Михайло Ягельницкій, 1728—1741. Яковъ Михайловичъ Огроновичъ, 1743—1755. Иванъ Александровичъ, 1761. Яковъ Кисель, 1764—1771. Яковъ Ивановичъ Александровичъ, 1771—1781.**

Янъ Христофоровичъ (иначе—**Иванъ Грекъ**) былъ одинъ изъ тѣхъ грековъ, которые поселившись въ Нѣжинѣ и около его, распоряжались всею внѣшнею торговлею гетманской Малороссіи. Иногда эти греки пробирались и въ старшину [1]); изъ нихъ происходилъ и Янъ Христофоровичъ. Онъ былъ женатъ на дочери полковника Воронченка (с. 6), по смерти котораго получилъ Кіевскій его домъ; половину этого дома Я. Хр—чъ подарилъ своему полковнику Дм. Горленку, который мож. быть за это и помогъ ловкому греку получить судейскій урядъ. Повидимому, Я. Хр—чъ смѣщенъ былъ съ судейства вслѣдъ за Коломацкимъ переворотомъ. Послѣ этого Я. Х—чъ съ женою поселились въ Кіевѣ, гдѣ и умерли обое въ 1707 г.

Тарасъ Кондратенко былъ назначенъ судьею вслѣдъ за смѣщеніемъ Яна Христофоровича, едва-ли не по выбору самаго Мазепы, такъ какъ уже въ 1689 г. новый гетманъ далъ Т. К—ку с. Мамаевку, которое и оставалось у К—ка до его смерти, въ 1705 г. К—ко пробылъ на судействѣ, кажется, до 1695 г.

Себастіановичъ Андрей, см. ниже, полк. писари.

Марковичъ Иванъ, см. ниже, полков. сотники.

Ягельницкій Михаилъ, см. ниже, Журавскіе сотники.

Огроновичъ Яковъ, см. выше, обозные.

Александровичъ Иванъ съ 1734 г. служилъ въ генер. канцеляріи и должно быть считался дѣльцомъ, потому что вмѣстѣ съ представленіемъ о „подвышеніи“ стараго полк. писаря

---

[1]) Опис. Стар. Малор., II, 59—61.

Галенковскаго въ обозные, Галаганъ [1]) просилъ Глуховскихъ властей о назначеніи на мѣсто Галенковскаго—Александровича; несомнѣнно, что прошенъ объ этомъ былъ не кто иной, какъ всесильный тогда въ Глуховѣ Безбородко, а если съ его помощью молодой Галаганъ получилъ полковничество (с. 48), то конечно въ назначеніи Александровича полков. писаремъ, отказа быть уже не могло. Дѣти Ивана Александровича, записываясь въ дворянскія книги, показали, что родъ ихъ происходитъ отъ „Габріеля Станиславовича Бѣлицкаго", (ихъ пра-прадѣда), который де былъ „рейментаромъ" (?), при чемъ добавили, что „королевскій видъ" (вѣроятно на званіе рейментара) „въ давнихъ годахъ, въ кіевское моровое повѣтріе, не вѣдомо гдѣ дѣвался" [2])... Это было обычное объясненіе отсутствія письменныхъ доказательствъ—у просившихся въ дворянство—о происхожденіи ихъ отъ „рейментаровъ", „рефендаріевъ" и другихъ важныхъ лицъ... Въ спискахъ дворянъ Н.-Сѣверскаго намѣстничества за 1788 г. [3]) о происхожденіи А—чей читаемъ: „сей родъ начало свое благородное имѣетъ отъ *полскихъ шляхтичей*, съ коихъ прапрадѣда показателева (сынъ Иванъ А—ча) отецъ вышедши съ Польши, былъ въ *Кіевѣ* рейментаромъ" и проч. Но всѣ эти свѣдѣнія были, по тогдашнему обычаю, сочинены; въ дѣйствительности Иванъ Александровичъ былъ сыномъ Кіевскаго „бурмистра", какъ объ этомъ значится въ спискѣ канцеляристовъ генер. войсковой канцеляріи, составленномъ въ 1739 г., гдѣ сказано, что Иванъ А—чъ началъ службу въ этой к—ріи и что онъ—*„сынъ Кіевскаго бурмистра"*. Выборъ А—ча въ преем-

---

[1]) Просилъ собственно молодой Галаганъ (онъ былъ въ это время полковникомъ), но выборъ Александровича сдѣланъ конечно Галаганомъ-отцомъ, который, зная Глуховскихъ канцелярскихъ дѣльцовъ, могъ сдѣлать и выборъ межъ ними. Можетъ быть сдѣлано впрочемъ и такое предположеніе, что А—чъ былъ родственникомъ жены Галагана-отца, которая по семейному преданію была вдовою *Кіевскаго* сотника Александровича (с. 47). Очень могло быть, что семейное преданіе намѣренно переиначило *бурмистра* въ *сотника*...

[2]) Дѣло Полтавск. Двор. Арх., № 818.

[3]) Рукопись нашей б—ки.

ники Галенковскому оказался, повидимому, удачнымъ, такъ-какъ А—чъ пробылъ на писарствѣ двадцать лѣтъ. Въ 1760 г., по универсалу Разумовскаго, А—чъ былъ повышенъ по полковые судьи, при чемъ и на этомъ урядѣ оставался болѣе десяти лѣтъ, а въ 1771 г., по причинѣ „крайняго изнеможенія", уволенъ былъ въ отставку бунчук. товарищемъ. Чрезъ пять лѣтъ послѣ отставки (въ 1776 г.) А—чу, по представленію Румянцова, было пожаловано с. Бережовка. Такая необычная награда за прежнюю службу отставного бунчукового товарища можетъ указывать, что А—чъ не былъ заурядным дѣльцомъ и человѣкомъ, а имѣлъ особыя заслуги, которыя и привлекли къ нему вниманіе царскаго намѣстника. Къ сожалѣнію, бѣдны наши свѣдѣнія о людяхъ Румянцовскаго времени и объ ихъ общественной дѣятельности, и поэтому общественная дѣятельность А—ча остается неизвѣстною; извѣстны лишь „формулярныя" о немъ свѣдѣнія, т. е., что женатъ онъ былъ на дочери Глуховскаго сотника Степана Уманца—Аннѣ, за которою получилъ крестьянскіе дворы въ с.с. Студенку и Полошкахъ, Глуховской сотни [1]). Въ Прилуцкомъ полку А—чъ не нажилъ богатства, такъ какъ за вдовою его въ 1779 г. показано только 34 „посполитыхъ хатъ": въ Прилукѣ, въ хуторѣ около города и въ с.с. Молькахъ и Городнѣ. Въ этотъ счетъ Бережовка, разумѣется, не входитъ. Иванъ А—чъ оставилъ четырехъ сыновей: Якова (р. 1746), Антона (р. 1751), Ивана (р. 1753) и Федосія (р. 1762). Изъ нихъ старшій **Яковъ Александровичъ** началъ службу въ 1765 г. въ генер. судѣ, а въ 1771 г. былъ назначенъ Прилуцкимъ полк. судьею, вмѣсто отца, имѣя отъ роду, значитъ, всего 25 лѣтъ. И въ этомъ назначеніи нельзя не видѣть особой милости Румянцова къ старш. А—чу. Яковъ А—чъ закончилъ собою рядъ Прилуцкихъ полк. судей, и при введеніи въ Малороссіи общихъ губернскихъ учрежденій, въ 1782 г., былъ назначенъ предсѣдателемъ верхней расправы Кіевскаго нам—ва. Яковъ А—чъ былъ женатъ на дочери писаря генер. суда Высоцкаго—Марьѣ. Второй сынъ стараго А—ча, Антонъ, началъ службу въ полк. Прилуцк. к—ріи, въ 1766 г.;

[1]) Опис. Стар. Малороссіи, II, 440 и 479.

въ 1775 г. онъ былъ избранъ земскимъ писаремъ Прилуцкаго повѣта, а черезъ годъ—тамошнимъ-же подсудкомъ земскимъ; послѣ реформы, былъ назначенъ засѣдателемъ того-же Прилуцк., суда, но уже „уѣзднаго". Младшій А—чъ, Федосій, послѣ реформы, имѣлъ чинъ полкового писаря, полученный имъ значитъ при отставкѣ, послѣ какой-то службы.

Полковые писари. **Василій Себастіановичъ, 1659. Семенъ Раковичъ, 1672–685. Семенъ Федоровичъ, 1688. Петръ Патока, ок. 1690. Иванъ Васильевичъ Себастіановичъ, 1697–1701. Игнатій Лисаневичъ, 1706. Андрей Васильевичъ Себастіановичъ, 1709—1714. Федоръ Васильевичъ Галенковскій, 1715–1740. Иванъ Александровичъ, 1740—1757. Иванъ Шнурчевскій, 1760—1766. Иванъ Ягельницкій, 1766–1773. Андрей Федоровичъ Галенковскій, 1776–1781.**

Раковичъ былъ женатъ на дочери Лазаря Горленка, Агафьѣ, при чемъ получилъ с. Галицу и имѣлъ одного сына Павла, женатаго на дочери охочекомоннаго полковника Пашковскаго. Отъ этого Павла и пошли Раковичи, заселившіе окружавшіе Галицу степи. (См. Монастырск. сотня).

Себастіановичи. Послѣ Василія С—ча остались два сына, Иванъ и Андрей; оба они были, какъ видно, дѣльцами и послѣдовательно занимали урядъ полковаго писаря. Иванъ С—чъ былъ писаремъ до постриженія своего въ монахи (въ Густынск. м—рѣ); въ 1703 г., онъ, передавая одинъ изъ своихъ „грунтовъ" этому м—рю, говоритъ, что тутъ-же онъ принялъ и „габѣтъ". Послѣ Ив. С—ча осталось два сына Петръ—священникъ и Григорій—войск. товарищъ; оба они были бездѣтны, и скоро поумирали; доставшееся имъ село Гурбинцы перешло къ дѣтямъ Андрея С—ча.

Лисаневичъ, повидимому, замѣстилъ Ив. С—ча и оставался писаремъ до 1709 г., когда перемѣнилъ писарскій урядъ на Прилуцкое протопопство, при чемъ Скоропадскій подтвердилъ Л—чу с. Ювковцы, которое онъ получилъ отъ Горленка, будучи писаремъ.

Себастіановичъ Андрей замѣстилъ Лисаневича и оставался писаремъ во все время Носового полковничества. Замѣнившій

Носа Галаганъ желалъ сейчасъ-же смѣстить С—ча, находя его вѣроятно мало податливымъ, но гетманъ, какъ мы видѣли (с. 37), хотѣлъ было поудержать Галагана отъ самовластныхъ распоряженій и взялъ С—ча подъ свое покровительство. Однако-жъ уже въ декабрѣ 1714 г. Андрей С—чъ былъ перемѣщенъ на судейскій урядъ, конечно, по старанію Галагана, которому желалось выбрать писаря по своему усмотрѣнію. Кромѣ отцовскихъ маетностей, Андрей С—чъ на писарствѣ получилъ с. Грицовку, которую передалъ дѣтямъ и самъ осадилъ слоб. Брагинцы (см. Варвинск. с.). У Андрея С—ча было три сына, Иванъ, Василій и Матвѣй. О дѣятельности этихъ трехъ братьевъ см. с. Грицовку, въ Сребрянск. сотнѣ.

Галенковскій былъ сынъ знатн. тов. Василія Галенка и сначала служилъ въ генер. войск. канцеляріи, какъ видно изъ слѣд. „листа“ полковника Носа, 1712 г.,—„симъ отвористимъ листомъ нашимъ ознаймуемъ, ижъ просилъ насъ п. Василь *Галенко*, знатн. товар. Прилуцкій, абисмо позволили ему зъ млина его власного о двохъ колахъ, на р. Удаѣ, подъ Прилукою стоячого, часть войсковую зъ размѣровыхъ приходовъ на свой обирати пожитокъ. Мы, прето, давши его п. Василя слушному прошенію въ себе мѣстце, а распектуючи на заслуги *сына его п. Федора Галенковского* въ канцеляріи войсковой зостаючого, ствержаемъ... Тутъ-же прекладаемъ, абы зъ переѣзжающихъ всякихъ людей въ дворѣ его п. Галенка, въ самомъ городѣ будучомъ, ставить не смѣли, упоминаемъ и грозно приказуемъ“ [1]). Отсюда видимъ, что войсковая часть мельничнаго дохода отдана была незамѣтному Прилуцкому обывателю Галенку за заслуги его сына (уже не Галенка, а Галенковскаго), который, находясь въ это время въ генер. войсковой канцеляріи, видимо былъ нужнымъ человѣкомъ для Прилуцкаго полковника. Такимъ образомъ, когда Галаганъ явился въ Прилуку на полковничество, репутація Галенковскаго, какъ канцелярскаго дѣльца, была уже извѣстна. Этого самого дѣльца Галаганъ и намѣтилъ въ полковые писари, конечно, надѣясь найти въ немъ человѣка, готоваго исполнять всѣ его распоряженія. Мы видѣли уже, что

[1]) Арх. Полтавск. дворянства, № 158.